



Л. Засодимскій.

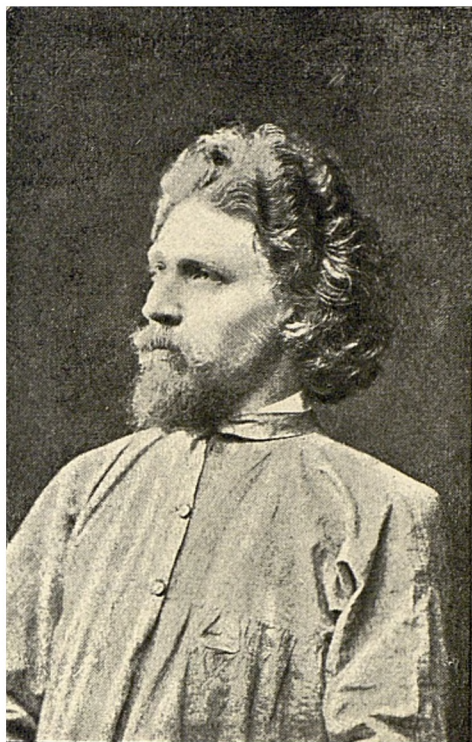
Изъ
воспоминаній

П. Засодимскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.



Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Лятницкая улица, свой домъ
М ва. — 1908.



N. Zuyodnyukii



Раннее дѣтство.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Тамъ свѣтлыя воды привѣтно текутъ,
Тамъ алыя розы, красуясь, цвѣтутъ“...
„Лалла-Рукъ“, Мура.

I.

Отецъ мой жилъ въ Никольскѣ, Вологодской губерніи. По дѣламъ службы онъ пріѣхалъ съ моей матерью въ Великій Устюгъ. Здѣсь я и родился ночью 1 ноября 1843 года.

Ночь, по рассказамъ отца, была темная и бурная. Въ это время отца не было дома: онъ возвращался изъ уѣзда и поздно вечеромъ пріѣхалъ на берегъ рѣки. За нѣсколько дней передъ тѣмъ стояли сильные морозы, и рѣка Сухона, протекающая подъ городомъ, покрылась льдомъ, но затѣмъ случилась оттепель, ледъ взломало, и переправа прекратилась. «Если бы ночь была не такая мглистая и дождливая, — говорилъ отецъ, — я могъ бы видѣть освѣщенныя окна нашего дома». Отецъ уже зналъ, что мать моя была больна, и очень беспокоился о ней.

Онъ сталъ спрашивать лодочниковъ перевезти его въ городъ. Лодочники отказывались. Было совсѣмъ темно, и во мракѣ на всемъ протяженіи рѣки, сколько могъ глазъ охватить, видны были льдины, какъ чудовищные призраки, съ

глухимъ шумомъ несшіяся по темнымъ волнамъ и уносившіяся въ далекое Бѣлое море. Наконецъ изъ среды лодочниковъ нашлись смѣльчаки и взялись за 25 рублей перевести отца. Тутъ началась геройская или — вѣрнѣе сказать — безумно-дерзкая переправа, гдѣ на каждомъ шагу отцу моему и лодочникамъ грозила гибель.

Гдѣ было можно, плыли на веслахъ, а гдѣ весла оказывались бесполезными, пускали въ ходъ шесты и отпихивались ими отъ налетавшихъ льдинъ. Приходилось лавировать между льдинами, то возвращаться назадъ, убѣгая отъ вѣрной смерти, то быстро двигаться впередъ, пользуясь открывшимся свободнымъ пространствомъ. Нѣсколько разъ студенныя волны хлестали черезъ бортъ утлой лодки; не одинъ разъ лодку затирало льдомъ.

Разсказывая объ этой переправѣ, отецъ, я помню, со вздохомъ говорилъ: «Жутко мнѣ было... Охъ, жутко!.. Я ужъ не разъ каялся, что соблазнилъ своими деньгами этихъ бѣдняковъ и повелъ ихъ вмѣстѣ съ собой на смерть!..» Полтора часа они боролись впотьмахъ съ напиравшими льдинами, съ волнами и вѣтромъ. Ступивъ на берегъ, эти люди скинули шапки и перекрестились, смотря на темное небо (и, я думаю, на тотъ разъ они помолились отъ всего сердца).

Когда отецъ, иззябшій и промокшій до нитки, пришелъ домой около часу ночи, ему объявили, что у него родился сынъ. Родился я.

Четырехъ мѣсяцевъ меня увезли изъ Великаго Устюга въ Никольскъ, гдѣ и прошли первыя девять лѣтъ моей жизни. Никольскъ въ ту пору былъ маленькій, глухой городокъ, затерявшійся посреди лѣсовъ, — однимъ словомъ, такой милый городокъ, до котораго, по словамъ Гоголя, «хоть три года скачи,—не доскачешь». При мнѣ, помню, съ улыбкой говаривали: «Дальше нашего Никольска и почта не ходить!» Слыша такія рѣчи, я тогда представлялъ себѣ, что тамъ за Никольскомъ, за этими зелеными, дремучими лѣсами, былъ уже край свѣта. Я въ ту пору еще не учился географіи и поэтому разсуждалъ такъ: «Если дальше

и почта не ходить, значить, дальше ужъ ничего нѣтъ, — такъ себѣ, что-то, пустое мѣсто, туманъ»... И мнѣ чрезвычайно хотѣлось заглянуть за эти темные, дремучіе лѣса и посмотрѣть: каковъ край свѣта...

Вотъ что прежде всего я помню: прекрасное, бесконечно доброе лицо моей матери въ рамкѣ русыхъ волосъ и ея кроткіе ласковые глаза, темно-голубые, какъ ясное лѣтнее небо. Это — мое первое и самое лучшее воспоминаніе.

Рядомъ съ этимъ милымъ, свѣтлымъ образомъ я помню другое, дорогое для меня, добродушное старческое лицо, съ морщинами, съ сѣрыми глазами, съ толстой, немного отвисшей нижней губой и съ неизмѣннымъ темнымъ платкомъ на бѣлокурыхъ, сѣдвющихъ волосахъ. Это — моя няня, Марья Тарасьева.

Я помню мою дѣтскую свѣтелку съ однимъ окномъ и съ лѣстницей внизъ. Изъ окна были видны дворъ, огородъ, часть сада, сараи, далѣе рѣка, а за рѣкой вѣчно-зеленые, еловые и сосновые лѣса. Смотря изъ окна, я часто думалъ: что-то скрывается тамъ, вдали, за этими лѣсами? И мои дѣтскія мечты населяли невѣдомый для меня міръ различными фантастическими образами... И эти хвойныя деревья, сосны и лохматыя ели, бывшія у меня постоянно передъ глазами во дни ранняго дѣтства, ярко запечатлѣлись въ моемъ живомъ дѣтскомъ воображеніи и навсегда остались моими любимыми деревьями. Гдѣ бы я ни увидѣлъ ихъ, я всегда имъ радъ и смотрю на нихъ, какъ на своихъ старыхъ друзей. Самый красивый ландшафтъ безъ сосенъ или безъ елей те-ряетъ для меня половину своей прелести...

Меня рано укладывали спать, а поэтому я и вставалъ раннимъ-рано. Иногда, выпавшись, я поднимался еще ночью. Помню, бывало, зимой, когда было еще совсѣмъ темно и въ домѣ всѣ спали, я уже лежалъ съ открытыми глазами и ворочался на своей маленькой кровати. Наконецъ, соскучившись, я будилъ Тарасьевну и начиналъ заговаривать съ ней. Няня, само собой, очень не нравились эти ночные разговоры.

— И что тебѣ не спится? Полуночникъ!—зѣвая и крестясь, говорила она недовольнымъ тономъ.—Спи, батюшка! Спи, Господь съ тобой!

Но все напрасно... У меня уже ни въ одномъ глазу не было сна, и поэтому я норовилъ продолжить пріятные разговоры.

— Ну, спи же, спи!—кряхтя и охая, уговаривала меня няня.—Теперь всѣ спать... только волки не спать, бѣгаютъ по лѣсу...

И Тарасьевна сама, противъ своего желанія, давала поводъ къ дальнѣйшему разговору. Волки, бѣгающіе ночью по лѣсу, представляли тогда для меня такую заманчивую картину, что она уже вполне овладѣвала моимъ дѣтскимъ воображеніемъ. Лѣсъ былъ за рѣкой, тутъ же, у меня передъ глазами... Я вскакивалъ съ постели, бѣжалъ къ окну и, забравшись съ ногами на стулъ, принимался смотрѣть въ окно.

Въ ночномъ сумракѣ передо мной смутно рисовались деревья въ инеѣ, крыши сараевъ, покрытыя снѣгомъ, снѣгомъ занесенные плетни, рѣка, бѣлѣвшая подъ снѣжной пеленой, а за рѣкою темной полосой мерещились лѣса. И страшно и пріятно мнѣ было всматриваться въ таинственную глубину этихъ лѣсовъ... Подолгу я смотрѣлъ на лѣсъ, — надѣялся увидеть тамъ волковъ, но не видалъ ихъ. Пока нянька тихо дремала, моя дѣтская легкокрылая фантазія живо работала и уносила меня далеко-далеко...

— Няня! Вѣдь у волковъ глаза блестятъ? — спрашивалъ я.

— Блестятъ, батюшка... горятъ, какъ свѣчки! — заплетаящимся языкомъ отвѣчала няня: она уже знала по горькому опыту, что если прикинется спящей и не отвѣтитъ мнѣ, то я, все равно, не дамъ ей покоя и пристану къ ней со своими волками, «какъ банный листъ», по ея выраженію.

— И зубами они щелкаютъ... вотъ такъ? — продолжалъ я, щелкая зубами.

— Да, батюшка... и зубами щелкаютъ!

И волки, шмыгающіе по лѣсу, все живѣе и живѣе начинаютъ рисоваться моему воображенію. Припоминаются обрывки чего-то слышаннаго, отрывки сказокъ или полусказочныхъ бывальщинъ, видѣнныя картинки... Нянька, наконецъ, принимаетъ самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію разговоровъ. Ее, бѣдную, сонъ одолѣвалъ, и она уже намѣревалась напугать меня, полагая, что для достиженія цѣли всѣ средства пригодны...

— А ежели какія дѣти не спятъ, такъ волки подбѣгаютъ къ дому...—мрачнымъ, зловѣщимъ тономъ начинаетъ няня.

— И уносятъ дѣтей!—довольно равнодушно заканчиваю я уже знакомый мнѣ разговоръ.

— Да! И уносятъ! — съ сердцемъ подтверждаетъ Тарасѣвна.

— Ну, къ намъ волкъ не заберется! — со вздохомъ облегченія говорю я.—Двери у насъ заперты, въ прихожей Василій спитъ...

Няня отъ негодованія фыркаетъ себѣ подъ носъ, отворачивается отъ меня и, повернувшись на бокъ, сердито молчитъ. Ея печальный разговоръ «о волкѣ, уносящемъ мальчика», съ теченіемъ времени пересталъ производить на меня устрашающее впечатлѣніе: я уже не разъ слышалъ его, но волковъ ни разу и въ глаза не видалъ... Эти ночныя сидѣнья у окна и разговоры о томъ, что теперь, ночью, происходитъ въ лѣсу, имѣли для меня какую-то особенную прелесть и очарованье.

Иногда, помню, дѣло кончалось тѣмъ, что я просилъ у няни поѣсть. У нея на этотъ случай всегда былъ гдѣ-то припрятанъ кусочекъ пирога. Я забирался на кровать и ѣлъ, а потомъ, юркнувъ подъ одеяло, снова мирнымъ сномъ засыпалъ до утра...

Рѣка Югъ, протекавшая передъ окномъ моей дѣтской свѣтелки, была рѣка не особенно широкая, но глубокая и очень быстрая. Весной рѣка оживлялась... На берегахъ ея появлялись склады бревенъ, дровъ; изъ бревенъ составлялись

плоты; строились барки, спускались на воду и нагружались хлѣбомъ, льномъ, дровами, бочками дегтя и смолы.

Помню свѣтлый весенній день. Окно въ дѣтской открыто. Въ комнату врывается свѣжій воздухъ, пропитанный запахомъ сырой земли и первовесенней растительности. Солнце заливаетъ комнату. На дворѣ слышно неумолкаемое чириканье воробьевъ. Въ саду, на вѣтвяхъ березъ, едва опущенныхъ зеленью, грачи съ шумомъ суетятся надъ своими гнѣздами. Съ берега до меня доносится какой-то смутный гулъ — стукъ топора, плескъ воды, говоръ, пѣсни и крики рабочихъ: «Ухъ-ухнемъ! Вотъ идетъ, вотъ идетъ, сама по-шла-а-а! да, ухъ — пошла-а-а!..»

Нагруженные барки одна за другой отваливаютъ отъ берега и плывутъ внизъ по рѣкѣ. «Куда-то плывутъ эти барки? Далеко плывутъ онѣ»... задумчиво говорилъ я себѣ, смотря на суда, исчезавшія за лѣсистой излучиной рѣки. Съ осени берегъ опять пустѣлъ до весны...

II.

Помню праздничное, сіяющее утро и веселый звонъ колоколовъ. На дворѣ свѣтло, тепло. Бѣлыя, легкія облачка плывутъ по ясной небесной лазури. Цвѣточные ароматы широкою струей вливаются въ комнату черезъ открытое окно... Мать моя въ бѣлой утренней кофточкѣ сидитъ передъ своимъ зеркаломъ и расчесываетъ волосы. Я — на скамейкѣ у ея ногъ.

Я не свожу глазъ съ ея милаго лица и внимательно слѣжу, какъ мама расчесываетъ свои чудесные, шелковистые русые волосы, и какъ ея пальцы начинаютъ проворно заплетать волосы въ косу и затѣмъ эту длинную, толстую косу укладываетъ она на головѣ, въ видѣ коронки. Я, бывало, сижу, положивъ руки къ ней на колѣни и все смотрю на нее и люблюсь. Краше ея не было для меня человѣка на свѣтѣ... Убравъ свою голову, она принималась приводить въ порядокъ мои волосы.

— Ахъ, голубчикъ! Какой у тебя вихоръ! Никакъ его не пригладишь! — говорила она, стараясь причесать мои непокорные кудри.—Ты, видно, будешь у меня упрямый... Упрямый будешь, да?

И, причесавъ меня, она обѣими руками брала меня за голову, нѣсколько мгновений съ любовью смотрѣла мнѣ въ глаза и потомъ такъ крѣпко-крѣпко цѣловала меня.

Я любилъ мою мать какою-то особенною, благоговѣйною любовью, какъ потомъ уже никогда никого не любилъ. Не было у меня въ дѣтствѣ такого горя, которое бы не утишилось и не смирилось, когда она обнимала меня, и я припадалъ своимъ разгорѣвшимся, заплаканнымъ лицомъ къ ея маленькимъ, нѣжнымъ рукамъ... И мнѣ иногда, въ свою очередь, приходилось видать ее плачущею, приходилось видать слезы на ея рѣсницахъ, — и какъ мнѣ было тогда больно! Конечно, я былъ малъ и часто даже не зналъ, не могъ понять, о чемъ она плачетъ и груститъ, но я былъ бы готовъ въ тѣ минуты всѣмъ пожертвовать, былъ бы готовъ отдать себя на самыя лютыя, жесточайшія мученія, лишь бы только осушить слезы съ ея добрыхъ, кроткихъ глазъ.

Встрѣчалъ я на своемъ вѣку добрыхъ, красивыхъ женщинъ, но мать, какъ была, такъ и осталась для меня самой лучшей, самой доброй и прекраснѣйшей изъ женщинъ. Мнѣ и прежде казалось и теперь думается, что чище, прекраснѣе этого образа никогда не создавала самая пылкая, возвышенная мечта поэта... Я помню, всѣ родные и знакомые считали ее красивой и очень-очень доброй. Для меня же она была и осталась красавицей изъ красавицъ и живымъ олицетвореніемъ доброты.

Моя мать была дочерью вологодскаго помѣщика, отставного морского офицера, Павла Михайловича Засѣцкаго. Звали ее Екатериной.

Въ 1824 г. императоръ Александръ Благословенный посѣтилъ Вологду. Вологодскіе граждане по этому случаю дали балъ въ залѣ Дворянскаго собранія. Моя мать (въ то время еще дѣвушка лѣтъ 18) и старшая сестра ея были на балѣ.

Въ нашей семейной хроникѣ сохранились сказанія объ этомъ событіи.

Мать моя и сестра ея были въ бѣлыхъ креповыхъ платьяхъ, «выписанныхъ изъ Петербурга»; у сестры ея платьѣ было съ пунцовыми цвѣтами, а у матери (какъ у блондинки)—съ розовыми, и у лѣваго плеча ея была приколотая алая роза. Представляю я себѣ, какъ дивно хороша она была въ тотъ вечеръ! Немудрено, если государь обратилъ на нее вниманіе, но онъ танцевалъ польскій не съ нею, а съ сестрой ея, Натальей Павловной Засѣцкой, съ шифромъ кончившей курсъ въ Смольномъ монастырѣ. Тутъ было едва не произошло недоразумѣнія...

Государь въ силу этикета танцевалъ лишь съ женой предводителя дворянства, губернатора и городского головы и, кромѣ того, съ бывшими воспитанницами казенныхъ учебныхъ заведеній — смольнянками и другими институтками. Дворянскій предводитель подводилъ къ государю дамъ для танцевъ. Старикъ былъ подслѣповать и, вѣроятно, принявъ цвѣтокъ за шифръ, взялъ мою мать за руку и также хотѣлъ представить государю, но она поправила его ошибку, сказавъ, что она—не институтка. (Мать моя воспитывалась дома.)

Императоръ Александръ произвелъ на нее очень пріятное впечатлѣніе. Я помню, какъ она, рассказывая объ этомъ балѣ, говорила: «По лицу было видно, что онъ — человѣкъ добрый и великодушный. У него такая мягкая, обворожительная улыбка... И мы на него смотрѣли не только какъ на нашего государя, но какъ на героя, побѣдившаго Наполеона»...

Въ нашихъ семейныхъ воспоминаніяхъ личности Александра I и цесаревича Константина Павловича всегда были окружены какимъ-то сіяющимъ ореоломъ.

III.

Помню жаркій лѣтній день. Съ синяго безоблачнаго неба солнце жжетъ и палитъ. Вѣтерокъ не подуетъ. Птички притихли... Тарасьева съ чулкомъ въ рукахъ сидитъ въ

тѣни за воротами, на лавочкѣ, и не столько вяжетъ чулокъ, сколько дремлетъ. Рыжій, кудластый Милонко лежитъ у ея ногъ, высунувъ языкъ и изнывая отъ жары. Я играю на лужайкѣ передъ домомъ.

Вдругъ за мостомъ, на соборной площади поднимается пыль, слышится звяканье цѣпей. Арестанты возвращаются съ работъ въ острогъ. Я бѣгу къ матери.

— Мама, мама! «Несчастненькіе» идутъ... — кричу я, и мигомъ возвращаюсь съ деньгами за ворота.

Весь раскраснѣвшійся, запыхавшись, я выхожу на дорогу. Колодники идутъ нестройной толпой въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ солдатъ. Бритые, въ сѣрыхъ шапкахъ, въ сѣрыхъ халатахъ, съ цѣпами на ногахъ, уныло тащатся они подъ солнечнымъ зноемъ по опустѣлой, безмолвной улицѣ, поднимая пыль. И въ тихомъ, дремотномъ воздухѣ лѣтняго полудня слышится лишь ихъ тяжелый, мѣрный шагъ и звяканье цѣпей. Худые, блѣдные, глаза впалые... Я подаю имъ деньги. Они протягиваютъ руки, берутъ мѣдныя монетки, мрачно смотря на меня и, молча, проходятъ мимо.

Я ужъ давно знакомъ съ «несчастненькими». Острогъ (двухъэтажное бѣлое каменное зданіе) — противъ нашего дома, черезъ дорогу. Я часто вижу изъ-за желѣзныхъ оконныхъ рѣшетокъ ихъ блѣдныя, сумрачныя лица. Я слыхаль объ этихъ людяхъ страшныя исторіи, но эти исторіи не запугали меня, можетъ-быть, потому, что я часто вблизи видалъ острожниковъ и не находилъ въ нихъ ничего ужаснаго: люди — какъ и всѣ люди, только иначе одѣтые, сидящіе взаперти, въ цѣпяхъ—и именно «несчастные», какъ зоветъ ихъ нашъ народъ. Мнѣ было очень жаль ихъ, и по поводу ихъ у меня однажды съ няней вышелъ довольно оживленный разговоръ.

— Знаешь что, няня? — заговорилъ я, сидя съ ней на лавочкѣ за воротами и смотря на блѣдныя лица, мелькавшія въ окнахъ тюрьмы. — Я, когда вырасту большой, всѣхъ ихъ выпущу!

— Это кого же, батюшка? — равнодушно переспросила Тарасьева, углубившись въ свое вязанье и не зная, о комъ шла рѣчь.

— А вотъ — «несчастненькихъ»! — пояснилъ я, указавъ рукой на рѣшетчатыя окна, темнѣвшія противъ насъ.

— Что ты, что ты, Господь съ тобой! — заворчала няня. — Да развѣ можно пущать на волю арестантовъ! Да кто жъ тебѣ позволить, баловнику?

Послѣдній доводъ поколебалъ было мою рѣшимость; на мгновенье я опѣшилъ.

— А вотъ что, няня! — спохватился я. — Я буду сильный, сильный... рѣшетки выломаю и выпущу всѣхъ!

— А тебя солдатъ застрѣлить! — допекала меня няня.

— А я... я самъ его застрѣлю! — чуть не со слезами говорилъ я, чувствуя, что дѣло мое плохо и освобожденіе узниковъ не выгораетъ.

— Солдата-то застрѣлишь? Охо-хо-хо! — насмѣшливо, покачивая головой, сказала няня. — Ну, нѣтъ, батюшка! Солдатъ-то всякаго застрѣлить... Съ нимъ ничего не подѣлаешь, съ солдатомъ-то!..

Нянька говорила такимъ внушительнымъ, увѣреннымъ тономъ, что солдатъ, расхаживавшій у острога съ ружьемъ на плечѣ, въ моемъ дѣтскомъ воображеніи принималъ видъ какого-то всемогущаго сказочнаго чудовища. Но тутъ, какъ я самъ замѣчалъ, выходила какая-то путаница. Няня изображала солдата какимъ-то непреодолимымъ страшилищемъ, а я, между тѣмъ, видѣлъ, какъ тѣ же самые солдаты вытягивались въ струнку передъ моимъ отцомъ, а въ Новый годъ являлись къ намъ на дворъ съ поздравленіемъ и подъ окнами залы усердно били въ барабанъ. За это имъ съ Васильемъ высылали денегъ. Оказывалось, что Тарасьева какъ будто бы ошибалась... Солдатъ, какъ и чортъ, оказывался вовсе не такъ страшень, какъ его малюють.

Рядомъ съ тюрьмой стояла старая, развѣсистая черемуха. Однажды лѣтомъ, въ какой-то праздникъ, когда ягоды уже поспѣли, это почтенное дерево было отдано уличнымъ маль-

чинкамъ на разграбленіе. Въ сильное волненіе пришло все малолѣтнее населеніе нашего городка. Толпа мальчишекъ собралась передъ тюрьмой и стала брать приступомъ черемуху. Крики, шумъ, гамъ... настоящій праздникъ. Мальчишки взбирались на дерево и, ловко цѣпляясь руками и ногами за сучья, лазали по вѣтвямъ и, покачиваясь на нихъ, выглядывали изъ-за листьевъ, показывая публикѣ, собравшейся передъ деревомъ, свои веселыя, смѣющіяся лица... точь въ точь мартышки! недоставало имъ только длинныхъ, цѣпкихъ хвостовъ.

Мальчишки обрывали вѣточки съ ягодами и бросали ихъ на землю, и вскорѣ подъ деревомъ оказался громадный ворохъ ягодъ. И я ѣлъ эти ягоды, и онѣ тогда мнѣ показались очень вкусны... Въ темнѣвшихъ окнахъ тюрьмы были видны блѣдныя лица, припавшія къ желѣзнымъ рѣшеткамъ. Мнѣ думалось, что острожники завидовали мальчишкамъ, и имъ тоже хотѣлось отвѣдать ягодокъ...

Помню: какая-то дѣвочка, вѣроятно, съ жалостливой душой, набравъ полонъ подоль ягодъ, взяла горсть вѣточекъ и бросила ихъ острожникамъ въ окно. Часовой погрозилъ ей ружьемъ...

IV.

Въ уѣздныхъ городахъ въ то время солдаты, состоявшіе на службѣ, назывались инвалидной командой (горожане запросто звали ихъ «инвалидными крысами») и подчинялась эта команда инвалидному начальнику. Въ ту пору у насъ, въ Никольскѣ, инвалиднымъ начальникомъ былъ Шипуновъ, офицеръ средняго роста, довольно полный, съ черными, длинными усищами.

Однажды на святкахъ въ домѣ нашего инвалиднаго начальника солдаты давали театральное представленіе. Я съ матерью и съ отцомъ былъ въ числѣ почетныхъ гостей и сидѣлъ въ первомъ ряду стульевъ (и всѣхъ-то рядовъ, кажется, было два или три и половина публики помѣщалась

стоя). До той поры я понятія не имѣлъ о спектакляхъ, и поэтому теперь, въ ожиданіи начала представленія, я не зналъ покоя, лихорадочная дрожь пробѣгала по мнѣ, и сердце сильно билось...

Помню: дѣло началось съ того, что по залѣ передо мной долго расхаживалъ, размахивая руками, какой-то человѣкъ въ довольно странной одеждѣ — въ плохонькой коронѣ, въ какой-то длинной, красной хламидѣ съ бѣлой опушкой и въ смазныхъ сапогахъ. Какъ вскорѣ оказалось, это былъ не кто иной, какъ «нечестивый императоръ Максимилианъ». Изъ дальнѣйшаго хода дѣлъ выяснилось, что этотъ господинъ былъ яростный гонитель христіанъ, и до очевидности было ясно, что онъ — ужасно злой, потому что, ходя по залѣ, онъ поминутно трясъ головой и сердито размахивалъ руками. У этого злого царя былъ «сынъ Адольфъ», прекрасный, милый молодой человѣкъ, добрый и кроткій, повидимому, страдавшій насморкомъ, фыркавшій поминутно и украдкой отъ зрителей проводившій подъ носомъ рукой.

И вдругъ Адольфъ, этотъ милый юноша, несмотря на страшныя отцовскія угрозы, принялъ христіанство. Отецъ узналъ объ его поступкѣ и, понятно, сталъ звѣрь-звѣремъ. Сидитъ на тронѣ, кричитъ благимъ матомъ, кричитъ, реветъ, — ну, просто, — землю деретъ, — да вдругъ какъ рявкнетъ на всю залу: «Приведите, говорить, ко мнѣ моего непокорнаго сына Адольфа!» Я такъ и обмеръ... Передъ тѣмъ я посмѣивался надъ его яростью, а тутъ, вижу, и не въ шутку дѣла стали принимать весьма неблагоприятный оборотъ... Какіе-то архаровцы съ дрекольемъ и въ остроконечныхъ шапкахъ притащили несчастнаго «сына Адольфа». Ахъ, какъ я боялся за него въ тѣ минуты! А онъ стоитъ, бѣдняга... на рукахъ и на ногахъ цѣпи гремятъ, а архаровцы его тискаютъ и толкаютъ то въ ту, то въ другую сторону. А онъ все терпитъ, болтается между этими архаровцами, но не сдается, не покоряется, голову держитъ высоко, да только фыркаетъ (должно-быть, насморкъ сильно донималъ его). Тутъ отецъ напустился на него. «Какъ ты, говорить, могъ

противъ моей воли итти, непокорный сынъ Адольфъ?» А Адольфъ тихонько что-то сказалъ ему, утеръ носъ, и вдругъ всѣ цѣпи съ него спали, а царь «охъ-охъ!» и мертвый повалился съ трона, а его картонная корона, украшенная сусальнымъ золотомъ и блестками, покатила къ моимъ ногамъ. Я отъ всего сердца порадовался за непокорнаго, но тѣмъ не менѣе добродѣтельнаго сына Адольфа...

Послѣ того солдаты (зачѣмъ-то, не знаю) схватили ружья и начали стрѣлять въ потолокъ холостыми, зарядами и трижды прокричали «ура!» Можетъ-быть, и солдаты были рады тому, что Адольфъ такъ счастливо отдѣлался отъ угрожавшей ему серьезной опасности... Въ комнатѣ, помню, сильно припахивало сѣрою и сапогами, смазанными ворванью. Въ заключеніе спектакля солдаты сѣли на полъ среди комнаты, скрестивъ ноги, и, покачиваясь изъ стороны въ сторону и въ тактъ хлопая въ ладони, запѣли:

„Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью“...

Все это было очень мило и забавно, и публика осталась вполне довольна представленіемъ...

Помню еще одинъ морозный зимній вечеръ. Днем по обѣимъ сторонамъ солнца были видны багровые столбы. Къ вечеру морозъ сталъ крѣпчать. Стѣны нашего дома потрескивали. Меня, противъ обыкновенія, не уложили спать въ 9 часовъ.

Около десяти часовъ (можетъ-быть, и позже) мать подвела меня къ окну, поставила на стулъ и, указывая на мѣсяцъ, высоко стоявшій въ небѣ, сказала мнѣ:

— Смотри, голубчикъ, туда!

И я, закинувъ голову, внимательно посмотрѣлъ вверхъ... Полная, блѣдная луна спокойно сіяла съ темно-голубыхъ небесъ, усѣянныхъ звѣздами. А на землѣ, какъ я замѣтилъ, тревога и волненье. На соборной площади, за мостомъ, и на улицѣ, передъ окнами нашего дома, толпился народъ.

Всѣ смотрѣли на небо, указывали рукой на мѣсяць, о чемъ-то переговаривались. Тарасьева, стоявшая за моимъ стуломъ, вздыхая, проговорила:

— О, Господи, спаси и помилуй!

Всеобщее волненіе сообщилось и мнѣ.

— Мама! Что же такое будетъ? — спросилъ я съ тревогой, оборачиваясь къ ней.

— Смотри, смотри! Вотъ сейчасъ мѣсяць затмится и сдѣлается темно на землѣ! — говорила мнѣ мать. — Смотри! Вотъ ужъ начинается...

Въ это время луна, такая свѣтлая, блестящая, вдругъ стала заволакиваться чѣмъ-то темнымъ... Моей дѣтской фантазіи тогда казалось, что какъ будто какое-то черное, косматое чудовище навалилось на луну и все болѣе и болѣе закрывало ее собой. Наконецъ луна совсѣмъ скрылась, и только одинъ край ея свѣтился какимъ-то страннымъ, желтоватымъ блескомъ. На землѣ стало замѣтно темнѣе. А Тарасьева чаще и громче прежняго начала вздыхать и напощтывать у меня надъ ухомъ:

— О, Господи! Спаси и помилуй насъ, грѣшныхъ!

Мнѣ стало страшно: страхъ заразителенъ, особенно страхъ передъ такимъ невѣдомымъ небеснымъ явленіемъ. Я схватилъ мать за руку... Хотя мнѣ и было жутко, но я не отходилъ отъ окна. «Чего жъ мнѣ бояться, когда со мной мама!..»

Люди, стоявшіе передъ нашими окнами, испуганно смотрѣли на потемнѣвшее небо, какъ будто бы надѣялись взглядомъ проникнуть въ глубь небесъ и узнать о происходящемъ во мракѣ этихъ безконечныхъ, таинственныхъ пространствъ.

Прошелъ часъ (можетъ-быть и меньше), — луна снова появилась на небѣ. Народъ разошелся... На опустѣлой площади только высилось бѣлое зданіе собора, снова залитое серебристымъ луннымъ свѣтомъ...

Няня увела меня спать.

V.

Послѣ матери и няньки въ моихъ раннихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ самымъ близкимъ лицомъ является отецъ. Онъ былъ довольно красивый мужчина, высокаго роста, съ большимъ открытымъ лбомъ, съ тщательно всегда приглаженными усами и съ волосами, зачесанными на вискахъ по направленію ко лбу — по модѣ николаевского времени. Онъ былъ здоровый, сильный человѣкъ, ходилъ, высоко поднявъ голову, держался прямо, говорилъ властно, при случаѣ умѣлъ казаться грознымъ, въ дамскомъ обществѣ былъ всегда утонченно вѣжливъ и любезенъ.

Я вѣрю, что онъ любилъ мою мать — такъ же, какъ и меня, но «по-своему», молча, сдержанно: онъ не умѣлъ выражать свою любовь ласками и нѣжными словами. Онъ не былъ ко мнѣ суровъ, никогда не наказывалъ меня, но былъ какъ-то холоденъ, часто недоволенъ, брюзгливъ, ворчалъ на меня, — и поэтому при немъ я всегда чувствовалъ себя какъ-то неловко, стѣснялся, постоянно ожидая какихъ-нибудь замѣчаній или выговора. Мать обыкновенно служила посредницей между мною и отцомъ: понадобится ли мнѣ бумага, карандашъ, какая-нибудь книга, — за всѣмъ я обращался къ матери.

— Отчего же ты самъ не попросишь у него? — спросить она, бывало, иной разъ.

А я молчу и только съ умоляющимъ видомъ поглядываю на нее, — и кончалось тѣмъ, что она доставала у отца все, что мнѣ было нужно... Отцовскій кабинетъ съ его большимъ письменнымъ столомъ, уставленнымъ всякими статуэтками и замысловатыми прессъ-папье, съ громаднымъ книжнымъ шкапомъ орѣховаго дерева съ наполовину стеклянными дверцами представлялся для меня какимъ-то заманчивымъ и въ то же время страшнымъ, таинственнымъ святилищемъ, куда я проникалъ счетомъ лишь нѣсколько разъ въ годъ — и то почти всегда не иначе, какъ съ матерью.

Не только за меня мать служила предстательницей у отца, но и всѣ, кому нужно было попросить о чемъ-нибудь, отца, разжалобить его, заступиться за кого-нибудь передъ нимъ, обращались къ моей матери, и она по своей ангельской добротѣ не умѣла никому отказывать, хотя бы проситель былъ самый послѣдній изъ людей. Своей спокойной, ровной, рѣшительной поступью шла она въ кабинетъ и ни разу, кажется, не возвращалась безъ успѣха.

— Мы должны чувствовать себя счастливыми, когда можемъ сдѣлать добро другимъ или простить зло, причиненное намъ...

Такъ говорила она.

Впослѣдствіи, когда я уже кое-чему поучился и познакомился съ исторіей, она напоминала мнѣ вѣрующихъ первыхъ временъ христіанства, — тѣхъ временъ, когда послѣдователи распятаго Христа принимали за Его ученія гоненія и муки. Родись моя мать въ то время, и она, вѣроятно, была бы горячей проповѣдницей братской любви и милосердія и сдѣлалась бы мученицей, — бросили бы ее на сѣденье хищнымъ звѣрямъ на аренѣ какого-нибудь цирка или палачъ докрасна раскаленными клещами истерзалъ бы ее на потѣху издыхавшаго, языческаго міра...

Въ спорахъ и столкновеніяхъ съ матерью, что, впрочемъ, случалось очень рѣдко, отецъ обыкновенно ступшевывался, смирялся подъ ея яснымъ, чистымъ взглядомъ и дѣлался кротокъ, какъ ягненокъ. Она никогда не возвышала голоса, но говорила тихо, спокойнымъ, рѣшительнымъ тономъ. Отецъ порой волновался, бунтовалъ, бурлилъ, слышались отрывочные возгласы: «Да ужъ съ тобой не сговоришь!.. Гдѣ жъ сговорить съ тобой!» И дѣло кончалось тѣмъ, что отецъ ворчалъ что-то себѣ подъ носъ и, насупившись, удалялся въ свое логово — въ кабинетъ. Я удивлялся той власти, тому, поистинѣ, желѣзному вліянію, какое имѣла моя мать — это маленькое, нѣжное, хрупкое созданіе — надъ такимъ сильнымъ, мощнымъ человѣкомъ, какимъ всегда казался мнѣ и какимъ въ дѣйствительности былъ отецъ. Уже

гораздо позже я понялъ, что въ моей матери была большая нравственная сила, и эта сила покоряла въ лицѣ моего отца мощь физическую.

Если бы я жилъ одинъ съ отцомъ, то, можетъ-быть, и побаивался бы его безпокойнаго, ворчливаго нрава, но, живя съ матерью; я чувствовалъ себя въ безопасности; я не только не боялся отца, но даже любилъ его, хотя не въ такой мѣрѣ и не такъ, какъ мать.

Благотворное вліяніе матери на всемя сказывалось у насъ въ домѣ. Не было у насъ, напимѣръ, ни шума, ни крика, ни битья, ни колотушекъ и вообще никакихъ притѣсненій прислуги. Атмосфера благостнаго спокойствія и мира царствовала въ нашемъ домѣ, и ворчанье отца не могло нарушить ее. Каждый бѣднякъ, нуждавшійся въ деньгахъ или кускѣ хлѣба, каждый несчастный, искавшій совѣта или утѣшенія, всякій больной, убогій, странникъ — находили доступъ къ намъ въ домъ.

И даже гораздо позже — уже послѣ смерти матери — ея вліяніе сказывалось въ нашемъ семействѣ, словно бы она невидимо была еще съ нами. Это потому, что — какъ сказалъ одинъ поэтъ —

„Не всякій живъ, кто дышитъ,
Но и не всякій мертвъ въ гробу“.

Вліяніе добраго, честнаго человѣка сказывается и послѣ того, какъ онъ сойдетъ въ могилу, и въ то время, какъ тѣло его тлѣетъ въ землѣ, его свѣтлыя чувства и мысли продолжаютъ жить въ мірѣ, находя себѣ откликъ въ каждой доброй душѣ...

VI.

Изъ числа странныхъ личностей, посѣщавшихъ нашъ домъ, я особенно хорошо помню Илюшу.

Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, небольшого роста, худой, костлявый, какъ скелетъ, съ желтымъ, изможденнымъ лицомъ, съ темными, низко остриженными волосами и съ

темными, бойкими и пронизательными глазками, сверкавшими, какъ угольки, изъ-подъ черныхъ густыхъ бровей. Лобъ у него былъ узкій, и, вѣроятно, въ головѣ у него было очень немного мыслей, но этихъ «немногихъ» мыслей онъ держался горячо и упорно. Съ виду это было кроткое, незлобивое существо, но онъ былъ страшно упрямъ и настойчивъ, былъ жестокъ къ себѣ, могъ быть жестокииъ и къ другимъ—во имя спасенія людей отъ грѣха. Когда я припоминаю его, мнѣ думается, что въ средніе вѣка онъ, пожалуй, сталъ бы сжигать людей на кострахъ за то, что они думаютъ не такъ, какъ онъ, и не хотятъ по его указанію спасать своихъ душъ. А можетъ-быть, и то, что его самого сожгли бы на кострѣ, какъ еретика, и онъ, задыхаясь въ пламени, громко славословилъ бы Бога...

Зиму и лѣто онъ ходилъ въ черной кожаной одеждѣ, подпоясанной кожанымъ ремнемъ. При его появленіи у насъ въ комнатахъ всегда пахло кожей.

Илюша, сколько мнѣ помнится, родомъ былъ крестьянинъ Устюжскаго уѣзда и въ теченіе многихъ-многихъ лѣтъ только и дѣлалъ, что постоянно ходилъ изъ мѣста въ мѣсто по нашему сѣверному краю, собирая пожертвованія на постройку церкви у себя на родинѣ, въ какомъ-то глухомъ, лѣсномъ уголкѣ. Болѣе худого, тѣлесно изнуреннаго человека я никогда не видалъ. Только въ темныхъ глазахъ его горѣлъ огонь. Илюша вовсе не думалъ о себѣ и о житейскихъ удобствахъ... Вся сила души его ушла на то дѣло, которое онъ считалъ праведнымъ и великимъ дѣломъ. Онъ, какъ дядюшка Власъ въ стихотвореніи Некрасова, ходилъ и въ зимушку студеную, ходилъ и въ лѣтнія жары, —

„Вызывая Русь крещеную
На посильные дары“, —

ходилъ по городамъ, по селамъ, по деревнямъ, по большимъ дорогамъ, по проселкамъ, переходилъ болота и лѣсныя тропы — одинъ-одинешенекъ, опираясь на свой деревянный посохъ. Этотъ посохъ — сухой и легкій — отъ долгаго упо-

требленія сдѣлался такъ гладокъ и блестящъ, какъ будто былъ полированный.

Движенія Илюши были порывисты, ему какъ будто не сидѣлось на мѣстѣ, говорилъ онъ быстро, и въ рѣчи его часто слышалось скороговоркой: «Ну, вотъ и слава Богу, и слава Богу!»

Онъ бывалъ у насъ разъ или два въ годъ. Его обыкновенно поили чаемъ, угощали и покоили, какъ дорогого гостя. Онъ рассказывалъ о своихъ странствованіяхъ, о разныхъ путевыхъ приключеніяхъ, о томъ: много ли набиралъ денегъ и много ли еще не хватаетъ. Даже отецъ мой, вообще не долюбивавшій странниковъ и странницъ, благоволилъ къ Илюшѣ и, бывало, съ улыбкой спрашивалъ его:

— Ну, что! Выстроилъ свою церковь?

А Илюша скороговоркой, тоже съ улыбкой, отвѣчалъ ему:

— Нѣтъ еще, батюшка! Не сподобилъ Богъ. Нѣтъ еще... Бѣгаю, бѣгаю!

— Ну, ну, бѣгай! — говорилъ отецъ.

Я любилъ слушать его рассказы о дальнихъ странствованіяхъ и обыкновенно все время не отходилъ отъ него. Илюша иногда, разговаривая, клалъ мнѣ руку на плечо, а иногда какъ-то нервно-порывисто гладилъ меня по головѣ, приговаривая: «Умница, умница!..»

Помню: также изрѣдка являлся къ намъ въ домъ одинъ несчастный нѣмой—крестьянинъ, кажется, нашего Никольскаго уѣзда. Онъ былъ еще человѣкъ не старый, высокаго роста, блондинъ, съ бѣлыми, льняными волосами и съ крупными чертами лица.

Судьба его была очень печальна. Однажды, уже давно, когда онъ ѣхалъ куда-то съ деньгами, братья напали на него въ лѣсу и ограбили, а для того, чтобы онъ не донесъ на нихъ, отрѣзали ему языкъ. Онъ могъ только жалобно мычать и объяснялся знаками. Въ его широко раскрытыхъ, сѣрыхъ глазахъ застылъ испугъ, а на лицѣ выразались слѣды душевныхъ страданій. Когда въ первый разъ мнѣ рассказывали ужасную исторію о томъ, какъ родные братья

жестоко изувѣчили его изъ-за какихъ-то рублей, я, помню, горько плакалъ. Этотъ несчастный нѣмой дня по два и по три живаль у насъ...

Въ большіе праздники, а также въ дни именинъ кого-нибудь изъ моихъ семьянъ, въ залѣ у насъ появлялся нѣкто Васильевъ, одинъ изъ ссыльныхъ, проживавшихъ въ Никольскѣ. Онъ сильно попиваль, но въ тѣхъ экстренныхъ случаяхъ, о какихъ я теперь говорю, онъ являлся трезвымъ, одѣтымъ въ потертое, но старательно вычищенное, черное платье и съ широкимъ, чернымъ, шелковымъ галстукомъ на шеѣ. Его темные съ просѣдью, блестящіе волосы были гладко причесаны, густые, черные усы свѣшивались книзу. Его желтовато-блѣдное, одутловатое лицо, съ сизымъ кончикомъ носа и съ покраснѣвшими вѣками, по своей неподвижности походило на маску.

Обыкновенно, сдѣлавъ по залѣ нѣсколько шаговъ, онъ важно расшаркивался — какъ-то по-военному, постукивая каблукомъ о каблукъ, какъ будто бы сапоги его были со шпорами. Затѣмъ, онъ торжественно вынималъ изъ бокового кармана бумагу, медлительно развертывалъ ее и, откашлявшись, принимался читать стихотвореніе своего собственнаго сочиненія (чаще всего акrostихъ). Эти стихи нашего пьяненькаго, несчастнаго Васильева, право, были ничуть не хуже тѣхъ, какіе пишутся нынѣшними поэтами въ трезвомъ видѣ и печатаются въ нашихъ журналахъ и газетахъ. А Васильевъ, бѣдняга, конечно, даже и не мечталъ видѣть въ печати свои стихотворенія...

Дочитавъ стихотвореніе, онъ съ поклономъ вручалъ его, кому слѣдовало, по принадлежности. Ему предлагали вина, закуски и, само собой, давали денегъ. По уходѣ его мать, съ сожалѣніемъ покачивая головой, говорила:

— Вотъ и неглупый, способный человекъ — и добрый... а пропадаетъ!

Матушка моя жалѣла всѣхъ безъ изъятія, кто былъ несчастливъ... Вотъ отличительная черта ея характера.

Въ самомъ отъявленномъ злодѣѣ и разбойникѣ, я увѣренъ, она сумѣла бы найти искру добра...

Въ числѣ ссыльныхъ былъ у насъ еще одинъ — Федоровскій, человѣкъ, какъ говорили, довольно образованный, изъ хорошаго семейства, сосланный въ Никольскъ за свое безобразное поведеніе. Во всю мою жизнь я никого такъ не боялся, какъ этого Федоровскаго. Достаточно было сказать «Федоровскій идетъ!» для того, чтобы я моментально убѣжалъ со двора домой.

Безъ шапки, растрепанный, въ грязныхъ лохмотьяхъ, вѣчно пьяный, шатался онъ по улицамъ съ дикими криками и бранью, наводя ужасъ на мирныхъ жителей Никольска. Онъ мнѣ представлялся какимъ-то хищнымъ звѣремъ: бросится на человѣка и загрызетъ. Его дикіе крики, рычанье и страшныя ругательства порой даже тревожили мой сонъ по ночамъ... Вотъ съ тѣхъ-то поръ я и почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ пьяному человѣку, — и когда при мнѣ называли кого-нибудь пьяницей, то мнѣ этотъ человѣкъ представлялся не иначе, какъ въ образѣ растрепаннаго, полуодѣтаго Федоровскаго, съ рычаньемъ и ругательствами шатающагося по улицамъ — на страхъ дѣтямъ и на срамъ и на потѣху взрослымъ...

VII.

Помню также появленіе у насъ въ домѣ въ зимнюю пору коробейниковъ. У насъ ихъ звали разносчиками. Разносчикъ былъ всегда желанный гость, и приходъ его былъ для меня великимъ праздникомъ — днемъ сильныхъ душевныхъ волненій и тревогъ. Коробъ вносился въ залу, и товары раскладывались на большомъ кругломъ столѣ. По комнатѣ распространялся пріятный запахъ курительныхъ бумажекъ, благовоннаго мыла, духовъ.

Мать, няня моя, Тарасьева, кое-кто изъ женской прислуги занимались разсматриваньемъ матерій, кружевъ, лентъ, платковъ, тесемокъ, пуговицъ, наперстковъ, ножницъ и т. п.

предметовъ. Отецъ интересовался галантерейными вещами— перстнями, табакерками, серьгами, кольцами... А я, не помня себя отъ восторга, разглядывалъ книги и картины. Тутъ были картины и черныя (гравюры) и раскрашенныя, книжки съ картинками, въ богатыхъ переплетахъ съ рисунками и безъ переплетовъ.

Разносчикъ вынималъ изъ своего короба такую массу всякихъ занимательныхъ предметовъ, что его лубяной коробъ начиналъ мнѣ казаться какимъ-то неистощимымъ, сказочнымъ вмѣстилищемъ. И, смотря на разносчика, осторожно вынимавшаго аккуратно уложенныя книги и картины, я съ тайной завистью думалъ: «Какъ долженъ быть счастливъ этотъ человекъ, обладающій такими сокровищами! И есть ли на свѣтѣ,—думалъ я,—такой богачъ, который могъ бы скупить всѣ эти прелести?» Въ то время мнѣ казалось: трудно представить, чтобы нашелся въ мірѣ такой богачъ...

Положеніе мое становилось безвыходнымъ и почти мучительнымъ, когда отецъ или мать предлагали мнѣ, наконецъ, выбрать три-четыре книги и нѣсколько картинъ.

Тутъ глаза мои окончательно разбѣгались, и на меня нападала какая-то оторопь. «Выбрать!» легко сказать... А какъ тутъ выберешь! И та книга хороша и другая хороша, а вонъ тѣ, кажется, еще занимательнѣе... Въ той — описаніе путешествія въ дикія страны, въ той — рассказы о звѣряхъ и раскрашенныя картинки, въ этой — «Сказки у камина доброй бабушки» и тоже съ рисунками... А картины!.. Картины рѣшительно были всѣ хороши. Тамъ по глухой, лѣсной дорогѣ стая волковъ гонится за проѣзжающими, тамъ корабль тонетъ въ бурныхъ морскихъ волнахъ, тамъ посреди кавказскихъ горъ генераль Ермоловъ разбиваетъ черкесовъ, тутъ мчится лихая тройка и за ней летитъ пыль столбомъ, тутъ охотники гонятся за оленемъ, тамъ арабы охотятся на львовъ... Ахъ, Боже мой! Какъ мнѣ трудно было выбирать!

По уходѣ разносчика, любуясь на свои покупки, я долго еще вспоминалъ о томъ, что осталось въ коробѣ, и черезъ

нѣсколько дней мнѣ иногда начинало казаться, что я выбралъ изъ книгъ и изъ картинъ далеко не лучшее... Да! Много волненій и тревогъ было пережито въ тѣ дни...

Чтеніе и рисованіе очень рано сдѣлались моими любимыми занятіями. Мать научила меня читать и писать, а потомъ, когда мнѣ было уже 6 лѣтъ, переѣхала къ намъ на житье тетка, Н. П. Засѣцкая, та самая, съ которою танцевалъ «польскій» императоръ Александръ Благословенный. Она поселилась наверху, рядомъ съ моей дѣтской, въ двухъ комнатахъ, изъ которыхъ одна служила классной. Тутъ ужъ пошло ученье не въ шутку. Стѣны классной увѣшались ландкартами. Стали меня учить и географіи, и математикѣ, и немного естественной исторіи, и языкамъ. Въ 8 лѣтъ я уже порядочно зналъ, кромѣ родного языка, французскій и нѣмецкій.

Для того, чтобы приохотить меня къ изученію языка, тетка брала какую-то французскую книгу въ сѣромъ кожаномъ переплетѣ съ очень интересными повѣстями и начинала мнѣ переводить какой-нибудь занимательный разсказъ. Переводила она прекрасно, какъ будто прямо читала по-русски. Дойдя до половины разсказа и остановившись на самомъ интересномъ мѣстѣ, тетка откладывала книгу въ сторону и говорила:

— Ну, дальше я читать не стану. Хочешь, такъ читай самъ! Вотъ тебѣ словарь!..

И я поневолѣ уже самъ съ помощью словаря дочитывалъ повѣсть.

Тетка въ то время была женщиной среднихъ лѣтъ, довольно высокаго роста, худощавая, съ желтовато-смуглымъ лицомъ; съ темными глазками и съ черными смоляными волосами. Съ виду она была строга и сурова, но въ душѣ—очень добрая. Она жила у насъ года три и послѣ того уѣхала въ Вологду. Она на всю жизнь осталась дѣвицей, подъ старость ушла въ Горицкій монастырь (Новгородской губерніи), постриглась въ монахини и умерла тамъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

И тетка, какъ и всѣ окружавшіе, любила меня. Дѣтство мое было свѣтло и счастливо. Тамъ все — яркій солнечный свѣтъ или тихое сіяніе луны, ясное небо, цвѣты, улыбки и ласки нѣжныя... И теперь, забѣгая въ прошлое воспоминаемъ, я спрашиваю себя: «И за что всѣ такъ любили меня? За что былъ я такъ счастливъ?»...

Вскорѣ послѣ отъѣзда тетки, когда мнѣ минуло 9 лѣтъ, въ нашей семейной жизни произошли большія перемѣны. Отецъ мой оставилъ службу и съ матерью, со всѣми чадами и домочадцами, со всѣмъ скарбомъ переселился изъ Никольска въ усадьбу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

„Дайте мнѣ оглянуться на прошедшее; оно когда-то струилось рѣкой, а теперь отъ этой рѣки осталось только высохшее русло, да и то заросло травой. Дайте мнѣ посмотрѣть: не найду ли я въ этомъ руслѣ давнишнихъ слѣдовъ“...

Ч. Диккенсъ.

I

Помню *Азбуку*, тоненькую книгу въ голубой обложкѣ. Помню крупныя черныя буквы и подъ ними рисунки; подъ буквой Д, на примѣръ, былъ изображенъ *дровосѣкъ*, работающій въ лѣсу; подъ буквой С — *серпъ*, подъ У — *удочка* и т. д. За азбукой шли склады: *бла, бле, бли* и т. д. За складами слѣдовали молитвы: *Отче нашъ, Богородице* и др. Затѣмъ шли отрывки изъ русской исторіи съ портретами государей, далѣе — нѣсколько басенъ и стихотвореній — и книга заканчивалась таблицей умноженія. Помню и указку, — сама мать смастерила мнѣ ее изъ лучинки.

Я очень скоро справился съ азбукой, можетъ-быть, потому, что мнѣ самому хотѣлось поскорѣе читать. Я любилъ разсма-

тривать картинки въ книгахъ, но для того, чтобы понимать ихъ смыслъ, мнѣ нужно было умѣть читать. И я быстро научился читать, — и чтеніе сдѣлалось съ малыхъ лѣтъ моимъ любимымъ занятіемъ. Я читалъ много и безъ разбора, что попадалось подъ руку.

Вотъ первыя, прочитанныя мною книги: *Евангеліе и Дѣянія апостоловъ*, *Жизнеописаніе великихъ мужей древности* (очень старое изданіе на толстой, шершавой бумагѣ), рассказы о животныхъ (съ рисунками, — заглавія не помню), сказки (*Синяя борода*, *Красная шапочка*, *Котъ въ сапогахъ* и др.), *Рассказы у камина доброй бабушки*, *Конекъ-Горбунокъ* Ершова (зналъ почти наизусть), сочиненія Державина, Пушкина, описаніе путешествія по дикимъ странамъ, кажется, по Африкѣ и Австраліи, описаніе странствованія по какой-то великой американской рѣкѣ; *Исторія Наполеона I*, *Робинзонъ - Крузо*.

Затѣмъ слѣдовала масса книгъ самаго разнообразнаго содержанія (впрочемъ, болѣе всего романы и повѣсти), какъ, на примѣръ: *Тысяча и одна ночь*, *Таинственный монахъ Зотова*, *Паденіе Новгорода*, *Стригольники*, *Вѣдьма за Днѣпромъ*, *Юрій Милославскій* Загоскина, *Рославлевъ* его же, *Александръ Македонскій*, *Исторія Петра I* (съ рисунками), *Мартинъ Найденышъ* Евг. Сю и его же *Вѣчный Жидъ*, *Таранасъ* гр. Соллогуба (съ рисунками), *Пертская красна-дѣвица* В. Скотта, *Опасный замокъ* его же, *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки* и *Тарасъ Бульба* (началъ читать *Мертвыя души*, но бросилъ, показались скучны), *Библіотека для чтенія* Сеньковского. Остальныхъ не помню, но ихъ было еще не мало.

Державинъ, помню, мнѣ показался сухъ и напыщенъ, и лишь немногія изъ его произведеній нравились мнѣ своимъ торжественнымъ, звучнымъ стихомъ. Зато Пушкинъ сразу же меня очаровалъ и сдѣлался моимъ любимцемъ. Конечно, я и въ Пушкинѣ еще многого не понималъ, но все-таки Пушкинъ былъ проще, естественнѣе и ближе ко мнѣ, чѣмъ важный цѣвецъ Фелицы. Я зачитывался *Капитанской доч-*

кой и повѣстями Бѣлкина, а изъ стихотвореній многія зналъ наизусть, какъ, на примѣръ: *Женихъ*, *Утопленникъ*, *Бѣсы*, *Сказка о рыбахъ и рыбкѣ*, *о царѣ Салтанѣ* и др.

Я читалъ и днемъ въ свободное время, читалъ и по вечерамъ (если не занимался рисованіемъ), читалъ и рано по утру, поднимаясь съ огнемъ. Скажу безъ преувеличенія, что я до 10 лѣтъ прочиталъ столько книгъ по исторіи и изящной словесности, сколько иной юноша не прочитаетъ и до 16-лѣтняго возраста. Я, разумѣется, не хочу сказать, что всѣ прочитанныя мною книги въ равной мѣрѣ были полезны и способствовали моему умственному и нравственному развитію. Тутъ были и хорошія и дурныя книги; но здоровый дѣтскій организмъ, росшій въ здоровой атмосферѣ, при благоприятныхъ условіяхъ, на глазахъ нѣжно любящей и любимой матери, все перемалывалъ—хорошее и дурное—и въ итогъ получалось добро. Даже такія книги, которыя теперь считаются плохими съ педагогической точки зрѣнія и, можетъ-быть, нынѣ уже вовсе не читаются у насъ, какъ, на примѣръ, романъ А. Дюма *Графъ Монтекристо* или *Вѣчный Жидъ* Евг. Сю, — для меня оказывались полезными. Онѣ заставляли задумываться надъ людскою несправедливостію, жалѣть несчастныхъ, становиться на сторону угнетенныхъ, восхищаться благородными подвигами самоотверженія, — однимъ словомъ, развивали гуманныя чувства.

Я не былъ хворымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ, но былъ очень нѣжнаго сложенія и съ не особенно большимъ запасомъ физическихъ силъ, и поэтому-то всѣ игры, требующія мускульной силы, проворства и ловкости, нисколько не привлекали меня; поэтому-то я и зарывался въ книги, создавалъ свой особенный міръ и жилъ въ немъ и чувствовалъ себя отлично.

Въ отцовскомъ кабинетѣ стоялъ большой книжный шкапъ изъ орѣховаго дерева и съ наполовину стеклянными дверцами. Я смотрѣлъ на этотъ шкапъ, какъ на нѣкое святилище.

Еще задолго до того времени, когда я сталъ читать книги, стоявшія въ этомъ шкапу, я уже близко познакомился съ

ихъ внѣшнимъ видомъ. Я бралъ стулъ, взбирался на него и читалъ заглавія, разглядывалъ переплеты. По цвѣту переплета и по формату книги—еще задолго до моего личнаго знакомства съ книгами—я уже зналъ, гдѣ стоитъ *графъ Монтекресто*, гдѣ пріютился несчастный *Мартинъ Найденьшиъ*. *Пушкинъ*, помню, былъ въ темно-зеленомъ переплетѣ, *Вѣчный Жидъ*—въ черномъ, *Пикильо Аллиага*—въ красноватомъ, *Таранасъ Соллогуба*—въ пестромъ, *Тереза Дюнойэ*—въ розовомъ, *Опасный замокъ*—въ синевато-сѣвромъ и т. д.

И какъ я любилъ эти книги! Это были мои неизмѣнные друзья... Правда, нѣкоторые изъ этихъ друзей сильно разжигали мое дѣтское воображеніе,—я мечталъ надъ ними, и Богъ вѣсть, куда уносили меня мечты... Въ мечтательности, можетъ-быть, для меня оказывался вредъ, но какъ трудно, оглядываясь на прошлое, провести черту между тѣмъ, что было вредно и полезно.

Прямымъ слѣдствіемъ чтенія было то, что мнѣ и самому захотѣлось сочинять. Девяти лѣтъ я написалъ повѣсть, — заглавіе ея не помню. Начиналась же она такъ: «Была темная ночь. Вѣтеръ уныло завывалъ, и шелъ дождь»... Далѣе описывалась печальная судьба одного безпріютнаго сироты, всѣми отверженнаго. Отецъ его былъ казненъ за какое-то страшное преступленіе, мать съ горя сошла съ ума, сестра—немного постарше его—умерла. Всѣ родные и знакомые отшатывались отъ него, всѣ гнали его отъ пороговъ своихъ домовъ. И этотъ сирота, бродившій въ мірѣ безъ пристанища, пришелъ, наконецъ, къ какому-то великолѣпному храму, прилегъ у входа и тамъ умеръ съ холода и съ голода. Въ повѣсти обличалось людское жестокосердіе.

Когда мнѣ было 11 лѣтъ, я написалъ пьесу, полную ужасовъ, убійствъ, самоубійствъ, и со своими сверстниками, деревенскими ребятами торжественно разыгралъ ее въ нашей залѣ. Помню, во время представленія произошелъ казусъ, весьма огорчившій автора пьесы. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ было убито, и мы должны были своевре-

менно унести его трупъ со сцены, но второпяхъ совершенно позабыли объ убитомъ. Этому несчастному надоѣло лежать неподвижно, онъ вдругъ вскочилъ и убѣжалъ. Публика расхохоталась. Автору было очень досадно, что зрители развеселились именно въ тотъ моментъ, когда, по его предположеніямъ, они должны были плакать при видѣ бѣдствій, обрушившихся на героя пьесы.

Въ гимназіи я всегда шелъ хорошо по русскому языку, а въ старшихъ классахъ, когда намъ стали задавать сочиненія на извѣстныя темы, мои сочиненія ставились нашимъ почтеннымъ учителемъ словесности, Н. П. Левицкимъ, въ примѣръ прочимъ за ясность изложенія и правильность языка. Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ также оказалось вліяніе моей не по лѣтамъ громадной начитанности.

II.

У моей матери въ 400 верстахъ отъ Никольска была усадьба. Эта усадьба находилась при большой, такъ называемой, Архангельской дорогѣ и называлась Миролюбово (Токаренецъ тожъ). Мать на лѣто уѣзжала въ Миролюбово присматривать за полевыми работами и меня, обыкновенно, брала съ собой. Я былъ любимцемъ матери и, кстати сказать, походилъ на нее лицомъ и складомъ характера, только она была несравненно красивѣе и лучше меня. Сестра Лиза, любимица отца, оставалась съ нимъ на лѣто въ Никольскѣ.

Эти весеннія поѣздки въ деревню были для меня полны невыразимой прелести и очарованія. Я ждалъ ихъ, какъ праздника. Лишь только въ воздухѣ начинало вѣять весной, и снѣгъ таялъ на солнцѣ, я уже принимался за разговоры о томъ, какъ я съ милой мамой поѣду въ деревню. Конечно, для полноты счастья нужно было бы прихватить съ собой и мою старую няню, Тарасьевну; но горе въ томъ, что въ нашемъ тарантасѣ было мѣсто только для двоихъ.

Дорогу я помню смутно... По сторонамъ я видѣлъ поля, луга, но чаще дорога шла лѣсомъ, и насъ обдавало лѣс-

ными ароматами — въ особенности рано поутру или поздно вечеромъ. Помню, приходилось проѣзжать однимъ дремучимъ лѣсомъ. Лѣсъ былъ казенный, «строевой», и лѣсная стража тщательно берегла его. Мнѣ говорили, что изъ этого лѣса деревья идутъ на мачты для кораблей. Помню, вѣтся узенькая дорога; по ту и по другую сторону — высокій-высокій лѣсъ, по низу густо заросшій кустарникомъ. На этой дорогѣ всегда сумракъ, даже и въ свѣтлый лѣтній полдень, тѣнь и прохлада, и для того, чтобы увидѣть небо, надо было загнуть голову, — и тамъ; высоко, изъ-за сходящихся вершинъ деревьевъ узкой полосой свѣтлѣло небо... Этотъ лѣсъ, какъ я слышалъ, въ послѣдніе годы сильно пострадалъ отъ пожаровъ.

Ночью, бывало, проѣзжаемъ черезъ деревню. Майскія ночи у насъ свѣтлы, все видно, какъ днемъ. Избы тянутся одна за другой и такъ похожи между собой, что я, бывало, удивлялся, какимъ образомъ люди отличаютъ одну избу отъ другой и какъ они, вмѣсто своей, не заходятъ въ чужую избу. У оконъ вырѣзныя, ярко раскрашенныя ставеньки; на крышахъ черныя, закоптѣлыя корзиночныя трубы. Обдаетъ тепломъ, запахомъ жилья... Колокольчикъ звенить, заливадается, и звонъ его въ ночномъ безмолвіи гулко отдается посреди строеній. Ни въ одной избѣ не видать огня, нигдѣ ни души живой, — все тихо. И мама говорить:

— Нароботались за день, сердечные... устали, спать!

Собаки лаютъ спросонокъ и скоро отстаютъ... За деревней вдоль дороги видны маленькія строенья безъ оконъ, съ небольшими, наглухо запертыми дверями и съ низко нависшими крышами. Это — амбарушки... Далѣе — поля; но недолго тянутся поля, за ними опять начинается лѣсъ...

Ночь. Мать съ поблѣднѣвшимъ отъ усталости лицомъ тихо дремлетъ, закутавшись въ свой большой бѣлый платокъ и прислонившись спиной къ подушкѣ. Я долго смотрю на лошадей, на дорогу, на мелькающую лѣсную глушь; но и меня, наконецъ, клонить ко сну, я припадаю къ плечу матери и начинаю дремать. Я дышу все тяжеле и тяжеле;

однообразный звонъ колокольчика становится какъ будто все дальше и дальше; во всемъ тѣлѣ чувствуется слабость, голова кружится, земля уходитъ у меня изъ-подъ ногъ, и я лечу, лечу куда-то, въ какія-то бездны... Черезъ полчаса или черезъ часъ, а можетъ-быть, и черезъ 10 или 15 минутъ, при первомъ сильномъ толчкѣ я просыпаюсь, раскрываю глаза...

Голова моя уже скатилась къ матери на колѣни, и мать во снѣ придерживаетъ меня одной рукой. Я не шевелюсь и лежу съ раскрытыми глазами. Я смотрю на мать, на ея милое лицо, чувствую на своемъ плечѣ ея руку, — и мнѣ такъ хорошо. Ямщикъ покачивается на облучкѣ; лошади бѣгутъ легкой рысью по знакомой имъ дорогѣ; колокольчикъ звенить, и его *динь-динь-динь* глухо отдается въ чащѣ лѣса. Лѣсная глушь такъ и напираетъ, такъ и надвигается на насъ... Вверху изъ-за деревьевъ сквозить беззвѣздное, голубое ночное небо. Меня укачиваетъ, звонъ колокольчика, вмѣсто колыбельной пѣсни, убаюкиваетъ меня, и я опять дремлю...

Иногда днемъ мы останавливались на станціи, пили чай, закусывали. Станціонный смотритель стоялъ у притолоки и рапортовалъ о чемъ-то мамѣ. Она просила его садиться и поила чаемъ. Въ томъ случаѣ, когда не было готовыхъ лошадей и намъ приходилось ждать (что, впрочемъ, случалось рѣдко), мама отпускала меня съ ребятами гулять въ поле. И я съ удовольствіемъ бѣгалъ съ мальчишками, — пріятно было размять ноги послѣ долгаго сидѣнья въ экипажѣ. Мы рвали щавель и ѣли; я набиралъ для мамы полевыхъ цвѣтовъ.

Послѣднюю часть пути я проѣзжалъ уже впросонкахъ, — не то спалъ, не то бодрствовалъ. Дремота одолѣвала меня, но заснуть крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ я не могъ. И вижу, бывало, сквозь сонъ, какъ мы проѣзжаемъ черезъ деревни, потомъ вижу черныя, вспаханныя поля, луга, изумрудомъ отливающіе вдали, а тамъ опять — лѣсная глушь.

Ночью приѣзжаемъ на какую-то станцію. Заспанные ямщики ходятъ около тарантаса, смазываютъ колеса; въ воздухѣ припахиваетъ дегтемъ. Ямщики о чемъ-то спорятъ, перебраниваются... «Ванькина очередь!» — «Веди, веди Чалаго-то!» — «Ушли въ поле, ловятъ»... — «Вишь, черти! распускаютъ коней, не соберешь!..» Наконецъ приводятъ лошадей, запрягаютъ; ямщикъ стягиваетъ хомутъ, упирается въ него ногой, колокольчикъ позвякиваетъ... Ямщикъ взбирается на облучокъ, подбираетъ вожжи. Мама даетъ кому-то на чай. «Съ Богомъ! Трогай!» говоритъ кто-то.

— Эхъ, вы, соколики! — вскрикиваетъ ямщикъ, и мы съ мѣста пускаемся въ карьеръ.

Вижу сквозь сонъ, спускаемся подъ гору. Мама приподнимается въ тарантасѣ и говоритъ ямщику:

— Тише! Тише!

Но ужъ поздно: лошади понесли подъ гору. «Тпру тпру!» голоситъ ямщикъ, изо всей мочи натягивая вожжи, и откидывается назадъ, чуть не опрокидываясь къ намъ въ тарантасъ. Мать испуганно обнимаетъ меня и прижимаетъ къ себѣ... Мы мчимся все быстрѣе и быстрѣе, все ниже, ниже и вдругъ съ наскоку взлетаемъ на мостъ... Колеса гремятъ по мосту. Тутъ ужъ усталыя лошади легкой рысцою поднимаются въ гору. Ямщикъ поправляется на облучкѣ и покрикиваетъ на лошадей.

— Ну, слава Богу! — шепчетъ мать и наклоняется ко мнѣ. — Испугался?

— Нѣтъ, мама! — бормочу я, чувствуя себя въ совершенной безопасности въ ея объятіяхъ.

— Спать хочешь, голубчикъ? Притомился... Вотъ скоро приѣдемъ! Дома отдохнешь... — ласково говоритъ она, глядя меня по щекѣ. — Ну, спи пока, подремли... Дорога теперь пойдетъ ровная, все лѣсомъ...

Много ли, мало ли проходитъ времени, — не знаю. Чувствую, что меня обдаетъ свѣжестью, и пріятная, легкая дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Вижу сквозь сонъ, что мы на берегу какой-то большой рѣки. На противоположной сторонѣ

видно селенье, бѣлая церковь съ высокой бѣлой колокольней. Солнце выходитъ изъ-за дальнихъ зеленыхъ лѣсовъ, и въ его яркихъ красноватыхъ лучахъ колокольный шпиль блеститъ и горитъ въ ясномъ небѣ. Птички чирикаютъ въ кустахъ прибрежныхъ ивъ... Ямщикъ сводитъ лошадей на поромъ: перевозчики тянутъ канатъ, переговариваются съ ямщикомъ... Серебристыя брызги летятъ съ каната при подниманіи его изъ воды...

И опять мы ѣдемъ-ѣдемъ... Лѣсу по дорогѣ все меньше и меньше; чаще попадаются луга и поля. Проѣзжаемъ какой-то маленькій, пустынный городокъ, и, наконецъ, къ вечеру попадаемъ въ наше Мирлобово.

Сонный брожу я по пустымъ комнатамъ. Меня обдаетъ сыростью и запахомъ нежилого зданія. Мама растворяетъ окна и балконъ. Прислуживаетъ какая-то деревенская дѣвушка. Отпираютъ шкапы, комоды, вынимаютъ посуду, бѣлье... Я кое-какъ допиваю чашку чаю, цѣлую маму и валюсь спать — и сплю, какъ убитый, до поздняго часа утра.

III.

Послѣ зимняго городского сидѣнья въ четырехъ стѣнахъ лѣтняя жизнь въ деревнѣ со всей ея свободой, со всѣмъ ея привольемъ и раздольемъ казалась мнѣ райски-блаженной жизнью, длиннымъ рядомъ свѣтлыхъ и радостныхъ, безоблачныхъ дней. Съ утра до вечера, если не было дождя, бѣгалъ я по полямъ и лугамъ и загоралъ страшно, загоралъ до того, что на шеѣ у ворота рубашки оставалась лишь бѣлая полоска, а кисти рукъ, казалось, были обтянуты свѣтло-коричневыми перчатками. Я забѣгалъ домой только пообѣдать и напиться чаю.

Мать, бывало, вечеромъ подходила къ моей кроваткѣ, чтобы благословить меня на сонъ грядущій и дать мнѣ прощальный поцѣлуй, брала меня за голову, отводила со лба мои растрепанные, сбившіеся волосы и, съ улыбкой смотря на меня, говорила:

— У-у, какой же ты у меня стала цыганенокъ!.. Смотри, до чего ты загорѣла!—И она проводила рукой по моей загорѣлой шеѣ, гладила и ласкала меня, а я припадалъ лицомъ къ ласкавшей меня рукѣ и цѣловалъ ее.

— Охъ, мама, какъ я усталъ!—бормоталъ я.

— И спи, Богъ съ тобой! Дай я разстегну тебѣ воротъ... Вотъ, такъ лучше... Спи, голубчикъ, спи спокойно!—тихо говорила она, поправляя на мнѣ покрывало.

Глаза мои слипались, но я все-таки видѣлъ, что мать еще нѣсколько минутъ стояла, наклонившись надо мной, что-то тихо шептала, вѣроятно, молилась за меня, и съ невыразимой нѣжностью смотрѣла она на своего «цыганенка»...

Мама, мама! Милая моя!.. Какъ любила она меня!..

Иногда въ это время, на сонъ грядущій, у меня заходили съ нею такого рода разговоры:

— Мама! ты любишь меня?

— Люблю, голубчикъ!

Я полулежалъ на постели, а мать, стоя на колѣняхъ у моей кровати, обнимала меня.

— А я... я вотъ какъ тебя люблю!—Я вскакивалъ на постели и, обхвативъ ее руками за шею, изо всей мочи обнималъ ее, приговаривая:— Вотъ какъ! Вотъ какъ!..

— Ты у меня будешь добрый? Да?—цѣлуя, спрашивала она меня.

— Да, мама!—Въ тѣ минуты я былъ бы не въ состояніи сказать ей «нѣтъ», и въ ту пору мнѣ хотѣлось всегда быть очень-очень добрымъ.

И, нѣжась, я спокойно засыпалъ на ея рукахъ...

Почти отъ самага нашего дома поля на полдень шли скатомъ. За полями начиналось болото. Въ этомъ болотѣ по канавѣ росъ шиповникъ, и весной онъ весь былъ облитъ розовымъ цвѣтомъ и благоухалъ нѣжнымъ, тонкимъ ароматомъ. Нигдѣ, кажется, я не видалъ такой сочной, ярко-зеленой травы, какъ на нашемъ болотѣ. И самыя разнообразныя цвѣты пестрѣли въ этой высокой, ярко-зеленой травѣ.

Тамъ и сямъ изъ-за кустовъ ивъ и изъ-за малорослыхъ березъ и ольхъ видны были тихія, стоячія воды, и на этихъ водахъ посреди блестящихъ круглыхъ листьевъ плавали бѣлые цвѣты кувшинки.

На этомъ болотѣ жили дикія утки, бекасы, длинноносые кулики, стаи какихъ-то маленькихъ сѣрыхъ птичекъ съ малиновой грудью, и нигдѣ я не видалъ такой массы зеленыхъ лягушекъ, какъ здѣсь... Лягушки взбирались на кочки или, высунувъ голову изъ воды, бессмысленно таращили на меня свои круглые глаза. А какъ онѣ квакали! Боже ты мой!.. не квакали, а ревѣли и ревомъ своимъ почти заглушали утинное кряканье и щебетанье сѣрыхъ птичекъ... Разноцвѣтныя бабочки — пестрыя, красныя, голубыя, бѣлыя, черныя — порхали въ тепломъ воздухѣ. Различныя насѣкомыя носились надъ болотомъ: зеленыя, какія-то коричневыя, черныя, а иныя съ розовыми крылышками... И все это трещало, жужжало и носилось надъ высокой зеленой осокой, блестя и сверкая всѣми цвѣтами радуги въ яркихъ лучахъ лѣтняго полуденнаго солнца...

Я любилъ бродить по канавѣ и всматриваться въ эту болотную жизнь.

У овина, съ полуденной стороны, вдоль стѣны росъ густой малинникъ, и, когда поспѣвали ягоды, я часто туда странствовалъ. Также я любилъ взбираться на небольшой зеленый холмъ, поднимавшійся на западной границѣ нашихъ владѣній. Лежа на мягкой травѣ, я раздумывалъ и мечталъ, Богъ вѣсть, о чемъ и подолгу смотрѣлъ на разстилавшуюся передо мной равнину съ знакомыми полями, деревнями и перелѣсками.

За садомъ въ пруду я купался въ жаркіе лѣтніе дни. Прудъ былъ не особенно удобный для купанья: мелкій, съ вязкимъ, илистымъ дномъ и мѣстами покрытый зеленью. Но я въ ту пору мало обращалъ вниманія на подобныя неудобства. Въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ вода едва доходила мнѣ по грудь. Барахтаюсь, бывало, плещусь — и въ полномъ удовольствіи! Выхожу на берегъ. Не знаю, на что я

быль тогда похожь,—на тритона или на какое-нибудь другое сказочное животное... Марина, скотница — женщина ворчливая — проходить мимо и, качая головой, говорить :

— Ай-да баринь! Вотъ такъ такъ!.. Славно!

— Марина, уйди! — кричу я и опять отправляюсь въ прудъ отмывать приставшій ко мнѣ иль.

— А вотъ не уйду! — ворчитъ скотница. — Прутомъ бы хорошенько! — говоритъ она немного погодя, смотря на меня, какъ на какого-нибудь невиданнаго звѣреныша.

Я смѣюсь надъ ея угрозой, зная, что она, несмотря на свой сердитый, ворчливый нравъ, чувствуетъ ко мнѣ большое расположеніе. Марина уходитъ, а я кричу ей вслѣдъ :

— Марина! Простокваша есть?

— Нѣту! — сердито откликается она.

— Ты мнѣ дашь? Да? — пристаю я. — Да чтобы сметаны побольше...

— Ничего у меня нѣтъ, и сметаны нѣтъ... ничего не дамъ тебѣ, баловнику! — брюзжитъ Марина.

Скотница была очень добрая женщина, жалостливая къ людямъ и къ скоту; но въ характерѣ ея была страсть противорѣчить: я ни разу не слыхалъ, чтобы она на словахъ съ кѣмъ-нибудь согласилась. Вѣчно она, бывало, спорить, брюзжить и какъ будто недовольна и собой и всѣмъ міромъ. Я уже зналъ ея повадку и на ея невинное брюзжанье вниманья не обращалъ.

— И отрѣжь мнѣ, Маринушка, большой-большой ломоть хлѣба! — продолжаю я. — Я къ тебѣ сейчасъ приду...

— Приди-ка, приди! Я тебѣ задамъ! — грозитъ Марина, стоя на крыльцѣ своей скотной и смотря изъ-подъ руки вдаль.

Выкупавшись, я иду въ скотную. Тамъ ужъ простокваша готова, и на столѣ лежитъ большой ломоть чернаго хлѣба. Я хлебаю молоко прямо изъ кринки и за обѣ щеки уплетаю вкусный ржаной хлѣбъ. Я набѣгался за утро, проголодался, истомился отъ жары, и холодная простокваша разомъ утоляетъ мою жажду и голодь. Марина сидитъ на лавкѣ и,

подпершись подбородкомъ на руку, съ усмѣшкой смотреть на меня. Очевидно, ей пріятно видѣть, съ какимъ удовольствіемъ я ѣмъ ея простоквашу.

— Вишь, уморилсѣя! — ворчитъ Марина. — И какъ только тебя, сердечнаго, ноги носятъ! Просто, даже удивительно... Вѣдь ты не посидишь дома... не посидишь! День денской по полю рыщешь... Съ собаками! тебя не сыскать... Что это маменька-то смотреть! Взяла бы да прутомъ!..

— За что же? — со смѣхомъ спрашиваю я.

— А вотъ за то самое... — внушительно поясняетъ мнѣ Марина. — Балуетъ все!..

Я смѣюсь, при видѣ моего смѣха морщины на лбу Маринушки разглаживаются, лицо становится веселѣе, и, какъ лучъ свѣта, улыбка пробѣгаетъ по ея губамъ.

— Спасибо! — говорю я ей, утирая «по-мужицки» ротъ рукавомъ рубахи. — А когда у тебя пѣнки ¹⁾ будутъ, ты мнѣ дашь?

— Не будетъ у меня пѣнокъ, ничего я тебѣ не дамъ... И не жди! — ворчитъ Марина.

Но я ужъ знаю, что пѣнки будутъ, и она мнѣ дастъ ихъ. Мы съ Мариной были большіе друзья, и я скоро понялъ, что слово «пруть» на ея языкѣ имѣло ласкательное значеніе.

Такъ проходили май, іюнь, іюль, — пролетали, какъ одинъ ясный, безоблачный день. На моихъ глазахъ росла, поднималась озимь, начинала колоситься, цвѣсти, изъ зѣленой превращалась въ бурую; затѣмъ зерна въ колосьяхъ наливались, рожь желтѣла и золотилась на солнцѣ. Въ концѣ іюля, по окончаніи сѣнокоса, начинали жать рожь.

Помню изъ этого времени одинъ вечеръ... можетъ-быть, то былъ и не одинъ вечеръ, но теперь въ моихъ воспомина- нійхъ нѣсколько такихъ 'вечеровъ слились въ одинъ.

¹⁾ Эти пѣнки получаютъ отъ сметаны, когда ее перетапливаютъ въ печи на такъ называемое русское масло. Эти пѣнки, вмѣсто масла, употребляются при печеннхъ пирогахъ.

Какъ теперь вижу: солнце заходитъ за лѣсистый край земли; ясное небо голубымъ куполомъ раскидывается надъ полями и перелѣсками. Мама въ сѣромъ платьѣ и въ маленькомъ бѣломъ платкѣ на головѣ жнетъ вмѣстѣ съ бабами. Какая-то пожилая женщина, высокая и дородная, стоитъ, опустивъ серпъ, смотритъ на маму и говорить:

— Ой, матушка, устанешь! Твоимъ ли рученькамъ возиться съ серпомъ?

— Я люблю жать!— говорить мама, выпрямляясь и поправляя выбившіяся изъ-подъ платка пряди русскихъ волосъ. — Вѣдь ты же жнешь!

— Мы ужъ привычны къ этому дѣлу!— возражаетъ баба. — А тебѣ, поди, и нагибаться-то тяжко...

И какой хорошенькой казалась мнѣ мама въ тотъ вечеръ, съ блестящимъ серпомъ въ рукѣ и съ бѣлымъ платочкомъ на полураспустившихся волосахъ — посреди золотистой, колосистой ржи. Ея темно-голубые, прелестные глаза блестѣли, а на щекахъ ея, залитыхъ румянцемъ, казалось, горѣлъ огонь заката... Я ходилъ по полю за жницами и собиралъ колосья...

Иногда, пользуясь вечерней прохладой и свѣтомъ лѣтнихъ сумерекъ, жали до позднего вечера, и мы съ мамой оставались въ полѣ. Блѣдный мѣсяцъ тихо плылъ надъ полями...

Какъ я тогда былъ счастливъ!

Давно-давно уже прошли тѣ вечера и болѣе никогда для меня не возвратятся...

IV.

«Большая» Архангельская дорога, проходившая мимо нашей усадьбы, служила для меня интереснымъ предметомъ для наблюдений въ лѣтнее время.

Вотъ идетъ «почта». Тройка мчится, колокольчикъ звенитъ, заливается, ямщикъ покрикиваетъ: «Эхъ, вы, голубчики!» На почтовыхъ тюкахъ, прикрытыхъ кожанымъ брезентомъ, перевязанныхъ веревками, сидитъ почтальонъ въ своей форменной одеждѣ, весь запыленный, усталый. Черезъ

плечо у него надѣта кожаная сумочка; сбоку у него торчитъ пистолетъ. Проносится почта и скоро скрывается въ сѣрыхъ облакахъ пыли...

Тащатся странники, странницы, богомолки. Загорѣлые, усталые, тихо тащатся они стороной дороги, тяжело опираясь на свои длинные посохи. Видно, бредутъ они издалека; одежда на нихъ рваная, босыя ноги въ грязи и въ пыли...

Мелкой рысцей на парѣ лошадокъ ѣдетъ купецъ. Въ телѣгѣ у него — все узлы и узелочки да какіе-то тюки въ рогожахъ; за спиной у него подушки въ красной наволочкѣ; его картузь и длиннополый кафтанъ въ пуху и въ пыли. Онъ отправляется куда-нибудь на ярмарку или возвращается домой. Ямщикъ его сидитъ, сгорбившись, не кричитъ и не понукаетъ лошадей. «Доѣдемъ, молъ, помаленьку!..»

Вотъ идетъ партія арестантовъ, позвякивая цѣпями. Арестанты идутъ въ сѣрыхъ халатахъ и въ сѣрыхъ фуражкахъ безъ козырька; хмуро посматриваютъ они по сторонамъ. Ихъ сопровождаютъ солдаты съ ружьями и съ закрученными шинелями за спиной. Куда-то направляются эти сѣрые, хмурые люди? «Не въ Сибирь ли? — думается мнѣ. — Ахъ, далеко эта Сибирь! Тамъ — каторга, рудники подъ землей; тамъ — вѣчная зима и вѣчный мракъ»... Такъ представлялась Сибирь моему дѣтскому воображенію, и мнѣ было ужасно жаль этихъ сѣрыхъ людей, съ цѣпами и съ желѣзными оковами на ногахъ...

Иногда какой-нибудь сановникъ или богатый, важный баринъ проѣзжалъ въ коляскѣ четверней — въ рядъ или пугомъ, съ фореиторомъ. Этотъ грузный экипажъ съ фордекомъ, съ красивыми фонарями по сторонамъ козелъ, на рессорахъ, съ большими колесами, не стучалъ и не гремѣлъ, какъ обыкновенные почтовые тарантасы, но катился благородно, какъ-то мягко, безъ шума. Тутъ ужъ, конечно, ни колокольца, ни бубенчиковъ, ни ухарскихъ восклицаній — въ родѣ: «Эхъ, вы, соколики!» — не полагалось. Лишь кучеръ съ высоты козелъ низкимъ басомъ торжественно вѣщалъ: «Пади!

Пади!» Онъ и лошадей-то при случаѣ постегивалъ какъ-то особенно, деликатно...

Тапились цыгане со своими повозками, набитыми всякимъ хламомъ и смуглыми полунагими ребятишками съ черными, включенными волосами. За повозками, опустивъ хвостъ, шли тощія, поджарыя собаки; шли цыганки съ пестрой шалью черезъ плечо, съ красными рваными платками на головѣ, и громко тараторили между собой...

Проходили семинаристы съ сапогами и съ узелкомъ за плечами, — то они шли на вакаціи, то возвращались въ городъ. Веселый и бодрый народъ! Идутъ, бывало, босые, въ обтрепанныхъ халатикахъ, переговариваются, хохочутъ, свистуютъ и стравливаютъ собакъ...

Поскрипывая, тянулись обозы, и деготькомъ припахивало въ воздухъ. Извозчики шли около своихъ возовъ и похлопывали по землѣ кнутами...

Смотря на этихъ проѣзжавшихъ и проходившихъ людей, я иногда думалъ: «Куда они направляются? Далеко ли? И зачѣмъ, по какимъ дѣламъ тянутся они по этой пыльной дорогѣ? Отчего имъ не сидится дома? Что ихъ манитъ, зоветъ въ эту синюю даль, туда, за темные лѣса?» Тамъ, куда проѣзжали и проходили, за этими темными лѣсами, начинался для меня невѣдомый міръ. И объ этомъ мірѣ я загадывалъ и мечталъ. Мнѣ и самому хотѣлось порой пойти по «большой» пыльной дорогѣ и проникнуть въ тотъ таинственный міръ, куда мимо меня постоянно, изо дня въ день, днемъ и ночью шло и ѣхало столько народа... И я въ свое время заглянулъ въ этотъ заманчивый міръ, и я направился по той же пыльной, столбовой дорогѣ и скрылся въ той же синеватой дали, гдѣ прежде на моихъ глазахъ потонуло столько проѣзжавшихъ и проходившихъ людей...

Иногда по «большой» дорогѣ проводили «ученаго» медвѣдя, и это большое, сильное животное, такое опасное и страшное въ лѣсу, казалось теперь жалкимъ и такимъ несчастнымъ, когда ходило на цѣпи, съ желѣзнымъ кольцомъ, проткнутымъ въ нижнюю губу или въ ноздрю. Животное,

тяжело переваливаясь, покорно шло за своимъ мучителемъ. Проводникъ его иногда останавливался у постоялаго двора, пріютившагося по сосѣдству съ нашей усадьбой, и давалъ представленіе передъ толпой зѣвакъ.

И медвѣдь показывалъ, какъ старыя старушки на барщину (т-е. на работу) ходятъ, какъ съ барщины возвращаются, какъ красныя дѣвушки и молодицы въ зеркальце смотрятся и т. д. Затѣмъ онъ начиналъ низко кланяться публикѣ. Иногда какой-нибудь доброхотъ подавалъ медвѣдью стаканъ водки. Медвѣдь съ удовольствіемъ выпивалъ водку и, захмелѣвъ, начиналъ плясать и кувыркаться на потѣху публики, а подчасъ, разбушевавшись, готовъ былъ взбунтоваться противъ своего проводника. Тогда проводникъ наказывалъ его желѣзной палкой и изо всей силы дергалъ за цѣпь изъ стороны въ сторону. Медвѣдь ревѣлъ отъ боли и, пятясь отъ своего жестокаго мучителя, старался уклониться отъ его побоевъ... Меня всего болѣе удивляло то, что публика весело смѣялась надъ страданіями этого несчастнаго животнаго. Въ этомъ смѣхѣ сказывалось злорадство трусливыхъ людей при видѣ того, какъ такое страшное и могучее животное, посаженное на цѣпь, было унижаемо, пресмыкалось во прахѣ, безсильное и немогущее, передъ такимъ жалкимъ, лядащимъ человѣчкомъ, какимъ былъ его проводникъ. *

А однажды по нашей «большой» дорогѣ проводили животное, невиданное и неслыханное въ нашей сѣверной сторонѣ. Это было въ 1853 или 54 году. Появленіе этого животнаго вызвало сильное волненіе въ нашемъ околоткѣ и долго потомъ служило предметомъ весьма оживленныхъ разговоровъ и толковъ.

Разъ утромъ, выйдя на крыльцо, я увидалъ на дорогѣ громадную толпу народа. Впереди толпы бѣжали мальчишки, а высоко надъ толпой возвышалась голова какого-то страннаго животнаго съ очень длинной шеей. Я, разумѣется, пустился стрѣмглавъ на дорогу и скоро протискался черезъ толпу мужиковъ и бабъ. Тутъ оказалось, что я съ этимъ животнымъ уже давно былъ заочно знакомъ по рисункамъ, и

теперь, къ величайшему моему удивленію, я сразу же призналъ въ немъ верблюда.

Верблюдъ на «большой» Архангельской дорогѣ — явленіе небывалое! И народъ, понятно, смотрѣлъ на этого пришлаго иностранца, какъ на диковинку. Всѣ разспрашивали о немъ вожатая, и тотъ, насколько могъ, удовлетворялъ всеобщее любопытство. Что онъ ѣстъ, не кусается ли, ходитъ ли въ упряжи, лежа ли спать, смиренъ или брыкается, и гдѣ же такой звѣрь живетъ и какъ же онъ выводится, и отчего у него горбъ на спинѣ, зашибленъ или ужъ такъ отроду, и много ли такихъ звѣрей на свѣтѣ, и отчего они не забѣгаютъ къ намъ? и т. д.

Бабы ахали и вздыхали, мужики гладили верблюда и одобрительно покачивали головой, слѣшая рассказы вожатая. Вожатай, впрочемъ, — сколько мнѣ помнится, — не мало имъ вралъ, вѣроятно, для краснаго словца.

Когда верблюда проводили по деревнѣ, собаки точно съ ума сходили: лаяли и выли, голосили на всѣ лады, но близко подбѣгать къ верблюду не рѣшались. Встрѣчавшіяся съ нимъ на дорогѣ лошади шарахались въ сторону, фыркали и, прядя ушами, испуганно косились на это невиданное чудовище... Вообще переполохъ былъ ужасный.

Я и теперь не могу взять въ толкъ: откуда въ Вологодской губерніи, на Архангельской дорогѣ, взялся верблюдъ? Но могу увѣрить, что я видѣлъ его не во снѣ, а наяву, — видѣлъ его большіе, спокойные глаза, его шершавую, темно-рыжеватую морду, видѣлъ такъ ясно, какъ теперь вижу мою чернильницу, даже слышалъ его отрывистый дикій крикъ, когда проводили его мимо постоялаго двора. Откуда его вели, куда и зачѣмъ, — я и теперь не знаю...

Еще одно воспоминаніе, одно сказанье изъ того давняго времени.

Тогда, по случаю войны съ турками, собиралось народное ополченіе, и мой отецъ поступилъ офицеромъ въ Кадниковскую дружину. Несмотря на то, что въ ту пору отцу моему было уже за 50 лѣтъ, онъ мнѣ казался молодцомъ.

когда я увидѣлъ его въ ополченской формѣ — въ сѣромъ казакинѣ съ косымъ воротомъ, въ сѣрыхъ шароварахъ, заправленныхъ въ длинные, походные сапоги, подпоясаннаго шелковымъ пунцовымъ кушакомъ и съ саблей на перевязи. Въ этомъ костюмѣ онъ показался мнѣ человѣкомъ гораздо болѣе внушительнаго вида, чѣмъ въ то время, когда онъ надѣвалъ свое черное штатское платье, украшенное на груди орденомъ, увѣшанное разными крестами и знаками отличія.

Помню, какъ однажды, лѣтомъ, уже подъ вечеръ, приѣхалъ почевать къ намъ въ Миролюбово дружинный начальникъ, М. А. Зубовъ — высокій старикъ, съ гладко выстриженными, сѣдоватыми волосами и усами, опущенными книзу. Мы узнали, что дружина, по дорогѣ въ Вологду, расположилась на ночлегъ въ сосѣднихъ деревняхъ и сѣновалахъ. Дружинное знамя, новенькое, блестящее золотомъ, принесли къ намъ въ домъ, въ залу, и тамъ поставили его, прислонивъ къ стѣнѣ. У знамени стоялъ часовой съ ружьемъ, и наша прислуга, помню, съ величайшимъ любопытствомъ и недоумѣниемъ заглядывала на свернутое знамя, на его черное древко и на часового, неподвижно, какъ статуя, стоявшаго передъ нимъ съ ружьемъ... Утромъ ратники потянулись мимо нашихъ воротъ; толпы родныхъ провожали ихъ въ городъ. Зубовъ и отецъ мой уѣхали вслѣдъ за дружиной...

Скажу здѣсь кстати нѣсколько словъ о родныхъ моего отца. Предки его были скромные, неизвѣстные труженики.

Дѣдъ мой съ отцовской стороны, Михаилъ Андреевичъ, былъ, впрочемъ, въ своемъ родѣ человѣкъ довольно замѣчательный. Сынъ бѣднаго сельскаго священника, онъ, по окончаніи курса въ вологодской семинаріи, отправился пѣшкомъ доучиваться въ Москву и здѣсь поступилъ въ Славяно-Греко-Латинскую Академію, а по окончаніи академическаго курса слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ. По выходѣ изъ университета онъ нѣсколько времени давалъ уроки въ домахъ тогдашней московской знати, а затѣмъ былъ сдѣланъ смотрителемъ, т. - е., по нынѣшнему, инспекторомъ вологодской гимназіи и учителемъ греческаго и француз-

скаго языка. Онъ первый сталъ преподавать въ вологодской семинаріи французскій языкъ: до него кафедры этого языка не существовало.

Очевидно, дѣдъ мой былъ человѣкъ энергичный, даровитый, съ сильнымъ характеромъ, но, какъ видно, не честолюбивый. Онъ много писалъ и въ прозѣ и въ стихахъ; особенно легко давались ему стихи. Стихами онъ даже переписывался со своими сановитыми друзьями. Онъ, между прочимъ, былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ и состоялъ въ постоянной перепискѣ съ Петромъ Васильевичемъ Лопухинымъ, занимавшимъ въ ту пору какой-то важный постъ. Вологжане за различныя заслуги, избрали моего дѣда въ «именитые» граждане г. Вологды, и добрая память о немъ долго сохранялась въ средѣ вологодскихъ старожиловъ начала прошлаго столѣтія...

Если дѣйствительно нѣкоторыя наши душевныя, такъ же, какъ и физическія, качества мы получаемъ въ наслѣдство отъ предковъ, то я могу думать, что свою раннюю страсть къ книжнымъ занятіямъ и къ писательству я получилъ въ наслѣдство, вмѣстѣ съ настойчивостью и упрямствомъ, именно отъ моего дѣда по отцу.





Дѣдушка Павелъ Михайловичъ.

I.

Дѣдъ мой по матери, Павелъ Михайловичъ Засѣцкій, былъ помѣщикъ и потомственный дворянинъ Вологодской губерніи, отставной морякъ, «лейтенантъ флота», баринъ довольно богатый и важный.

Предокъ его еще во времена сѣдой старины «выѣхалъ» въ Московское государство изъ «нѣмецкія италійскія земли» ¹⁾.

Не однажды Засѣцкіе бывали въ силѣ, или, какъ прежде говорилось, «въ фаворѣ».

Одинъ изъ Засѣцкихъ, какъ гласятъ фамиліныя хроники, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ, любимцемъ правительницы Софіи Алексѣевны, и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ войной на злыхъ вороговъ-татаръ, и хотя походъ въ Крымъ, какъ извѣстно, кончился неудачно для царской рати, но, тѣмъ не менѣе, на долю Засѣцкихъ выпало не мало великихъ и богатыхъ милостей—въ

¹⁾ Въ копиі съ родословной фамиліи Засѣцкихъ, писанной „на Вологдѣ генваря 17 дня 1730“, сказано: „Влѣто 6897 году во дни великаго князя Василія Димитриевича Московскаго і всеа Россіи выехалъ изъ Италиі мужъ честенъ Николаи Засецка, а покрещеніи имя ему дано Димитріи Засѣцкой“.

видѣ земель и разныхъ угодій. Другой Засѣцкій былъ воеводой въ Сибири, и при немъ родъ Засѣцкихъ, повидимому, достигъ кульминаціонной точки своего процвѣтанія и славы. Этотъ Засѣцкій-воевода былъ въ чести, оставилъ послѣ себя изрядное наслѣдство и похороненъ въ Прилуцкомъ монастырѣ, близъ Вологды.

У дѣда моего, Павла Михайловича, были два большія родовыя имѣнья подъ Вологдой — Ѡминское и Новое, и третье Чичулино, купленное имъ у двоюроднаго брата, Засѣцкаго же. Кромѣ этихъ трехъ большихъ усадебъ, у него было еще нѣсколько деревень, лѣсныхъ дачъ, пустошей и разныхъ угодій.

Главной и любимой резиденціей дѣдушки Павла Михайловича было Ѡминское. Въ Новое онъ переѣзжалъ съ семьей лишь на весну — мѣсяца на полтора; тамъ въ озерахъ, близъ деревни Шиблово, во время весенняго разлива водъ онъ ловилъ рыбу. Впослѣдствіи дѣдушка отдалъ Новое сыну своему Константину, а Чичулино — другому сыну, Николаю. Самъ же съ младшимъ любимымъ сыномъ, Александромъ, жилъ постоянно въ Ѡминскомъ, и Александръ Засѣцкій еще при его жизни наслѣдовалъ это прекрасное, благоустроенное имѣніе ¹⁾.

Кромѣ этихъ трехъ сыновей, у дѣдушки были три дочери: старшая, Наталья, блистательно кончила курсъ въ Смольномъ монастырѣ (о ней я уже говорилъ); Елизавета, любимица дѣдушки, была очень рано выдана замужъ за отставнаго офицера Данилова; Екатерина (моя мать) также была рано выдана замужъ.

Все хозяйство, веденіе дома и воспитаніе дѣтей лежало на бабушкѣ, Екатеринѣ Григорьевнѣ.

Бабушка была петербургская уроженка и происходила изъ бѣдной дворянской семьи. Дѣдушка Павелъ Михайловичъ

¹⁾ Въ настоящее время Новое и Чичулино принадлежатъ Зааникіевскому монастырю, а Ѡминскимъ владѣть имѣетъ Буманъ.

встрѣтился и познакомился съ нею въ Кронштадтѣ, гдѣ она, по окончаніи курса въ Смольномъ монастырѣ, гостила у своихъ родныхъ. Она понравилась дѣдушкѣ, тотъ женился на ней и, по выходѣ въ отставку, увезъ ее въ свое Оминское.

Когда я сталъ помнить бабушку, она была очень благообразной, симпатичной старушкой, высокаго роста, худощавой, съ овальнымъ блѣднымъ лицомъ и въ бѣломъ чепчикѣ съ лопастями. Помню, она носила обыкновенно свѣтлыя платья съ довольно короткой таліей и съ длинной юбкой, волочившейся сзади въ видѣ шлейфа. Подъ старость ее разбилъ параличъ, и она ходила тихо, опираясь на черный костыль. Несмотря ни на старость, ни на болѣзнь, она не горбилась, держалась прямо и во время приѣма гостей своими торжественными, величавыми манерами напоминала маркизъ XVIII вѣка. Въ обществѣ дѣдушка Павелъ Михайловичъ былъ съ нею такъ же утонченно-вѣжливъ и любезенъ, какъ и съ прочими дамами, и такъ же низко раскланивался съ нею. И она, въ свою очередь, при гостяхъ была съ нимъ такъ же почтительно холодна, какъ и со всѣми мужчинами... Такая чудесная метаморфоза въ обращеніи старичковъ - супруговъ меня очень забавляла въ ту пору.

Бабушка Екатерина Григорьевна была очень добрая старушка и любила дѣтей. Помню, когда я былъ еще очень малъ (вѣроятно, лѣтъ четырехъ - пяти), она съ ласковой улыбкой брала меня за руку и, стуча своимъ чернымъ костылемъ, отправлялась со мной въ кладовую. Тамъ она надѣляла меня всякими лакомствами...

И, Боже мой, что это была за кладовая! Чего-чего только въ ней не было! Помню, большія лукошки, кадки, бѣлые деревянные лари вдоль стѣнъ, сундуки, какіе-то темные старинные баулы, окованные жестью, съ дугообразно выгнутыми крышками; полки, уставленные бутылками, банками, ящиками, ящичками, мѣшочками, бумажными тюриками; на веревкахъ подъ потолкомъ висѣли рядами пучки сухой мяты, полыни, трефоли, звѣробоя и другихъ хозяйственныхъ или

дѣкарственныхъ растеній. Въ кладовой всего слышнѣе пахло какими-то наливками - запеканками, мятой и яблоками. Изъ всѣхъ лакомствъ, какими надѣляла меня бабушка, я особенно помню превосходное сухое варенье изъ ягодъ и фруктовъ. Оно, въ видѣ засахарившейся массы, хранилось въ большихъ стеклянныхъ банкахъ. Впослѣдствіи я уже никогда ничего не ѣдалъ вкуснѣе этого сухого варенья...

Дѣдъ былъ страстный рыболовъ и охотникъ; послѣ него осталась громадная коллекція всевозможныхъ рыболовныхъ и охотничьихъ снарядовъ-сѣтей, мерезъ различной величины (для рыбы и для звѣрей), капкановъ, рогатинъ для охоты на медвѣдя и на волковъ, не считая цѣлаго арсенала ружей, пистолетовъ, охотничьихъ ножей, кинжаловъ. На облавы подъ предводительствомъ дѣдушки собиралось до 300 чело-вѣкъ крестьянъ, дворовыхъ и мелкаго помѣщичьяго люда. Въ одинъ день, бывало, убивали 5—6 волковъ, нѣсколько лисицъ и цѣлую кучу зайцевъ. Множество волковъ истребилъ на своемъ вѣку дѣдушка Павелъ Михайловичъ. И сосѣднее крестьянство осталось ему очень благодарно за избавленіе ихъ стадъ отъ злыхъ хищниковъ:

Жизнь дѣдушки въ деревнѣ проходила въ рыбной ловлѣ, въ охотѣ и въ попойкахъ; страсть къ послѣднему препровожденію времени онъ перенесъ съ корабля и въ семейную жизнь. Нравъ у него смолоду былъ довольно крутой, горячій, своевольный, — и во время его шумнаго разгула и охотничьихъ кутежей жизнь Екатерины Григорьевны проходила печально, въ постоянномъ томительномъ страхѣ.

Бабушку Екатерину Григорьевну доконалъ параличъ. Она умерла, когда мнѣ минуло шесть лѣтъ. Дѣдушка лѣтъ на 10 пережилъ ее...

Въ Оминскомъ у дѣдушки было много рогатаго скота, лошадей, охотничьихъ собакъ, и, кромѣ того, у него постоянно жили въ домѣ ручная бѣлка въ клѣткѣ или горностаи, ручная ворона съ опѣшенными крыльями или ѣжь, а въ саду — ручной журавль, до того образованный, что даже плясалъ подъ хлопанье въ ладоши, семья медвѣжатъ и волчонокъ...

У дѣдушки была своя мельница, кузница, угольникъ (т. - е. сарай для угольевъ). Кстати, въ этотъ угольникъ однажды была посажена семья маленькихъ лисятъ. Лисята выростали, валяясь постоянно въ угольной пыли, и до того, наконецъ, измѣнили цвѣтъ своей шерсти, что дѣдушка впоследствии, уже будучи старикомъ, съ веселымъ, дѣтски-лукавымъ смѣхомъ, рассказывалъ о томъ, какъ этихъ самыхъ обыкновенныхъ лисицъ, воспитанныхъ въ угольникѣ, будто бы продали за чернобурыхъ...

Его главная резиденція — Ооминское, съ громаднымъ двухъэтажнымъ домомъ съ гигантскими колоннами, окруженнымъ цвѣтниками, садами, роцами, прудами, теплицами и оранжереями, со множествомъ различныхъ построекъ и съ бѣлою церковью на горѣ, — считалась въ ту пору однимъ изъ лучшихъ подгородныхъ барскихъ имѣній. (Ооминское находится въ 15-ти верстахъ отъ Вологды.)

Дѣдушка съ семьей жилъ внизу, а верхній этажъ предназначался для парадныхъ пріемовъ...

II.

Я еще ребенкомъ съ покойной матушкой довольно часто ѣздилъ въ Ооминское. Я любилъ забираться наверхъ и бродить по пустымъ комнатамъ. Тутъ для меня все было очарование и таинственность. Живо я помню одну за другой всѣ эти комнаты...

Зала была громадная, высокая комната, съ большими окнами, выходившими на дворъ и въ садъ, и съ бѣлыми стѣнами, окаймленными золотымъ бордюромъ. Подъ потолкомъ среди залы висѣла почтенныхъ размѣровъ хрустальная люстра съ гранеными подвѣсками, въ родѣ тѣхъ люстръ, какія и теперь можно видѣть въ иныхъ церквахъ. Когда солнечный лучъ падалъ на люстру, ея граненныя подвѣски ярко блестѣли, отливая всѣми цвѣтами радуги. Вдоль одной стѣны стояли въ кадкахъ большія фиговья, ли-

монныя и померанцевыя деревья, съ лоснящимися, темно-зелеными листьями, а также, такъ называемое, «перламутровое дерево» съ маленькими, блѣдно-розовыми цвѣтами. Въ полукруглой печной нишѣ стояла бѣлая гипсовая статуя какой-то богини, а вверху на приступочкахъ той же печи раскрашенные гипсовые амурь сидѣли, скрестивъ ноги, и, съ лукавой улыбкой поглядывая на залу, все что-то записывали на страницахъ тетрадей, раскрытыхъ у нихъ на колѣняхъ...

Ахъ, если бы въ самомъ дѣлѣ эти голые амурь могли писать!.. Много интереснаго и поучительнаго занесли бы они на страницы своихъ тетрадей!..

За залой слѣдовала гостиная, тоже бѣлая комната, довольно глубокая и нѣсколько мрачная, уставленная старинною мебелью, обитою краснымъ сафьяномъ и увѣшанная въ простѣнкахъ между окнами длинными зеркалами въ золоченыхъ рамахъ. Далѣе была «картинная», довольно узкая, продолговатая комната съ гравюрами въ золоченыхъ рамахъ по стѣнамъ. Тутъ были картины изъ жизни Абеяра и Элоизы, изъ гётевской повѣсти о Вертерѣ, сцены изъ греческой мифологіи. На послѣдняго рода картины мнѣ запрещали смотрѣть, и, вѣроятно, именно поэтому-то я всего пристальнѣе и разсматривалъ ихъ, но, признаться по совѣсти, сколько я ни всматривался, ровнехонько ничего въ нихъ не понималъ и не могъ взять въ толкъ, почему мнѣ запрещали глядѣть на нихъ... Далѣе порядка комнатъ не помню, но только знаю, что ихъ было такъ много, что я однажды, когда былъ еще очень малъ, заблудился, никакъ не могъ попасть въ «люковую», откуда лѣстница вела внизъ, и, заблудившись, страшно перепугался и расплакался...

Помню, въ одной комнатѣ на довольно толстой, низкой тумбѣ стояла раскрашенная, тщательно сдѣланная модель трехмачтоваго военнаго корабля, со всѣми мельчайшими подробностями его оснастки и вооруженія — съ мачтами, парусами, реями, веревочными лѣстницами, со связками канатовъ на палубѣ, съ якоремъ со сходомъ въ трюмъ, съ

каютой, съ люками, откуда выглядывали жерла темно-бронзовыхъ игрушечныхъ пушекъ. Эта модель корабля была чудомъ терпѣнія и искусства. Ее дѣлалъ самъ дѣдушка во дни оны.

Въ «картинной», а также и въ другихъ комнатахъ, тамъ и сямъ, висѣли на стѣнахъ портреты моихъ предковъ. Портреты—большіе, всѣ въ черныхъ рамкахъ. Днемъ этихъ «дѣдушекъ» и «бабушекъ» я не боялся, но вечеромъ ни за что въ свѣтѣ я не пошелъ бы глядѣть на нихъ. Съ темнаго холста, какъ призраки, смотрѣли на меня ихъ надутыя, самодовольныя лица съ гладко выбритыми подбородками, въ громадныхъ напудренныхъ парикахъ; иные изъ этихъ людей были въ какихъ-то мантияхъ, иные въ мундирахъ, то съ отложными, то съ высокими, стоячими воротниками. Холодный, неподвижный взглядъ ихъ большихъ голубыхъ глазъ пугалъ меня въ дѣтствѣ; эти неподвижные, остановившіеся глаза иногда даже грезились мнѣ во снѣ... Были тамъ портреты и дамъ конца XVIII и начала прошлаго столѣтія. Помню: губы сердечкомъ, локоны, короткіе, широкіе рукава, короткія талии, перехваченныя то розовой, то голубой лентой; въ рукѣ, на груди или на плечѣ — бѣлая или алая роза.

Изъ старыхъ почернѣвшихъ картинъ особенно сильное впечатлѣніе на меня производили: апостолъ Петръ съ ключомъ въ рукахъ и Юдиѣ, убивающая Олоферна. Последняя картина положительно приковывала къ себѣ мое дѣтское вниманіе...

Эта Юдиѣ съ мечомъ, стоящая надъ спящимъ Олоферномъ, и голова Олоферна со включенными волосами и съ краснымъ, почти багровымъ лицомъ мучили меня: онѣ меня пугали, отталкивали и въ то же время привлекали меня къ себѣ. Насколько я теперь понимаю дѣло, эта картина, должно-быть, написана была не зауряднымъ, доморощеннымъ художникомъ. Юдиѣ, эта полураздѣтая красавица, съ черными распущенными волосами, и спящій, страшный Олофернъ и теперь еще живо рисуются передо мной, выступая

изъ мрака воспоминаній... Я какъ будто и теперь еще вижу въ темныхъ, широко раскрытыхъ глазахъ Юдиои ужась, а на лицѣ спящаго Олоферна—тѣнь отъ занавѣса, какъ тѣнь надвигающейся смерти...

Была еще одна интересная для меня комната — «дѣдушкина рабочая»; здѣсь стояли два токарные станка и столярный верстакъ, и находились всевозможныя принадлежности столярнаго, токарнаго и слесарнаго дѣла. Въ углу стояли сухія, гладко выстроганныя доски. Во время своихъ странствованій я всегда заглядывалъ въ эту комнату.

Занималъ меня также звучный резонансъ большихъ пустыхъ комнатъ. Приду, бывало, въ залу и начну выкрикивать «о-о! а-а!» и слушаю, какъ отголосокъ моихъ восклицаній отдавался по всей анфіладѣ комнатъ. Зимой герхнїй этажъ протапливали изрѣдка; въ комнатахъ пахло сыростью и затхлюю нежилого зданія.

Жилыя комнаты нижняго этажа были темнѣе и казались мнѣ мрачными по сравненію съ верхними обширными покоемъ, гдѣ было такъ много воздуха и свѣта. Здѣсь комнаты были ниже, окна меньше и притомъ въ залѣ заставлены цвѣтами. Расположеніе переднихъ комнатъ здѣсь было почти такое же, какъ и наверху; зала, гостиная, — только тутъ вмѣсто «картинной» находилась довольно большая столовая — «наугольная».

Въ столовой, помню, была изразцовая лежанка съ рисунками какихъ-то фантастическихъ цвѣтовъ, фруктовъ, ярко окрашенныхъ бабочекъ и птицъ съ хохлами на головахъ и съ очень длинными, внизъ опущенными хвостами. На лежанкѣ часто сидѣлъ дѣдушкинъ черный котъ. По зимнимъ вечерамъ онъ грѣлся на лежанкѣ, а лѣтомъ усаживался на ней уже просто по привычкѣ. Этотъ черный котъ былъ очень важной особой въ домѣ: гнать, притѣснять его и вообще относиться къ нему дурно никто не могъ, кромѣ дѣдушки.

Въ то время, какъ я сталъ помнить дѣдушку Павла Михайловича, онъ былъ уже старикъ лѣтъ 75, средняго роста,

коренастый, съ рѣдкими, разлетающимися прядями сѣдыхъ волосъ на вискахъ и на затылкѣ, съ густыми, клочковатыми бровями, безъ бороды и безъ усовъ. Толстый кончикъ его носа былъ покрытъ цѣлою сѣтью мелкихъ красно-сизыхъ жилокъ. Постоянно, зимой и лѣтомъ, онъ носилъ широкой черный шелковый галстукъ, длинный сѣрый нанковый сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и широкіе сѣрые штаны. Онъ видѣлъ еще довольно хорошо, такъ что читалъ безъ очковъ, но слышалъ плохо; при разговорѣ съ нимъ нужно было кричать, и говорить съ нимъ по секрету было неудобно... Голова его сильно тряслась, руки дрожали, и при ходьбѣ онъ волочилъ ноги по полу. Издалека, бывало, узнаешь о приближеніи дѣдушки, слышавъ шмыганье его сапогъ.

Дрожаніе рукъ всего болѣе мучило его. Онъ, бывало, до того разсердится на руки за ихъ непослушаніе, что начнетъ съ яростью бить одной рукой другую и, чуть не плача, приговариваетъ: «Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ, проклятая! Отрубить тебя надо! Отрубить!..» Виноватою чаще оказывалась правая рука, но, само собой, всегда болѣе доставалось лѣвой.

Для питья чая на столъ передъ дѣдушкой ставилась невысокая скамеечка изъ краснаго полированнаго дерева. Человѣкъ, прислуживавшій дѣду, наливалъ изъ кружки чай на блюдце и блюдце ставилъ на скамейку, и затѣмъ дѣдушка управлялся уже самъ. Вотъ тутъ-то рукамъ и доставалось отъ него всего чаще, ибо за питьемъ чая всего чаще дѣдушку постигали непріятности: ронянье ложки; разливанье чая по скамейкѣ, битье посуды и т. д.

Дѣдушка, когда бывалъ въ добромъ расположеніи духа, любилъ подшучивать надъ гостями: возьметъ у кого-нибудь украдкой платокъ или табакерку, спрячетъ ихъ, сядетъ въ сторонкѣ и ждетъ. Ждать ему приходилось недолго, потому что гости уже догадывались, въ чемъ дѣло, и начинали искать потерянный платокъ или табакерку, вставали съ мѣстъ, заглядывали подъ кресла, подъ столъ, ходили по

комнатѣ, пожимали плечами и удивлялись. А дѣдушка съ чисто дѣтскимъ лукавствомъ посматриваетъ на нихъ и посмѣивается, а потомъ возьметъ и подброситъ къ кому-нибудь утаченную вещь. Хозяинъ найденной вещи — въ величайшемъ недоумѣннн, и дѣдушка остается очень доволенъ своими маневрами...

Дѣдушка Павелъ Михайловичъ состоялъ на морской службѣ въ царствованіе Павла I. Со смертью этого государя кончилась и служебная карьера моего дѣда. Потому ли, что съ этимъ царствованіемъ были для него связаны воспоминанія юности, лучшей поры жизни, по другимъ ли какимъ-нибудь причинамъ, — судить не берусь, только вѣрно одно, что дѣдушка почему-то благоговѣлъ передъ памятью Павла Петровича. Кажется, что онъ даже какъ будто не признавалъ слѣдовавшихъ за Павломъ I государей — Александра и Николая Павловичей.

Въ Ѳоминскомъ въ нѣсколькихъ комнатахъ висѣли портреты императора Павла I. Въ дѣдушкиномъ кабинетѣ на столѣ стояла статуэтка изъ темной бронзы, изображавшая этого государя во весь ростъ, опирающагося на обнаженную шпагу, и съ его знаменитой треуголкой на головѣ.

Не разъ, бывало, сидитъ дѣдушка Павелъ Михайловичъ въ своей комнатѣ за столомъ, откинувшись на спинку кресла, смотритъ на статуэтку обожаемаго имъ монарха и вдругъ начнетъ шамкать своими беззубыми челюстями:

— Да! Это былъ государь... Вотъ это государь!.. Царство ему небесное!..

И губы его что-то шептали, брови хмурились, сѣдая голова его тряслась сильнѣе обыкновеннаго, и онъ въ забывчивости, унесшись въ прошлое воспоминаемъ, сжималъ свои слабыя, дрожащія руки и стучалъ ими по столу.

Образъ этого государя, очевидно, отражался въ его воображеніи сквозь какую-то свѣтлую, радужную призму и все не въ томъ видѣ, въ какомъ императоръ Павелъ I запечатлѣлся въ памяти большинства его современниковъ и

явился въ послѣдствіи на страницахъ исторіи. Павелъ I, по видимому, былъ его кумиромъ; представлялся ему идеаломъ человѣка и государя, рыцарски великодушнаго, справедливаго и просвѣщеннаго, мечтавшаго и бывшаго въ состояніи обновить весь міръ, если бы только его предначертаніямъ не помѣшала преждевременная его кончина.

III.

Дѣдушка Павелъ Михайловичъ вставалъ рано и рано ложился спать; послѣ обѣда отдыхалъ; въ осеннее ненастье и зимой, когда его, бывало, «развалить» къ погодѣ, любилъ «сумерничать» долѣе обыкновеннаго. Лѣтомъ ходилъ въ рощу за грибами, гулялъ по саду, бросалъ въ прудъ карасямъ хлѣбныя крошки, а дома вязалъ мережу и неистово билъ мухъ. Хлопушки для мухъ лежали у него на столѣ, на подоконникахъ, всюду, и посѣтитель каждый разъ доставлялъ ему большое удовольствіе, если, вооружившись хлопучкой, начиналъ вмѣстѣ съ нимъ умерщвлять мухъ; если же посѣтитель промахивался, то доставлялъ тѣмъ дѣдушкѣ еще высшее наслажденіе.

Однажды при мнѣ посѣтитель завелъ съ дѣдушкой разговоръ по поводу мухъ.

— Вѣдь и мухи для чего же нибудь созданы!—замѣтилъ онъ. — Можетъ-быть, онѣ воздухъ очищаютъ...

— Воздухъ очищаютъ! — съ негодованіемъ вскричалъ дѣдушка, трясая головой. — Мухи-то воздухъ очищаютъ!.. Да онѣ, проклятыя, только пакостятъ...

И онъ съ яростью треснулъ хлопучкой по столу.

Въ лѣтнюю пору мухи такъ сильно досаждали ему, падая ему въ чай, въ кушанье и жала его лысину и затылокъ, что онъ безъ злобы не могъ смотрѣть на нихъ.

Зимой дѣдушка иногда, изрѣдка, читалъ преимущественно книги историческаго содержанія, а также календари за старыя года, чаще же всего занимался своею мережей.

Не малое развлеченіе также доставляли дѣдушкѣ его прирученныя четвероногіе и пернатые друзья. Возьметъ онъ, бывало, нѣсколько кусочковъ сырой говядины и пойдетъ искать свою любимицу — ручную ворону, выйдетъ въ сѣни и старческимъ надтреснутымъ голосомъ кричить: «Каргуша! Каргуша!» И ворона съ радостнымъ карканьемъ слѣшитъ на его зовъ, бочкомъ прыгая къ нему по ступенямъ крыльца. Дѣдушка беретъ ее, садитъ себѣ на лѣвую руку и начинаетъ угощать ее. Ворона вертитъ головой и, поглядывая на него искоса, съ воровскими ужимками выхватываетъ у него кусочекъ мяса. Дѣдушка улыбается.

— Каргуша! Ты вѣдь воровка?—спрашиваетъ онъ ворону, тряся ее за клювъ.

Ворона, освободивъ клювъ, тащитъ другой кусочекъ и съ жадностью проглатываетъ его.

— Воровка!—утвердительно говоритъ дѣдъ и, скормивъ весь запасъ мяса, отпускаетъ свою «каргушу».

Но она еще нѣсколько минутъ прыгаетъ около него, клюетъ подошвы его сапогъ и съ самымъ вызывающимъ видомъ налетаетъ на него...

Или возьметъ дѣдушка своего ежа, поставитъ его передъ собой на столъ, сядетъ въ кресло и начинаетъ съ нимъ разговаривать.

— Ежъ! Ежинька!—говоритъ онъ, проводя своею дрожащей рукой по колючимъ игламъ. — И погладить-то тебя нельзя. Ежъ Ежовичъ! На что жъ мордочку-то спряталъ... Ну, покажи-ка! Посмотри на меня!

Ежъ на мгновенье высовывалъ мордочку, своими темными глазками взглядывалъ на дѣдушку и опять свертывался въ комокъ.

— Ужъ и струсилъ! Ну, чего жъ испугался?—съ усмѣшкой говорилъ дѣдушка.

Кормленіе кота также занимало не мало времени, а иногда даже принимало трагическій оттѣнокъ и составляло событіе дня.

Его старый черный котъ, разумѣется, всегда былъ сытенокъ, накормленъ до отвала. Но дѣдушкѣ, бывало, покажется, что котъ голоденъ, что его надо непременно покормить. Въ чашку наливались сливки, разбавленные теплой, кипяченой водой, и крошились кусочки бѣлаго хлѣба... Дѣдушка бралъ кота и подносилъ къ чашкѣ. Сытый котъ, понятно, воротилъ морду въ сторону. Дѣдушка сначала ласково упрасивалъ его, уговаривалъ и урезонивалъ всячески.

— Ну, поѣшь, кòша! Поѣшь! — шамкалъ онъ, поворачивая кота къ чашкѣ.

Котъ упорствовалъ и продолжалъ пятиться отъ чашки... Разыгрывалась въ лицахъ басня о Демьяновой ухѣ. Дѣдъ начиналъ сердиться.

— Отчего не ѣшь? Ну! Что жъ тебѣ еще надо? А? Тебѣ сливки — не сливки... Морду воротить! — ворчалъ дѣдушка, тыча кота носомъ въ чашку. — Ышь, ѣшь, тебѣ говорить...

Котъ фыркалъ, отбивался и начиналъ жалобно мяукать. Тутъ ужъ дѣло его становилось совсѣмъ плохо... Дѣдушка въ виду такого явнаго, закоснѣлаго упорства окончательно приходилъ въ бѣшенство.

— У-у-у, упрямая скотина! — шипѣлъ дѣдъ и, схвативъ дрожащими руками кота за шиворотъ, торжественно несъ его изъ комнаты.

Котъ, зажмуривъ глаза, оставался неподвиженъ, какъ бы уже приготовившись къ воспріятію самыхъ жестокихъ мукъ. Дѣло кончалось тѣмъ, что дѣдушка съ видомъ непреклонной рѣшимости сбрасывалъ его съ крыльца, какъ съ Тарпейской скалы, и гнѣвно кричалъ вслѣдъ удиравшему когу:

— Пошелъ, негодяй! И не смѣй мнѣ на глаза показываться!..

И дѣдушка, глубоко разстроенный и разсерженный, возвращался въ комнату со слезами на глазахъ: то были слезы жалости и досады на «неблагодарную, упрямую скотину».

Впрочемъ, contra между дѣдушкой Павломъ Михайловичемъ и его чернымъ котомъ были непродолжительны. Черезъ часъ дѣдушка уже забывалъ прегрѣшенія своего любимца и, выйдя на крыльцо, мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ зывалъ его къ себѣ: «Коша, коша! Гдѣ ты? Коша!» И если котъ, задравъ хвостъ, со всѣхъ ногъ бѣжалъ на его зовъ, дѣдушка умилялся и радостно принималъ его, какъ раскаявшееся блудное дѣтище, бралъ на руки и, глядя и цѣлуя его въ голову, несъ къ себѣ въ комнату.

Дѣдушка былъ вообще ласковъ къ дѣтямъ, по крайней мѣрѣ, подъ старость. Онъ благоволилъ ко мнѣ и часто уходилъ меня въ свою комнату. Мнѣ нравились эти посѣщенія, потому что въ дѣдушкиномъ шкапу находился, повидимому, неистощимый запасъ винныхъ ягодъ, финиковъ, чернослива, синяго изюму и проч. и проч. И онъ каждый разъ щедро надѣлялъ меня этими сластями.

Въ дѣдушкиной комнатѣ, кромѣ шкапа съ его «провизіей», стоялъ еще книжный шкапъ. Въ этомъ шкапѣ въ нарядныхъ переплетахъ красовались за стекломъ: Исторія Петра I, Суворова, Наполеона, Фридриха Великаго, Исторія войны 1812 года, Картины вселенной, Путешествія Дюмонъ-Дюрвиля, Тайны инквизиціи, Труды Вольно-Экономическаго Общества, *Les fables d'Esopre phrygien* (копенгагенское изданіе конца прошлаго столѣтія) и др. На стѣнахъ въ красныхъ рамкахъ висѣли старинныя гравюры съ изображеніемъ какихъ-то морскихъ сраженій, битвы подъ Полтавой и при деревнѣ Лѣсной, а также портретъ Куракина и какого-то, не помню, важнаго духовнаго сановника.

На стѣнѣ около двери висѣли большіе стѣнные часы; на циферблатѣ ихъ вверху выглядывалъ изъ-за скалы тигръ, каждую секунду страшно вращавшій глазами...

Въ послѣдніе годы жизни дѣдушка Павелъ Михайловичъ большую часть своего времени, особенно зимой, проводилъ въ этой комнатѣ со своимъ старымъ неразлучнымъ служителемъ, Васильемъ Шило, и со своимъ чернымъ котомъ.

IV.

А какъ былъ хорошъ ѳоминскій садъ!

Передъ домомъ съ полуденной стороны разстилался роскошный цвѣтникъ; тутъ росли великолѣпныя георгины, всевозможныхъ сортовъ розы—алыя, бѣлыя, желтыя, нарциссы, масса мелкихъ пахучихъ цвѣтовъ — душистый горошекъ, левкои, мальвы, «уголекъ въ огнѣ», царскіе кудри, анютины глазки, жонкилы, — и я ужъ не помню, что еще тамъ росло и цвѣло.

Далѣе расходился старинный, почтенный садъ. Аллеи липовыя, березовыя, аллеи елей, сосенъ, пихтъ перерѣзывали садъ во всѣхъ направленіяхъ; то аллеи шли параллельно, то пересѣкались, то обходили вокругъ прудовъ и приводили въ глубину сада, къ разнымъ укромнымъ, уютнымъ уголкамъ, то къ бесѣдкѣ изъ акацій, то къ дерновому полукруглому дивану, то къ кокетливому, хорошенькому домику легкой, воздушной постройки, служившему для обливанія въ жаркіе лѣтніе дни. (Отъ ѳоминаскаго до рѣки Вологоды около версты.) Въ саду былъ вишневый сарай, и росло много прекрасныхъ яблонь. Подъ тѣнью липъ пріютилась баня. Въ прудахъ водились караси...

Помню я, какъ, бывало, въ бурю или ночью, въ сильный вѣтеръ садъ глухо шумѣлъ и гудѣлъ. А лѣтомъ въ тихій и ясный полуденный часъ садъ стоялъ во всей своей прелести, блистая зеленою листвою въ волшебной игрѣ свѣта и тѣни и благоухая цвѣточными ароматами...

Черезъ дорогу находилась роща, темная, тѣнистая, и въ ней также — большой прудъ съ карасями.

Въ этой рощѣ жили кролики. Бывало, рано утромъ, когда роса еще не обсохла на травѣ, я забирался сюда и подсматривалъ за кроликами. Они были такіе чистенькіе, гладкіе, съ лоснящеюся шерсткой; такъ мило садились они на заднія лапы и такъ зорко оглядывались по сторонамъ, настороживъ свои длинныя уши! Мнѣ ужасно хотѣлось пой-

мать кролика и поласкать его... И сколько разъ я бѣгалъ за ними по рощѣ до устали, но ни разу, конечно, не могъ поймать ни одного кролика. То они прятались подъ бревна, лежавшія на опушкѣ рощи, то заскакивали въ непролазную чащу кустовъ орѣшника, а иной разъ пропадали прямо изъ-подъ рукъ, словно сквозь землю проваливались. Принимался я сторожить кроликовъ и поздно вечеромъ, когда подъ деревьями сгущались тѣни, и мѣсяцъ свѣтилъ съ неба, но ловилъ ихъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и днемъ.

За рощей стоялъ большой, длинный амбаръ съ крытой галлереей. За амбаромъ росъ густой малинникъ, и я часто, забравшись въ него, лакомился вкусными ягодами...

Помню: особенно торжественно справлялись дѣдушкины именины 29 іюня, въ день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла.

Всѣ родные и знакомые съѣзжались по этому случаю въ Ѳоминское; пріѣзжали изъ усадебъ, изъ города; ближніе являлись въ день праздника, дальніе забирались накануне. Четыре поколѣнія рода Засѣдскихъ бывали налицо въ тотъ день въ Ѳоминскомъ: дѣдушка Павелъ Михайловичъ, его дочери и сыновья, внуки и внучки, правнуки и правнучки... И для всѣхъ многочисленныхъ гостей, съѣзжавшихся на Петровъ день въ Ѳоминское, доставало мѣста, хватало постелей, подушекъ, прислуги. Ѳоминскій домъ въ ту пору былъ полная чаша... Весь дворъ передъ каретникомъ застывалъ экипажами. Нарядные кучера, въ поддевахъ и въ красныхъ рубахахъ, шатались по двору или сидѣли у «людскихъ» избъ. Въ конюшняхъ слышались топотъ и лошадиное ржаніе. Разряженные горничныя дѣвушки, лакеи и казачки поминутно перебѣгали между домомъ и кухней.

Утромъ гости отправлялись въ церковь (въ полуверстѣ, на горѣ); кто шелъ пѣшкомъ, кто катилъ въ пролеткѣ, въ коляскѣ. Послѣ завтрака гости шли на балконъ, расходились

по саду, группами, парами, поодиночкѣ... Въ зеленой дали тѣнистыхъ аллей мелькали свѣтлыя женскія платья, слышался говоръ, смѣхъ... Съ пѣньемъ птицъ сливались веселые дѣтскіе голоса, звенѣвшіе въ воздухѣ.

На тотъ день отпирался для гостей верхній этажъ дома, и большой обѣденный столъ накрывался въ залѣ. Для дѣтей ставились маленькіе столы. Запахъ травъ и цвѣтовъ вливался изъ сада черезъ балконъ и въ большія раскрытыя окна. Дѣдушка Павелъ Михайловичъ въ тотъ день одѣвался въ черный, «парадный» сюртукъ стараго покроя.

Въ концѣ обѣда, помню, гости съ бокалами въ рукахъ поднимались со своихъ мѣстъ, шумно отодвигая стулья, и поздравляли именинника. Дѣдушка Павелъ Михайловичъ стоялъ передъ своимъ приборомъ на переднемъ концѣ стола и съ серьезнымъ, невозмутимымъ лицомъ раскланивался съ гостями, усиленнѣе обыкновеннаго покачивая своею трясущеюся головой и расплескивая шампанское изъ бокала. Въ это время съ садоваго вала, гдѣ была устроена батарея, раздавались вскорѣ одинъ за другимъ три пушечные залпа. Стекла въ окнахъ дрожали, хрустальные подвѣски люстры брянчали; дамы и барышни вскрикивали отъ неожиданности, слышался звонъ разбитаго бокала... гости оглушительно кричали «ура»!.. Я смотрѣлъ въ окно и наблюдалъ, какъ въ саду между деревьями синеватыми полосами разстился пороховой дымъ:

Вечеромъ опять поднималась пушечная пальба, опять пушечный грохотъ раздавался надъ Оминскимъ, и клубы пороховаго дыма заволакивали опушку сада. На этотъ разъ уже ничто не могло удержать меня въ комнатахъ, и я бѣжалъ на садовый валъ, гдѣ съ давнихъ поръ была устроена батарея по всѣмъ правиламъ военнаго искусства — и успѣла уже густо зарости травой. Пушки были небольшого калибра, длинностволья, на зеленыхъ лафетахъ и обыкновенно хранились въ сараѣ, рядомъ съ каретникомъ, гдѣ стоялъ также громадный катокъ съ наваленными на немъ большими сѣрыми булыжниками...

Помню: съ какимъ волненіемъ и съ замираньемъ сердца смотрѣлъ я, какъ дяди мои, артиллеристы, Александръ и Константинъ, заряжали пушки и накатывали ихъ на край батареи. И красиво было видѣть, какъ въ синемъ полусвѣтѣ сгущавшихся лѣтнихъ сумерекъ изъ пушечныхъ жерлъ съ грохотомъ и трескомъ вылеталъ огонь, и густые клубы дыма на нѣсколько мгновеній застилали спящую окрестность...

Гдѣ тѣ дамы и кавалеры, которые, бывало, такъ весело гуляли въ Ѳоминскомъ, въ тѣни аллея его садовъ и роцъ! Они прошли, они исчезли, и исчезъ ихъ слѣдъ...

Однажды въ сѣрый, ненастный октябрьскій день дѣдушка Павелъ Михайловичъ по своему обыкновенію легъ «посумерничать», заснулъ и уже болѣе не просыпался. Кончина его была безболѣзненная и мирная. Онъ умеръ 90 лѣтъ въ то памятное, многознаменательное время, когда рушился нашъ старый «крѣпостной» строй и навсегда сдавался въ историческій архивъ... Я былъ въ ту пору въ V классѣ гимназіи и присутствовалъ на похоронахъ дѣдушки Павла Михайловича; на похороны его собрались почти всѣ его дѣти, внуки и правнуки.

Въ своемъ черномъ «парадномъ» сюртукѣ лежалъ онъ въ гробу. Блѣдное лицо его было спокойно, губы плотно сжаты... Онъ показался мнѣ въ гробу очень маленькимъ... Сѣрый, сумеречный свѣтъ октябрьскаго дня скупо проникалъ въ залу, и въ этомъ сумеречномъ свѣтѣ мерцали тускло восковыя свѣчи въ большихъ подсвѣчникахъ, стоявшихъ по угламъ гроба. Темная зелень померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ бросала тѣнь на изголовье гроба...

Черезъ много лѣтъ послѣ смерти дѣдушки Павла Михайловича былъ я въ Ѳоминскомъ...

„Старый домъ, старый другъ! посетилъ я,
Наконецъ, въ заустѣнѣ тебя.
И минувшее вновь оживилъ я
И печально глядѣлъ на тебя...“

Роща вырублена, кролики мои исчезли, ни вишневаго сарая, ни теплицы, ни оранжереи... Въ домѣ не слышно пыхганья дѣдушкиныхъ сапогъ. Не стало ни дяди Александра, ни привѣтливой его жены, ни *той*, которой образъ живетъ въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ мечта, какъ свѣтлый призракъ юношескихъ лѣтъ... Всѣ они — тамъ, на горѣ, у церкви, лежать въ сырыхъ могилахъ...

Съ Оминскимъ, кромѣ воспоминаній о дѣдушкѣ Павлѣ Михайловичѣ, для меня связывается не мало и другихъ воспоминаній — свѣтлыхъ и печальныхъ...





Въ родномъ уголкѣ.

„Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродить,
Русалка на вѣтвяхъ сидить;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и доль видѣній полны...“

А. Пушкинъ.

О С Е Н Ъ .

I.



Когда мнѣ было девять лѣтъ, мой отецъ съ матерью и со всѣми домочадцами переселился изъ города въ деревню.

До тѣхъ поръ я жила въ нашемъ Миролубовѣ только лѣтомъ; обыкновенно въ половинѣ августа я съ мамой перѣзжала въ городъ. Теперь мнѣ пришлось въ первый разъ провести въ деревнѣ всю осень, встрѣтить зиму, — прожить въ деревнѣ круглый годъ, да и не одинъ годъ. Эта первая осень и первая зима, проведенныя мною въ деревнѣ, живо запомнились мнѣ, какъ вообще все ярко заминалось въ то далекое время...

Съ половины сентября, помню, стали, перепадать дожди, сдѣлалось холодно, солнце рѣдко проглядывало, и его блѣдный лучъ, протирившійся изъ-за сѣрыхъ, густыхъ облаковъ, мало напоминалъ собою тѣ веселые золотистые лучи, отъ

какихъ я, бывало, такъ загораль въ лѣтнюю пору, что, по мнѣнію мамы, становился похожъ на «цыганенка».

Въ концѣ сентября опавшимъ желтымъ листомъ уже покрылась земля въ нашемъ саду, деревья стояли почти со-всѣмъ обнаженныя; блеклая, мокрая трава печально стлалась по землѣ, и шуршаль подъ ногами желтый листь. Гниющими листьями пахло въ сыромъ воздухѣ. Хлѣбъ былъ уже давно свезенъ съ полей, поля опустѣли. Стога на лугахъ, еще недавно такіе зеленые, теперь потемнѣли. Безлиственный лѣсъ издали казался какимъ-то сѣровато-бурымъ, мрачнымъ; зелень въ немъ виднѣлась лишь тамъ, гдѣ тѣсными группами посреди чернолѣсья стояли сосны и ели, но и эти вѣчно-зеленыя деревья не могли развеселить, скрасить унылую осеннюю картину лѣса.

Осеннее ненастье, конечно, было не въ состояніи удержать меня дома. Лишь только дождь переставаль, а иногда даже и въ то время, какъ дождь еще продолжалъ моросить, я бѣжалъ въ поле по знакомымъ тропинкамъ и межникамъ, заходилъ и въ лѣсъ, гдѣ иногда встрѣчалъ пріютившихся въ чащѣ рябчиковъ и тетеревей, заглядываль на гумно, гдѣ молотили и вѣяли хлѣбъ.

Въ странствованія по полямъ и лугамъ я иногда пускался не одинъ, бралъ съ собой Сашку. (Сашка былъ сынъ нашего кучера, Всеволода Родіонова, мой сверстникъ и товарищъ моихъ дѣтскихъ игръ.)

Я былъ большой мечтатель. Въ моей головѣ какимъ-то странномъ образомъ уживались и научныя знанія, уже пріобрѣтенныя мною, и мечты. Правда, мои знанія были еще очень маленькія, а для мечтаній даваль много пищи окружавшій меня міръ, еще полный для меня загадокъ и таинственности. Дѣтская душа жаждетъ поэзіи, «красныхъ вымысловъ», какъ бы предчувствуя, что въ жизни-то будетъ мало поэзіи, что «красные вымыслы» скоро разсѣются подъ суровымъ дуновеніемъ дѣйствительности... И въ тѣ давніе дни я, какъ многія дѣти, жилъ въ мірѣ, созданномъ мною самимъ, — въ мірѣ грезъ и мечтаній.

За деревьями, цвѣтами и вообще за растеніями я, примѣръ, признавалъ способность испытывать тѣ же чувства и ощущенія, какія волновали меня. Мнѣ порой было холодно, я зябнулъ и съ грустью вспоминалъ о теплыхъ лѣтнихъ дняхъ, о лѣтнемъ раздольѣ и привольѣ и теперь, глядя на голыя, мокрѣя вѣтви березъ, шумѣвшихъ уныло и гнущихся подъ налетами вѣтра, я жалѣлъ деревья и думалъ: «Имъ теперь холодно. Они, бѣдныя, озябли... Вонъ какъ они жалобно шумятъ и вздрагиваютъ отъ вѣтра! Они, можетъ-быть, также скучаютъ, грустятъ по краснымъ лѣтнимъ денечкамъ»...

Однажды я повѣдалъ свои невеселыя думы по поводу березъ Сашкѣ, и тотъ, какъ бы желая утѣшить и успокоить меня, сказалъ:

— Ну, что имъ дѣется!.. Вотъ ужъ придетъ весна, опять листь пойдетъ, тепло станетъ...

Оглядываясь на то прошлое, я, кажется, могъ бы отчасти сравнить тогда себя съ маленькимъ Донъ-Кихотомъ, а Сашка, пожалуй, могъ бы сойти за Санчо-Пансо. На тотъ разъ утѣшенія моего вѣрнаго Санчо-Пансо оказывались напрасны.

До весны тогда было еще далеко...

II.

Въ сѣверной полосѣ Россіи, гдѣ посреди лѣсовъ пріютилось наше Миролюбово, «сыромолоть» не въ обычаѣ ¹⁾: передъ молоченьемъ хлѣбъ въ снопахъ сушатъ въ овинѣ — для того, чтобы при молотбѣ зерна легче выбивались изъ сухого колоса и меньше пропадало ихъ въ солому.

Въ подовинѣ, въ ямѣ, раскладываютъ «теплину» — зажигаютъ толстыя полѣнья, цѣлыя чурбаны или выкорченныя корни деревъ, разрубленныя на части. Рожь, овесъ или

¹⁾ „Сыромолотомъ“ называется молотба хлѣба прямо съ поля или вообще безъ предварительной сушки.

ячмень, «насаженные» на овинъ, подогрѣваются снизу и просыхаютъ. Затапливаютъ овинъ въ сумерки и топятъ до полуночи и долѣе. Въ подовинѣ въ это время всегда бываетъ кто-нибудь изъ рабочихъ: надо слѣдить за тѣмъ, чтобы огонь не потухъ или чтобы отъ искръ, летящихъ вверхъ, не загорѣлся полъ овина. Храни Богъ, долго ли до бѣды!.. Если бревна мѣстами начинаютъ тлѣть, если показывается гдѣ-нибудь дымокъ, рабочій проворно черпаетъ ковшикомъ воду изъ бочки, всегда стоящей тутъ же, въ углу, и плещетъ водою на слишкомъ нагрѣвшіяся бревна.

Рига съ ворохами соломы не представляла для меня днемъ ничего особенно заманчиваго, но въ сумерки, ночью, гумно и овинъ были для меня полны таинственности и своею таинственностью сильно привлекали меня къ себѣ... Хотя гумно стояло недалеко отъ усадьбы, но, конечно, никто не пустилъ бы меня туда ночью. Въ сумерки же мнѣ нерѣдко удавалось пробраться въ подовинъ.

Топкой овина у насъ завѣдывалъ старикъ Андрей.

Какъ теперь вижу его передъ собой... Загорѣлое, морщинистое лицо, сѣрые, слезящіеся глаза, добродушная улыбка, темные волосы съ просѣдью, большая борода, совсѣмъ сѣдая, посконная рубаха, на плечахъ — сѣрый армякъ съ коричневыми заплатами, въ рукѣ — тоненькій батожокъ.

Мы съ Андреемъ были большіе пріатели. Хотя по лѣтамъ я не могъ быть Андрею товарищемъ, но, тѣмъ не мене, онъ, повидимому, всегда былъ очень радъ, когда я приходилъ къ нему въ подовинъ. Вѣроятно, ему было скучно подолгу сидѣть одному, а со мной онъ могъ поговорить и всегда находилъ во мнѣ внимательнаго слушателя. Старикъ разстилалъ свой армякъ на земляномъ полу, и мы располагались передъ теплиной.

Долги осеннія сумерки, — и я любилъ въ ту пору лежать передъ огнемъ и смотрѣть, какъ съ легкимъ трескомъ горѣли громадныя полѣнья, какъ красноватые языки пламени вспыхивали посреди синеваго дыма и золотистыя искры порой летѣли вверхъ и гасли... Кажется, и теперь,

черезъ много-много лѣтъ, я могъ бы красками нарисовать ту картину, какую мы тогда представляли съ Андреемъ...

Въ ямѣ горитъ огонь, и багровый дрожащій свѣтъ блестящими бликами играетъ тамъ и сямъ на толстыхъ, почернѣлыхъ бревнахъ подовина. Передъ огнемъ, полусидя, помѣщается старикъ съ батожкомъ въ рукѣ; загорѣлое, морщинистое лицо его при вспышкахъ пламени кажется совсѣмъ краснымъ. Рядомъ съ нимъ, облокотившись и склонивъ голову на руку, лежитъ мальчуганъ въ короткомъ пальто, въ круглой шапочкѣ и радумчиво смотритъ на огонь изъ-подъ густыхъ прядей вьющихся свѣтло-русыхъ волосъ... Эти непокорныя пряди выбиваются изъ-подъ шапки, падаютъ на лобъ и бросаютъ тѣнь на лицо... Въ углу—бочка съ водой, и тутъ же валяется нѣсколько сосновыхъ обрубковъ и куча валежника. Въ низенькую полуотворенную дверь въ недалекомъ разстояніи видна изгородь, а за нею опустошенныя поля съ желтой, торчащей жнивной тонуть, пропадаютъ въ синеватой мглѣ осеннихъ сумерекъ...

Иногда у меня съ Андреемъ заходили довольно интересные разговоры. Я рассказывалъ иногда старику всякія исторіи; были и небылицы, вычитанныя мною изъ книгъ; иногда Андрей совершенно неожиданно поражалъ меня открытіями и рассказами изъ области таинственнаго.

III.

Однажды, помню, сидя передъ теплиной, я спросилъ Андрея:

— Вѣдь теперь на гумнѣ пусто? Никого тамъ нѣтъ?

— Кому же тамъ быть! — отвѣтилъ старикъ. — Развѣ что «гумённый» шатается...

Я тотчасъ же насторожилъ уши: для моего любопытства открывались новые горизонты. Съ «гумённымъ» я до тѣхъ поръ не былъ еще знакомъ.

— «Гумённый»! Кто же это такой? — переспросилъ я.

— Да кто жъ его знаетъ... — вполголоса промолвилъ Андрей. — Мало ли на свѣтѣ всякой нечести, прости Господи... Банный, домовый, кикимора...

— Какой же изъ себя «гумѣнный»? — приступаль я.

— А такой высокій - высокій, волосья желтые, длинные, и балахонъ на немъ тоже желтый, длиннѣющій... — поясняль Андрей.

— Кто жъ его видѣль?

— Люди, сказываютъ, видали!

— А ты не видалъ? — допытывался я.

— Нѣтъ, не хочу врать, самъ не видалъ, не доводилось... — признался старикъ.

— А что онъ дѣлаеть на гумнѣ?

— Да такъ... болтается по ночамъ около овина... иной разъ соломой зашуршитъ, пугаетъ, значить... — отвѣтилъ Андрей.

Я оглянулся назадъ, на пріотворенную дверь. Сумракъ уже сгущался надъ полями.

— Ну, Андрей, вотъ что я тебѣ скажу... — разсудительнымъ тономъ началъ я, немного погодя. — Все это пустое... Ни домовыхъ, ни банныхъ, ни гумѣнныхъ — ничего этого нѣтъ.

— Ты, пожалуй, скажешь, что и кикиморы нѣтъ? — съ лукавой, многозначительной улыбкой спросилъ меня старикъ.

— Конечно, нѣтъ! — отвѣтилъ я.

— Ну, ужъ нѣтъ, батюшка! — шопотомъ, но съ жаромъ заговорилъ Андрей и даже приподнялся на локтѣ. — Кикимора-то, почитай, въ каждомъ дому есть... А только она вѣдь не злая, вреда, то-есть, человѣку не приноситъ, а побаловать — ея дѣло. Вотъ ежели, примѣромъ сказать, оставить что-нибудь на столѣ на ночь, либо поставецъ ¹⁾ не притворить плотно, она ужъ все перешарить, перетрогаетъ, а иной разъ и стукнетъ и брякнетъ чѣмъ-нибудь... Ежели

¹⁾ Поставецъ — шкапъ для посуды и для всякой домашней мелочи.

какой парень гармонию на ночь не уберетъ, такъ ужъ она, братецъ ты мой, непременно поиграетъ на ней, — тихонько-тихонько поиграетъ...

— Ты говоришь: она въ каждомъ домѣ бываетъ?.. Такъ гдѣ же она живетъ? — спросилъ я.

— А прахъ ее знаетъ... кое-гдѣ... Можетъ, подъ печкой, али въ подпольѣ... Вѣдь у нея сто ухоронокъ въ дому... — пояснилъ Андрей.

— Все это вранье! Никакихъ кикиморъ на свѣтѣ нѣтъ! Папа и мама мнѣ говорили, что старинные люди вѣрили въ нихъ, но что все это выдумки! — заговорилъ я довольно рѣшительнымъ тономъ, хотя, признаться, здѣсь, въ подовинѣ, въ полутьмѣ сумерекъ, являлись у меня какія-то смутныя сомнѣнія по поводу кикиморъ: внушительный шопоть старика порой оказывался убѣдительнѣе доводовъ разсудка. — Вѣдь никто не видалъ кикиморъ! — замѣтилъ я.

— Какъ «никто не видалъ»? Нѣтъ, батюшка, это ужъ ты оставь! — съ азартомъ зашепталъ старикъ, оглядываясь по сторонамъ. — Мой дѣдушка-покойникъ — царство ему небесное! — самъ своими глазами видѣлъ ее...

— Гдѣ жъ онъ ее видѣлъ? — спросилъ я, подвигаясь поближе къ своему собесѣднику.

— А на рѣкѣ... Одинъ разъ пришелъ онъ на рѣку верши ставить, — ужъ этакъ поздно было, вечеромъ... Смотрить, а подъ самымъ берегомъ, подъ кручей, она и сидитъ на камнѣ... Сидитъ, знаешь, въ одной рубахѣ, на колѣни облокотилась, пальцы въ волосы запустила. А волосья-то длинные-длинные, нечесанные... Какъ дѣдка-то увидалъ ее, испужался до смерти, верши бросилъ да, давай Богъ ноги, бѣгомъ домой... Бѣжалъ, говорить, такъ, что просто духъ захватило... Насилу отдышался...

— А дѣдушка рассказывалъ, какова она съ виду? — перебилъ я рассказчика.

— Да такъ, какъ бы тебѣ сказать, — въ родѣ старушонки, этакая махонькая-махонькая, какъ будто маленько горбатенька, ноги кривыя, а рыла-то ейнаго дѣдка не видалъ...

— Можетъ-быть, какая-нибудь женщина приходила купаться... — замѣтилъ я.

— Эвона! — съ усмѣшкой отозвался старикъ, качнувъ головою и, очевидно, признавая мое возраженіе крайне легкомысленнымъ. — Гмъ! Что вѣдь сказалъ!.. Пойдетъ баба за три версты отъ деревни купаться, да и то поздно вечеромъ... Да и дѣдъ-то, слава Богу, не пьянъ былъ и рѣчей пустыхъ не любилъ... Неужто бы онъ бабу отъ кикиморы не отличилъ?.. Хотя, это точно, есть у насъ бабы очень на кикимору похожи... — немного погодя, въ задумчивости почесывая затылокъ, промолвилъ старикъ про себя.

Несмотря на занимательные рассказы Андрея, давашіе богатую пищу моей дѣтской фантазіи, я все-таки говорилъ себѣ, что нельзя, не должно вѣрить ни въ «гумѣнныхъ», ни въ «кикиморъ». У насъ въ домѣ нерѣдко подтрунивали надъ этими созданіями народной фантазіи, и мнѣ было бы очень совѣстно, если бы я хотя на минуту сознался въ томъ, что я вѣрю въ лѣшаго или въ домового и боюсь ихъ. Ихъ нѣтъ, — конечно, нѣтъ!..

Но въ тотъ вечеръ, возвращаясь домой потемнѣвшимъ полемъ, я почему-то все озирался по сторонамъ, какъ будто ожидая увидать что-нибудь особенное, необыкновенное; назадъ я не оглядывался, и чѣмъ ближе подходилъ къ усадьбѣ, тѣмъ болѣе ускорялъ шагъ. Когда я подходилъ уже къ околицѣ, въ густыхъ лопухахъ, росшихъ попережку съ крапивою, у самой изгороди, вдругъ зашевелилось что-то черное, и два зеленоватыхъ огонька ярко блеснули въ вечернемъ сумракѣ. Сердце мое тревожно забилося, и неприятныя мурашки пробѣжали по спинѣ. Въ то же мгновеніе нашъ черный кухонный котъ, какъ сумасшедшій, выскочилъ изъ лопуховъ, вѣроятно, испугавшись меня, перемахнулъ черезъ изгородь и скрылся гдѣ-то за птичьимъ дворомъ.

— Фу, дуракъ какой! — сердито прошепталъ я по адресу удравшаго кота.

IV.

Очутившись въ своей комнатѣ, я мигомъ успокоился, и сердце мое билось уже ровно, какъ всегда.

На большомъ столѣ въ переднемъ углу по обыкновенію горѣла сальная свѣча, а у стола, какъ всегда, сидѣла и вязала свой вѣчный чулокъ моя няня, милая моя старушка, Марья Тарасьевна. На головѣ ея повязанъ темный платочекъ съ цвѣточками по каймѣ; изъ-подъ платочка видны гладко причесанные сѣдые, желтоватые волосы: При моемъ входѣ Тарасьевна подняла голову, сняла нагарь со свѣчи и, прищурившись, посмотрѣла на меня. Я же себя чувствовалъ такъ, какъ будто бы я избѣжалъ какой-то опасности, хотя въ дѣйствительности никакая опасность мнѣ ниоткуда не угрожала. Мнѣ стало очень весело и хотѣлось пошалить.

— Няня, гдѣ у насъ живетъ кикимора?

Старушка совсѣмъ была огорошена.

— Что-о такое? — забормотала она, повидимому, нѣсколько смутившись. — Что ты, Христось съ тобой! Какая кикимора? И съ чего тебѣ вздумалось?

Я подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее сзади за плечи и со смѣхомъ припалъ своею холодной щекой къ ея сухому, морщинистому лицу.

— Отстань, отвяжись, баловникъ! — съ притворнымъ негодованіемъ ворчала няня. — Вишь, какого холода нанесъ въ комнату, да холоднымъ-то носомъ еще въ щеку мнѣ торкается...

А я смѣюсь, мнѣ такъ весело, такъ хорошо!

— Гдѣ же ты, батюшка, пропадалъ о сю пору? — немного погодя, спросила меня няня.

— Я былъ въ подовинѣ съ Андреемъ.

— Это ты изъ овина-то одинъ впотьмахъ?—съ удивленнымъ видомъ воскликнула Тарасьевна, нахмутивъ брови и строго посмотрѣвъ на «баловника».

— А что жъ такое? Маленькій я, что ли?—возразилъ я, выпрямляясь во весь свой десятилѣтній ростъ. — Да теперь еще и не ночь.

— Одинъ въ подовинъ шастаетъ... Гмъ! Какую, подумаешь, волю забралъ! — брюзжала Тарасьевна. — Вотъ ужъ за это надо бы розочкой... надо!

— Послѣ дождичка въ четвергъ! — иронически отозвался я.

Я взялся за книгу и присѣлъ къ столу. Черезъ нѣсколько минутъ няня уже любовно, ласково смотрѣла на меня своими подслѣповатыми глазами.

— И-ихъ, баловникъ, баловникъ! — говорила она, покачивая головой и перебирая спицами. — Гдѣ только день-то денской ножки тебя не выносятъ... Усталъ, поди, притомился, сердечный? Вѣдь не посидишь ты на мѣстѣ... шмыгъ да шмыгъ...

— Вѣдь я же, няня, теперь сижу. Видишь! — говорю я съ самымъ смиреннымъ видомъ, болтая ногами подъ столомъ.

— Сидишь! — передразнивающимъ тономъ бормочетъ няня. — Еще бы ты ночью-то козломъ задрюгалъ...

Я смѣюсь. Няня дѣлаетъ видъ, что она ужасно обижена и несчастна.

— Няня, ты не сердись! — говорю я сквозь смѣхъ.

— Какъ на тебя, на баловника, не сердиться! — не унижается моя Тарасьевна. — Этакую волюшку, въ самомъ дѣлѣ, забралъ... Я ли—не я ли! И розги уже не боится... Господи, помилуй! Да что жъ это такое!..

Я очень хорошо знаю, я увѣренъ, что няня на меня не сердится, не можетъ она на меня сердиться; я ужъ вѣрно-вѣрно знаю, что она меня крѣпко любитъ, что «розга» на ея языкѣ — просто такое же никогда не существовавшее для меня пугало, какимъ ранѣе былъ «бука», странное и страшное существо безъ образа, безъ лика...

Я читаю. Няня вяжетъ, позѣвываетъ, спускаетъ петли, вздыхаетъ, охаетъ и черезъ каждыя десять минутъ снимаетъ щипцами нагаръ со свѣчи. Въ комнатѣ тихо. Я низко склоняюсь надъ столомъ, — я ужъ далеко отъ своей дѣт-

ской, отъ старой няни, отъ нашего тихаго Миролюбова; я переносусь совсѣмъ въ другой міръ, открывающійся мнѣ со страницъ книги.

Наконецъ глаза мои начинаютъ слипаться, я устаю читать; взглядываю на Тарасьевну. Старушка мирно подремываетъ. Я опять принимаюсь за свое.

— Няня! А, няня! Ты не спишь?—обращаюсь я къ ней.

— Нѣтъ, батюшка! Я только такъ, задумалась... А тебѣ что? — совершенно спокойно отзывается няня, не предчувствуя, что съ моей стороны опять готовится подвохъ.

— Гдѣ же у насъ кикимора-то живетъ? — спрашиваю я съ самымъ невиннымъ видомъ.

Лицо няни моментально преобразается: губы надуты, брови нахмурены.

— Сказано тебѣ, отвяжись!—ворчитъ она, полуотвернувшись отъ меня и сердито перебирая спицами своего вязанья. — Вотъ присталь со своей кикиморой!.. А я почему знаю! Хожу я за ней, что ли!.. Да скажи ты мнѣ на милость, съ чего она тебѣ въ голову-то втемяшилась?

И няня, опустивъ свое вязанье на колѣни, выжидательно, пристально смотреть на меня.

— Дядюшка Андрей говоритъ, что кикимора въ каждомъ домѣ водится, — съ невозмутимой серьезностью отвѣчаю я нянѣ.

— Такъ вотъ вы съ дядюшкой-то Андреемъ и ищите ее на здоровье! — огрызнулась Тарасьевна, очевидно, выведенная изъ терпѣнія моею неумѣстной настойчивостью и «неприятнымъ» (особенно къ ночи) предметомъ разговора. — А ты оставь меня въ покоѣ! Присталь, точно банный листъ, чего терпѣть не могу!.. Да и тотъ-то, старый дуракъ... Дѣлать ему нечего! О всякихъ пакостяхъ ребенку рассказываетъ... — уже про себя, вполголоса закончила няня.

Я вполнѣ доволенъ произведенной вылазкой и опять ласкаюсь къ нянѣ. Черезъ минуту все неприятное забыто и прощено... Не знаю, чего бы только не простила мнѣ моя милая старушка!..

V.

Каретникъ и конюшни, довольно старыя строенія, стояли поодаль отъ дома. Фасадомъ они выходили во дворъ, а задней стѣной въ поле. Они стояли рядомъ; ихъ тесовыя крыши почти сходились вверху, но между ихъ стѣнами оставалось небольшое разстояніе, которое я называлъ «ущельемъ». Черезъ это «ущелье», стоя на дворѣ, можно было видѣть поле... Стѣны этихъ строеній, чѣмъ далѣе выдвигались въ поле, тѣмъ все болѣе и болѣе сближались, такъ что конецъ «ущелья», выходящій въ поле, совсѣмъ уже превращался въ щель. Никому изъ ребятъ и въ голову не приходило забиваться въ это тѣсное, полутемное пространство между строеніями, но черезъ него могли проходить въ поле куры и утки; чтобы преградить имъ путь, къ отверстию была привалена стоймя старая, изломанная борона.

Въ своихъ странствованіяхъ я, конечно, зналъ уже въ усадьбѣ каждый уголокъ, давно замѣтилъ я и темное ущелье между сараями, и оно уже давно привлекало къ себѣ мое вниманіе. Я не разъ подходилъ къ «ущелью» и все заглядывалъ въ это мрачное, узкое пространство, заваленное щепками, щебнемъ и всякимъ мусоромъ. «Нельзя ли, — думалъ я, — черезъ эту щель пролѣзть въ поле? Правда, узко, тѣсно, но если пожаться, съежиться, то можно какъ-нибудь проползти»...

Неотступно манило меня это «ущелье». Каждый разъ, когда я проходилъ мимо сараевъ, оно словно поддразнивало меня.

Пройти со двора въ поле можно было черезъ ворота и въ калитку. Но это слишкомъ легко и просто... Вотъ другое дѣло — пролѣзть черезъ щель; это заманчиво потому, что трудно, даже опасно, рискованно.

Пролѣзть черезъ щель въ поле представлялось мнѣ какимъ-то геройскимъ подвигомъ. Я искалъ сильныхъ ощущеній, искалъ ихъ бессознательно, не отдавая себѣ въ томъ

отчета. Мнѣ страстно хотѣлось пробраться черезъ эту щель, но каждый разъ, бывало, какъ только объ этомъ подумаю, мнѣ становилось жутко. Но въ этой самой жуткости, въ чувствѣ страха и тревоги было для меня что-то привлекательное, было какое-то дикое наслажденіе...

Если бы о своемъ желаніи и о своихъ странныхъ ощущеніяхъ я рассказалъ дядюшкѣ Андрею, то онъ рѣшилъ бы, что меня смущаетъ и заманиваетъ «нечистый». Если бы я открылъ свои мысли и намѣренія нянѣ, она ни на одну минуту не усомнилась бы въ томъ, что меня «сглазили» недобрые люди, что со мной что-нибудь «попритчилось», и стала бы усердно крестить меня на сонъ грядущій.

И я ни старику Андрею, ни нянѣ не открылъ смутнаго состоянія моей души. Я былъ увѣренъ, что если бы няня узнала о замышляемомъ мною предпріятіи, то непременно пригрозила бы мнѣ: «Мамашѣ скажу!» — и угрозу немедленно привела бы въ исполненіе. А ужъ если бы мама запретила мнѣ дѣлать опыты «пролѣзанія» черезъ «ущелье», то и кончено: послушаться ея запрета я не рѣшился бы ни за что въ мірѣ. Мама была для меня высшею властью на землѣ, слово ея было для меня закономъ; — серьезно пререкаться съ нею мнѣ никогда не пришло бы и въ голову. Мама — эта маленькая, худенькая, хрупкая женщина — не грубой силой, но силой нравственной, силой любви обуздывала и покоряла меня.

Наконецъ я не выдержалъ и въ одинъ мрачный, холодный осенній день, набравшись смѣлости, отвалилъ борону и полѣзъ въ узкое отверстіе между сараями. Я велѣлъ слѣдовать за мной и моему вѣрному Санчо-Пансѣ. Тотъ было сначала испугался, началъ возражать: «какъ» да «къ чему», да «для чего я полѣзу въ щель, тараканъ я, что ли» и т. д., но, поохавъ и почесавъ загривокъ, все-таки полѣзъ за мной.

— И чего только не выдумаешь! — ропталъ онъ, протискиваясь между стѣнъ. — Ну, на кой прахъ мы забиваемся сюда? Экая забава, подумаешь... Пылица, мусоръ да сорь... А паутина-то! Такъ въ носъ и лѣзеть...

— Молчи, Сашка! Ты ничего не понимаешь! — перебилъ я его.

— Еще бы! Гдѣ тебя поймешь?.. — насмѣшливо возразилъ мой Санчо-Пансо.

До половины «ущелья» мы пробирались еще довольно сносно, но далѣе стѣны сараевъ сближались, пробираться впередъ становилось все труднѣе. Мой Санчо-Пансо ворчалъ, кряхтѣлъ и все болѣе отставалъ отъ меня.

— Какъ хошь, дальше не полѣзу, — чуть не плача, дрогнувшимъ голосомъ промолвилъ, наконецъ, Сашка и сталъ пятиться назадъ.

— Эхъ, ты, трусь! Трусишка! — съ презрѣніемъ крикнулъ я ему вслѣдъ.

— Ладно! Полѣзай, коли охота! — отозвался Сашка, выбираясь на вольный свѣтъ.

Я протискивался съ большимъ трудомъ. До поля уже оставалось, какъ говорится, рукой подать, шаговъ пять-шесть, но тутъ я почувствовалъ, что «ущелье» становится слишкомъ узко, слишкомъ тѣсно даже и для такого маленькаго человѣка, какъ десятилѣтній мальчуганъ. Изъ всей мочи рванулся я впередъ и застрялъ... Этого именно и надо было ожидать.

Я продирался бокомъ, лѣвымъ плечомъ впередъ, и теперь бревенчатая стѣна сдавила мнѣ грудь и спину. Мнѣ показалось, что я даже слышалъ, какъ у меня въ груди что-то хрустнуло, какъ будто треснула кость... Я сталъ отчаянно рваться туда-сюда, но не могъ продвинуться ни впередъ ни назадъ. Посмотрѣлъ я вверхъ — тамъ крыша, темно; оглянулся на поле — тамъ пусто; взглянулъ въ противоположную сторону, къ выходу во дворъ, — и тамъ ни живой души, даже Сашка исчезъ. А между тѣмъ грудь сильно, жестоко ломило, и дыханіе спиралось...

И вдругъ страшная мысль поразила меня, такъ что даже холодный потъ крупными каплями проступилъ у меня на лбу, и я весь вздрогнулъ, словно подъ дуновеніемъ чьего-то ледяного дыханія. «Что я надѣлалъ! — мысленно го-

ворилъ я себѣ. — Что будетъ, если я не смогу вырваться отсюда? Я пропалъ»... Мысли или, вѣрнѣе сказать, обрывки мыслей беспорядочно тѣснились въ моей головѣ. Страхъ одолевалъ меня; воображеніе разыгрывалось и рисовало мнѣ картины одну ужаснѣе другой. Но, несмотря на смятеніе, охватившее меня, я совершенно отчетливо представлялъ себѣ мое положеніе. Никто не можетъ прійти мнѣ на помощь, никто не успѣетъ спасти меня, если я самъ не вырвусь отсюда...

«Взрослому человѣку, — думалось мнѣ, — не пролѣзть за мной»... Чтобы освободить меня, надо было сбросить часть двухъ крышъ и почти совсѣмъ разобрать двѣ большія стѣны, и надо было разметать ихъ сейчасъ же, сію минуту, а не то я могу каждую минуту задохнуться въ этихъ ужасныхъ тискахъ...

А когда станутъ разворачивать эти толстыя стѣны, сжимавшія меня и угрожавшія раздавить меня, не можетъ ли на меня скатиться какое-нибудь бревно и убить меня? Да и гдѣ же скоро раскатить двѣ такія большія стѣны?.. Да и *когда* еще узнаютъ, что я здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ родного дома, задыхаюсь, стиснутый, сдавленный этими почернѣлыми бревенчатыми стѣнами, и съ минуты на минуту могу погибнуть ужасною, мучительною смертью. Эта мысль, какъ молнія, полыхнула въ моемъ умѣ и злобѣщимъ свѣтомъ озарила передо мной весь ужасъ моего безвыходнаго положенія...

Мнѣ становилось трудно дышать, груди было очень больно, и я не могъ пошевелиться. Я хотѣлъ крикнуть: «Прощай, мама, милая моя!.. Прощайте всѣ!» — но голоса не хватало; мнѣ дѣлалось дурно; мнѣ уже казалось, что я задыхаюсь...

Всѣ обрывки мыслей и чувствъ, волновавшихъ меня тогда и походившихъ иногда на бредъ, пронеслись во мнѣ въ нѣсколько мгновеній, хотя теперь краткое и неполное описаніе ихъ заняло много времени и мѣста.

Безъ борьбы мнѣ все-таки не хотѣлось сдаваться. Я рѣшилъ попытаться спастись... Пробиваться въ поле нечего было и думать. Единственный путь къ спасенію — постараться двинуться назадъ, туда, гдѣ разстояніе между стѣнами становилось шире. И я изо всѣхъ послѣднихъ силъ, съ энергіей отчаянія, рвался и продирался въ этомъ направленіи. Наконецъ - то, сжимаясь, сколько было возможно, работая плечами, я немного, чуточку протискался назадъ, потомъ еще немного, еще вершокъ, еще...

И вотъ, полузадохнувшись, потерявъ фуражку, со включенными и мокрыми отъ пота волосами, выбрался я изъ проклятаго «ущелья» на Божій свѣтъ.

Рубашка моя была изорвана, руки расцарапаны въ кровь, а плечи, спина и бока всѣ были въ синякахъ...

Выйдя изъ «ущелья», я тотчасъ же наткнулся на Сашку, возвращавшагося изъ людской съ кускомъ хлѣба и луковицами.

— Ой, Сашка!.. Я вѣдь чуть не задохся... — прерывающимся голосомъ сказалъ я ему, прислоняясь къ углу стѣны и съ наслажденіемъ чувствуя, что я могу дышать свободно, что я буду жить.

А Сашка, какъ настоящій философъ, хладнокровно посмотрѣлъ на меня, утеръ носъ рукавомъ и правоучительно проговорилъ:

— Ужъ больно храберъ! Подумаешь, какой Наполіонъ!.. Онъ, повидимому, сердился на меня.

Здѣсь, кстати, я долженъ пояснить, что Сашка черезъ меня имѣлъ удовольствіе познакомиться не только съ Наполеономъ и его маршалами и генералами, но даже и съ Александромъ Македонскимъ.

Я попривагладилъ волосы, надѣлъ фуражку, добытую Сашкой изъ «ущелья» палкой, накинулъ на плечи пальто и направился домой. Запыхавшійся и въ довольно жалкомъ видѣ предсталъ я передъ няней.

Старушка такъ и ахнула... А когда я снялъ съ себя разорванную рубашку и няня увидала синяки на моихъ

плечахъ, такъ я думалъ, что ея аханью, оханью и упоминаніямъ о розгѣ и конца не будетъ.

Я убѣдительно просилъ ее «ничего не говорить» мамѣ. Впрочемъ, кажется, ей и самой не хотѣлось причинять моей матери напрасную тревогу. Но когда я пораздумалъ о своемъ намѣреніи — утаить отъ мамы о своемъ приключеніи, мнѣ стало очень совѣстно. Я всегда былъ откровененъ съ мамой и признавался ей во всѣхъ своихъ проказахъ. Я зналъ, что она довѣряетъ мнѣ, и теперь совѣсть меня мучила за то, что я не оправдываю ея довѣрія, обманываю ее. Я думалъ, что скрывать, утаивать отъ мамы свой дурной поступокъ — значило все равно, что обманывать ее, т. - е. казаться ей лучше, чѣмъ я былъ въ дѣйствительности.

Вскорѣ же, какъ-то вечеромъ, сидя на скамейкѣ у ногъ матери, я прислонился къ ней и, протянувъ руки къ ней на колѣни, признался въ совершенной мною опасной экспедиціи. Мама ласково пожурила меня, погладила меня по волосамъ, поцѣловала и безпокоилась лишь о томъ, чтобы эта шалость не отразилась дурно на моемъ здоровьѣ.

Послѣ того, проходя по двору, я никогда не могъ смотрѣть на «ущелье» безъ какого-то непріятнаго, тяжелаго чувства, похожаго на тайный ужасъ. Я смотрѣлъ на него такъ же, какъ человѣкъ посмотрѣлъ бы на могилу, въ которой онъ былъ заживо погребенъ и лишь случайно не остался въ ней навсегда...

Грудь у меня долго болѣла.

VI.

Въ полуверстѣ отъ нашей усадьбы на полдень залегало большое болото. Въ сильныя жары болото мѣстами высыхало, но кое-гдѣ и въ самое горячее, сухое лѣто въ немъ стояла вода. Мѣсто было низкое топкое, но лѣтомъ оно представляло собой живописную и яркую картину.

По болоту тамъ и сямъ росли березки, мелкій олешнякъ, ельничъ, кусты шиповника и можжевела. Трава здѣсь была

густая, высокая, сочная и пестрѣла цвѣтами. Особенно были крупны и ярки незабудки. Надъ водой бѣлѣли крупные цвѣты кувшинки, и на поверхности стоячихъ водъ плавали ея круглые блестящіе листья. По канавѣ почти сплошь росли кусты шиповника, и съ половины іюня канавка казалась обсаженною кустами алыхъ розъ.

Надъ болотомъ въ жаркіе лѣтніе дни носились съ немолкаемымъ жужжаньемъ красивыя стрекозы и несмѣтные рои всевозможныхъ насѣкомыхъ. Иногда большая зеленая лягушка взбиралась на кочку погрѣться на солнцѣ. Порой змѣя скользила въ травѣ.

Теперь, осенью, наше болото представляло грустное зрѣлище...

Блеклая трава, сѣрый, безлиственный кустарникъ, сѣрое плачущее небо, темныя стоячія воды, вздохи вѣтра въ безмолвіи этой безотрадной сѣверной пустыни, — все навредило грусть, погружало въ уныніе. Зеленыя ели да красныя крупныя ягоды, уцѣлѣвшія кое-гдѣ на вѣтвяхъ шиповника, нѣсколько разнообразили общій сѣрый тонъ; но и онѣ не могли придать веселаго вида печальной картинѣ.

Въ эту осень нѣсколько человѣкъ крестьянъ расчищали болото—ту его часть, что примыкала къ полю: отецъ мой задумалъ отвоевать у болота двѣ-три десятины земли, очистить ее, осушить и превратить въ луга. Крестьяне рубили кусты и мелколѣсье, росшее по болоту, выкорчевывали пни, а ненужный валежникъ, тонкіе, узловатые корни деревьевъ складывали тутъ же въ кучи и сжигали.

Ѣдкій запахъ гари цѣлые дни стоялъ надъ болотомъ, но въ сыромъ, холодномъ воздухѣ этотъ запахъ мнѣ казался даже пріятнымъ. Я часто бѣгалъ на болото къ рабочимъ, разжигалъ костры, собиралъ валежникъ, подбрасывалъ его въ огонь, — словомъ, старался до пота лица. И видъ этихъ огней, разложенныхъ на болотѣ подъ сѣрымъ, тусклымъ небомъ и мерцавшихъ сквозь туманъ, синеватый дымъ, стлавшійся по-надъ землею, и запахъ гари въ сыромъ осеннемъ воздухѣ очень живо запомнились мнѣ.

Съ этимъ болотомъ связывается для меня еще одно воспоминаніе...

Какъ-то осенью, въ августѣ, мнѣ удалось убить въ болотѣ большую сѣрую змѣю. Идя по густой высокой травѣ, я почти наткнулся на нее. Змѣя спала, свернувшись кольцомъ и блестя на солнцѣ своею темно-сѣрой, стальной чешуей; заслышавъ въ травѣ шорохъ моихъ шаговъ, она проснулась, поползла въ сторону и забралась въ кустъ. Я вооружился палкой и сталъ выгонять ее изъ куста. Змѣя долго и злобно шипѣла, не показываясь изъ куста, но, наконецъ, выползла, и я убилъ ее.

Я зналъ, что, по народному повѣрью, за каждую убитую змѣю человѣку прощается сорокъ грѣховъ. Хотя я и считалъ себя за большого грѣшника (шалости я почиталъ за грѣхъ) и мнѣ, конечно, было бы пріятно и выгодно уменьшить на сорокъ грѣховъ массу моихъ преступленій, но змѣю-то я убилъ вовсе не изъ эгоистичныхъ побужденій. Мнѣ казалось очень страннымъ, почему за убійство змѣи, за такое легкое дѣло, прощалось такъ много грѣховъ и почему именно сорокъ грѣховъ, а не сорокъ одинъ или не тридцать девять.

Вообще я не вѣрилъ этому. Дѣло было проще... Въ то лѣто на моихъ глазахъ змѣя ужалила крестьянина, косившаго на окраинѣ болота, затѣмъ ужалила одну дѣвочку изъ сосѣдней деревни, и дѣвочка едва не умерла. Я слыхалъ, что змѣи жалятъ и собакъ, и зайцевъ, и птичекъ, и вообще всякую живую тварь. Поэтому я считалъ змѣю вредной и опасной; прямо сказать, убить змѣю для меня представлялось, несомнѣнно, добрымъ дѣломъ. Одной гадюкой меньше на свѣтѣ, — значить, меньше опасности для людей и животныхъ.

Убивать «гадину» научилъ меня Андрей.

— Возьми палку, — говорилъ онъ, — сдѣлай на концѣ ея расщепъ, прихвати еще другую палку потолще да покрѣпче. Какъ ты гадину-то увидишь, такъ, значить, и защеми ее въ расщепъ-то, поближе къ головѣ, да къ землѣ и

прижми, чтобы не могла она уползти. Тутъ ужъ не зѣвай, смотри въ оба!.. Вѣдь она проворная... Ну, какъ къ землѣ-то прижмешь ее хорошенько, тутъ и дуй ее палкой по головѣ... Не скоро, братецъ, ее убьешь! Иной разъ притворится мертвой и, того гляди, махнетъ на тебя. Тутъ ужъ она со злости-то до смерти зажалить...

Ужей, съ виду похожихъ на змѣй, но безвредныхъ и кроткихъ, я умѣлъ отличать и никогда ихъ не билъ.

Когда я смотрѣлъ на мертвую змѣю, лежавшую у моихъ ногъ, мнѣ пришло въ голову напугать няню, взять змѣю и унести ее домой. Моя Тарасьева чрезвычайно боялась змѣй и вообще всѣхъ тѣхъ животныхъ, какихъ зовутъ «гадами». Она считала ихъ «погаными», даже не любила упоминать о нихъ и говорила о нихъ съ отвращеніемъ.

Мнѣ было извѣстно народное повѣрье, что будто змѣю сколько ни бей, она ни за что не умретъ до заката солнца, весь день будетъ лежать, какъ мертвая, не пошевелится и *совсѣмъ* умретъ лишь послѣ того, какъ зайдетъ солнце. Но я не побоялся свернуть змѣю, какъ веревку, положилъ ее въ карманъ и отправился домой.

Няню я засталъ, какъ водится, за вязаньемъ у стола. Я подошелъ къ ней, вытащилъ потихоньку изъ кармана змѣю и брякнулъ ее на столъ прямо передъ Тарасьевной. Трупъ змѣи, сжатый мною въ карманѣ, очутившись на столѣ, мигомъ выпрямился во всю длину, и оттого могло показаться, что змѣя еще жива и шевелится. Няня просто ополоумѣла, *вязанье* ея полетѣло на полъ, и, блѣдная, перепуганная, она закричала не своимъ голосомъ:

— Разбойникъ! Что ты дѣлаешь!..

Я ожидалъ и желалъ именно чего-нибудь въ родѣ того, что произошло, но при видѣ испуганной растерявшейся старушки мнѣ стало досадно на себя, жаль няню... Я немедленно же выбросилъ змѣю за окно и принялся успокаивать Тарасьевну. Я ластился къ ней, цѣловалъ ее и чуть не со слезами просилъ у нея прощенія. Нелегко мнѣ было на этотъ разъ успокоить старушку и помириться съ ней.

— Вотъ опоганился теперь, совсѣмъ опоганился!—шептала няня и съ сокрушеніемъ покачивала головой.

Няня тщательно вымыла столъ, окропила его святой водой, а вечеромъ дольше обыкновеннаго молилась передъ образомъ Николая чудотворца, — молилась, вѣроятно, за меня, «опоганившаго» себя прикосновеніемъ къ отвратительной нечистой гадинѣ...

VII.

Сашка былъ не только товарищемъ игръ и шалостей, но и повѣреннымъ моихъ фантастическихъ плановъ на будущее, моихъ думъ и мечтаній. Онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ выслушивалъ все, но разсказами моими не увлекался и относился къ нимъ недовѣрчиво, какъ относился Санчо-Пансо къ мечтаніямъ Донъ-Кихота... Я также дѣлился съ нимъ тѣми крупницами знаній о Божьемъ мірѣ, какими обладалъ я самъ.

Почти каждый день я пересказывалъ Сашкѣ содержаніе моихъ уроковъ, за исключеніемъ математики, которую терпѣть не могъ, за что мнѣ впослѣдствіи и доставалось въ гимназій. Уроки мнѣ давала мама. Мы занимались съ нею по утрамъ, «на свѣжую голову», часа полтора-два.

Въ сумерки иногда мы съ Сашкой брали по куску чернаго хлѣба съ солью и усаживались на крыльцѣ или на низкой скамьѣ, подъ старыми развѣсистыми березами, освѣнявшими нашъ старый деревенскій домъ.

Пересказъ моихъ утреннихъ уроковъ Сашка выслушивалъ безъ особеннаго интереса, усердно уплетая хлѣбъ. Онъ больше любилъ «военные» разсказы и разсказы «страшные» — о покойникахъ, о привидѣніяхъ, сказки о колдунахъ, о людоедахъ, о бабѣ-ягѣ...

Тогда я увлекался Наполеономъ и довольно подробно разсказывалъ Сашкѣ исторію этого полководца, и Сашка съ

моихъ словъ заучилъ имена многихъ наполеоновскихъ маршаловъ и генераловъ, а также и названія знаменитыхъ битвъ. Когда Сашкѣ надоѣдало кровопролитіе, онъ приступалъ ко мнѣ:

— Расскажи лучше что-нибудь страшное...

Я припоминалъ кое-что изъ сочиненій Жуковского и, переиначивъ какую-нибудь балладу, принимался рассказывать всякіе ужасы. И Сашка оставался вполне доволенъ.

Сашка былъ бѣлокурый мальчуганъ, съ милымъ, пріятнымъ лицомъ, и веснушки, появлявшіяся лѣтомъ, нисколько не портили его лица. Сашка былъ неразговорчивъ, замкнутъ, грубоватъ, порой остроуменъ и насмѣшливъ, былъ не глупъ и гораздо разсудительнѣе меня. Онъ по-своему любилъ меня, былъ ко мнѣ привязанъ, и я платилъ ему тѣмъ же. Онъ ужъ давно умеръ. Но я не позабылъ его и, какъ живого, вижу передъ собой...

Бывало, подолгу сидѣли мы съ Сашкой на скамейкѣ, подъ березами, и тихо переговаривались. Послѣдній брезжущій свѣтъ осеннихъ сумерекъ уже замиралъ, вечерняя мгла окутывала дали, въ домѣ и въ людской избѣ зажигались огни; Сашка, наконецъ, уходилъ домой, а я еще долго сидѣлъ подъ безлиственными вѣтвями деревьевъ и предавался своимъ дѣтскимъ мечтамъ. Задумчиво смотрѣлъ я въ темнѣвшую даль и Богъ вѣсть куда уносился мыслью...

Иногда я вспоминалъ о минувшемъ лѣтѣ, и мнѣ становилось жаль исчезнувшаго голубого неба, яркаго, теплаго солнца, зеленой густой листвы и отцвѣтшихъ цвѣтовъ.

Въ одной изъ моихъ книгъ было стихотвореніе, которое мнѣ пришлось очень по душѣ, и я заучилъ его наизусть. И не разъ, въ сумерки, въ минуты грустнаго раздумья и воспоминаній о лѣтѣ, я повторялъ его про себя:

И не слышно птичекъ больше,
Не видать въ саду цвѣтовъ,
Мракъ ночей гораздо дольше
Простираетъ свой покровъ.

Къ югу тянутся станицы
Перелетныхъ журавлей,
И огнистыя зарницы
Озаряють мракъ ночей.
Филинъ въ рощѣ завываетъ,
Вѣтеръ яростно шумить,
Будто пѣсню напѣваетъ,
Будто сказку говорить...



З И М А.

I.

Однажды, въ началѣ ноября, около Михайлова дня, проснувшись утромъ, я съ изумленіемъ замѣтилъ, что въ моей комнатѣ какое-то странное освѣщеніе. Солнечный лучъ не игралъ на стѣнѣ, какъ бывало въ ясные дни; но вмѣсто сѣраго, сумеречнаго освѣщенія, къ какому я привыкъ въ теченіе послѣднихъ недѣль, въ комнатѣ разливался какой-то бѣлесоватый свѣтъ. Я вскочилъ съ кровати, подбѣжалъ къ окну и былъ приятно пораженъ.

За окномъ все было бѣло, кромѣ заоблачавшаго неба и далей, синѣвшихъ на горизонтѣ и рѣзко отдѣлявшихся отъ бѣлой пелены, покрывшей землю. Дворъ, деревья въ саду, изгороди, крыши сараевъ и избъ, поля и луга, — все было покрыто, увѣшано, запорошено пушистымъ снѣгомъ. Впервые видѣлъ я зимній сельскій пейзажъ.

— Няня, снѣгъ! — съ восторгомъ вскрикнулъ я.

— Да, батюшка, и зимушка настала... — отозвалась няня. — Будемъ теперь печки топить, станемъ на лежанкѣ грѣться...

Но мнѣ въ то утро было не до печки и ни до чего... За уроками я былъ разсѣянъ и поминутно взглядывалъ въ окно на березы, увѣшанныя снѣжными хлопьями, и на нахлывшихся воронъ.

По окончаніи уроковъ я мигомъ сбѣжалъ въ свою комнату, натянулъ валенки, полушубокъ, подпоясался краснымъ кушакомъ, нахлобучилъ шапку и, на ходу напяливая на руки теплыя рукавички, побѣжалъ въ людскую избу; тамъ, на чердакѣ, въ ожиданіи зимы, хранились мои маленькія лыжи. Осенняя непогодъ, дожди и грязь надоѣли мнѣ, и я былъ радъ - радешенекъ зимѣ. Еще бы!.. Столько удовольствій являлось мнѣ впереди! Бѣганье на лыжахъ, катанье съ «горы», катанье въ саночкахъ со Всеволодомъ Родионовымъ на «Карькѣ»... О, да мало ли еще какія наслажденія принесетъ мнѣ красавица-зима!..

Снѣгу оказывалось еще мало на поляхъ, снѣгъ былъ рыхлый, и бѣгать на лыжахъ было еще тяжело. Но все-таки я обѣжалъ одно поле, край болота и проскользнулъ по ручью, скованному льдомъ. Знакомыя мѣста подъ снѣжной пеленой являлись мнѣ теперь совсѣмъ въ другомъ видѣ; иные знакомые уголки я почти не узнавалъ... Когда я возвращался къ обѣду домой, пошелъ снѣгъ, и я съ живѣйшимъ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ снѣжные хлопья, крутятся и мелькая, летѣли въ воздухѣ.

Отъ усиленной ходьбы на лыжахъ я согрѣлся, щеки мои пылали, чувствовалась какая-то пріятная усталость, но дышалось легко, и на душѣ было такъ хорошо, свѣтло и ясно. Весь запорошенный снѣгомъ явился я къ нянѣ и, не давъ ей вымолвить слова, остановился среди комнаты и, съ величественныхъ видомъ поднявъ руку, глухимъ гробовымъ голосомъ продекламировалъ:

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потряся небесами,
Облака сжималъ рукой.
Сыпалъ иней пушисты
И метели воздымалъ...

— Раздѣвайся, раздѣвайся, батюшка, скорѣе! Полушубокъ-то надо стряхнуть... Экъ, снѣгу-то натащилъ!.. — говорила няня.

Такъ торжественно радостно отпраздновалъ я встрѣчу первой зимы въ деревнѣ, посреди побѣлѣвшихъ полей и лѣсовъ.

Горъ въ нашей сторонѣ не было и въ поминѣ. Искусственной горы для катанья мнѣ не дѣлали; вмѣсто горы мы съ Сашкой пользовались «въѣздомъ».

Въѣздомъ въ нашей сторонѣ называется довольно широкой высокой и крутой помость изъ тонкихъ бревенъ, при дѣлываемый къ стѣнѣ скотнаго двора для того, чтобы по немъ лошадь могла поднимать возъ съ сѣномъ въ верхнее помѣщеніе двора. Зимой, послѣ первой же оттепели, въѣздъ у нашего скотнаго двора слегка обледянѣлъ, запорошился снѣгомъ и представилъ довольно гладкую поверхность.

Я поднимался на верхъ въѣзда, таща за собой саночки; сашка слѣдовалъ за мной. Добравшись до площадки, мы усаживались каждый въ свои саночки и стремглавъ летѣли внизъ. Саночки подпрыгивали на бревнахъ въѣзда, раскатывались, поворачивались бокомъ, и при этомъ часто катальщикъ перекувыркивался и попадалъ носомъ прямо въ снѣгъ. Но подобныя злключенія, какъ извѣстно, въ счетъ не идутъ...

Раскатъ внизъ въѣзда былъ довольно большой, по направленію къ пруду.

Летишь, бывало, зажмуришься, просто духъ захватываетъ, сердце такъ и замираетъ. А иногда вдругъ со всего размаху — бухъ въ снѣгъ... Ужъ чего веселѣе! Смѣешься, бывало, вскочишь, отряхаешься...

Иногда Всеволодъ каталъ меня съ Сашкой на моемъ любимомъ «Каркѣ», давалъ и поправить... Но все-таки я всего болѣе любилъ бѣгать на лыжахъ. Когда снѣгу намело вездѣ сугробы, и онъ слежался, осѣлъ, тогда образовался «настъ», тонкая ледяная кора на снѣгу. Тогда даже слѣдовъ отъ лыжъ не оставалось, лыжи скользили какъ по паркету, и бѣгать было легко и весело. Мчишься, бывало, на лыжахъ, и нѣтъ тебѣ удержу и никакихъ препят-

ствій... Снѣгъ сравнялъ всѣ неровности почвы, и я мчался по полямъ, по болоту, по оврагамъ, по льду рѣчки.

Въ лѣсъ я не забѣгалъ: мама запретила, боясь волковъ. Но вдоль опушки лѣса я часто бѣгалъ и изъ-за кустовъ, занесенныхъ снѣгомъ, заглядывалъ въ лѣсъ. По снѣгу во всѣхъ направленіяхъ шли, путались слѣды зайцевъ, волковъ и собакъ, забѣгавшихъ сюда съ охотниками. Видалъ я не разъ и зайцевъ, шмыгавшихъ за кустами. Въ лѣсу, на полянкѣ, стоялъ сѣноваль, и при видѣ его въ моемъ воображеніи мелькалъ разбойничій лѣсной притонъ или вспоминалась избушка, гдѣ жила сказочная баба-яга...

Зимою, въ ясный солнечный день лѣсъ въ снѣговомъ убранствѣ казался мнѣ великолѣпнымъ. Впрочемъ, лѣсъ, какъ и вообще сельскій пейзажъ, мнѣ всегда былъ по душѣ — во всякое время года, во всякую погоду. Въ лѣтніе дни, когда солнце съ безоблачнаго, лазурнаго неба лило потоки яркаго свѣта и тепла на землю, утопавшую въ зелени и въ цвѣтахъ, тогда эти знакомыя мнѣ мѣста казались жизнерадостными и внушали мнѣ тоже свѣтлое, жизнерадостное чувство. Теперь въ этихъ бѣлоснѣжныхъ равнинахъ, въ этихъ лѣсахъ, запушенныхъ снѣгомъ и дремлющихъ подъ сѣрымъ, холоднымъ небомъ въ ожиданіи весны, была грустная, задумчивая прелесть, и я своей дѣтской душой чувствовалъ эту прелесть нашей зимней сѣверной природы, хотя словами я и не могъ бы выразить своихъ ощущеній.

Вечеромъ, возвращаясь домой, я останавливался у околицы и оглядывался на сосѣдній лѣсъ, уже подернутый синеватой тѣнью зимнихъ сумерекъ, на снѣжныя равнины... Все было пустынно, безмолвно, безжизненно, но и въ этомъ мертвенно-блѣдномъ зимнемъ видѣ было что-то привлекательное...

Зимніе дни съ бѣлесоватымъ освѣщеніемъ, синія сумерки яснаго морознаго дня, лунныя звѣздныя сверкающія ночи и полумракъ пасмурныхъ зимнихъ ночей,— все было полно для меня таинственности и очарованія... Нѣтъ въ природѣ такого времени и такого уголка, гдѣ бы не было своей поэ-

зи, — свѣтлой, торжествующей или грустной, или мрачной и величественной. Поэзія въ природѣ всюду, надо только умѣть найти ее, почувствовать, а найти и почувствовать ее можетъ тотъ, кто просто, какъ ребенокъ, всматривается въ ея таинственный ликъ...

II.

Я и не замѣтилъ, какъ подошло Рождество, и рождественская звѣзда ярко загорѣлась въ ясномъ вечернемъ небѣ надъ нашимъ садомъ. За обѣдомъ, поданнымъ въ тотъ день позже обыкновеннаго, при свѣчахъ, появилась у насъ на столѣ вареная пшеница и медовая сыта, какъ всегда бывало въ нашемъ домѣ въ сочельникъ.

Въ тогдашней моей хрестоматіи было одно святочное стихотвореніе. Я помню, что вечеромъ въ сочельникъ, глядя изъ окна въ садъ на деревья и куртины, озаренныя луной, я шепталъ :

По небу блѣдный мѣсяцъ плывъ,
Голодный звѣрь въ ущельи выль.
Морозить. Завтра Рождество!..

Утромъ въ первый день праздника къ намъ пришли со звѣздой деревенскіе ребятишки «славить» и принесли съ собой запахъ овчинныхъ полушубковъ и струю свѣжаго, морознаго воздуха. Послѣ «славленья» я съ живѣйшимъ интересомъ принялся разсматривать ихъ «звѣзду».

Ободокъ рѣшета былъ оклеенъ глянцевитой цвѣтной бумагой, и по всей окружности ободка были наклеены красные бумажные зубчики. Дно рѣшета снаружи было также оклеено цвѣтной бумагой, а посрединѣ красовалась лубочная картина, изображавшая Еруслана Лазаревича въ борьбѣ съ какимъ-то трехглавымъ зміемъ. Все это было сдѣлано неумѣло, грубо, аляповато и мало напоминало звѣзду, но ребятишки, повидимому, чрезвычайно были довольны своимъ издѣліемъ.

Вечеромъ была у насъ «елка», зеленая, стройная, горѣвшая огнями, увѣшанная гостинцами и всякой всячиной.

Сашка и его маленькій братишка, Витя, вмѣстѣ со мной радовались, глядя на елку, и получили съ нея свою долю подарковъ и гостинцевъ. Мнѣ съ елки достались три особенно цѣнные подарка: «Сказки Перро» съ рисунками, какое-то путешествіе по Африкѣ, и картина съ изображеніемъ арабовъ, охотящихся на львовъ.

Восковыя свѣчи ярко горѣли, въ комнатѣ припахивало воскомъ и свѣжей еловой хвоей, а я, сидя у елки на полу, съ восторгомъ заглядывалъ въ книжки и любовался на великолѣпную картину.

Живы воспоминанія дѣтства!.. Проживи я хоть еще сто лѣтъ, они останутся въ моей душѣ такъ же ярки и свѣжи...

Всѣ разошлись, я одинъ остался въ потемнѣвшей залѣ. Свѣчи на елкѣ догорали и гасли одна за другой, и лишь дымокъ, синеватой струйкой поднимавшійся тамъ и сямъ среди зеленой хвои, указывалъ на то мѣсто, гдѣ догорѣла свѣча. Съ каждой потухавшей свѣчкой въ комнатѣ становилось темнѣе, и ель погружалась въ тѣнь...

Я, какъ сказано, былъ склоненъ къ мечтательности. Даже и теперь, въ праздничныя, веселыя минуты, зеленая разукрашенная елка навѣяла на меня грусть... Я представлялъ себѣ елку живымъ чувствующимъ существомъ и, глядя на нее, думалъ: «Можетъ-быть, ей было больно и страшно, когда острее топора вонзилось въ ея крѣпкій, стройный стволъ»... Срубили елочку, лишили ее жизни. А какъ хорошо ей жилось въ родномъ лѣсу! Спокойно, привольно, въ тиши стояла она тамъ, прикрытая сыпучимъ снѣгомъ, въ ожиданіи свѣтлыхъ дней весны... Заяцъ, можетъ-быть, иногда подъ нею лежалъ; бѣлка, распушивъ хвостъ, прыгала по ея вѣтвямъ; можетъ-быть, сѣрый волкъ пробѣгалъ мимо нея. Лѣтомъ порхали по ней птички и пѣли свои пѣсенки...

Теперь съ отрубленными корнями стоитъ она въ комнатѣ, и не радуется ей ни ея блестящій нарядъ ни блескъ свѣ-

чей. Высохнетъ ея хвоя и начнетъ осыпаться; снять съ нея всѣ украшенія и очутится бѣдная елочка за кухней; изрубятъ ее, и кухарка, старуха Матрена, вмѣстѣ съ дровами сожжетъ ее въ печкѣ.

III.

Тихо проходила зима въ нашемъ Миролюбовѣ. Метели наносили высокіе сугробы вокругъ усадьбы. Въ саду на снѣгу были видны слѣды заячьихъ лапокъ.

Я занимался своими уроками, читаль, катался со взѣзда, бѣгалъ на лыжахъ... Зимнее житье - бытѣ для меня пріятно разнообразилось появленіемъ раза два въ зиму корабейниковъ. Какъ, бывало, обрадуешься ему!..

Разносчикъ притащитъ въ залу большой лубяной коробъ и начнетъ его развязывать. А я ужъ тутъ какъ тутъ и пожираю глазами коробъ, гдѣ, кромѣ массы разныхъ вещей, были самыя привлекательныя для меня предметы — картины и книги. И съ замираніемъ сердца жду, когда появятся книги и толстыя пачки картинъ, еще пахнувшихъ типографской краской. Мнѣ нравился даже этотъ самый запахъ... И вотъ появлялись книги съ рисунками и безъ рисунковъ и картины въ краскахъ и черныя, — глаза у меня разбѣгались.

Самъ же разносчикъ, обладатель всѣхъ этихъ богатствъ, казался мнѣ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, и я отъ души завидовалъ тому, что онъ могъ сколько угодно любоваться на свои картины и читать всѣ эти книги.

Изъ книгъ я выбиралъ обыкновенно описаніе какихъ-нибудь путешествій или рассказы. Однажды, помню, купилъ книжку объ Александрѣ Македонскомъ, составленную по Курцію. Въ дѣтствѣ у меня были двѣ-три картины, особенно любимыя, купленныя у разносчиковъ. Одна изображала внутренность двора позади дома; тутъ у телѣги стояла лошадь, подъ навѣсомъ лежала собака, куры рылись въ кучахъ соломы, на краю крыши сидѣла кошка, изъ двери хлѣва показывалась морда коровы. На другой картинѣ по зимней до-

рогѣ на тройкѣ мчались путники по лѣсу, а стая волковъ гналась за ними.

Книжки, купленные у коробейника, черезъ недѣлю оказывались уже прочитанными. Въ темную зимнюю пору, когда время такъ медлительно проходитъ въ деревнѣ, я вообще очень много читалъ. Читалъ исторію Петра I, Фридриха Великаго, Наполеона, приключенія Робинзона Крузо, описанія различныхъ путешествій — въ Америку, въ полярныя страны, на острова, населенныя людодѣдами-дикарями; читалъ и заучивалъ басни Крылова, сочиненія Пушкина, Жуковского, романы и повѣсти русскихъ и иностранныхъ писателей. Но я не довольствовался отцовской библіотекой и иногда доставалъ изъ людской сѣрныя растрепанныя книжки, пахнувшія махоркой. У насъ въ людской тоже были грамотеи, любители чтенія... Отъ нихъ, помню, въ разное время я добывалъ «Франциля Венеціана и королеву Ренцивену», «Битву русскихъ съ кабардинцами», «Георга, милорда англійскаго», «Стригольниковъ», «Вѣдьму за Днѣпромъ»...

Нынче надъ этими сѣрыми книжками смѣются. Правда, инья изъ нихъ были плохо, неумѣло написаны, но было между ними не мало и такихъ книгъ, которыя производили на читателей лучшее впечатлѣніе, чѣмъ многія изъ нынѣшнихъ книжекъ. Въ нихъ героями являлись люди великодушные, благородные, мужественные, защищавшіе слабыхъ отъ злыхъ; такіе герои могли служить идеаломъ.

IV.

Зимой я ложился спать рано, тотчасъ же послѣ ужина, въ десятомъ часу, и, понятно, къ пяти-шести часамъ утра я уже высыпался. Проснешься, бывало, полураскроешь глаза и видишь: на столѣ горитъ свѣча, на окнахъ, разрисованныхъ морозомъ, выступаютъ бѣлые узоры — какіе-то фантастическіе листья, цвѣты, а за окномъ еще темно-темно... Няня съ чернымъ платочкомъ на головѣ и въ сѣрой тѣло-

грѣйкѣ ставить у печки самоваръ, старательно раздувая уголья; лицо ея то озаряется красноватымъ свѣтомъ разгорающихся угольевъ, то пропадаетъ въ тѣни.

Въ домѣ тихо, всѣ еще спать. Только мы съ няней встаемъ съ пѣтухами, ни свѣтъ ни заря.

Нѣсколько минутъ я лежу въ полудремотѣ, потягиваюсь подъ теплымъ одѣяломъ, то сомкну глаза, то открою, не то сплю, не то бодрствую, и какое-то отрадное чувство довольства и уюта охватываетъ меня, какъ будто въ ту пору я чувствовалъ себя подъ чьимъ-то крыломъ, защищавшимъ меня отъ всѣхъ житейскихъ бѣдъ и напастей. Давно уже я не испытываю этого отраднаго, сладостнаго чувства, порывовъ наивной дѣтской вѣры въ то, что меня берегутъ, хранятъ и люди и ангелы Божіи, что никто меня не обидитъ подъ такимъ надежнымъ покровомъ...

Когда же, бывало, я услышу, что самоваръ уже шумитъ и начинаетъ закипать, я окончательно пробуждаюсь и бормочу:

— Здравствуй, няня!

— Здравствуй, батюшка! Вставай-ка, поднимайся! Станемъ чай пить, — ласково говорить няня, приготавливая на столѣ чай.

Я сбрасываю съ себя одѣяло, соскакиваю съ постели и начинаю умываться. Я мигомъ одѣтъ, наскоро причесанъ и сажу за столомъ съ няней передъ весело шипящимъ самоваромъ. Няня наливаетъ мнѣ чашку чая, я беру ломоть ржаного хлѣба, щедро посыпанный солью, и съ аппетитомъ ѣмъ его, прихлебывая ароматный чай.

Въ это время няня иногда рассказывала мнѣ свои сны. Иногда же я вытаскивалъ изъ-подъ подушки книгу и, попивая чай, принимался за чтеніе. Какъ были хороши эти тихіе ранніе часы, когда за окномъ въ саду еще лежала ночная тѣнь, а деревья и кусты, запорошенные снѣгомъ, мерещились, какъ привидѣнія, въ бѣлесоватомъ сумракѣ!..

Давно уже кончились наши раннія зимнія вставанья при огнѣ, питье чая и чтеніе въ ночной тишинѣ... Давно ужъ

нѣтъ на свѣтѣ моей милой няни, нѣтъ мамы, папы и Всеволода Родіонова, и Сашки, и старухи Матрены, и дядюшки Андрея; но теперь, когда я пишу эти воспоминаія, *они оживаютъ* передо мной. И страстно хотѣлось бы мнѣ снова пожить съ ними, той далекой, прежней жизнью, побесѣдовать по душѣ, но они безмолвны, они молча проходятъ передо мной...

Въ девять часовъ я шелъ наверхъ, въ столовую, пить чай, уже «настоящій», съ мамой и папой. Тутъ ужъ были сливки, булки, еще теплыя, только что вынутыя изъ печки. Но чай съ няней раннимъ утромъ былъ для меня милѣе и живѣе сохранился въ памяти... Вскорѣ послѣ чая я забиралъ книги, тетради и шелъ заниматься съ мамой, а затѣмъ до обѣда бѣгалъ на лыжахъ, гулялъ съ Сашкой по усадьбѣ, устраивалъ изъ снѣга батареи... Въ сумерки я усаживался иногда на полу передъ топившейся печкой и смотрѣлъ на груды горячихъ угольевъ, гдѣ рисовались передо мной всякія фантастическія картины — горы, прорѣзанныя темными ущельями, огненныя пропасти, башни на скалахъ, замки, тутъ же на моихъ глазахъ превращавшіеся въ развалины...

Вечеромъ, когда зажигали огонь, я принимался за ариѣметическія задачи, заучивалъ французскія и нѣмецкія стихотворенія, читалъ хрестоматію, чертилъ географическія карты на память; помню, что мнѣ хорошо удавались Аппенинскій и Пиренейскій полуостровы, Данія, Швеція, Норвегія и Балканскій полуостровъ съ Мореей. Франція, а ужъ въ особенности Австрія, Пруссія и Германія выходили плохо. Я никакъ не могъ освоиться съ королевствами, герцогствами и княжествами, составлявшими въ ту пору Германскій союзъ. Вѣдь въ средѣ владѣтельныхъ особъ въ Германіи бывали тогда, напримѣръ, и такіе микроскопическіе правители, какъ графъ фонъ-Лимбургъ-Штирумъ, армія котораго состояла изъ одного полковника, шести офицеровъ и двухъ солдатъ...

Послѣ вечерняго чая я шелъ наверхъ, и мама читала мнѣ вслухъ, или же я оставался въ своей комнатѣ, рисовалъ

карандашомъ или тушью (я очень любилъ рисовать), то брался за книгу и читалъ или про себя, или нянѣ вслухъ. Няня любила слушать сказки Пушкина, но балладъ Жуковскаго терпѣть не могла и вообще не долубливалась рассказовъ о привидѣнiяхъ и мертвецахъ. По поводу «страшныхъ» рассказовъ няня, бывало, съ укоромъ говорила:

— Умные люди... а нагородятъ такой чепухи, что ночи три не уснешь...

Иногда няня рассказывала мнѣ сказки объ Иванѣ-царевичѣ, о Жарь-птицѣ и золотыхъ яблокахъ, о Волкѣ и Лисицѣ, о Вѣтрѣ Вѣтровичѣ... Этотъ Вѣтеръ Вѣтровичъ, по словамъ няни, жилъ со своими тремя дочерьми въ большомъ домѣ, стоявшемъ въ саду, а вокругъ сада шла высокая стѣна... И мнѣ почему-то всегда казалось, что домъ Вѣтра Вѣтровича долженъ былъ походить на нашъ миролюбовскiй домъ, также стоявшiй почти весь въ саду; только нашъ садъ былъ окруженъ не высокой стѣной, а обыкновеннымъ заборомъ.

Только одну нянькину сказку я не любилъ — сказку про «бѣлаго бычка». Иногда, когда я приступалъ къ Тарасьевнѣ за сказкой, старушка подсмѣивалась надо мною:

— А не сказать ли тебѣ, батюшка, сказочку про «бѣлаго бычка»?

— Ну, няня! — съ досадой отзывался я, надувъ губы.

— Ты говоришь: «Ну, няня!», да я говорю: «Ну, няня!..» А не сказать ли тебѣ сказочку про «пестраго бычка»? — съ невозмутимымъ видомъ продолжала Тарасьева.

Поневолѣ приходилось молчать, а иначе пришлось бы еще долго слушать эту однообразную, скучную до одури сказочку.

Въ девять часовъ подавали ужинъ, и тѣмъ нашъ деревенскiй день кончался. Тотчасъ же послѣ ужина я прощался, — цѣловалъ у отца руку, усаживался къ мамѣ на колѣни, обнималъ ее за шею и цѣловалъ ее несчетное число разъ. Она ласково приглаживала мои вихрастые волосы и говорила:

— Ну, ну, будетъ! Иди же... Пора спать!

И я по полуосвѣщенной широкой лѣстницѣ спускался внизъ, для краткости иногда скатываясь по периламъ. Ложась спать, закутываясь въ одѣяло, я обыкновенно говорилъ:

— Спокойной ночи, няня!

— Спи, голубчикъ, съ Богомъ! — неизмѣнно отзывалась няня.

И я спокойно скоро засыпалъ...

Такъ шла и проходила зима...

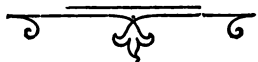


Когда отецъ былъ въ ополченіи, на нашемъ семейномъ совѣтѣ порѣшили, что меня пора отдать въ гимназію (мнѣ тогда было уже 12 лѣтъ), и мама отправилась со мною въ Вологду.

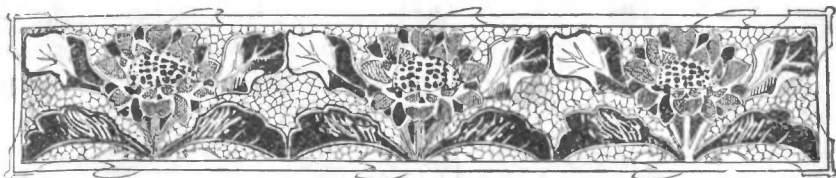
Въ гимназіи при разставаньи я горько-горько плакалъ, повиснувъ на шеѣ матери. Плакала и мама. Это была наша первая разлука и мои первыя горькія слезы, горячія слезы, отъ которыхъ надрывалась моя дѣтская грудь...

Началась казарменная гимназическая жизнь, съ ея горемъ и радостью, съ ея тревогами и заботами, съ темными опасеньями и мечтами... ¹⁾

На этомъ обрываются свѣтлыя, солнечныя воспоминанія изъ моего ранняго дѣтства.



¹⁾ Мой разсказъ „Памятный день“ (вошедшій въ сборникъ подъ заглавіемъ „Бывальщины и сказки“) имѣетъ отчасти автобіографическое значеніе: въ немъ съ нѣкоторыми незначительными отступленіями отъ дѣйствительности описано мое поступленіе въ гимназію и первый день, проведенный мною въ гимназическомъ пансіонѣ.



Въ гимназіи.

I.

Въ февралѣ 1856 г. я поступилъ своекоштнымъ воспитанникомъ въ такъ называемый дворянскій пансіонъ, находившійся при вологодской гимназіи, и оставилъ его въ іюнѣ 1863 г., по окончаніи гимназическаго курса. Такимъ образомъ, мое пребываніе въ этомъ пансіонѣ охватываетъ періодъ времени немного болѣе семи лѣтъ. Я поступилъ въ гимназію въ ту темную, глухую пору, когда нашъ пансіонъ представлялъ собой тѣсный, замкнутый мірокъ...

Строители гимназіи, говорятъ, хотѣли первоначально придать зданію видъ буквы П, но, по недостатку денежныхъ средствъ или по чему-нибудь иному, не достроили третьей стороны зданія, и поэтому вмѣсто П получилась нѣсколько неправильная буква Г. Одной стороной гимназія наша выходила на улицу, а фасадомъ — на площадь, такъ называемый «плацъ-парадъ», или «парадное мѣсто», гдѣ происходили солдатскія ученія и куда заходили иногда соблазненные зеленой муравой лошади и коровы. На противоположной сторонѣ площади, vis-à-vis съ гимназіей, стоялъ (да стоитъ и понынѣ) губернаторскій домъ и рядомъ съ нимъ духовная семинарія. Съ третьей стороны площади нѣкогда находилась гауптвахта, но въ 60-хъ годахъ она за ненадоб-

ностью была уничтожена, и на ея мѣстѣ воздвигнуть деревянный сарай для городского театра.

Высота зданія, большія окна и ф́асадъ съ колоннами придавали нашей гимназіи весьма внушительный видъ.

При гимназіи находился довольно большой, густой садъ, бывшій во владѣніи директора, который, впрочемъ, имъ почти не пользовался. Въ пользованіи же пансіонеровъ находился дворъ, усыпанный пескомъ и окаймленный съ трехъ сторонъ аллеями тощихъ березокъ, не дававшихъ ни малѣйшей тѣни. Въ аллеяхъ стояло нѣсколько скамеекъ. На этомъ дворѣ въ лѣтнюю пору пансіонеры играли въ мячъ, въ лапту, въ городки, свайку и т. под.

Спальни состояли изъ трехъ комнатъ — для младшаго, средняго и старшаго возраста — и содержались въ безукоризненной опрятности и чистотѣ. На каждую койку полагались: матрацъ, простыня, байковое одѣяло и подушка; у каждой койки стоялъ табуретъ. Губернеръ спалъ въ средней комнатѣ. По ночамъ въ спальнѣ горѣли свѣчи. Дежурный сторожъ въ валенкахъ, какъ призракъ, неслышно бродилъ по спальнѣ, снималъ со свѣчей, прикрывалъ спящихъ, если тѣ во снѣ сбрасывали съ себя одѣяло, а остальное время дремалъ на табуретѣ у стѣны.

Въ 6 часовъ утра, по приказанію губернатора, сторожъ обходилъ спальни, громко звоня въ большой колокольчикъ. Этотъ звонъ колокольчика былъ чрезвычайно неприятенъ, особенно въ темную зимнюю пору, когда въ спальнѣ бывало довольно свѣжо и хотѣлось еще спать. Если послѣ звонка кто-нибудь продолжалъ нѣжиться, сладко потягиваться или же снова засыпалъ, съ того губернёръ безъ церемоніи сдвигивалъ одѣяло, и тогда ужъ поневолѣ приходилось вскакивать и одѣваться.

Здѣсь кстати замѣтить, что пансіонеры дома носили куртки съ красными воротниками, а при выходѣ изъ гимназіи надѣвали однобортный мундиръ съ краснымъ стоячимъ воротникомъ, съ золотымъ позументомъ и съ красными же обшлагами рукавовъ. Фуражка съ краснымъ околышемъ и

синевато-сѣраго цвѣта шинель, «подбитая вѣтромъ», довершали нашъ костюмъ. Ни калошъ ни болѣе теплаго одѣянья зимой не полагалось. Намъ во многихъ отношеніяхъ вели по-спартански. Отмѣчаю эту черту старыхъ школьныхъ порядковъ, какъ заслуживающую одобренія, по моему мнѣнію.

За красный воротникъ и за красные обшлага рукавовъ уличные мальчишки звали насъ въ насмѣшку «краснопереыми окунями». Этотъ эпитетъ, конечно, не представлялъ собой ничего предосудительнаго, но помню, что въ то время почему-то онъ казался намъ крайне обиднымъ.

У пансіонеровъ первыхъ четырехъ классовъ волосы стриглись низко, подъ гребенку; воспитанники же старшихъ классовъ могли оставлять спереди и сбоку волосы подлиннѣе. Начальство не разрѣшало подобныя вольности, но лишь терпѣло ихъ, смотря на нихъ сквозь пальцы... Въ извѣстное время, по приказанію гувернера, къ намъ въ гардеробную являлся унтеръ-офицеръ, старичокъ, съ разноцвѣтными нашивками на рукавѣ и исправлялъ должность цырюльника. Желавшій сохранить спереди для красоты два-три вихра обязательно былъ долженъ незамѣтнымъ образомъ сунуть унтеръ-офицеру гривенникъ или пятакъ. Впрочемъ, въ теченіе первыхъ трехъ-четырехъ лѣтъ моего пребыванія въ пансіонѣ ученики только VII класса носили сравнительно длинные волосы.

Залой для занятій служила большая продолговатая высокая комната; стѣны ея были голыя, снизу до половины окрашенныя въ темно-зеленую краску, а выше—сѣровато-желтыя. Только на одной стѣнѣ висѣло расписаніе уроковъ, да въ передней части залы, въ нишѣ, помѣщался въ широкой золоченой рамѣ художественно написанный большой образъ Спасителя, благословляющаго хлѣбъ и вино. Неподалеку отъ образа стояла гувернерская конторка и возлѣ нея кресло для гувернера.

Въ этихъ стѣнахъ прошли семь лѣтъ моей жизни, — семь лѣтъ изъ того возраста, когда всѣ впечатлѣнія бываютъ такъ живы и ярки, и понятно, что незатѣйливая полука-

зарменная обстановка пансіонской залы, какъ топоромъ зарубленная, глубоко врѣзалась въ моей памяти. Много было пережито въ этихъ стѣнахъ... Здѣсь я узналъ и горе новичка, тоску по родномъ домѣ, по деревенской свободѣ, и блаженныя минуты горячихъ признаній въ дружбѣ и въ братской любви, и радость по случаю удачно сданныхъ экзаменовъ и близкихъ каникулъ, и темные страхи передъ единицами и двойками, и духъ захватывающія опасенія угрожающихъ наказаній...

Утромъ, около семи часовъ, по приходѣ изъ спальни въ залу, одинъ изъ воспитанниковъ по очереди читалъ молитву, послѣ чего мы сѣли за занятія — зимою при свѣчахъ. Въ половинѣ восьмого сторожа начинали накрывать на столъ; въ залѣ распространялся вкусный запахъ ржаного хлѣба. Въ это время гувернеръ заканчивалъ рапортъ за день своего дежурства; тѣ, кто были вписаны въ рапортъ за шалости или вообще за дурное поведеніе, ожидали для себя обыкновенно болѣе или менѣе значительныхъ непріятностей... Въ восемь часовъ по звонку гувернера сѣли завтракать. На завтракъ намъ давались тарелка молока и ломоть хлѣба; въ постъ (т.-е. на первой, четвертой и седьмой недѣлѣ Великаго поста) — ломоть хлѣба и стаканъ сбитня, а впоследствии чая. Послѣ завтрака передъ уроками давался отдыхъ (на пансіонскомъ языкѣ — «гулянье»). За нѣсколько минутъ до девяти часовъ — опять звонокъ, опять «Rangez vous», опять становились въ пары: маленькіе — впереди, большіе — въ арьергардѣ, и расходились по классамъ. Къ этому времени уже обыкновенно являлись инспекторъ и классный надзиратель, а приходящіе ученики были уже почти всѣ въ сборѣ.

Отъ девяти до половины двѣнадцатаго были два урока, раздѣленные пятиминутной передышкой, такъ называемой «малой перемѣной», а съ половины двѣнадцатаго до 12-ти была «большая перемѣна», во время которой пансіонеры уходили въ залу завтракать. На этотъ второй завтракъ давалась тарелка бульону съ ломтемъ хлѣба. Въ 12 часовъ

мы опять шли въ классы и оставались тамъ до половины третьяго; за это время опять проходили два урока, раздѣленные «малой перемѣной». Возвратившись изъ классовъ, мы садились обѣдать, при чемъ гувернеры помѣщались на противоположныхъ концахъ стола. Инспекторъ во время обѣда обыкновенно рассказывалъ про залѣ, то молча, то заговаривая съ гувернерами или съ воспитанниками, то отвѣдывая кушанье. Для него на маленькомъ столѣ ставился обѣдъ, и пансіонеры были глубоко убѣждены въ томъ, что инспекторскій обѣдъ гораздо вкуснѣе и больше нашихъ порцій. Тѣ, кому удавалось отвѣдывать кушанья съ инспекторскаго столика, увѣряли, что бульонъ на томъ столѣ оказывался навѣрнѣе и каша гораздо жирнѣе...

Отъ трехъ и до пяти давался отдыхъ. Въ это время желающіе — весной и осенью — могли итти на дворъ, а зимой иногда ходили гулять по улицамъ въ сопровожденіи гувернера. Послѣдняго рода прогулокъ воспитанники не долюбливали, и поэтому эти хожденія попарно по городу устраивались рѣдко. Во время «гулянья» одни играли, другіе занимались чтеніемъ, иные мастерили что-нибудь... Въ пять часовъ по звонку мы садились за приготовленіе уроковъ къ слѣдующему дню и корпѣли надъ учебниками до восьми часовъ. Это время на нашемъ пансіонскомъ жаргонѣ называлось «занятіями». Во время «занятій» нельзя было ни разговаривать громко, ни увлекаться постороннимъ дѣломъ, ни рассказывать по залѣ. Для того, чтобы выйти изъ залы, воспитанникъ долженъ былъ каждый разъ просить позволенія у гувернера, т.-е., подойдя къ гувернеру, молча, прикладывая правую руку — ладонью наружу — къ правому виску, на что гувернеръ обыкновенно, также молча, въ знакъ согласія кивалъ головой. Въ восемь часовъ мы садились за чай; на каждого полагались стаканъ чая и булка — печенья нашего гимназическаго повара. Съ восьми до девяти часовъ слѣдовалъ отдыхъ. Въ девять становились на молитву «по ранжиру» и затѣмъ шли въ спальни. День кончался...

Наша затворническая трудовая жизнь разнообразилась лишь рѣдкими приѣздами «особь» изъ Петербурга, посѣщеніями родныхъ да отпусками на праздники. Вскорѣ по поступленіи моемъ въ пансіонъ нашу гимназію посѣтилъ И. Д. Деляновъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія), бывший въ ту пору, сколько мнѣ помнится, попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа. Отцы почти никогда не приходили къ намъ. Посѣщенія же матерей, сестеръ, тетокъ были, конечно, пріятны, но въ то же время не мало стѣсняли насъ, маленькихъ спартанцевъ. Намъ словно было стыдно ходить на свиданья съ матерью или сестрой... Когда пансіонеръ возвращался съ подобнаго свиданья въ залу, товарищи обыкновенно смѣялись, подтрунивали надъ нимъ: «Ну, что, маменькинъ сынокъ! Пирожковъ принесли? Или пряничковъ, конфѣтокъ?..» Прозвище «маменькинъ сынокъ» было въ числѣ самыхъ обидныхъ, унижительныхъ эпитетовъ, такъ какъ оно считалось синонимомъ «нѣженки, баловня, плаксы»...

На праздники отпускали къ роднымъ и знакомымъ не иначе, какъ съ билетомъ, на которомъ родные или знакомые должны были отмѣчать: въ которомъ часу воспитанникъ отправился отъ нихъ въ гимназію. Возвращались въ пансіонъ въ воскресенье вечеромъ или въ понедѣльникъ утромъ — не позже девяти часовъ. Если пансіонеръ опаздывалъ, то на билетѣ слѣдовало указать причину его неявки въ срокъ. При отпускѣ на святки, на Пасху и каникулы воспитаннику выдавались платье и книги, которыя впослѣдствіи и получались отъ него по запискѣ.

Въ первые годы моего пребыванія въ гимназіи устраивался передъ святками торжественный актъ, на которомъ публично подъ звуки музыки директоромъ и попечителемъ гимназіи раздавались награды. На этотъ же случай выставлялись въ залѣ лучшія работы учениковъ по рисованію. Я никогда никакихъ наградъ не получалъ, на святки въ гимназіи не оставался, а всегда уѣзжалъ къ роднымъ въ деревню, гдѣ и бѣгалъ на лыжахъ, сломя голову, по полямъ

и лѣсамъ, занесеннымъ сугробами снѣга, а долгіе святочные вечера проводилъ надъ книгами изъ отцовской библіотеки. Объ актовомъ священнодѣйствіи я знаю лишь по слухамъ и поэтому не распространяюсь о немъ...

Въ церкви за всенощной и обѣдной пѣль — довольно недурно — нашъ гимназическій хоръ подъ управленіемъ наемнаго регента. Каждую недѣлю, сколько помнится, два раза послѣ классовъ бывали спѣвки, при чемъ дискантамъ и альтамъ иногда доставалось отъ регента камертономъ по головѣ.

Разъ въ недѣлю являлся также какой-то военный чловѣкъ учить насъ гимнастикѣ и маршировкѣ — зимою въ залѣ, а весной и осенью на дворѣ. Маршировку мы не долюбливали, а гимнастикой занимались довольно охотно, такъ какъ она при существовавшихъ въ ту пору условіяхъ у насъ близко граничила съ шалостями...

II.

При поступленіи моемъ въ гимназію директоромъ былъ Аникита Семеновичъ Власовъ (впослѣдствіи директоръ одной изъ петербургскихъ гимназій), чловѣкъ довольно снисходительный къ намъ, къ дѣтямъ, и художникъ въ душѣ. Онъ, говорятъ, написалъ прелестный образъ Богоматери, который, впрочемъ, почему-то не могъ быть помѣщенъ въ нашей гимназической церкви, но стоялъ будто бы въ алтарѣ.

Инспекторомъ при Власовѣ былъ Дмитрій Алексѣевичъ Зябловъ. Пансіонеры вообще не долюбливали его, какъ чловѣка сухого, жесткаго, мелочно-взыскательнаго. Зябловъ любилъ сѣчь. Меня онъ никогда не наказывалъ, и я лично не видалъ отъ него ничего особенно дурного, но, тѣмъ не менѣе, сильно побаивался его. Вѣдь онъ могъ миловать и карать всевозможными карами...

Въ тѣ времена пансіонскіе нравы были грубы и жестоки, и по поводу ихъ по справедливости можно было сказать: «Желѣзный вѣкъ! Желѣзные сердца!..» Тогда въ средѣ

пансіонеровъ еще живо сохранялись воспоминанія о томъ, какъ зимой на льду рѣки Вологды, близъ Краснаго моста, устраивались кровавыя побоища между семинаристами и гимназистами. Боролись, ходили стѣной на стѣну, дрались на кулачкахъ, полѣвнями, чѣмъ попало, и дѣло иногда доходило чуть не до смертоубійства. Также была еще свѣжа память о двухъ братьяхъ-силачахъ, Н—ныхъ, убѣжавшихъ изъ гимназіи для поступленія въ военную службу. Братья были пойманы по дорогѣ къ Ярославлю, возвращены въ гимназію и жестоко наказаны. Остались ли они въ гимназіи послѣ экзекуціи, или были исключены — не помню.

Какъ сказаніе о недавнемъ прошломъ, ходилъ еще разсказъ объ одномъ воспитанникѣ, который послѣ наказанія розгами бросился на инспектора съ перочиннымъ ножикомъ, но былъ удержанъ сторожами и затѣмъ вторично наказанъ больнѣе прежняго... Одинъ пансіонеръ, желая испытать силу воли, положилъ на камень большой палецъ лѣвой руки и самъ тяжелой желѣзной свайкой разбилъ его. Это происшествіе случилось уже при мнѣ.

Въ ту пору кулачное право — право сильнаго — въ пансіонѣ было еще въ полномъ ходу. Гувернеры, какъ говорится, походя расточали направо и налево увѣсистые подзатыльники и драли за уши. Нѣмецъ-гувернеръ однажды въ пылу раздраженія увлекся до того, что даже надорвалъ ухо воспитаннику. Инспекторъ наказывалъ розгами, невзирая на возрастъ. Старшіе ученики колотили младшихъ, и всѣ вообще пансіонеры жестоко дрались между собой. Новичку обыкновенно шибко доставалось ото всѣхъ. Помню, какія нравственныя и физическія терзанія пришлось мнѣ вынести въ первые дни моего пребыванія въ пансіонѣ. Даже гувернеръ, наконецъ, былъ вынужденъ вступить за ошеломленнаго новичка, хотя гувернеры относились къ такимъ вещамъ вообще довольно индифферентно... Старшіе воспитанники иногда подъ угрозой колотушекъ принуждали младшихъ отдавать имъ свой чай или булку, а иногда и то и другое.

Не проходило недѣли, чтобы нѣсколько человекъ не осталось безъ обѣда, безъ завтрака или безъ чая; не проходило дня безъ того, чтобы нѣсколько человекъ не постояло у стѣны или на колѣняхъ; не бывало такой субботы въ теченіе учебнаго времени, чтобы не высѣкли человекъ 10—15. Однимъ словомъ, не бывало такого дня, чтобы кто-нибудь изъ «маленькихъ» горько не плакалъ отъ истязаній начальства или отъ побоевъ своихъ же товарищей. Изъ существовавшихъ въ пансіонѣ наказаній самыми употребительными были: стояніе у стѣны или на колѣняхъ, оставленіе «безъ отпуска» и розги. (Въ карцеръ садили очень рѣдко и то лишь воспитанниковъ старшихъ классовъ.) За шалости учениковъ записывали въ журналъ: въ классѣ — учителя, въ пансіонѣ — гувернеры.

Въ субботу, въ началѣ послѣдняго, четвертаго урока, инспекторъ обходилъ первые три класса и всѣхъ записанныхъ за особенно выдающіяся шалости и тѣхъ, у кого въ теченіе недѣли было болѣе трехъ *единицъ*, приглашалъ въ гардеробную, гдѣ въ его присутствіи и происходила извѣстная экзекуція. При исполненіи этой отвратительной экзекуціи главную роль играли два сторожа: Степанъ и старикъ Сергѣй. У Сергѣя, исполнявшаго должность палача, были, разумѣется, свои любимцы, которымъ доставалось отъ него гораздо легче, нежели тѣмъ, которые не заслужили его благоволенія. Я слыхалъ, что Сергѣй исполнялъ свое дѣло съ особеннымъ стараніемъ. Этотъ невзрачный старикашка, малорослый, съ длинными руками, съ хриплымъ голосомъ, внушалъ къ себѣ пансіонерамъ глубокую ненависть... Я не испыталъ этого рода наказанія, но, судя по отчаяннымъ крикамъ, доносившимся изъ гардеробной, могу думать, что сѣкли иногда очень больно.

Розги, безспорно, одна изъ самыхъ темныхъ сторонъ старой школы. Розги растлѣвали мальчугановъ. Помню, съ какимъ ужасомъ и стыдомъ иной шелъ въ первый разъ за инспекторомъ въ гардеробную и какимъ жалкимъ, униженнымъ возвращался онъ послѣ наказанія въ среду товари-

щей. Послѣ нѣсколькихъ пороковъ, онъ уже привыкалъ къ позору тѣлеснаго наказанія и изъ скромнаго мальчика мало-по-малу превращался въ отчаяннаго, безшабашнаго нахала...

Въ памяти моей сохранились двѣ экзекуціи.

Одинъ изъ приходящихъ учениковъ V класса, юноша лѣтъ 16, былъ оставленъ инспекторомъ безъ обѣда, но ослушался и хотѣлъ уйти домой. Инспекторъ удержалъ его, а тотъ ударилъ инспектора по рукѣ. На крикъ инспектора сбѣжались сторожа и преступника увели въ карцеръ. Дня черезъ два послѣ того гимназическій совѣтъ приговорилъ наказать его розгами въ классѣ въ присутствіи товарищей. И его товарищи, пансіонеры, вечеромъ были позваны въ классъ, и виновный при нихъ былъ жестоко наказанъ. Послѣ того, какъ бы для исправленія, онъ былъ помѣщенъ въ пансіонъ и жилъ у насъ недѣли двѣ. Онъ держался отъ всѣхъ въ сторонѣ, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, хмурился и молчалъ. Повидимому, онъ сильно страдалъ въ душѣ. Отъ него также всѣ сторонились, какъ будто вынесенный имъ позоръ публичнаго посрамленія отталкивалъ отъ него окружающихъ. Онъ смѣтрѣлъ исподлобья, какъ загнанный звѣрь; его лицо смугловато-блѣдное съ рѣзко очерченными чертами и съ короткими прядями свѣтлорусыхъ волосъ, нависшихъ надо лбомъ, было неподвижно и безстрастно. Онъ, въ свою очередь, казалось, платилъ презрѣніемъ ко всему окружающему. Пансіонеры — да, кажется, и гувернеры — побаивались его, какъ бѣшеной собаки... Затѣмъ этотъ несчастный исчезъ изъ пансіона и, сколько помнится, вскорѣ вышелъ изъ гимназіи.

Другой случай... Нѣсколько приходящихъ учениковъ составили заговоръ, накупили игрушечныхъ ружей, барабановъ, надѣлали какихъ-то воинскихъ значковъ и знаменъ и задумали въ одно прекрасное утро взять приступомъ гимназію. И, дѣйствительно, въ субботу на шестой недѣлѣ Великаго поста заговорщики въ началѣ девятаго часа утра собрались у параднаго подъѣзда и съ шумомъ

и гиканьемъ ворвались въ гимназію, оттѣснили сторожей, старавшихся унять ихъ, и съ торжествующими, побѣдными криками пронеслись по широкой парадной лѣстницѣ, проникли въ коридоръ и, стрѣляя изъ ружей, съ барабаннымъ боемъ прошли по коридору взадъ и впередъ, стуча въ двери классовъ дровками значковъ и знаменъ. Нѣсколько стеколъ, помнится, было разбито, вѣшалки для платья свалены, сто-рожка жаловались на ушибы. Скандаль вышелъ громадный, еще неслыханный въ стѣнахъ нашей гимназіи.

Нѣкоторые изъ пансіонеровъ, узнавъ объ открытіи воен-ныхъ дѣйствій, пришли въ волненіе и страстно желали при-соединиться къ нападающимъ, но гувернеры воспрепятство-вали такому соединенію армій. Между пансіонерами были отчаянныя сорви-головы, и если бы они примкнули къ на-падающимъ, то погромъ принялъ бы болѣе серьезные раз-мѣры. Дѣло кончилось тѣмъ, что главныхъ военачальниковъ въ тотъ же день высѣкли, несмотря на то, что въ ихъ числѣ попались двое юношей изъ аристократической семьи. Я былъ въ то время въ I классѣ. У насъ шель урокъ за-кона Божія, когда инспекторъ велъ въ гардеробную плѣн-ныхъ неприятелей. Нашъ почтенный законоучитель, отецъ Іоаннъ Прокошевъ, вступился за осужденныхъ и по обыкно-венію, приложивъ руку къ груди, попросилъ инспектора простить виновныхъ ради такого дня (Лазарева воскресе-нія). Но инспекторъ не снизошелъ на его просьбу.

Даже самыя игры носили въ то время какой-то грубой, жестокой характеръ. Такъ, напри-мѣръ, одна изъ любимыхъ игръ состояла въ томъ, что кто-нибудь, по жребію, становился въ наклонной позѣ, а окружающіе хлопали его, и тотъ долженъ былъ угадать: кто ударилъ его. Угаданный ста-новился на его мѣсто; если же онъ не угадалъ, то игра, т.-е. битье, продолжалась. Иной злой шутникъ со всего раз-маху наносилъ такой чувствительный ударъ, что несчастный, не выдержавъ пытки, со слезами на глазахъ и весь красный отъ перенесенной боли, невольно вскрикивалъ и выпрям-лялся. Отказаться же отъ игры значило заслужить всеобщее

презрѣніе и прозвища «нѣженки, труса, маменькина сынка» и т. под.

Иногда во время вечерняго «гулянья», т.-е. между восьмью и девятью часами, два крайніе обѣденные стола отодвигались въ сторону, и такимъ манеромъ образовывалось значительное свободное пространство. Сюда, какъ на арену, выходили желавшіе помѣриться ловкостью и силою своихъ мускуловъ. За охотниками дѣло никогда не стояло. Пансіонеры — отъ мала до велика — окружали эту импровизированную арену, стоя и сидя на скамьяхъ и столахъ, составлявшихъ какъ бы амфитеатръ. Борцы для удобства иногда снимали куртки и засучивали рукава рубахи. Борьба иной разъ переходила въ довольно ожесточенную драку — къ вящему удовольствію зрителей. Дерущіеся иногда смѣнялись одни другими, и это даровое представленіе длилось долго — до вечерней молитвы. Зрители аплодировали, любясь на противниковъ, возившихся на полу, въ пыли. Гувернеры охотно допускали подобныя побоища, а одинъ изъ гувернеровъ, нѣмецъ, даже очень любилъ ихъ. Заложивъ руки за фалды вицмундира, онъ съ интересомъ смотрѣлъ на дерущихся и принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ перипетіяхъ борьбы. Онъ увлекался до того, что начиналъ иногда подзадоривать противниковъ, науськивая ихъ другъ на друга, какъ собачонокъ:

— Хорошенько, хорошенько его! Вотъ такъ, такъ... Ай да молодець! А ну-ка еще, еще подбавь! Вотъ такъ, такъ...

И какая-то плотоядная, чувственная улыбка расплзлась по его желтому, сухому лицу, когда который-нибудь изъ противниковъ наносилъ особенно мѣткій, чувствительный ударъ. Въ результатъ этихъ «гладіаторскихъ игръ» оказывались въ кровь разбитые носы, подбитыя скулы, синяки, оборванныя пуговицы и разорванные рубахи и штаны. Разбитые носы и фонари подъ глазами не принимались въ расчетъ, а за испорченное платье строго взыскивалось...

Широкое поприще для такихъ грубыхъ, циничныхъ игръ представляла также баня, куда насъ, пансіонеровъ, водили два раза въ мѣсяцъ по средамъ. Гувернеръ, сопровождавшій насъ, обыкновенно оставался въ передбанникѣ или уходилъ

на дворъ, и въ банѣ тогда происходило своего рода столпотвореніе вавилонское. Тутъ ужъ, по поговоркѣ, кто кого смогъ, тотъ того и съ ногъ... Любимымъ дѣломъ было подкрасться къ товарищу сзади, когда тотъ набиралъ воду въ тазъ, и, пользуясь его беззащитнымъ положеніемъ, хватить его хорошенько по голому тѣлу такъ, чтобы искры изъ глазъ посыпались, или обдать холодной водой, или съ разбѣгу ударить его въ «поджилки» такъ, чтобы тотъ моментально растянулся на мокромъ, скользкомъ полу. Кто былъ посильнѣе, тотъ и озорничалъ...

Самыми невинными играми были: гусекъ и игра въ тарелочные осколки. Добывалась откуда-нибудь разбитая тарелка, расколачивалась на мелкіе неправильные кусочки, и затѣмъ играющіе брали въ горсть по нѣсколько такихъ кусочковъ и по очереди бросали вверхъ такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было подхватить на наружную сторону кисти руки. Старшіе воспитанники играли въ шахматы и въ шашки.

III.

По сравненію съ нами, пансіонерами, приходящіе гимназисты были совсѣмъ людьми вольными. Мы, бывало, съ завистью и грустью смотрѣли на нихъ изъ оконъ, какъ они послѣ классовъ съ сумочками и портфелями весело шли по улицамъ, въ одиночку и группами, направляясь къ своимъ домамъ, гдѣ ихъ ждали отецъ и мать, братья, сестры... Послѣ обѣда, приготовивъ уроки, они могли пойти гулять, отправиться въ театръ, на вечеръ къ знакомымъ, могли танцевать, могли кататься, даже поѣхать за городъ, а мы, заключенные, должны были и послѣ классныхъ занятій оставаться въ тѣхъ же четырехъ стѣнахъ. Мы были оторваны отъ семьи, отъ общества, отъ всего міра, жившаго и волнувавшегося за стѣнами нашего пансіона. Въ будни мы могли выходить лишь въ экстренныхъ случаяхъ, по уважительнымъ просьбамъ родныхъ или знакомыхъ.

Въ нашемъ замкнутомъ пансіонскомъ мірѣ, натурально, слагались свои взгляды, свои вѣрованія и легенды. Такъ, на примѣръ, первый классъ, довольно большая комната, изъ которой шла лѣстница въ церковь, пользовался у насъ весьма плохой репутаціей. Въ немъ, по сказаніямъ гимназистовъ-«старичковъ», по ночамъ слышалась ходьба, раздавался какой-то шорохъ, и ни одинъ изъ младшихъ воспитанниковъ не рѣшался въ позднюю пору войти въ эту комнату. Въ нашей рекреационной залѣ, какъ говорили, также «чудилось» по ночамъ. Только вліяніемъ подобныхъ суевѣрій можно объяснить тотъ испугъ, какой однажды я пережилъ...

Когда я былъ въ VI классѣ, умеръ мой любимый товарищъ, мой другъ, Николай Поповъ (изъ Великаго Устюга, изъ того же города, откуда родомъ и я). Покойника, какъ водится, обмыли въ свое время, положили въ гробъ и отнесли въ карцеръ (служившій также и мертвецкой). Псалтирь надъ покойникомъ читалъ нашъ гимназическій дьяконъ, но когда ему понадобилось вечеромъ сходить домой поужинать, я охотно взялся замѣнить его на время. Было часовъ восемь, когда я пришелъ къ нему въ карцеръ на смѣну. Темный мартовскій вечеръ стоялъ на дворѣ.

— Вотъ вамъ свѣчка! — сказалъ дьяконъ, собираясь уходить и подавая мнѣ огарокъ довольно толстой восковой свѣчи. — Немного... Ну, да хватитъ пока! Я вѣдь скоро вернусь... До свиданья! Благодарствуйте...

Дьяконъ нахлобучилъ на лобъ свою широкополую шляпу и ушелъ. Я остался одинъ съ мертвецомъ...

Покойницкая была небольшая мрачная комната съ двумя окнами, защищенными рѣшеткой, и съ русской закоптѣлой печью въ углу. Гробъ стоялъ на лавкѣ, изголовьемъ къ окнамъ. Я вполголоса читалъ Псалтирь и отъ поры до времени какъ-то машинально, невольно посматривалъ на гробъ, на покойника, на черты знакомаго, дорогого лица, уже готоваго навсегда исчезнуть въ могильной тьмѣ. Свѣчка моя догорала, воскъ горячими каплями уже падалъ мнѣ на руку. Дьяконъ что-то замѣшкался...

Въ комнатѣ было тихо; тихо было и въ коридорѣ, ибо по той части его, которая прилежала къ карцеру, сторожа рѣдко проходили, особенно же вечеромъ. Я все чаще по-сматривалъ на отопившійся, оплывшій огарокъ и съ неприятнымъ чувствомъ подумывалъ о томъ, что огарокъ можетъ погаснуть прежде, чѣмъ придетъ дьяконъ, и я останусь впотьмахъ... Вдругъ посреди мертвой тишины явственно раздался какой-то странный свистящій звукъ, шорохъ и затѣмъ что-то стукнуло... Ни разу въ жизни я такъ сильно не вздрагивалъ отъ испуга, какъ въ эту минуту. Точно какая-нибудь невидимая сила потрясла меня, и словно кипяткомъ обдало меня всего съ головы до пятъ. Всѣ суевѣрія, всѣ темные страхи, съ дѣтства всосанные, такъ сказать, всѣми порами моего духовнаго организма, тутъ разомъ нахлынули на меня. До той минуты я не понималъ еще вполнѣ, что значить ужасъ... Сердце усиленно колотилось, колѣни дрожали.

Если бы я былъ однимъ изъ тѣхъ нервныхъ, слабыхъ волею мальчиковъ, какихъ много явилось въ позднѣйшее время, то я упалъ бы безъ чувствъ или пустился бы бѣжать со страху, куда глаза глядятъ. Но я пересилилъ свой страхъ, близко граничившій съ паникой, и рѣшительнымъ шагомъ подошелъ къ гробу. Я высоко поднялъ свой оплывшій восковой огарокъ и заставилъ себя взглянуть покойнику въ лицо. Это лицо было попрежнему неподвижно и дышало тѣмъ за-виднымъ, безконечнымъ спокойствіемъ, какое бываетъ лишь на лицѣ человѣка, пришедшаго къ небытію. Губы полусжаты, глаза закрыты, и рѣсницы ихъ не дрогнуть и не дрогнетъ тѣмъ, лежащая подъ ними... Я посмотрѣлъ на покровъ, думая, не онъ ли соскользнулъ съ покойника. Но, нѣтъ! покровъ лежалъ на своемъ мѣстѣ... Я обошелъ вокругъ гроба, подошелъ къ печи. Тутъ я увидѣлъ, что крышка гроба, прислоненная къ печкѣ, слегка покачивалась. Очевидно, стукнула крышка, которая, вѣроятно, была неплотно приставлена къ стѣнѣ. Такимъ образомъ, я убѣдился, что ничего сверхъестественнаго не произошло, но мое ду-

шевное равновѣсіе было уже нарушено: я не могъ продолжать чтеніе Псалтири. Къ тому же, какъ на грѣхъ, свѣча моя окончательно догорѣла, и я былъ вынужденъ погасить ее. Оставшись впотьмахъ, я отыскалъ графинъ съ водой, налилъ стаканъ, выпилъ и сѣлъ на подоконникъ. Очень долгими показались мнѣ тѣ десять-пятнадцать минутъ, которыя я просидѣлъ впотьмахъ въ ожиданіи дьякона. Глаза мои мало-по-малу привыкли къ темнотѣ, и я сталъ различать окружающее.

При сумеречномъ ночномъ освѣщеніи, проникавшемъ въ окна, смутно, призрачно выступали передо мной бѣлыя свѣчи въ высокихъ церковныхъ подсвѣчникахъ, гробъ, въ гробу профиль мертвеца и его желтыя костлявыя руки, сложенныя на груди. Опустивъ руки на колѣни и прижавшись спиной къ холодному оконному косяку, я продолжалъ смотрѣть на гробъ и не могъ смотрѣть въ тѣ минуты ни на что другое. Этотъ предметъ, казалось, неотступно привлекалъ меня къ себѣ... Въ комнатѣ было душно, пахло деревомъ гроба, тлѣніемъ. Наконецъ у меня закружилась голова, и горловыя спазмы начали меня душить... Въ ту минуту въ коридорѣ послышались шаги. Я приподнялъ отяжелѣвшую голову и, прислушиваясь, пристально посмотрѣлъ на дверь. Дверь отворилась, и на порогѣ показался отецъ дьяконъ съ фонаремъ и съ цѣлой горстью восковыхъ свѣчей въ рукѣ.

— Заждались! — густымъ басомъ лаконично проговорилъ дьяконъ.

Никогда никакая музыка, кажется, не была такъ пріятна для моего слуха, какъ былъ пріятенъ въ ту минуту густой дьяконскій басъ.

Было уже десять часовъ. Я прямо прошелъ въ спальню. Напрасно я закутывался въ одѣяло, — меня била лихорадка... Напрасно я закрывалъ глаза, ложился на правый бокъ, подкладывая по своему обыкновенію руку подъ щеку, — я долго не могъ заснуть и лишь далеко за полночь забылся тяжелымъ, тревожнымъ сномъ...

Если бы я съ дѣтства не былъ зараженъ суевѣрiями и вѣрой во всякую чертовщину; если бы школьная среда не поддерживала темныхъ страховъ, то, конечно, мнѣ не пришлось бы въ ту ночь переживать описанныхъ мною тяжелыхъ, томительныхъ ощущенiй...

Пансионъ, какъ уже сказано, какъ всякiй замкнутый, обособленный мiръ, выработалъ свой кодексъ общественной нравственности.

Взгляды на товарищество, на дружбу, по этому неписанному кодексу, были самыя опредѣленные, самыя прямолинейныя. Выдать товарища считалось дѣломъ гнуснымъ и позорнымъ. Дружба налагала свои обязанности: другу нельзя было отказать ни въ какой услугѣ ни въ какой помощи... Обиженный долженъ былъ самъ расправляться съ обидчикомъ, но жаловаться на товарища учителю или гувернеру считалось весьма непохвальнымъ. Плакать или молить о пощадѣ, хотя бы подъ розгами, считалось унижительнымъ, даже унижительнѣе перенесеннаго наказанiя. Подсказыванье во время урока съ педагогической точки зрѣнiя, конечно, нежелательно и непохвально, но у насъ въ пансионѣ по отношенiю къ другу подсказыванье считалось священнымъ долгомъ. За подсказыванье въ классѣ я однажды въ теченiе четырехъ часовъ простоялъ у стѣны, нѣсколько разъ оставался безъ обѣда, а одинъ разъ — во второмъ классѣ, передъ экзаменами — за подсказыванье я едва не подвергся болѣе чувствительному наказанiю... Рассказывать дома или въ обществѣ о пансионскихъ секретaxъ считалось неприличнымъ, и воспитанника, уличеннаго въ пересказыванiи тѣхъ или иныхъ интимныхъ фактовъ изъ пансионской жизни, называли «сплетникомъ», «переносчикомъ», «кумушкой». Подсмѣиваться надъ товарищемъ, подвергнувшимся наказанiю, или при случаѣ напоминать ему объ этомъ наказанiи — считалось дѣломъ низкимъ.

Ничто не вѣчно въ мiрѣ, не вѣчна была и пансионская дружба. Прiатели иногда расходились... Бывшiе въ ссорѣ, по кодексу пансионскихъ приличiй, ни подъ какимъ ви-

домъ не могли заговаривать другъ съ другомъ; они рѣшительно не обращали вниманія одинъ на другого. Когда же они начинали тосковать въ такомъ отчужденіи другъ отъ друга, тогда являлись миротворцы и служили посредниками между поссорившимися друзьями. Иногда — впрочемъ, очень рѣдко—весь классъ отворачивался отъ какого-нибудь субъекта; въ такомъ случаѣ этотъ несчастный какъ бы предавался проклятію, и никто не имѣлъ права вступать съ нимъ въ сношенія до тѣхъ поръ, пока не снимался съ него interdiktъ. Если весь классъ сговаривался не отвѣчать урокъ, то несдержавшій уговора назывался «пролазой», «выскачкой» и становился на худомъ счету у товарищей. Если кто-нибудь дѣлалъ дерзость любимому учителю, тогда ему тоже доставалось отъ товарищей на орѣхи... Пансіонская замкнутость и обособленность со всѣми ея хорошими и дурными сторонами давали себя чувствовать на каждомъ шагу.

Иногда очень странные, своеобразные типы вырабатывались нашимъ пансіонскимъ міркомъ. Приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ...

Мой товарищъ П. отлично зналъ обрядовую сторону религіи и до тонкости заучилъ всѣ церковныя службы. Хотя въ пансіонѣ молитвы читались по очереди, но П. какъ-то устроилъ такъ, что ему всѣхъ чаще приходилось читать, а въ послѣдствіи чтеніе молитвъ уже стало какъ бы его прерогативой. Во время всенощной и обѣдни онъ читалъ на клиросѣ, выходилъ съ «Апостоломъ», любилъ ставить свѣчи, подавалъ кадило и вообще прислуживалъ въ алтарѣ. Мы звали его «дьячкомъ». Въ столѣ его помѣщалось нѣсколько маленькихъ образковъ, и столъ его уподоблялся молебнѣ. Онъ любилъ приводить цитаты изъ Псалтири и другихъ церковнослужебныхъ книгъ. Говоря о божественномъ, онъ закатывалъ глаза вверхъ, какъ истый святоша. Но жестоко ошибся бы тотъ, кто, судя по всему вышесказанному, принялъ бы П. за челоувѣка религіознаго.

Чувства религіозности въ П. было меньше, чѣмъ въ любомъ изъ его товарищей. О лицахъ духовнаго званія онъ

разсказывалъ такія пошлыя, циничныя исторіи, такъ не-почтительно выражался онъ обо всемъ, касавшемся церковно-служителей, что его можно было принять за отъявленнаго атеиста. Какимъ образомъ уживались въ немъ одновременно такія очевидныя противорѣчія — объяснить не берусь. Ему, повидимому, нравилась лишь одна обрядовая сторона, церковные эффекты и церемоніи; ему правилось играть роль при богослуженіи, рисоваться передъ публикой, хотя бы въ роли «дьячка»... И съ какимъ удовольствіемъ, бывало, онъ выходилъ читать Посланіе, откашливался, кланялся священнику, съ какимъ озабоченнымъ видомъ раздувалъ кадило и, подавая его, ловко чмокалъ руку священнику... П. былъ недурень собой: съ темнорусыми волосами, съ карими блестящими и бойкими глазами и съ прекраснымъ цвѣтомъ лица. Онъ былъ мальчикъ способный, учился довольно порядочно и былъ на хорошемъ счету у начальства. Черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ пансіона я слышалъ, что кто-то видалъ его гдѣ-то въ монастырѣ въ одеждѣ послушника.

Другой товарищъ мой по пансіону, Ч., завелъ у себя въ столѣ нѣчто въ родѣ энциклопедической мелочной лавки и мастерской. Онъ постоянно что-нибудь мастерилъ: дѣлалъ изъ картона всевозможные ящички и оклеивалъ ихъ разноцвѣтной бумагой, превращалъ сигарные ящички въ шкатулки, плелъ корзинки изъ бумаги, вклеивалъ тетради въ переплеты старыхъ альбомовъ, рисовалъ шашечныя доски, и все эти произведенія рукъ своихъ пускалъ въ продажу, разумѣется, по умѣреннымъ цѣнамъ. Ч. дѣлалъ также панорамы. По вечерамъ показывая панораму, онъ, какъ настоящій раешникъ, давалъ приличныя случаю объясненія...

«А вотъ, господа, городъ Парижъ! какъ въѣдешь въ него, такъ и угоришь!» выкрикивалъ онъ своимъ рѣзкимъ металлическимъ голосомъ. «А вотъ — швейцарская хижина, стоитъ никѣмъ недвижима!» Или — если рисунокъ панорамы изображалъ сраженіе — Ч. обязательно пояснялъ: «Турки валятся, какъ чурки, а русскіе стоятъ

и безъ головъ!..» И все это (и многое другое) онъ выкрикивалъ, не переводя духу, и такъ серьезно, что ни одинъ мускулъ, бывало, не дрогнетъ у него въ лицѣ. Въ его лавочкѣ можно было купить всякой всячины — бумаги писчей и почтовой, сургуча, карандашей, перьевъ, пенали, картинъ (иногда, между прочимъ, и предосудительнаго содержанія — съ изображеніемъ женщинъ, болѣе или менѣе декольтированныхъ). Послѣдняго рода художественныя произведенія продавались имъ подъ названіемъ «миеологическихъ» и лишь подъ большимъ секретомъ, ибо за такую продажу неминуемо угрожали розги. Въ числѣ запрещенныхъ предметовъ у Ч. также можно было купить и нюхательнаго табаку. Въ ту пору нюханье табаку у насъ въ пансіонѣ было въ большой модѣ. Я тоже было пытался слѣдовать этой модѣ, но безуспѣшно: послѣ двухъ-трехъ попытокъ я нашелъ, что рѣшительно нѣтъ никакого удовольствія въ томъ, чтобы набивать носъ табакомъ, чихать и усиленно сморкаться... У Ч. можно было прибрѣтать и табакерки. Онъ также былъ нашимъ мѣнялой и ростовщикомъ. Такъ какъ Ч. не мало потѣшалъ публику, въ томъ числѣ и гувернеровъ, то гувернеры вообще относились къ нему милостиво. Товарищи звали его «фигляромъ».

Ч. былъ высокаго роста, худощавъ, съ темными глазами на желтоватомъ лицѣ и съ волосами льняного цвѣта. Онъ учился плохо, и — сколько помнится — за лѣность его не разъ наказывали. Иногда также инспекторъ, знавшій объ его промышленной и коммерческой дѣятельности, дѣлалъ внезапные обыски въ его столѣ, при чемъ всѣ запрещенные предметы отбирались, а Ч. доставалось отъ инспектора болѣе или менѣе чувствительно... Но Ч. былъ энергиченъ, настойчивъ и трудолюбивъ, какъ муравей. Послѣ погрома онъ скоро оправлялся и черезъ недѣлю или черезъ двѣ снова открывалъ свою лавочку. Старшіе воспитанники всегда протезировали ему. Для «маленькихъ» столъ Ч. всегда представлялся въ высшей степени заманчивымъ предметомъ, и счастливымъ считалъ себя тотъ, кому позволялось загля-

путь въ это святилище... Замокъ у насъ не полагалось, но нѣкоторые воспитанники все-таки ухитрились заводить ихъ. Начальство на эти продѣлки смотрѣло сквозь пальцы, такъ какъ всегда могло сдѣлать обыскъ и велѣть уничтожить у стола замокъ. Ч., конечно, запиралъ свое святилище.

По выходѣ изъ гимназіи Ч. служилъ учителемъ въ одномъ уѣздномъ городкѣ Вологодской губерніи и даже, какъ я слышалъ, получилъ благодарность свыше за отличное исполненіе своихъ обязанностей.

Воспитанникъ В. для новичковъ, для «маленькихъ» и для товарищей, уступавшихъ ему въ физическомъ отношеніи, былъ настоящимъ злымъ демономъ. Онъ былъ невысокаго роста, широкоплечъ, коренастъ, съ круглой головой, крѣпко сидѣвшей на короткой шеѣ, и съ темными торчащими волосами. Его злые глазки подъ темными густыми бровями наводили страхъ на пансіонскую мелкоту. Онъ, казалось, постоянно придумывалъ: какую бы каверзу позабавистѣ ему выкинуть? Для В. было особеннымъ удовольствіемъ мучить новичковъ. И онъ пугалъ и задугивалъ ихъ всевозможными манерами. То онъ говорилъ новичку, что если тотъ не допьетъ квасу за обѣдомъ, то гувернеръ весь остатокъ квасу изъ стакана выльетъ ему на голову; то онъ увѣрялъ, что cadaго новичка въ первую же субботу по поступленіи въ гимназію обязательно подвергаютъ наказанію розгами въ присутствіи товарищей. В. всячески приставалъ къ новичкамъ, дергалъ ихъ за уши; за волосы, давалъ имъ подзатыльники. То онъ съ самымъ любезнымъ видомъ заговаривалъ съ ними, спрашивалъ ихъ о «домѣ», о семьѣ, а затѣмъ первый же насмѣхался и глумился надъ ними. В. самымъ нахальнымъ образомъ подбирался къ го-стинцамъ, которыя приносили родные новичкамъ, а потомъ самъ же и ругалъ обобранныхъ имъ «маменькиными сын-ками», «дураками», «простофилями»...

— Учить тебя надо, болвана! — говорилъ онъ откровенно новичку, когда тотъ плакалъ отъ его нападокъ.

Подтолкнуть за столомъ своего сосѣда, когда тотъ поднесилъ ложку ко рту, устроить какую-нибудь скверную карверзу, сконфузить, «подвести» товарища, сыграть надъ нимъ злую шутку, — все это было для В. сущимъ наслажденіемъ. Даже во время занятій, даже въ классѣ онъ не могъ удержаться, чтобы не отпустить какую-нибудь циничную шуточку надъ наказаннымъ товарищемъ, что уже совсѣмъ противорѣчило общепринятымъ пансіонскимъ приличіямъ.

— Ну, что! Каково влетѣло? — шопотомъ спрашивалъ онъ, съ злорадствомъ заглядывая въ лицо потерпѣвшему. — Будешь помнить?..

Что случилось съ В. по выходѣ изъ пансіона, мнѣ неизвѣстно.

К. тоже представлялъ собой довольно интересный пансіонскій типъ. Онъ былъ блондинъ высокаго роста, съ сѣрыми глазами и съ необыкновенно тупымъ выраженіемъ въ лицѣ. Онъ считалъ себя очень красивымъ юношей и былъ сильно занятъ своей особой. Онъ всегда подкупалъ цырюльника при стрижкѣ и поэтому имѣлъ возможность носить сравнительно длинные волосы и пробирать проборъ. Онъ всегда выпускалъ сверхъ галстука края сорочки, что считалось у насъ большимъ шикомъ и за что доставалось иногда отъ инспектора. Сапоги его были всегда вычищены самымъ тщательнымъ, блестящимъ образомъ и горѣли, какъ жарь. На курткѣ — ни пылинки. Онъ по нѣскольку разъ въ день примачивалъ и приглаживалъ свои волосы. Въ карманѣ у него всегда находилась круглая щеточка съ зеркальцемъ и гребенкой, и онъ поминутно смотрѣлся въ свое зеркальце. К. былъ неразговорчивъ и какъ-то задумчиво-сосредоточенъ; ни въ какихъ бояхъ и дракахъ не участвовалъ, хотя отличался большой физической силой; учился плохо, читалъ мало и любилъ переписывать въ тетрадь стихотворенія изъ хрестоматіи. Онъ переписывалъ очень тщательно, каллиграфически и бралъ, повидимому, стихотворенія безъ всякаго разбора, что попадетъ подъ руку: оду

Державина или Шевырева, стихотвореніе Хомякова, Жуковскаго, Лермонтова, Пушкина, Кольцова. Кажется, главнымъ образомъ, его занималъ самый процессъ переписыванія. Поведенія онъ былъ примѣрнаго, во время занятій не шалилъ, а въ «гулянья» обыкновенно расхаживалъ по залѣ, заложивъ руки за спину или чаще въ карманы штановъ и стараясь ступать врознь носками.

Мы иногда спрашивали себя: о чемъ думалъ К., расхаживая по залѣ, и нѣкоторые изъ насъ приходили къ тому заключенію, что онъ, вѣроятно, въ то время ровнехонько ни о чемъ не думалъ, а просто любовался на кончики своихъ блестяще вычищенныхъ сапоговъ...

Когда я поступилъ въ гимназію, К. былъ во второмъ классѣ. Онъ въ каждомъ классѣ сидѣлъ по два, по три года, и во второмъ классѣ онъ былъ уже юношей лѣтъ 15—16. За хорошее поведеніе и вслѣдствіе его великовозрастности инспекторъ щадилъ его и, кажется, ни разу не водилъ его по субботамъ въ гардеробную... Только какая-нибудь обида или насмѣшки товарищей выводили К. изъ его обычной апатіи. Въ такихъ случаяхъ онъ выказывалъ очевидные признаки глубокаго душевнаго разстройства, а именно: онъ поминутно какъ-то нервно обдергивалъ куртку, былъ мраченъ и печаленъ, рѣже обыкновеннаго смотрѣлся въ зеркальце, не интересовался своими воротничками, даже не переписывалъ стихотвореній и при ходьбѣ сосредоточеннѣе обыкновеннаго смотрѣлъ на носки своихъ сапоговъ.

По выходѣ изъ пансіона я также потерялъ его изъ виду.

Н., пансіонеръ уже одного изъ старшихъ классовъ, отличался большими странностями и чудачествами. Надо думать, что онъ былъ человѣкъ больной, психически разстроенный. Такъ, на примѣръ, Н. — человѣкъ тихаго, смиреннаго нрава — положительно приходилъ въ ярость, если ему при ходьбѣ наступали на ногу или вообще дотрогивались до него. Выучивъ урокъ, онъ быстро-быстро крестился и цѣловалъ книгу въ корешокъ и въ каждый уголокъ переплета, открывалъ столъ и бросалъ въ него книгу такимъ обра-

зомъ, чтобы не дотронуться ею до края или до крышки стола. На ходу онъ всегда что-то шепталъ про себя, очищался, отплевывался и зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы кто-нибудь не дотронулся до него. Ложась спать, онъ также отплевывался, обдувался, шепталъ что-то про себя, и изъ его шопота можно было только разслыхать иногда какія-то странныя непонятныя слова, въ родѣ, на примѣръ, «*хар-цы-тфу*». И бѣда бы была тому смѣльчаку, кто вздумалъ бы въ ту минуту дотронуться до его койки... Н. могъ бы убить его.

Этотъ несчастный, повидимому, постоянно опасался подпасть подъ вліяніе какихъ-то темныхъ злыхъ силъ; онъ боялся, что его «сглазятъ», напустятъ на него порчу, какую-нибудь болѣзнь, лишатъ его памяти, сна и т. д. Онъ, видимо, страдалъ, когда замѣчалъ, что кто-нибудь съ умысломъ шелъ позади него и старался ступить на его «слѣдъ»...

Н., какъ мнѣ помнится, умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ гимназіи.

Мой товарищъ И. представлялъ собой грустный образчикъ того, до какого жалкаго, нравственнаго растлѣнія могли довести розги. И. былъ мальчуганъ средняго роста, блондинъ, съ лицомъ молочнаго цвѣта, съ румянцемъ на щекахъ; у него были большія мясистыя уши, толстыя губы и большіе сѣрые глаза съ рѣдкими рѣсницами и съ глупымъ, телячьимъ выраженіемъ. За эти глаза товарищи звали его «коровой». Онъ былъ лѣнивъ, малоспособенъ и любилъ пошалить. Его наказывали почти каждый мѣсяцъ, иногда нѣсколько недѣль подъ рядъ, а иногда даже не одинъ разъ въ недѣлю. Никакого страха для него уже не существовало: къ нравственной и физической боли онъ притерпѣлся. Бывало, скажутъ ему: «Тебя ужé накажутъ!» — «Наплевать!» преспокойно отвѣтитъ онъ. «Тебя исключать изъ гимназіи!» — «А наплевать!..» Однимъ словомъ, «наплевать» стало его девизомъ. И. мало-по-малу сдѣлался грубымъ циникомъ, и ничто, казалось, не могло заставить его покраснѣть. Я слыхалъ, что онъ, наконецъ, дошелъ до того, что

публично показывалъ товарищамъ рубцы, оставшіеся на его тѣлѣ отъ наказаній. Впослѣдствіи онъ вышелъ изъ гимназіи и поступилъ въ какое-то военно-учебное заведеніе, но и тамъ, кажется, не кончилъ...

Вообще ни одного путнаго человѣка не вышло изъ числа тѣхъ воспитанниковъ, которыхъ драли, какъ сидоровыхъ козъ: изъ нихъ вышли пьяницы, развратники, забулдыги, и всѣ они безслѣдно потонули въ житейскомъ омутѣ...

Розги навсегда останутся одною изъ самыхъ темныхъ страницъ исторіи нашей школы.

IV.

У меня былъ товарищъ Т., писавшій стихи и даже строчившій цѣлыя поэмы. «Своего», самостоятельнаго, конечно, въ этихъ поэмахъ было мало. Поэту въ ту пору было лишь 13 лѣтъ. Помню, что сюжетомъ для его поэмъ всего чаще служили сцены изъ морской жизни и подвиги героевъ изъ временъ возстанія грековъ за независимость. Т. называлъ себя «Пушкинымъ», а меня любезно произвелъ въ «Дельвиги» (хотя я стиховъ и не писалъ). Въ качествѣ Дельвига, само собой разумѣется, я долженъ былъ сдѣлаться повѣреннымъ его тайнъ: онъ подъ секретомъ читалъ мнѣ свои произведенія, рассказывалъ планы будущихъ поэмъ, повѣдывалъ мнѣ о приступахъ вдохновенія, о томъ, какъ легко льются въ тѣ минуты стихи изъ-подъ его пера. Т. настаивалъ, чтобы я, какъ Дельвигъ, непременно писалъ что-нибудь. И однажды подъ вліяніемъ его уговоровъ я началъ писать повѣсть изъ испанской жизни, которая мнѣ тогда была извѣстна лишь изъ романовъ, въ родѣ: «Аллиага или Мавры при Филиппѣ III». (Я поступилъ въ гимназію двѣнадцати лѣтъ, перечитавъ уже почти половину отцовской бібліотеки.)

Дѣйствіе повѣсти моей происходило въ Гренадѣ... Два таинственные незнакомца, сойдясь ночью подъ портикомъ какого-то храма, поклялись составить заговоръ для ниспроверженія инквизиціи. Заговоръ не удался; таинственные не-

знакомцы — ужасно мрачные и свирѣпые — погибли на кострѣ, а ихъ возлюбленные ушли въ монастырь... Когда я прочелъ начало повѣсти Т. и передалъ ему продолженіе ея, Т. сказалъ:

— Изрядно, братъ! Ты будешь хорошо писать драмы и трагедіи...

Эта печальная повѣсть, имѣвшая такое блестящее начало, никогда не была кончена. Кстати сказать: много пророчествъ наслушался я на своемъ вѣку. Пророчество Т. не сбылось: я не сдѣлался драматургомъ... Учитель ариѳметики, И., стуча кулакомъ по каѳедрѣ, говаривалъ мнѣ:

— Не перейти тебѣ изъ перваго класса во второй, сиди хоть десять лѣтъ!

Но я перешелъ — и во второмъ классѣ на первомъ же урокѣ напомнилъ И. объ его несбывшемся предсказаніи. Изъ математики я дѣйствительно учился плохо, и учитель опять сталъ предрекать мнѣ, что я не перейду въ третій классъ, что мнѣ не кончитъ гимназическаго курса. Но я опять-таки перешелъ и гимназическій курсъ кончилъ, не просидѣвъ ни въ одномъ классѣ двухъ лѣтъ. Впрочемъ, не всѣ пророчества по моему адресу были такъ неудачны...

Однажды, когда мнѣ было лѣтъ восемь, по сосѣдству съ нашей усадьбой¹⁾ расположился небольшой цыганскій таборъ. Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть вблизи на цыганъ и цыганятъ. Украдкой, такъ какъ я зналъ навѣрное, что мама не отпуститъ меня къ цыганамъ, отправился я въ таборъ со своимъ другомъ-пріятелемъ, Сашкой... Лишь только я подошелъ къ табору, какъ вдругъ передо мной очутилась, словно изъ земли выросла, цыганка съ краснымъ платкомъ на черныхъ взерошенныхъ волосахъ и въ пестрой рваной шали, перекинутой черезъ плечо и завязанной узломъ на груди... Вечеръ былъ жаркій, и я на бѣгу отиралъ потъ платкомъ, — и платокъ остался у меня въ рукѣ. Цыганка моментально подхватила его у меня

1) Чичулино, въ 10 верстахъ отъ г. Вологды.

и обѣщалась за то погадать. Сначала я струхнулъ и оглянулся, чтобы въ случаѣ чего позвать на помощь Сашку, но мой вѣрный пажъ на этотъ разъ выказалъ большое малодушіе и удиралъ во все лопатки по направленію къ дому... Цыганка была довольно молода, красива и вовсе не походила на тѣхъ молодыхъ женщинъ, какихъ я встрѣчалъ до тѣхъ поръ въ деревняхъ и въ сосѣднихъ барскихъ усадьбахъ. Цыганка заинтересовала меня, какъ вообще интересовалъ меня цыганскій таборъ; но въ то же время меня пугали ея смуглое лицо, и ея темные глаза, горѣвшіе, какъ угольки, и ея торопливое бормотанье, и наглыя взгляды. Цыганка взяла меня за руку своею темнобронзовой рукой и посмотрѣла мнѣ на ладонь. Она низко наклонилась ко мнѣ и, заглядывая мнѣ въ лицо, обдавала меня своимъ горячимъ дыханіемъ. Она, кажется, потѣшалась надъ моимъ испугомъ.

— У-у, баринъ... ты — упрямый! — вдругъ затараторила цыганка, засматривая мнѣ въ глаза. — Ты не пойдешь, куда тебя посылать стануть, — туда пойдешь, куда самъ захочешь... Упрямый! Да!..

Живо запомнилось мнѣ это предсказаніе цыганки, хотя послѣ того вечера прошло уже болѣе 50 лѣтъ. Последнее обстоятельство я объясняю тѣмъ, что вся обстановка, окружавшая меня въ тѣ минуты, произвела очень сильное впечатлѣніе на мое воспримчивое дѣтское воображеніе.

Солнце, низко стоявшее надъ лѣсистымъ горизонтомъ и краснымъ шаромъ просвѣчивавшее изъ-за зелени деревьевъ... Телѣги оглоблями вверхъ и около нихъ подобіе бѣлыхъ палатокъ... Дотлѣвавшій костеръ и тѣни, сгущавшіяся подъ кустами, росшими по опушкѣ лѣса... Стреноженные лошади, щипавшія траву, и сѣрая кудластая, похожая на волка, собака, лежавшая подъ телѣгой... Всю эту картину — подъ ясными лѣтними небесами — я и теперь какъ будто вижу передъ собой и ощущаю запахъ донника, запахъ лѣсной глуши и дичи, явственно разносившійся въ вечернемъ воздухѣ...

Полуодѣтые цыганята обступили меня и, вытаращивъ глаза, смотрѣли на пришельца. Цыганка прѣдоджала зорко оглядывать меня всего, какъ бы пріискивая, что бы еще стянуть съ меня. Она даже снаружи оцупала мой карманъ: карманъ былъ пустъ. Цыганята, бормоча и толкаясь, принялись тормозить меня. Они, повидимому, столько же интересовались мною, сколько и я ими. Одинъ изъ нихъ даже засучилъ мнѣ паровары и дотронулся до моего колѣна. Наконецъ маленькіе дикари стали такъ безцеремонны, что я былъ вынужденъ ретироваться и бѣгомъ пустился во-свояси.

Предсказаніе цыганки исполнилось: я пошелъ своей дорогой, а не той, на которую, повидимому, настойчиво толкали меня люди и обстоятельства...

И еще одно удачное предсказаніе... Въ VI классѣ гимназіи я очень долго и съ любовью работалъ надъ сочиненіемъ о преобладающемъ характерѣ русскихъ народныхъ пѣсень и прочелъ его своей теткѣ, Серафимѣ Николаевнѣ Засѣцкой (урожденной Жеребцовой). Эта тетушка была старше меня на годъ (мнѣ въ ту пору было 18, а ей — 19 лѣтъ), и мои отношенія къ ней были самыя дружескія. Когда я дочиталъ ей свое сочиненіе, она положила мнѣ руку на плечо и промолвила:

— А знаешь, Польша! Ты оудешь писатель...

V.

Нашимъ непосредственнымъ пансіонскимъ начальствомъ были четыре гувернера, дежурившіе подвое по очереди: Левъ Андреевичъ Воскресенскій, жившій въ гимназіи, завѣдывавшій пансіонской бібліотекой и выдававшій намъ всѣ учебныя принадлежности; Михаилъ Игнатьевичъ Соколовскій, онъ же учитель чистописанія и рисованія; Александръ Сергѣевичъ Ковалевъ, онъ же учитель географіи, и Карлъ Петровичъ Вигантъ. Послѣдній отличался замѣчательно хорошимъ аппетитомъ. Въ пансіонѣ даже сложилось сказаніе о томъ, что К. П. послѣ обѣда собиралъ кашу въ бумаж-

ные тюрички и ночью, когда воспитанники засыпали, ёль ее въ постели, прикрывшись одёяломъ. Ковалевъ мнѣ памятенъ тѣмъ, что постоянно читаль описанія различныхъ путешествій и дѣлалъ изъ нихъ выписки изумительно мелкимъ почеркомъ. Воскресенскій былъ человѣкъ очень почтенный, но любилъ порезонерствовать. Его пространныя и иногда довольно скучныя разсужденія и нотаціи пансіонеры съ презрѣніемъ называли «философіей».

Изъ дореформенныхъ учителей я особенно хорошо помню Карла Антоновича Блеза, учителя французскаго языка. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, на костыляхъ, довольно высокаго роста, съ какой-то странной угловатой головой, съ блѣднымъ лицомъ и съ безцвѣтными стеклянными глазами. Во время его уроковъ мы мало упражнялись во французскомъ языкѣ, а больше занимались пріятными разговорами. Изъ пространныхъ разсказовъ Блеза мы уже знали, что онъ былъ сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, учился въ какомъ-то «коллежѣ» — и объ этомъ «коллежѣ» онъ часто и подолгу распространялся. Мы знали также, что m-eur Блезъ принадлежитъ къ партіи орлеанистовъ, которымъ, по его мнѣнію, принадлежало будущее Франціи. Если ученикъ, вызванный къ доскѣ, не зналъ урока, то сейчасъ же давалъ знакъ товарищамъ, и тѣ являлись къ нему на выручку и, почтительно поднявшись съ мѣста, начинали разспрашивать Блеза или о коллежѣ, или о томъ: какіе замѣчательные люди были въ его время въ орлеанистской партіи. Блезъ, позавывъ объ урокъ и опершись на костыль, принимался пересчитывать графовъ, герцоговъ и маркизовъ, а ученикъ той порой мало-по-малу отодвигался отъ доски и благополучно пробирался на свое мѣсто.

Впрочемъ, я долженъ сказать, что Блезъ, несмотря на всѣ его недостатки съ педагогической точки зрѣнія, былъ человѣкъ очень доброй души и любилъ насъ, дѣтей. Какъ, бывало, мило, доброжелательно онъ улыбался намъ, какъ нѣжно, ласково гладилъ насъ по головѣ... Изъ-за него, кажется, никто изъ насъ никогда не пострадалъ. Блезъ умеръ

въ Вологдѣ, въ концѣ 60-хъ годовъ, умеръ въ одинъ день съ женой-старушкой, и оба они похоронены въ одной могилѣ.

Изъ учителей младшихъ классовъ въ мое время лучшимъ былъ преподаватель русскаго языка, Михайлъ Николаевичъ Николенко. Правда, изъ русскаго языка я всегда имѣлъ хорошія отмѣтки, и Николенко ко мнѣ благоволилъ, но отсюда никто изъ читателей, надѣюсь, не заключить, что черезъ 50 лѣтъ въ моемъ разсказѣ можетъ быть мѣсто какому-нибудь личному пристрастію. По всей справедливости, я долженъ сказать, что Николенко сумѣлъ насъ заинтересовать своимъ предметомъ; онъ *умѣлъ* учить, что, какъ извѣстно, можно сказать далеко не о каждомъ педагогѣ. Иногда онъ бывалъ рѣзокъ и грубоватъ въ обращеніи, но его рѣзкость и грубость были непредумышленны, вырывались въ минуты раздраженія. Николенко былъ человѣкъ, глубоко преданный своему дѣлу, нервный, впечатлительный...

Помню одинъ случай... Николенко вздумалъ учредить аудиторство; пять лучшихъ учениковъ были назначены имъ аудиторами, и я попалъ въ число этихъ пяти. Каждый изъ насъ долженъ былъ передъ классомъ спрашивать урокъ у шестерыхъ товарищей, ввѣренныхъ нашему попеченію, давать имъ объясненія, ставить имъ отмѣтки въ своихъ журналахъ и передъ началомъ урока подавать журналы учителю. Въ числѣ шести «подавиторныхъ» у меня былъ М., тупица и лѣнтяй феноменальный. Кромѣ закона Божія и чистописанія, у него изо всего были всего чаще двойки да единицы, и субботы рѣдко проходили безъ того, чтобы М. не побывалъ въ гардеробной... Однажды, спросивъ у М. урокъ и увидавъ, что онъ знаетъ очень плохо, я уже хотѣлъ поставить ему два, какъ вдругъ онъ, шлепая по обыкновенію своими толстыми губами, лъстивымъ, вкрадчивымъ шопотомъ обратился ко мнѣ:

— Поставь три! Ну, что тебѣ... А то у меня ужъ много единицъ, — опять драть поведутъ... Поставь, пожалуйста, три!.. Я тебѣ булку дамъ!

И М. вытащилъ изъ стола домашняго печенья булку, довольно аппетитную на видъ. Дѣло происходило въ «большую перемяну», т.-е. около 12-ти часовъ, тотчасъ послѣ завтрака, но я въ тотъ день не завтракалъ, потому что подавалась моя нелюбимая похлебка — бульонъ съ манной крупой. Я былъ не то, что голоденъ, но сильно впроголодь. Я вовсе не въ оправданіе себѣ говорю, что «былъ впроголодь». Беря у М. булку, я очень хорошо сознавалъ, что беру взятку, поступаю не по совѣсти. Соблазнъ оказался силенъ. Я поставилъ М. три и булку его немедленно съѣлъ...

Звонокъ. Николенко прошелъ на кафедру; мы, аудиторы, подали ему журналы и возвратились на свои мѣста. Вдругъ М. Н. поднялъ брови и съ удивленіемъ промолвилъ:

— У М. сегодня три! Гмъ! Вотъ это такъ новость...

Тутъ только я спохватился, что тройка, поставленная М., неминуемо должна была обратить на себя вниманіе. М. со своей булкой совершенно сбилъ меня съ толку.

— М.! Пожалуйте сюда! — возгласилъ Николенко.

Случилось именно то, чего и слѣдовало ожидать. Учитель захотѣлъ самъ спросить у него урокъ и провѣрить меня... Соблазнитель мой, нехотя, выползъ изъ-за стола и подошелъ къ доскѣ.

— Ну, скажи стихотвореніе! — обратился къ нему Николенко.

М. пожевалъ губами, посопѣлъ и началъ гнусить:

„Гдѣ сладкій шопоть
Моихъ лѣсовъ,
Потоковъ ропоть“...

М. запнулся и поникъ головой, усиленно вертя то ту, то другую пуговицу своего сюртука.

— Дальше! — проговорилъ учитель.

— Сбился-съ... Я сначала... — пробормоталъ М. и опять затынулъ въ носъ:

„Гдѣ сладкій шопоть
Моихъ лѣсовъ,
Потоковъ ропоть“...

И опять на этомъ самомъ словѣ — стопъ!.. И такъ онъ начиналъ раза четыре, а я той порой краснѣлъ и блѣднѣлъ, ругая про себя М. «болваномъ» и «осломъ». Наконецъ Николенко вышелъ изъ терпѣнія и прогналъ моего «осла» на мѣсто, поставивъ ему единицу. Затѣмъ Николенко обратился ко мнѣ со строгой нотаціей и за явную мою несправедливость исключилъ меня изъ аудиторомъ. Я не оправдывался, не увѣрялъ, напримѣръ, въ томъ, что М. порядочно отвѣчалъ мнѣ стихотвореніе. Мнѣ было совѣстно прибавлять еще ложь къ совершенному мною проступку. Я молчалъ, подавленный тяжестью грѣха. Я чувствовалъ себя несчастнымъ. Не лишеніе аудиторства заставляло меня страдать, но сознаніе, что я обманулъ довѣріе учителя... И когда черезъ нѣсколько времени Николенко снова сдѣлалъ меня аудиторомъ, я уже сталъ строже относиться къ себѣ. Испытанное мною тяжелое чувство нравственнаго паденія послужило мнѣ памятнымъ урокомъ на будущее время...

Николенко особенно любилъ меня за то, что я умѣлъ хорошо объяснять значеніе словъ русской рѣчи. Однажды въ третьемъ классѣ ученику, не отвѣтившему на вопросъ, Николенко сердито сказалъ: «Шли бы вы въ первый классъ и спросили бы тамъ З.... Онъ объяснилъ бы вамъ!» Слухъ о такомъ пассажѣ черезъ пансіонеровъ-третьеклассниковъ дошелъ до меня и, конечно, пріятно польстилъ моему дѣтскому самолюбію.

Большинство учителей держалось стараго приема преподаванія: во время класса спрашивали урокъ, а передъ звонкомъ или даже во время звонка чертили ногтемъ въ книгѣ и говорили: «А къ слѣдующему разу — отъ сихъ и до сихъ!» Надъ этимъ приемомъ уже не мало смѣялись и остряли, не мало порицали его за то, что онъ заставлялъ учениковъ «долбить», т. - е. бессмысленно, механически заучивать наизусть. Правда, этотъ приемъ былъ у насъ доведенъ до крайности, и мальчиковъ неразвитыхъ, малоспособныхъ онъ могъ забивать окончательно, дѣлать изъ нихъ «зубрилъ»; эти малоспособные субъекты обыкновенно

не шли далѣе второго класса, ибо дальше второго класса «зубряжка» имъ уже не помогала. (Впрочемъ, эти субъекты составляли самый незначительный процентъ учениковъ, да и при иной системѣ они, вѣроятно, не были бы въ состояніи кончить гимназическій курсъ.)

Но теперь, черезъ 50-лѣтній промежутокъ времени, оглядываясь назадъ и всматриваясь попристальнѣе въ способъ задаванія «отъ сихъ и до сихъ», я — быть-можетъ, къ большому удивленію читателя — нахожу, что въ этомъ приѣмѣ, осмѣянномъ поруганномъ и отвергнутомъ современной педагогіей, была и хорошая сторона, за которую можно было бы отдать всѣ фрелевскія затѣи, всѣ эти «палочки» и «кубики», придуманные какъ бы специально для идіотовъ. Тотъ старый способъ преподаванія («отъ сихъ и до сихъ») представлялъ широкое поле для нашей самодѣятельности, для самостоятельной работы мысли. Мы должны были сами разжевывать предлагаемую намъ умственную пищу, безъ помощи нянюшекъ и мамушекъ; мы должны были сами допытываться отвѣтовъ на поставленные вопросы, должны были сами разбирать темныя мѣста, встрѣчавшіяся въ учебникѣ. Конечно, не каждый самъ успѣшно разрѣшалъ задачу, иной долго бился надъ нею, но это и неважно: важно то, что мы пытались и привыкали *работать своей головой*, привыкали *думать*. Собрать запасъ свѣдѣній, необходимыхъ для образованнаго человѣка, можно при нѣкоторыхъ усиліяхъ года въ три-четыре; *научиться* же «учиться», научиться пользоваться своимъ мозгомъ — при иныхъ методахъ преподаванія — нельзя и во всю жизнь...

Насъ въ классѣ не спрашивали: которая рука — правая и которая — лѣвая, по полу ли мы ходимъ, или по потолку, чѣмъ мы смотримъ, ѣдимъ и т. п. Праздной болтовни не было, преподаваніе велось серьезно, безъ всякихъ облегченій и развлеченій, учебники наши отличались сухостью (Копанскій, Буссе, Смарагдовъ, Ободовскій, Симашко), учебныхъ пособій было мало (и въ числѣ ихъ едва ли не самую видную роль играли розги), но при всемъ томъ, невзирая

на всѣ эти неказистыя условія, учителя не смотрѣли на насъ, какъ на дурачковъ, какъ на малоумныхъ, но какъ на обыкновенныхъ здравомыслящихъ дѣтей...

Старый способъ преподаванія былъ въ послѣдствіи мало-помалу замѣненъ способомъ, діаметрально противоположнымъ ему — способомъ «разжевыванья». Преподаваніе упростилось; появились занимательные учебники съ рисунками, съ портретами; стѣны въ классахъ увѣшались картинами (для нагляднаго обученія), завелись всевозможныя учебныя пособія — кубики и палочки. Если старый способъ оказывался неудобенъ для меньшинства, то замѣнившій его способъ «разжевыванья», по моему убѣжденію, гибеленъ для большинства... Здоровый человѣкъ безъ вреда для организма не можетъ питаться разжеванной пищей: языкъ, зубы, десны, слюнные железы, — вообще вся полость рта должна работать при приѣмѣ пищи. И умственную пищу такъ же, какъ физическую, надлежащимъ образомъ приготовленную, но безъ всякихъ «глазировавъ», человѣкъ долженъ самъ разжевывать для того, чтобы она пошла ему на пользу, претворившись въ кровь и плоть. Если человѣку съ дѣтства давать умственную пищу лишь въ размельченномъ, разжеванномъ видѣ, то самая главная, самая существенная изъ его способностей съ теченіемъ времени должна неминуемо атрофироваться. Такой-то дорогой цѣной цѣной наставники могутъ набить головы своихъ питомцевъ массой разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, начиная съ астрономіи и кончая металлургіей. Но ихъ питомцы, эти чудовища учености, вступивъ въ жизнь съ громаднымъ багажемъ свѣдѣній, бываютъ не въ состояніи пользоваться своими сокровищами, т.-е. не умѣютъ думать рѣшительно и самостоятельно. И эти люди, обремененные эрудиціей, при первомъ же промахѣ конфузятся, теряются и постороннему наблюдателю кажутся совершенными дуботолками.

Иногда въ обществѣ приходится слышать: «Человѣкъ казался бы и образованный, а поглядишь — дуракъ - дуракомъ!» Подобная фраза — не результатъ недомыслія; въ

грубой, вульгарной формѣ она указываетъ на вѣрно подмѣченный, дѣйствительно существующій фактъ... Мы брали науку съ боя, безъ помощи кубиковъ и палочекъ, но зато мы научились думать и сдѣлались полными хозяевами добытыхъ нами свѣдѣній, которыя въ количественномъ отношеніи, конечно, далеко уступали той прорвѣ знаній, какою набивались головы позднѣйшихъ поколѣній.

Въ похвалу старой школѣ также должно быть поставлено то обстоятельство, что мы не были такъ обременены работой, какъ обременены ею нынѣ воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній. Читатель уже видѣлъ, что мы проводили въ классахъ по 4 часа въ сутки и по 4 часа употребляли на приготовленіе уроковъ; итого въ сутки мы занимались умственнымъ трудомъ по *восьми* часовъ. Нынѣ гимназистъ занимается по 12 часовъ и болѣе въ сутки...

Въ похвалу также можно поставить старой школѣ и то обстоятельство, что она, вслѣдствіе болѣе нормальнаго распредѣленія занятій, не выпускала изъ своихъ стѣнъ людей нервныхъ, нравственно развинченныхъ, чуть не падающихъ въ обморокъ отъ того, что не получаютъ похвальнаго листа, и пускающихъ себѣ пулю въ лобъ изъ-за перехода въ слѣдующій классъ. Суровая спартанская обстановка старой школы (несмотря на существованіе балловъ и наградъ) не могла развить въ своихъ питомцахъ мелочнаго, болѣзненнаго самолюбія, но не могла и забыть чувства человѣческаго достоинства; напротивъ, своимъ ригоризмомъ она помогла своимъ питомцамъ развить въ себѣ много нравственной силы, устойчивости и презрѣнія къ матеріальнымъ недостаткамъ и неудобствамъ...

Въ своемъ очеркѣ я не скрываю недостатковъ старой школы, ея грубости и жестокости, а поэтому я не считаю себя въ правѣ и умалчивать о томъ, что составляло, по моему мнѣнію, ея свѣтлую сторону.

Затѣмъ, чтобы покончить съ дореформенной эпохой и перейти къ новымъ временамъ, я долженъ сказать о томъ, какія книги читались въ пансіонѣ въ мое время.

Любимыми книгами въ ту пору были: «Робинзонъ-Крузо», описанія путешествій въ дальнія страны (какъ, на примѣръ, Дюмонъ-Дюрвиля), историческія сочиненія (Исторія Петра I, Наполеона и др.), романы Вальтеръ-Скотта, Коцебу, сочиненія Булгарина, Греча («Черная женщина»), Р. Зотова («Таинственный монахъ»), Кукольника («Альфъ и Альдона» и др.), Марлинскаго, Погорѣльскаго, Лажечникова, Загоскина и другія подобныя имъ произведенія. Изъ дома также иногда занасивались вмѣстѣ съ Дюма, Сю, П. Февалемъ, Ферри и издѣлія московской стряпни на сѣрой оберточной бумагѣ: «Стригольники», «Марѳа Посадница или паденіе Великаго Новгорода», «Вѣдьма надъ Днѣпромъ», «Битва русскихъ съ кабардинцами или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга» и т. под. Любимымъ журналомъ былъ «Журналъ для дѣтей» Чистякова, почти постоянно ходившій по рукамъ.

Однажды за обѣдомъ, въ антрактахъ между кушаньями, я читалъ «Антигону» Софокла. Инспекторъ (Зябловъ), обыкновенно ходившій на ту пору по залѣ, остановился за мной и поинтересовался узнать, что я читаю. Я сказалъ ему. Инспекторъ, повидимому, сильно удивился моему выбору и съ улыбкой спросилъ:

— И понимаешь?

Я отвѣчалъ, что почти все понимаю (мнѣ было въ то время лѣтъ 13). Инспекторъ ласково потрепалъ меня по плечу и отошелъ.

Здѣсь я долженъ напомнить, что въ тѣ отдаленныя времена у насъ въ рукахъ еще не было ни Майнъ-Рида ни Жюля Верна...

VI.

Годы 1858 — 1860 послужили для нашего пансіона переходомъ отъ древней исторіи къ новой. Трудно указать годъ или какой-нибудь фактъ, которые можно было бы принять за грань между старыми и новыми временами. Новыя вѣянія

проникали незамѣтно, мало-по-малу въ нашъ замкнутый мірокъ; они, казалось, пробирались въ него вмѣстѣ съ воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ. Свѣжая струя не могла разомъ провѣтрить промозглую атмосферу. Но, хотя и медленно, нравы смягчались...

Старшіе воспитанники переставали колотить младшихъ, меньше притѣсняли ихъ, не отнимали у нихъ разбойнымъ образомъ, какъ бывало прежде, ни чаю ни булки. Вечернія драки — «бои гладиаторовъ», какъ окрестили ихъ нѣкоторые, — происходили рѣже. Гувернеры уже не дрались съ прежнимъ азартомъ и ушей воспитанникамъ не отрывали. Субботнія сѣченія продолжались, но розги, уже, видимо, теряли свой престижъ: онѣ прилагались лишь къ «маленькимъ». Мальчиковъ-подростковъ уже начинали сажать въ карцеръ. За это время я помню только одинъ случай наказанія розгами великовозрастнаго воспитанника, да и этотъ случай держался въ секретѣ...

Инспектора Зяблова, особенно любившаго тѣлесныя наказанія, замѣнилъ въ 1858 г. Иванъ Львовичъ Игнатьевъ, бывший нашъ учитель математики. Власовъ еще ранѣе, осенью 1857 г., былъ переведенъ въ Петербургъ, и на мѣсто его директоромъ явился Алексѣй Васильевичъ Латышевъ.

Первымъ предзнаменованіемъ наступленія новыхъ временъ была для пансіона «кухонная реформа».

Дѣло началось съ того, что однажды за обѣдомъ нашли въ соусѣ червяка. Конечно, червякъ самъ по себѣ не Богъ вѣсть какой опасный и зловредный звѣрь, и прежде червяковъ видали въ соусѣ и прежде ворчали на нихъ, но ворчанье было совершенно платоническаго свойства и оставалось безъ послѣдствій. Теперь же недовольство выразилось въ самыхъ конкретныхъ формахъ; стеколь въ квартирѣ эконома не били и никакого особеннаго дебоша не устраивали, о чемъ, бывало, такъ любили распространяться въ своихъ тенденціозныхъ романахъ писатели извѣстнаго направленія, но съ прискорбіемъ я долженъ заявить, что эконома все-таки публично обругали «тараканьими усами». Въ то время у насъ

экономъ былъ изъ отставныхъ военныхъ нижнихъ чиновъ, старикъ, худой, тонкій и прямой, какъ палка, съ усами, дѣйствительно, торчавшими, какъ у таракана. Онъ являлся къ намъ въ пансіонъ, обыкновенно заложивъ правую руку въ задній карманъ своего сѣраго сюртука, лѣвую вытянувъ по шву и свирѣпо пошевеливая усами...

На этотъ разъ червяка предложили вниманію инспектора и просили его объ этомъ червѣ довести до свѣдѣнія директора. Сначала инспекторъ хотѣлъ было отшутиться и заговорилъ о томъ, что черви будутъ насъ ѣсть послѣ смерти, а мы за то теперь сами можемъ поѣсть ихъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ вынужденъ заявить директору о нашемъ недовольствѣ. Съ тѣхъ поръ постоянно одинъ изъ пансіонеровъ VI и VII класса по очереди дежурилъ въ кухнѣ, т.-е. принималъ провизію, наблюдалъ за чистотой посуды, присутствовалъ при отпускѣ кушаній къ столу и самъ обѣдалъ въ кухнѣ (и, конечно, ужъ ѣлъ волю). Надо правду сказать, наша пища съ той поры значительно улучшилась.

Пансіонеры начали носить волосы длиннѣе прежняго и многіе уже выпускали изъ-подъ галстука воротнички рубахи; въ пансіонѣ стали ходить, разстегнувъ куртки; съ гувернерами разговаривали, сидя; не спрашиваясь, выходили изъ залы; по буднямъ чаще прежняго стали отпускать изъ пансіона къ роднымъ и знакомымъ; вопросъ о скоромной или постной пищѣ въ теченіе Великаго поста рѣшался по большинству голосовъ. Въмѣсто маршировки и гимнастики, насъ стали учить танцамъ. Разъ въ недѣлю (кажется, въ четвергъ) являлся къ намъ въ залу какой-то актеръ, поджарый господинъ, съ смугло-желтымъ лицомъ и съ хохломъ темныхъ волосъ надо лбомъ. Сначала онъ училъ насъ разнымъ па, затѣмъ танцамъ. Маршировку мы не долюбливали, а танцы — еще болѣе, и появленіе желтолицаго господина въ черномъ потертомъ фракѣ заставляло насъ разбѣгаться и прятаться куда ни попало. Гувернеру стоило немалыхъ трудовъ, чтобы собрать для танцевъ хотя бы нѣсколько паръ здоровыхъ субъектовъ: одинъ хромалъ, у другого нестерпимо

болѣла голова, третьяго тошнило, четвертаго мучила зубная боль и т. д.

Многія изъ пансіонскихъ вольностей, разумѣется, официально не были допущены, но ихъ терпѣли, смотрѣли на нихъ сквозь пальцы. Прежній страхъ, строго говоря, во всей силѣ продолжалъ гнѣздиться лишь въ душахъ младшихъ воспитанниковъ... Старшіе исполняли правила, когда имъ вздумается, да и то съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлали кому-то большое одолженіе...

Къ этому времени изъ самыхъ памятныхъ событій пансіонской жизни относится посѣщеніе нашей гимназіи императоромъ Александромъ II въ 1858 года. Незадолго до его пріѣзда пансіонерамъ для чего-то были розданы подтяжки радужныхъ цвѣтовъ и на каждыя десять человекъ по банкѣ дрянной мусатовской помады (о каковой роскоши мы дотолѣ и понятія не имѣли) и, кромѣ того, были еще розданы дешевенькіе серебряные кресты тѣмъ изъ воспитанниковъ, у кого ихъ не было на шеѣ. Ждали государя въ Вологду вечеромъ 14 іюня. Городъ былъ великолѣпно иллюминованъ; на фасадѣ гимназіи горѣлъ громадный транспарантъ съ буквами А и М; вокругъ плацъ-парада пылали смоляныя бочки. Но иллюминація сгорѣла напрасно: государь не пріѣхалъ въ тотъ вечеръ. Всю ночь вокругъ плацъ-парада въ канавахъ дремали и спали враспяжку толпы крестьянъ, собравшихся за сотни верстъ поглядѣть на царя. Государь прибылъ поутру 15 іюня, часу въ шестомъ, и мы изъ оконъ спальни видѣли, какъ онъ проѣхалъ въ открытой коляскѣ въ ворота губернаторскаго дома, (губернаторомъ на ту пору въ Вологдѣ былъ ген. Хоминскій).

Іюньскій день былъ тихъ и ясенъ. Вологда выглядѣла по-праздничному. Толпы народа заливали городскія улицы. Въ 11 часовъ мы собрались въ актовую залу и всѣ вмѣстѣ — пансіонеры и приходящіе — встали двумя колоннами въ нѣсколько рядовъ. Ближе къ двери расположились учителя. Нашъ священникъ сообщилъ намъ, отъ какого евангелиста въ тотъ день за обѣдней было читано Евангеліе.

Около половины двѣнадцатаго часа государь прибылъ въ гимназію. Быстрыми шагами вошелъ онъ въ залу въ сопровожденіи графа Адлерберга 2-го и, не остановившись у учителей, прямо подошелъ къ воспитанникамъ. Государь, сколько мнѣ помнится, былъ въ обыкновенномъ генеральскомъ мундирѣ, довольно запыленномъ: государь прошелъ въ гимназію прямо съ плацъ-парада, гдѣ дѣлалъ смотръ мѣстному батальону. Государь оказался усталымъ послѣ бессонной ночи, проведенной въ дорогѣ; глаза его были мутны, лицо красно и обвѣтряло. Онъ остановился передъ нами, поздоровался.

— Учитесь, дѣти! — сказалъ онъ намъ. — Я надѣюсь, что вы будете полезны отечеству. Слышите?

Не знаю, что испытывали тогда мои товарищи, я же съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣлъ на государя и съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ его словамъ, вслушивался въ звуки его голоса... Какъ ни былъ замкнутъ нашъ пансіонскій міръ, но и до насъ уже успѣли донестись слухи о надеждахъ, возлагавшихся на молодого государя, объ ожидавшихся реформахъ. И я — въ ту пору 16-лѣтній юноша — смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, державшаго въ своихъ рукахъ будущія судьбы земли русской.

Личность покойнаго императора Александра II произвела на меня хорошее впечатлѣніе. Ни въ его наружности, ни въ обращеніи, ни въ словахъ не чувствовалось ничего такого, чтобы внушало хотя бы малѣйшій страхъ. Онъ говорилъ въ то утро нѣсколько охрипшимъ голосомъ, но въ этомъ голосѣ слышались мягкія ноты. Скорби и разочарованія, ожидавшія его въ будущемъ, еще не успѣли въ ту пору омрачить его молодого лица, и лицо его въ то далекое іюньское утро было такъ же ясно и свѣтло, какъ свѣтло было голубое небо, сіявшее въ большія окна нашей залы...

Государь, между прочимъ, обратилъ вниманіе на то, что воспитанники были раздѣлены на двѣ колонны и у иныхъ воротники были съ петлицами, а у другимъ — безъ петлицъ.

Директоръ объяснилъ, что одни — пансіонеры, живутъ въ заведеніи и всё носятъ одинаковую одежду, а другіе — приходящіе, изъ которыхъ каждый экипируется родителями, смотря по средствамъ, что недостаточнымъ дозволяется довольствоваться простымъ форменнымъ сюртукомъ.

Затѣмъ государь кивнулъ намъ на прощанье головой и также быстро пошелъ изъ залы въ сопровожденіи графа Адлерберга и директора.

Послѣ посѣщенія государя у насъ сложился анекдотъ о нашемъ гувернерѣ - нѣмцѣ. В. за неимѣніемъ мундира будто бы спрятался въ спальню въ той надеждѣ, что государь туда не заглянетъ. Но государь, какъ на грѣхъ, пожелалъ пройти дортуарами, и В. вслѣдствіе того очутился въ весьма критическомъ положеніи. Онъ сталъ прятаться за колонну, но государь шелъ быстро, и нѣмцу не удалось его эволюціи. Государь увидѣлъ его. В. ужасно смутился и, растерявшись, отдалъ честь по-военному. Государь будто бы былъ не мало удивленъ при видѣ такого неожиданнаго явленія и съ улыбкой спросилъ директора: «*Это что такое?..*» Я не ручаюсь за достовѣрность этого разсказа, но привожу его здѣсь лишь потому, что онъ въ свое время былъ въ большомъ ходу и много потѣшалъ нашу пансіонскую публику...

Новое время вступало въ свои права. Субботнія сѣченія мало-по-малу прекратились, — розги исчезли и, надо надѣяться, исчезли навсегда со страницъ исторіи русской школы. Въмѣсто этихъ субботнихъ представленій стали устраиваться въ нашемъ рекреационномъ залѣ домашніе спектакли, посѣщавшіеся избранной публикой. Въ актовомъ залѣ давались балы. Кавалерами на этихъ балахъ являлись воспитанники и учителя, а дамами — гимназистки и родственницы директора и инспектора. Послѣ баловъ нѣкоторые изъ кавалеровъ оказывались влюбленными, нѣсколько времени бывали разсѣяны, вздыхали и все что-то строчили въ своихъ записныхъ книжкахъ.

Появились новые учебники и новые учителя. Новыя птицы и новыя пѣсни... Ободовскаго замѣнилъ Вержбиловичъ, на помощь физикѣ Ленца явился Циммерманъ, Смагдава замѣнилъ Шульгинъ, въ руководствахъ котораго были уже статьи подѣ рубрикой: «Умственное движеніе, искусство, наука» и въ главныхъ чертахъ была изложена европейская исторія конца XVIII и начала XIX вѣка.

Изъ новыхъ учителей лучшими были: Николай Яковлевичъ Соболевъ, Карлъ Маакъ и Пржибыльскій.

Соболевъ былъ молодой человекъ, высокаго роста, очень худощавый, брюнетъ, въ очкахъ, съ весьма интеллигентнымъ лицомъ. Онъ преподавалъ исторію въ старшихъ классахъ, но одними учебниками, какъ, бывало, прежніе учителя, не ограничивался, а нерѣдко читалъ намъ въ классѣ отрывки изъ различныхъ историческихъ сочиненій, касавшихся той эпохи, о которой шла рѣчь. Онъ также не прочь былъ побесѣдовать съ нами о томъ или о другомъ историческомъ фактѣ, почему-либо особенно интересовавшемъ насъ. Соболевъ не походилъ на чиновника и зато былъ у насъ общимъ любимцемъ. Впослѣдствіи онъ занималъ должность директора учительской семинаріи въ г. Тотъмѣ (Вологодской губ.).

Карлъ Маакъ былъ мужчина лѣтъ 40, средняго роста, крѣпкій, сухощавый, словно вылитый изъ металла; онъ низко стригъ волосы, не носилъ ни бороды ни бакенбардъ и держался всегда прямо. Это былъ человекъ въ высшей степени энергичный и обладавшій способностью сообщать энергію своимъ ученикамъ. Говоря по правдѣ, только при немъ мы научились по-нѣмецки и стали понимать языкъ Шиллера и Гёте. По своимъ знаніямъ, по своей энергіи и по горячности къ дѣлу Карлъ Карловичъ Маакъ мнѣ положительно представлялся идеальнымъ педагогомъ... Оставивъ вологодскую гимназію, онъ долго жилъ въ Петербургѣ и, наконецъ, кажется, переехалъ въ свою Германію.

Венцеславъ Матвѣевичъ Пржибыльскій былъ мужчина среднихъ лѣтъ, довольно высокаго роста, блондинъ, краси-

вый собой, съ тонкими чертами лица, съ большимъ, открытымъ лбомъ и умными сѣрыми глазами, отливавшими блескомъ стали. Онъ обладалъ прекрасными манерами — манерами свѣтскаго человѣка, говорилъ увлекательно и могъ вліять на каждого, съ кѣмъ ни сталкивала бы его судьба. Самое ярое предубѣжденіе, казалось, не могло устоять противъ этого очаровательнаго человѣка. Эрудиція у него, сколько могу судить теперь, была громадная. Раньше Пржибыльскій былъ профессоромъ въ Вильнѣ и оттуда, какъ бы въ видѣ ссылки, былъ переведенъ въ Вологду. Онъ преподавалъ намъ минералогію, но сумѣлъ заинтересовать насъ и вообще естественными науками. Онъ намъ разсказывалъ о различныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, сообщалъ намъ факты изъ жизни дѣятелей науки и другихъ великихъ людей, двигавшихъ человѣчество отъ мрака къ свѣту — къ лучшему будущему.

Уроки Пржибыльскаго — всегда внимательнаго къ намъ, добраго и любезнаго — были для насъ наслажденіемъ. Скажу необинуясь, что мы въ одинъ годъ узнали отъ него болѣе, болѣе развились и пристрастились къ серьезному чтенію, нежели въ нѣсколько предшествовавшихъ лѣтъ. Онъ позволилъ намъ поодионокѣ и группами приходите къ себѣ на квартиру и бесѣдовать съ нимъ. Такъ какъ Пржибыльскій былъ человѣкъ умный и осторожный, то я и считаю излишнимъ распространяться о томъ, что о политикѣ, о жгучихъ вопросахъ, волновавшихъ въ ту пору русское общество, онъ съ нами, мальчуганами, ни разу не заводилъ рѣчи. Помню, что по инициативѣ нашей вице-губернаторши устраивались публичныя лекціи въ пользу бѣдныхъ, и Пржибыльскій читалъ по различнымъ отраслямъ естествознанія.

Пржибыльскій пріѣхалъ къ намъ уже въ половинѣ учебнаго года, и поэтому всю минералогію мы не успѣли осилить къ веснѣ. Пржибыльскій, по нашей просьбѣ, устроилъ репетиціи у себя на квартирѣ и перевелъ насъ всѣхъ въ седьмой классъ безъ экзамена. Въ то время у насъ въ гимназіи нѣ-

которые учителя уже переводили изъ класса въ классъ по годовымъ балламъ.

Въ 1862 году, осенью, мы однажды напрасно прождали Пржибыльскаго: онъ не пришелъ въ классъ, и мы съ тѣхъ поръ уже не видали его. Инспекторъ, нѣсколько смутившись, объявилъ намъ на другой день, что «г. Пржибыльскій уѣхалъ въ Петербургъ» и, кажется, не возвратится ¹⁾.

Кромѣ Пржибыльскаго, Маака и Соболева, у насъ въ старшихъ классахъ были еще хорошіе учителя: Владимиръ Николаевичъ Елецкій (впослѣдствіи директоръ петрозаводской гимназіи) и Николай Петровичъ Левицкій, преподаватель русской словесности (позже директоръ народныхъ училищъ Вологодской губ.). Левицкому мы были обязаны хорошимъ знаніемъ исторіи русской литературы и знакомствомъ съ выдающимися русскими писателями XIX вѣка. На сочиненіяхъ, часто задаваемыхъ имъ, мы также успѣли выработать довольно порядочный слогъ. Мы подъ его руководствомъ читали Бѣлинскаго и самымъ добросовѣстнымъ образомъ штудировали Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Для учениковъ VI и VII классовъ Левицкій устраивалъ по вечерамъ въ классѣ въ извѣстные дни собранія — «бесѣды». На этихъ бесѣдахъ читались и обсуждались произведенія русскихъ авторовъ — старыхъ и новыхъ. Иногда специально для бесѣдъ писались нами сочиненія (преимущественно критическіе разборы), и по поводу ихъ шли горячіе дебаты.

Насколько прежде пансіонеры увлекались офицерскимъ мундиромъ, настолько теперь блестящимъ ореоломъ окружался для нихъ образъ «студента». Въ студентѣ видѣли какъ бы олицетвореніе умственной, духовной мощи — въ противоположность силѣ кулака. Студентъ казался носителемъ всѣхъ благородныхъ помысловъ, идеи добра, правды, свободы... Когда сынъ нашего инспектора, студентъ, при-

¹⁾ Какъ потомъ оказалось, онъ бѣжалъ въ Варшаву и былъ членомъ „ржонда народоваго“, а затѣмъ, когда польское возстаніе было подавлено, Пржибыльскій жилъ въ Парижѣ и былъ домашнимъ секретаремъ у принца Жерома, какъ мы слышали.

ѣхалъ на вакаціи, мы, бывало, съ завистью и благоговѣніемъ смотрѣли на него, какъ онъ, гордо поднявъ голову, проходилъ мимо нашихъ оконъ. Онъ носилъ набекрень бѣлую фуражку съ синимъ околышемъ, студенческой сюртукъ и широкіе, бѣлые лѣтніе панталоны и блестящіе лакированные сапожки. Нечего и говорить, что гимназистамъ онъ казался идеаломъ всесовершеннаго, во всѣхъ отношеніяхъ пріятнаго молодого человѣка...

Выборъ книгъ для чтенія къ тому времени, т.-е. въ началѣ 60-хъ годовъ, также значительно измѣнился. «Брынский лѣсъ», «Юрій Милославскій» и сантиментальные романы Коцебу совсѣмъ вышли изъ употребленія; теперь читали Некрасова, Гончарова, Щедрина («Губернскіе очерки»), Тургенева — въ особенности Тургенева: его Лаврецкій, Рудинъ, Базаровъ захватывали за живое и кружили головы. Воспитанники VII класса сообща стали выписывать «Собраніе переводныхъ романовъ и повѣстей». Нѣкоторые добывали журналы «Современникъ» и «Русское Слово».

VII.

А. В. Латышевъ въ 1861 г. былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ онъ назначенъ былъ директоромъ Ларинской гимназіи, а позже помощникомъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа, а вмѣсто него къ намъ директоромъ явился Ив. Ив. Красовъ, очень полный мужчина, пожилыхъ лѣтъ и мягкаго, нерѣшительнаго характера. При немъ реакція старому порядку сказала уже съ особенной силой.

Прежде, бывало, вечеромъ послѣ молитвы никому не дозволялось оставаться въ залѣ. Впослѣдствіи, при Латышевѣ, ученики VII класса добились привилегіи оставаться въ залѣ для занятій и позже девяти часовъ. Теперь же оставались вечеромъ въ залѣ и ученики VI, V и IV классовъ — и не ради занятій, а для разговоровъ и пріятнаго времяпрепровожденія... Однажды Красовъ зашелъ въ пансіонъ въ неурочное время — часовъ въ десять вечера —

и засталъ въ залѣ цѣлую толпу, при чемъ въ воздухѣ весьма опутительно припахивало табачнымъ дымомъ.

— Это... это что такое-съ? А? Табакъ курите? — спрашивалъ директоръ, поводя носомъ. — Что вы тутъ дѣлаете? А?

Воспитанники объяснили, что они остались въ залѣ для того, чтобы заняться уроками къ слѣдующему дню.

— Не порядокъ-съ! Нельзя-съ! — говорилъ Красовъ, присѣдая и ретируясь изъ полуосвѣщенной залы.

Послѣ того въ теченіе нѣсколькихъ дней никто не оставался въ залѣ, а затѣмъ опять все пошло постарому. Конечно, и прежде покуривали, но украдкой, съ опаской, выходя на дворъ или пуская дымъ въ устье печи, при чемъ обыкновенно кто-нибудь ставился на караулѣ. Теперь же курили почти открыто, безъ всякихъ предосторожностей. Иной, затаившись папироской гдѣ-нибудь на лѣстницѣ или въ гардеробной, ухитрялся, придя въ залу, пыхнуть дымомъ чуть не въ лицо гувернеру. Такой поступокъ — дерзкій и глупый — считался шикомъ.

Къ этому времени относится подача учениками одного изъ старшихъ классовъ прошенія въ гимназическій совѣтъ. Въ томъ, въ своемъ родѣ неслыханномъ, прошеніи воспитанники просили, чтобы совѣтъ заставилъ учителя латинскаго языка научиться русскому языку или чтобы дали имъ другого учителя. Прошеніе было вручено инспектору. Должно признаться, что это странное прошеніе было вызвано жестокостью и грубостью самого учителя... Прошенію, конечно, не дали ходу. Сначала инспекторъ — вѣроятно, по внушенію директора — раскричался на протестантовъ, грозилъ имъ солдатчиной и нивѣсть чѣмъ, а затѣмъ, увидавъ, что угрозы его не дѣйствуютъ, что воспитанники твердо стоятъ на своемъ и просятъ убрать всѣмъ ненавистнаго учителя, не умѣющаго объясняться по-русски, онъ принялся умировотворять. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ передрагъ вышло то, что свирѣпый учитель, придя въ классъ, извинился косвеннымъ образомъ и довольно безграмотно выразилъ надежду

на то, что они, ученики, будутъ жить съ нимъ въ мирѣ и «не стануть волноваться *смутами*»... Этотъ человѣкъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что рѣшительно ни въ комъ ни въ одномъ человѣкѣ не оставилъ по себѣ въ гимназiи доброй памяти. Даже учителя, насколько мы могли замѣтить, какъ-то сторонились отъ него...

Въ прежнее время тому или другому пансіонеру дозволялось, въ видѣ особенной милости, пить въ гардеробѣ «свой чай» — во время «гулянья» или во время вечернихъ занятій. Теперь же въ гардеробную безъ всякаго спроса забиралась иногда цѣлая компанія; ставился самоваръ, являлись булки и всякія закуски, папирсы, бутылка рому, водки или наливки кабацкаго приготовленія и въ довершеніе всего — карты. Иногда чаепитіе продолжалось за полночь и даже переходило иногда въ настоящую оргію. И гардеробная, нѣкогда оглашавшаяся свистомъ розогъ и жалобными криками,—гардеробная, нѣкогда наводившая ужасъ, теперь превратилась въ мѣсто оргій, а сторожъ Степанъ, тотъ самый рыжеволосый Степанъ, принимавшій нѣкогда такое ревностное, горячее участіе въ экзекуціяхъ, теперь проносилъ украдкой въ гардеробную всякіе запрещенные предметы и прислуживалъ пирующимъ... Зато онъ получалъ отъ поры до времени по чаркѣ водки съ приличной закуской, стаканъ чаю, и ему же доставались остатки отъ ночной трапезы.

Одновременно съ куреньемъ папирсовъ у насъ въ пансіонѣ развилась картежная игра. Всего болѣе была въ ходу такъ называемая «подкаретная игра» — въ три листика, игра, довольно азартная. Играли въ пансіонѣ и въ классахъ, во время уроковъ. Иногда въ теченіе одного урока проигрывалось и выигрывалось по нѣскольку рублей.

Авторитетъ гувернеровъ палъ окончательно. Запустить въ гувернера бумажной стрѣлкой или хлѣбнымъ мякишемъ считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ удали. Шалуны прикрѣпляли сзади къ пуговицамъ ихъ вицмундировъ длинные бумажные змѣи, и гувернеры, не чувствуя такого посяганія своего достоинства, преспокойно расхаживали по

залѣ съ бумажными хвостами. Иногда гувернеръ, замѣтивъ такое украшеніе, молча, съ досадой, обрывалъ его и бросалъ на полъ или въ печь, даже не пытаясь произвести хотя бы самое поверхностное дознаніе. Гувернеръ уже зналъ, что никакому слѣдствію не открыть виновныхъ...

Сторожъ Сергѣй, старикъ, исполнявшій во дни оны роль палача, сильно приунылъ, глядя на всѣ эти дебоши, и многозначительно покачивалъ головой. Онъ сожалѣлъ о «добромъ старомъ времени», объ отмѣнѣ субботнихъ сѣченій, о слабости и мягкости начальства. Всѣ его разговоры и рассказы, наконецъ, стали начинаться одной и той же стереотипной фразой: «Прежде-то, бывало, какъ возьмутъ, да»... и кончаться вздохомъ или словами: «А теперь что... Одинъ срамъ, — больше ничего»...

Въ нашей средѣ той порой вырабатывались новые типы.

Прежде всего, кажется, выработался въ старину неизвѣстный типъ ростовщика. Конечно, нашъ товарищъ Ч., державшій въ своемъ столѣ лавочку и развлекавшій насъ за грошъ своими панорамами, покупалъ и продавалъ и давалъ въ долгъ, но Ч. до процентовъ еще не додумался, никакихъ расписокъ не бралъ со своихъ кліентовъ и вообще занимался своимъ дѣломъ скорѣе изъ любви къ нему, чѣмъ изъ корысти. Теперь же одинъ изъ нашихъ товарищей, скопивши кое-какъ нѣсколько десятковъ рублей и основательно изучивши правила процентовъ и учета векселей, сталъ давать свои деньги товарищамъ въ ростъ подъ сохранныя расписки. «Маменькины сынки», проигравшись въ «три листика», бывало, нерѣдко обращались къ нему за помощью, брали у него подъ расписку рублей 5—10 и черезъ недѣлю возвращали ему съ лихвой. Его не любили, за глаза звали Плюшкинымъ, подсмѣивались, но ссориться съ нимъ находили невыгоднымъ, ибо онъ представлялъ собой денежную силу. Этотъ юноша вель жизнь чрезвычайно правильную: не курилъ, не пьянствовалъ, не участвовалъ ни въ какихъ кутежахъ, въ пицѣ былъ крайне воздержанъ, купался съ ранней весны до осеннихъ заморозковъ, зимой обтирался ледяной

водой, занимался гимнастикой, любилъ игры, требующія физическаго напряженія, къ женщинамъ относился съ презрѣніемъ и краснѣлъ, какъ дѣвушка, когда рассказывался при немъ какой-нибудь нецензурный анекдотъ. Онъ считался у насъ изъ первыхъ силачей. У этого человѣка, казалось, не было никакихъ слабостей, кромѣ слабости къ деньгамъ, къ наживѣ. Правда, онъ игралъ въ карты, но не увлекался, и игралъ какъ-то счастливо, рѣдко проигрывалъ, а ужъ если выигрывалъ, то крупный кушъ. Въ карточной игрѣ онъ также, очевидно, видѣлъ лишь средство къ наживѣ...

Рѣзкій контрастъ съ этимъ богатыремъ-ростовщикомъ, ненавистникомъ женщинъ представлялъ другой нашъ товарищъ, блондинъ средняго роста, худой, мозглявый, съ вытаращенными, рачьими глазами — вслѣдствіе ношенія чуть ли не съ третьяго класса очковъ съ оптическими стеклами. Онъ началъ курить въ пансіонѣ одинъ изъ первыхъ, иногда, по безденежью, тянулъ махорку, насыпая ее въ «крючки», сдѣланные изъ писчей бумаги. Онъ любилъ выпить, покутить и имѣлъ большую склонность къ женскому полу. Онъ былъ некрасивъ, но почему-то считалъ себя неотразимымъ. Онъ часто заводилъ легкія интрижки, и можно было только удивляться, что хорошаго находили въ немъ женщины... Въ старые годы такой типъ Донъ-Жуана у насъ въ пансіонѣ былъ немыслимъ. Если бы его продѣлки укрылись отъ начальства, то сами товарищи навѣрное засмѣяли бы его, не дали бы ему проходу, къ нему приложили бы позорный эпитетъ «дѣвушника». А теперь тотъ же эпитетъ нашъ ловеласъ принималъ за комплиментъ, гордился имъ и самодовольно хихикалъ себѣ подъ носъ.

Прежде ссора кончалась дракой или тѣмъ, что повздорившіе товарищи расходились и нѣсколько времени играли въ молчанки, прерывая между собой всякія сношенія. Теперь дѣло стало иначе — и доходило до вызововъ на дуэль. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей, подъ влияніемъ французскихъ романовъ, заразились какими-то странными рыцарскими или, вѣрнѣе сказать, бреттѣрскими воззрѣніями и замашками

«Трехъ мушкетеровъ» Дюма. Особенно этими воззрѣніями заразился одинъ изъ моихъ товарищей — К—евъ.

Однажды въ классѣ изъ-за какихъ-то пустяковъ К—евъ поссорился съ С. Они обмѣнялись рѣзкими выраженіями, т. - е. попросту сказать, поругались, и К—евъ, воспользовавшись случаемъ и вспомнивъ, вѣроятно, какого-нибудь д'Артаньяна или виконта де-Бражелона, вызвалъ С. на дуэль. Хотя С. не принадлежалъ къ числу бреттѣровъ, но, тѣмъ не менѣе, счелъ неудобнымъ отказаться и принялъ вызовъ. С. попросилъ меня быть его секундантомъ, К—евъ взялъ въ секунданты другого товарища — К—на. Условились стрѣляться на пистолетахъ на разстояніи 15 шаговъ. К—евъ и С. съ секундантами должны были сойтись на слѣдующій день въ четыре часа на Соборной Горкѣ и оттуда сойти на рѣку. Дѣло происходило зимой, и по общему согласію было рѣшено, чтобы убитаго бросить въ прорубь у моста.

Теперь, когда оглянешься назадъ, въ прошлое, вся эта исторія кажется смѣшною, но тогда, помню, эта исторія мнѣ была ужасно непріятна, и въ особенности мнѣ казалось тягостно быть свидѣтелемъ убійства. С. былъ однимъ изъ моихъ близкихъ, лучшихъ пріятелей, но мнѣ жаль было и К—ва, этого горячаго, но милаго и добраго юношу... Я долго не спалъ ночью и все думалъ: что мнѣ дѣлать? Какъ предупредить дуэль? Донести гимназическому начальству или полиціи я никогда бы не могъ рѣшиться... Я могъ только попытаться примирить противниковъ. Но какъ? удастся ли? послушаютъ ли меня?..

На другой день я попросилъ у инспектора позволеніе сходить послѣ обѣда къ сестрѣ, но у сестры я пробылъ минутъ десять, да и то былъ какъ на иголкахъ, и отправился отъ нея на Соборную Горку. Я зналъ, что К—нъ, бывшій секундантомъ, не долбилъ С., подзадоривалъ К—ва, и поэтому, задумавъ разстроить дуэль, я рѣшился припугнуть К—на. Въ самомъ скверномъ расположеніи духа, съ тяжелымъ сердцемъ шелъ я на назначенное мѣсто. Помню: зимній день выдался съ легкимъ морозцемъ, сѣрый и тусклый.

Тихо шель я по набережной и, завидѣвъ издали темнѣвшее отверстіе проруби, невольно вздрогнулъ. Я встрѣтилъ С. на тротуарѣ. Онъ стоялъ, прислонившись къ фонарному столбу и запустивъ руки въ карманы пальто. К—ва съ его секундантомъ я засталъ на Соборной Горкѣ; они, очевидно, въ ожиданіи меня расхаживали по аллеѣ... Я взялъ К—на подъ руку, отвелъ въ сторону, какъ бы для переговоровъ, и рѣшительно заявилъ, что если С. будетъ убитъ или раненъ, то я напередъ вызываю его на дуэль, какъ подстрекателя.

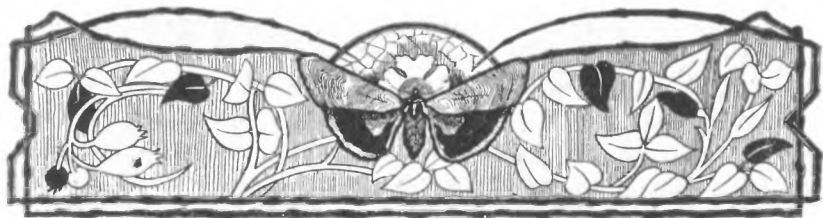
— Будемъ стрѣляться въ десяти шагахъ! Я убью тебя! — прошепталъ я, крѣпко сжимая его тонкую аристократическую руку.

К—нъ, зная, что я стрѣляю недурно, поблѣднѣлъ и заволновался... Онъ ни въ чемъ не виноватъ, онъ не подстрекалъ К—ва, онъ готовъ уговорить К—ва помириться, ему самому все это страшно непріятно и т. д. Ужъ я не знаю: считалъ ли онъ меня, дѣйствительно, способнымъ въ тѣ минуты убить его, но, какъ бы то ни было, дѣло, благодаря ему, кончилось тѣмъ, что противники помирились, а у меня какъ гора спала съ плечъ.

Но К—въ не ушелъ отъ своей судьбы: д'Артаньяны и виконты де-Бражелоны сдѣлали свое дѣло. По окончаніи гимназическаго курса мы разошлись въ разныя стороны: я отправился въ Петербургскій университетъ, К—въ — въ Московскій. Я впоследствии (съ 1867 г.) сталъ работать на литературномъ полѣ, а К—евъ поступилъ въ военную службу и перебрался въ Петербургъ. Здѣсь какъ-то за картами онъ поссорился съ однимъ офицеромъ, Б., вызвалъ его на дуэль и былъ убитъ... Его отецъ, старый генералъ николаевскихъ временъ, и мать - старушка до конца дней своихъ, конечно, горевали о потерѣ единственнаго сына. Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ не мало было толковъ въ свое время объ этой несчастной дуэли... К—нъ также, черезъ немного лѣтъ по выходѣ изъ гимназіи, рано и жалко кончилъ свое существованіе: онъ умеръ въ чахоткѣ.

Вскорѣ послѣ того, какъ я оставилъ гимназію, нашъ «благородный пансіонъ» былъ закрытъ. А именно 23 фѣвралѣ 1863 г. вологодское дворянское собраніе постановило, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ (т. - е. освобожденія крестьянъ), вакансіи въ благородный пансіонъ при гимназіи не замѣщать и сборъ на своихъ пансіонеровъ прекратить, вслѣдствіе чего въ іюнѣ 1864 г. нашъ пансіонъ и закрылся, просуществовавъ на свѣтѣ около тридцати лѣтъ...





Прощай, деревня.

Храни Господь того, кто скажетъ:
„Простите, мирныя поля!“
И бѣдный свой челнокъ привяжетъ
Къ кормѣ большого корабля...

Некрасовъ.

I.

Вѣтеръ порою разгоняетъ, разрываетъ туманъ, и въ просвѣты мы видимъ то, что скрывается за его бѣлесоватой, непроницаемой завѣсой. Такъ иногда и наша память разгоняетъ туманы прошлаго, и передъ нами, словно ярко озаренныя лучами невидимаго свѣта, мелькаютъ знакомыя мѣста, слышатся знакомые голоса, уже давно-давно отзвучавшіе, встаютъ знакомые образы, уже давно исчезнувшіе, пропавшіе изъ нашихъ глазъ...

Съ помощью чудодѣйственной силы воспоминанія я разрываю теперь густые-густые туманы прошлаго и вижу, что было со мною сорокъ лѣтъ тому назадъ, каковъ я былъ, какъ я жилъ, какъ думалъ и чувствовалъ...

Видю я себя почти совсѣмъ еще безусымъ, девятнадцатилѣтнимъ юношей. Въ ту пору — въ 1863 году — я только что покончилъ съ вологодской гимназіей, замѣнилъ форменный гимназическій мундиръ сюртукомъ и открыто курилъ папиросы, купленныя на свои деньги, полученныя съ уроковъ.

Вижу я отца... Немного строгій, немного ворчливый старикъ, высокаго роста, бодрый, сильный, съ большимъ лбомъ, съ лысиной, полуприкрытой съ висковъ рѣдкими прядями сѣдыхъ волосъ, съ густыми, часто нахмуренными бровями и съ длинными сѣдыми усами, опущенными книзу... Живо я представляю его себѣ.

Но еще живѣе, еще ярче я помню мать... Небольшого роста, худоцавая, съ идеально-прекраснымъ лицомъ, съ густой косою темнорусыхъ волосъ, увѣнчивавшихъ ея красивую голову, съ темноглубыми глазами, добрыми, кроткими, съ ласковой улыбкой на устахъ, — и вся запечатлѣнная выраженіемъ душевной чистоты... Точно живую вижу я ее теперь передъ собой, — въ темномъ платьѣ съ бѣлымъ воротничкомъ, окаймлявшимъ ея нѣжную шею, съ работой или съ книгой на колѣняхъ, иногда задумчивую и грустную...

По выходѣ изъ гимназіи, какъ и большинство моихъ товарищей, я рѣшилъ отправиться въ университетъ. Отецъ предлагалъ мнѣ поступить на службу въ канцелярію губернатора, но о чиновничьей карьерѣ я не хотѣлъ и слышать. Итти въ чинуши? Ни за что!.. Въ университетъ! Вотъ куда стремились мои думы и мечты. Днемъ я мечталъ объ университетѣ, ночью грезилъ о немъ... Онъ снился мнѣ въ видѣ какого-то величественнаго древне-греческаго храма, съ портиками, съ колоннами...

Время тогда было не таково, чтобы соблазняться чиновничьимъ мѣстомъ, хотя бы и въ губернаторской канцеляріи. За два года передъ тѣмъ крѣпостные крестьяне были освобождены изъ-подъ помѣщичьей власти; ждали еще другихъ большихъ преобразованій. Общество ожило, проснулось, словно освободившись отъ какого-то тяжелаго кошмара. Наши гимназическіе учителя читали публичныя лекціи въ пользу бѣдныхъ. За послѣдніе годы учителя обращались съ нами, какъ съ людьми взрослыми, какъ со своими младшими товарищами, приносили намъ книги, которыхъ не было въ нашей ученической бібліотекѣ, но которыя, по ихъ мнѣнію, заслуживали нашего вниманія, — и нѣкоторыя изъ

этихъ книгъ дали намъ болѣе умственной пищи, чѣмъ цѣлыя кипы тогдашнихъ учебниковъ; иные изъ учителей приглашали насъ къ себѣ на домъ для «бесѣдъ».

Мы были полны самыхъ блестящихъ, радужныхъ надеждъ и упованій на свѣтлое будущее и страстно стремились работать на пользу общества, на благо родного народа. И императоръ Александръ II, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ посѣтившій нашу гимназію, говорилъ намъ въ томъ же смыслѣ, вполне соотвѣтствовавшемъ нашимъ стремленіямъ работать для блага родины. «Я надѣюсь, что вы будете полезны отечеству!» говорилъ онъ.

Лѣтъ за десять до того времени, даже еще при моемъ поступленіи въ гимназію, гимназисты восторгались офицерами, ихъ блестящей формой, ихъ удалствомъ и молодечествомъ, звяканьемъ сабель и шпоръ и рвались въ военную службу. Былъ даже такой случай: два брата-гимназиста убѣждали изъ гимназіи съ тѣмъ, чтобы пробраться на Кавказъ—биться съ горцами, но на дорогѣ между Вологдой и Ярославлемъ были пойманы и снова водворены въ гимназію. Тогда, помню, зачитывались лермонтовскимъ «Героемъ нашего времени», повѣстями Марлинскаго и т. под.

Съ начала шестидесятыхъ годовъ у насъ повѣяло новымъ духомъ. Читали гончаровскаго «Обломова», «Дѣтство и отрочество» Л. Толстого, повѣсти Тургенева, стихотворенія Некрасова, изъ которыхъ многія заучивались наизусть, декламировались... Офицеръ въ нашихъ глазахъ утратилъ свою былую прелесть. Студентъ сталъ нашимъ идеаломъ: студентъ благороденъ, великодушенъ, смѣлъ, стоитъ за правду, его единственное, могущественное орудіе — горячее слово, убѣжденіе. Студентъ сталъ живымъ олицетвореніемъ всего прекраснаго. Такъ измѣнились вкусы и взгляды молодежи...

Какъ прежде гимназисты рвались въ военную службу, такъ теперь они только и думали о томъ, какъ бы попасть въ университетъ. Быть студентомъ считалось почетнымъ. На вечеринкахъ мы громко, съ одушевленіемъ распѣвали:

„Что чины, богатство, слава,
Оловянные кресты!
Это дѣтская забава,
Это глупыя мечты!..“

Отецъ былъ крайне недоволенъ моимъ отказомъ отъ службы въ канцеляріи губернатора и моимъ рѣшеніемъ ѣхать въ Петербургъ — въ университетъ.

— Я не былъ въ университетѣ, а, слава Богу, прожилъ жизнь не хуже другихъ! — ворчалъ онъ. — Не мало послужилъ на своемъ вѣку... И ты могъ бы такъ же... сначала бы чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, а тамъ дальше — больше, дальше — больше...

Но уговоры отца оставались для меня гласомъ вопіющаго въ пустынь. «Въ университетъ!» повторялъ я про себя, словно молитву или какое-нибудь заклинаніе. «Тамъ знанія, — думалъ я, — тамъ свѣтъ во тьмѣ свѣтится»...

Мать моя всячески старалась смягчить отца, примирить насъ, хотя и сама страдала при мысли о предстоявшей разлукѣ со мной. Ей и самой хотѣлось, чтобы я остался съ ними, но идти наперекоръ желаніямъ своего любимца она не могла. Отецъ уступилъ ея настояніямъ, и кончилось тѣмъ, что вопросъ свелся на деньги.

— При нынѣшнихъ плохихъ обстоятельствахъ, я не могу тебѣ дать болѣе семидесяти рублей! — сказалъ мнѣ отецъ.

— Мнѣ этого довольно! — замирающимъ отъ радости голосомъ промолвилъ я — и почувствовалъ, какъ щеки мои вспыхнули отъ сильнаго душевнаго волненія.

Значить, отецъ не препятствовалъ, уступалъ моему желанію и, повидимому, лишь стѣснялся тѣмъ, что не могъ дать мнѣ больше денегъ. Я и не ожидалъ получить отъ отца много денегъ: я уже зналъ, что вслѣдствіе лѣтней засухи сѣна у насъ было мало и вообще въ нашей сторонѣ годъ выдался неурожайный, такъ что наши сельскіе хозяева едва сводили концы съ концами. Впрочемъ, семьдесятъ рублей казались для меня тогда весьма значительной суммой, съ

которой смѣло можно было вступать въ жизнь. Къ тому же я рассчитывалъ съ помощью товарищей-земляковъ найти переводы съ нѣмецкаго или съ французскаго языка или какія-нибудь другія подходящія занятія...

Помню, былъ тихій, ясный августовскій вечерь...

Отецъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ передъ письменнымъ столомъ, я стоялъ у стола сбоку. Въ окно были видны ярко догоравшая вечерняя заря, бѣлыя легкія облака, словно застывшія, неподвижно стоявшія надъ горизонтомъ, и опустѣлыя поля, покрытыя желтой колючей жнивой, казавшіяся мрачными подъ темнѣвшимъ вечернимъ небомъ. Одинокая яркая звѣзда горѣла на западѣ...

Отецъ сидѣлъ, нахмурившись, и смотрѣлъ прямо передъ собой на кипы сельскохозяйственныхъ книгъ и журналовъ и приходо-расходныхъ тетрадей въ синихъ обложкахъ; передъ отцомъ былъ раскрытъ какой-то французскій романъ.

Вечернія тѣни сгущались, и комната мало-по-малу погружалась въ полусумракъ.

До мельчайшихъ подробностей припоминается мнѣ этотъ вечеръ и отцовскій кабинетъ, гдѣ происходилъ нашъ разговоръ...

Вдоль стѣны — большой книжный шкапъ съ наполовину стеклянными дверцами. Съ ранняго дѣтства для меня было величайшимъ наслажденіемъ, когда отецъ открывалъ передо мной этотъ шкапъ и позволялъ мнѣ выбирать книги для чтенія и разсматривать гравюры, хранившіяся на нижней полкѣ. Отецъ не часто доставлялъ мнѣ это удовольствіе, но часто призывалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, и «кабинетъ» мнѣ представлялся заповѣднымъ мѣстомъ, хранящимъ въ себѣ массу чрезвычайно заманчивыхъ, интересныхъ для меня вещей, а шкапъ темнаго дерева съ длинными рядами книгъ, выступавшихъ изъ таинственнаго полусумрака, казался мнѣ святилищемъ.

На стѣнѣ передъ письменнымъ столомъ висѣлъ портретъ министра Киселева, въ вѣдомствѣ котораго служилъ отецъ и имѣлъ знакъ отличія за 35-лѣтнюю безпорочную службу.

Пониже этого портрета висѣлъ фотографическій, раскрашенный красками, портретъ отца въ сѣромъ ополченскомъ мундирѣ съ краснымъ кушакомъ и съ саблей на боку. На стѣнѣ, противоположной той, гдѣ помѣщался книжный шкапъ, висѣла большая карта Россіи, а рядомъ съ нею—«вѣчный календарь».

На подоконникѣ лежали колосья ржи и пшеницы, зерна овса, ячменя, нѣсколько волоконъ льна...

— Ну, такъ вотъ, въ такомъ случаѣ получай! — сказалъ отецъ, вынимая изъ шкатулки нѣсколько потрепанныхъ ассигнацій и кладя ихъ передо мной на столъ. — Пока больше не могу... А тамъ увидимъ! — добавилъ онъ, вставая съ кресла.

Я поблагодарилъ его и спряталъ свой капиталъ въ боковой карманъ. Нѣсколько мгновений длилось молчаніе. Въ кабинетѣ было такъ тихо, что трескъ кузнечиковъ за окномъ явственно слышался... Я былъ какъ-то смущенъ. Мнѣ казалось, что я долженъ что-то сдѣлать или сказать отцу что-то важное, значительное, приличное случаю... Отецъ пристально смотрѣлъ на меня, и мнѣ почудилось, что глаза его какъ будто затуманились, и нижняя губа его слегка задрожала...

Вдругъ онъ, не говоря ни слова, наклонился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко прижалъ мою голову къ своей груди. Ледъ, дававшій себя чувствовать въ нашихъ отношеніяхъ за послѣднее время, растаялъ, расплавился въ крѣпкихъ отцовскихъ объятіяхъ... Вотъ то, что именно и надо было сдѣлать... Да, именно то!.. Мнѣ стало такъ отрадно, такъ радостно, что мы съ отцомъ разстаемся друзьями, и я крѣпко расцѣловался съ нимъ. На душѣ у меня было легко, свѣтло, какъ въ ясный майскій день...

Начались сборы въ дорогу.

Отецъ днемъ бродилъ по хозяйству, заглядывалъ на гумно, ходилъ въ поле, а остальное время по большей части сидѣлъ въ кабинетѣ за своими книгами, хмурился и былъ молчаливъ. Я былъ увѣренъ, что онъ тревожился и гру-

стиль обо мнѣ, но отецъ мой, какъ и многіе изъ мужчинъ, не любилъ и не умѣлъ приласкать, быть нѣжнымъ, вообще не могъ высказывать волновавшія его чувства.

Мать хлопотала, собирала мое платье и бѣлье, укладывала въ чемоданъ и давала мнѣ добрые совѣты, какъ я долженъ вести себя, когда буду въ Петербургѣ.

— Учись, голубчикъ, учись! — говорила она. — Профессора и старшіе товарищи укажутъ тебѣ книги... Въ свободное время и читай! Если познакомишься съ хорошими семейными домами, ходи туда, но не часто... Съ товарищами живи дружно, только отъ кутящихъ компаній сторонись. Вѣдь и товарищи у тебя будутъ всякіе... Будь остороженъ, мой милый! Ты еще такъ молодъ, людей ты не знаешь...

— Ну, мама, мнѣ вѣдь ужъ двадцатый годъ! — возражалъ я.

— Двадцатый годъ! — насмѣшливо-жалостливымъ тономъ со вздохомъ промолвила мать. — Конечно, иной молодой человекъ въ твои годы уже знакомъ съ жизнью, привыкъ къ самостоятельности... Но ты вѣдь еще сущій ребенокъ... Ты семь лѣтъ жилъ въ гимназій, въ пансіонѣ, какъ въ семьѣ, жилъ съ нами... Ну, что ты знаешь? Что ты видалъ?.. А теперь вдругъ очутишься въ такомъ большомъ городѣ безъ родныхъ, безъ знакомыхъ, далеко отъ меня... Не буду я за тебя спокойна, не буду... пока ты не возвратишься къ намъ.

Такъ говорила мама, стоя на колѣняхъ на полу передъ раскрытымъ чемоданомъ и старательно укладывая мои вещи.

— Пиши чаще, голубчикъ, пиши обо всемъ, какъ ты тамъ... хорошо ли устроишься! — продолжала она, не отрываясь отъ своего занятія. — Буду ждать твоихъ писемъ, стану жить отъ письма до письма... А главное, голубчикъ, береги здоровье! Не дай Богъ, — заболѣешь... Измучусь я за тебя. Кто за тобой — за больнымъ — будетъ тамъ ухаживать... Вѣдь у каждаго свое дѣло, кто станетъ съ чужимъ возиться, — можетъ-быть, некому будетъ подать тебѣ воды напиться...

И мама тихо плакала, и слезы ея кропили мое платье и бѣлье, укладываемое въ чемоданъ. Я, какъ могъ, успокоивалъ и утѣшалъ ее. Я опустился съ нею рядомъ на колѣни, обнялъ ея худенькія плечи, вздрагивавшія отъ сдержанныхъ рыданій, цѣловалъ ея щеки, мокрыя отъ слезъ, — и горячія слезинки ея падали мнѣ на лицо.

— Не плачь, мама! Ну, не плачь, дорогая! Право, я буду беречься, я буду здоровъ, стану часто писать, лѣтомъ пріѣду домой на каникулы! — шепталъ я, прижимаясь щекой къ ея щекѣ.

И самъ я чуть не плакалъ: борьба шла во мнѣ, на душѣ было смутно... И университетъ меня манилъ, и далекій Петербургъ меня пугалъ, страшилъ, и маму мнѣ было жаль, и жаль родного дома...

II.

Наканунѣ отъѣзда изъ деревни я обошелъ всѣ знакомыя, милыя мѣста, гдѣ по-дѣтски я былъ такъ счастливъ.

Я обошелъ поля, луга и долго бродилъ по лѣсу. Нашъ лѣсъ назывался Аникіевскимъ, по имени разбойника Аники. Въ пяти верстахъ отъ нашей усадьбы находилась Зааникіевская пустынь, и въ тихую погоду или при западномъ вѣтрѣ до насъ глухо доносился звонъ монастырскихъ колоколовъ.

Лѣсъ въ ту пору начиналъ уже расцвѣчиваться въ свой осенній уборъ. Посреди зеленой листвы и зеленой хвои сосенъ и елей золотились на солнцѣ желтые листья березъ и краснѣли вѣчно трепещущіе листья осинъ.

Въ дѣтствѣ лѣсъ былъ для меня полонъ очарованія. Идешь, бывало, подходишь къ лѣсу и съ сильно бьющимся сердцемъ всматриваешься въ его таинственный полусумракъ, словно приближаешься къ какому-то святилищу, къ жилищу невѣдомыхъ, невидимыхъ существъ, трепещешь, волнуешься, особенно въ вечернюю пору, бывало, и жутко и пріятно, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, старыя бывальщины, сказки и преданья приходятъ на память и помогаютъ воображенію.

А горячее, воспримчивое дѣтское воображеніе и безъ того усиленно работаетъ...

Въ ту пору мое воображеніе населяло темную лѣсную чащу всевозможными призраками, нелѣпыми, чудовищными образами, заимствованными изъ міра сказокъ... Вотъ тутъ, въ этомъ лѣсу, живетъ лѣшій съ рогами, съ хвостомъ, съ козлиными ногами, тутъ и избушка на курьихъ ножкахъ какой-нибудь старой вѣдьмы, тутъ и злая баба-яга, Костяная Нога, въ своей ступѣ и съ помеломъ, заметающимъ за нею слѣдъ, тутъ и черти — прыгаютъ и вѣшаются по вѣтвямъ деревьевъ («въ родѣ обезьянъ», мысленно добавлялъ я).

Сказочные ужасы, вся сказочная нечисть, созданія народной фантазіи мѣтко и ярко обрисованы Пушкинымъ...

„Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордый,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ...
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ“...

Кромѣ сказочныхъ сверхъестественныхъ страшилищъ, въ ту пору я воображалъ встрѣтить въ лѣсу разбойниковъ самаго ужаснаго вида, натолкнуться на разбойничій притонъ, встрѣтиться съ бѣглыми (разказы о нихъ я слыхалъ отъ няни). Почернѣлый, обуглившійся пень мнѣ представлялся издали медвѣдемъ; мною же испугнутый заяцъ, прыгнувшій за кустомъ, казался мнѣ волкомъ и приводилъ меня въ ужась...

Но этотъ яркій, цвѣтистый міръ сказокъ, привлекавшій меня своею таинственностью и въ то же время нагонявшій на меня страхъ и трепеть, уже давно, задолго до моего отъѣзда изъ родного дома, поблѣднѣлъ, поблекъ, утратилъ для меня свою живую прелесть и обаяніе той жути, которая, словно чье-то холодное дыханіе, приподнимала волосы на

моей головѣ и заставляла меня вздрагивать. Лѣсъ утратилъ для меня таинственность, но не утратилъ своей прелести.

Теперь, бродя по лѣсу, я уже зналъ, что не встрѣчу въ немъ никого, кромѣ зайцевъ, птичекъ, перепархивающихъ съ вѣтки на вѣтку, да деревенскихъ ребятъ, собирающихъ ягоды или грибы. Пробираясь по знакомымъ тропинкамъ, я наслаждался запахомъ бодульника — бѣлыхъ лѣсныхъ цвѣтовъ, наслаждался величавымъ безмолвіемъ лѣса и мысленно прощался съ высокими, могучими соснами и съ лохматыми, темными елями, какъ со своими старыми друзьями...

Обошелъ я и садъ, заглянулъ во всѣ свои любимые уголки.

Вотъ тѣнистая, высокая липа — выше всѣхъ деревьевъ сада, почтенное старое дерево. По словамъ отца, этой липѣ тогда было болѣе полутора ста лѣтъ. Почти на половинѣ своей высоты она раздѣлялась на двѣ большія вѣтви, и еще недавно она была красивымъ, развѣсистымъ деревомъ. Но года за три или за четыре до моего отъѣзда въ Петербургъ несчастье разразилось надъ нею... Однажды, въ сильную грозу молнія ударила въ нашу липу и отколола отъ ствола одну изъ ея могучихъ вѣтвей. Липа послѣ того стала казаться какой-то кривой, кривобокой. Но и разбитая молніей, обожженная, искалѣченная, липа попрежнему стояла крѣпко, глубоко запусивъ въ землю свои узловатые корни и во время бурь лишь поскрипывая и покачивая своею вершиной подъ налетами буйнаго вѣтра. Весна попрежнему покрываетъ старушку зеленою листвою, а лѣто убираетъ ея душистыми цвѣтами и согрѣваетъ и живить поцѣлуями горячихъ солнечныхъ лучей.

Подъ липой стояла старая сѣрая скамья, подернутая зеленоватымъ мхомъ. Въ жаркіе лѣтніе дни я часто съ книгой сидѣлъ здѣсь въ прохладной тѣни или лежалъ на травѣ, задумчиво смотря вверхъ на голубое небо, сквозившее изъ-за листвы, съ легкимъ шелестомъ передвигавшейся по свѣтлому, сіяющему фону... И теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, я какъ будто слышу этотъ знакомый шелестъ, этотъ шопоть.

листьевъ, навѣвавшій на меня рой свѣтлыхъ грезъ и уносившій въ міръ юношескихъ мечтаній...

Вотъ — большой прудъ среди сада, позаросшій близъ береговъ высокою сочною осокой. Одинъ берегъ его осѣненъ деревьями: березами, олешнякомъ, и подъ этими нависшими деревьями вода кажется темною. Тамъ и сямъ плакучія ивы купають въ водѣ свои гибкія свѣсившіяся вѣтви. На дальнемъ концѣ сада, на берегу пруда, видна баня съ балкономъ, висящимъ надъ водой. Въ той же сторонѣ на поверхности пруда плавають блестящія, ярко-зеленые листья кувшинки и крупныя бѣлыя цвѣты — водяныя лиліи.

Помню въ дѣтствѣ, въ лѣтнюю пору я часто плавалъ по пруду на небольшомъ дощатомъ плотикѣ, передвигаясь съ помощью шеста. Тогда, начитавшись о приключеніяхъ «Робинзона-Крузо», я воображалъ этотъ прудъ моремъ, а себя — отважнымъ путешественникомъ, пустившимся на открытіе невѣдомыхъ острововъ. Прибрежную осоку, ивы и олешнякъ я представлялъ себѣ тропической растительностью, чащей первобытныхъ лѣсовъ, полныхъ всевозможныхъ опасностей для одинокаго странника. Лягушки и ящерицы были моими крокодилами, добродушные ужи превращались въ моихъ глазахъ въ гремучихъ змѣй, карась, проплывавшій вблизи моего плота, былъ не иначе, какъ прожорливой акулой, наша пестрая кошечка Мурка, шнырявшая по берегу, была тигромъ или пантерой, если взбиралась на березу, а нашъ старый черный водолазъ, Плутонъ, смиренно проходившій мимо, поджавъ хвостъ, изображалъ льва...

Еще помню, какую оживленную, фантастическую картину представлялъ этотъ прудъ въ одинъ теплый темный іюльскій вечеръ. Это былъ день свадьбы моего дяди, Н. П. Заѣцкаго.

На берегу пруда горѣли небольшіе костры, и огни ихъ рѣзко обрисовывались на фонѣ сгущавшихся синихъ сумерекъ лѣтняго вечера. Было совершенно тихо, и языки пламени не метались изъ стороны въ сторону, но спокойно, ровно поднимались вверхъ, отчетливо отражаясь на неподвижной

поверхности пруда. Въ красноватомъ освѣщеніи, отбрасываемомъ кострами, мелькали черными силуэтами людскія фигуры, толпившіяся на берегу. Дядя въ лодкѣ плавалъ со своей молодой женой. На носу лодки былъ воткнуть горящій смоляной факель, и красноватая золотистая искра дождемъ сыпались съ него въ темную воду пруда. Лодка неслышно, какъ призракъ, плыла по тихой, неподвижной поверхности потемнѣвшихъ водъ; то она на мгновенье пропадала въ вечернемъ сумракѣ, то снова появлялась, ярко озаренная огнемъ костра... И какъ была прекрасна новобрачная въ своемъ бѣломъ подвѣчномъ платкѣ, съ вѣткой флеръ д'оранжа на бѣлокурыхъ волосахъ! Какъ она была молода, жизнерадостна!..¹⁾ Но недолго, бѣдная, пожила она послѣ того іюльскаго вечера, когда въ честь ея по берегамъ пруда весело горѣли огни...

Послѣдняя ночь въ родномъ домѣ... Въ послѣдній разъ я ложусь на свой черный волосяной диванъ, замѣнявшій мнѣ кровать. Полный мѣсяцъ заглядываетъ въ комнату, и блѣдное сіяніе его полосой падаетъ на полъ. За окномъ трещать кузнечики. Въ домѣ все тихо... Я лежу, но не сплю, сонъ далеко отлетѣлъ. Лежу и все думаю, думаю... Моя жизнь, до тѣхъ поръ связанная съ этимъ милымъ старымъ домомъ, уже готова стать прошлымъ, а будущее мое — темно... Что ждетъ меня тамъ? На что-то я промѣняю этотъ уютный старый домъ, гдѣ меня такъ любятъ, такъ ласкаютъ, нѣжатъ и лелѣютъ?.. Стараюсь забыться, заснуть, но не могу... Приподнимаюсь, чтобы взглянуть въ окно на знакомую картину, на спящій садъ, на мѣсяцъ, но мѣсяцъ уже спустился низко, зашелъ за кусты акацій, и я не могу уловить ни одного его луча... Безпокойная, тревожная была ночь.

На другой день я съ мамой поѣхалъ въ городъ.

Грустно, тяжело было наше прощанье...

Вечеромъ 3 сентября я уѣхалъ изъ Вологды.

¹⁾ Это та самая Серафима Николаевна Засѣцкая, которая предсказала мнѣ, что я буду писателемъ.

III.

Въ то далекое время между Вологдой, Ярославлемъ и Москвой еще не было желѣзной дороги. Ѣздили на почтовыхъ, «на долгихъ» или въ дилижансѣ. Ѣхать «на долгихъ» значило нанять лошадей съ экипажемъ вплоть до Ярославля или до Москвы; «на долгихъ» тащились съ отдыхомъ, не торопясь, останавливались ночевать. Я съ четырьмя знакомыми юношами ѣхалъ въ дилижансѣ. Въ настоящее время читатель ни за какія деньги уже не увидитъ такого дилижанса, въ какомъ мы тогда путешествовали. Это былъ большой, помѣстительный, но чрезвычайно неуклюжій тарантасъ, крытый, съ фюрдекомъ, запряженный четверкой не особенно бойкихъ лошадей. Подушки и мелкія вещи мы взяли съ собой внутрь этого рыдвана, а все остальное ямщикъ привязалъ сзади и наверхъ.

Выѣхавъ изъ города и миновавъ заставу, ямщикъ остановился, развязалъ языкъ у колокольчика (Ѣздить по городу съ колокольчикомъ имѣлъ пріятное право только одинъ исправникъ), и мы со звономъ и грохотомъ покатали по большой дорогѣ, поднимая за собой сѣрые облака пыли. Стукъ и грохотъ нашего рыдвана, повидимому, крайне раздражающимъ образомъ дѣйствовалъ на нервы собакъ. Когда мы проѣзжали черезъ деревню, то собаки, при видѣ нашего грохочущаго дилижанса, просто захлебывались отъ злости и съ неистовымъ, яростнымъ лаемъ бросались вслѣдъ за нами.

Мои спутники студенты-земляки уже годъ передъ тѣмъ были въ Петербургѣ. Они болтали, смѣялись, рассказывали другъ другу о своихъ лѣтнихъ походахъ, говорили о Петербургѣ, о профессорахъ, о своихъ столичныхъ знакомыхъ. Я слушалъ ихъ, молча, и чувствовалъ себя въ ихъ обществѣ чужимъ: ихъ интересы не были моими интересами. Мнѣ было грустно, тоскливо: впечатлѣнія прощанья съ матерью, съ отцомъ, съ друзьями дѣтства, съ роднымъ домомъ были еще живы и владѣли мной.

Во второмъ часу ночи мы пріѣхали въ уѣздный городокъ Грязовець, гдѣ предполагалась наша первая значительная остановка. Моросилъ дождь, было темно, грязно. Дилижансъ остановился передъ тускло освѣщеннымъ подъѣздомъ какой-то гостиницы. Спутники мои пошли пить чай, а я предпочелъ спокойно полежать въ дилижансѣ. Сгорбленный старикъ, сѣдой, какъ лунь, ходилъ съ фонаремъ около дилижанса и свѣтилъ ямщикамъ запрягать лошадей. Этотъ старичокъ, какъ оказалось, нѣкогда былъ лихимъ ямщикомъ, а теперь жилъ тѣмъ, что прислуживалъ проѣзжающимъ, хранилъ ихъ вещи и за то получалъ подачки. И мы дали ему, а затѣмъ пустились далѣе въ путь.

Товарищи мои одинъ за другимъ заснули, и я бы съ радостью заснулъ, да у меня разболѣлись зубы, и я промучился съ ними всю ночь напролетъ.

На разсвѣтѣ, помню, мы проѣзжали черезъ какую-то большую деревню, мимо дымившагося пожарища. Близъ самой дороги валялись обгорѣлыя бревна, головни, почернѣвшіе кирпичи; мѣстами поднимались полуразвалившіяся печи. Старухи съ ребятишками бродили по пожарищу, уныло понурились, и разрывали палками мусоръ, какъ будто что-то искали.

На слѣдующій день мы очутились уже въ предѣлахъ Ярославской губерніи. Моя зубная боль затихла, и я вообще чувствовалъ себя бодрѣе. Дождь пересталъ, небо прояснилось... Дорога большею частью шла лѣсомъ, и мы порой, желая поразмять ноги, выходили изъ дилижанса и шли по окраинѣ дороги, чѣмъ лошади, повидимому, оставались очень довольны, такъ какъ могли итти шагомъ. Ямщикъ также шелъ съ нами, покуривая трубочку.

Здѣсь пошли лѣса лиственные, и уже рѣдко попадались мои любимцы, сосны и ели. Зато въ здѣшнихъ лѣсахъ оказывалось много орѣшника. Мы заходили въ лѣсъ и набивали орѣхами полные карманы, но орѣхи были еще не совсѣмъ зрѣлы.

Передъ вечеромъ мы пріѣхали въ Даниловъ и остановились въ шумной и грязной гостиницѣ подь вывѣской «Вѣна». Мы въѣхали въ городъ прямо изъ лѣсу, да и при выѣздѣ изъ него тотчасъ же начался густой березнякъ. Даниловъ, такъ же, какъ и Грязовецъ, былъ въ то время плохонькимъ, жалкимъ городишкомъ, гдѣ, по словамъ поэта, «только не грѣшно родиться или подь старость умирать».

Дорога отъ Данилова до Ярославля оказалась адскою. Глубокія рытвины и колеи перерѣзывали ее всю сплошь. Ямщики пробирались въ объѣздъ и портили крестьянскіе луга, лежавшіе по сторонамъ дороги; крестьяне, чтобы сохранить свои луга, помѣшаты ямщикамъ ѣздить по нимъ, рыли канавы, ямы... Дилижансъ нашъ раскачивался съ боку на бокъ, скрипя и потрескивая, и мы не разъ рисковали опрокинуться и сломать себѣ шею... Стемнѣло. Опять пошелъ дождь и разгрязнилъ дорогу. Лошади шли шагомъ, колокольчикъ слабо позвякивалъ. Подь это тихое звяканье и подь шумъ дождя, барабанившаго по кожаной обивкѣ нашего рыдвана, мы стали, наконецъ, подремывать — и заснули.

Ночью разбудилъ насъ ямщикъ.

— Эй, вылѣзайте! — кричалъ онъ. — Не можно больше... кони встали.

Волей-неволей приходилось вылѣзать, чтобы хоть немного облегчить измученныхъ лошадей. Вышли мы изъ дилижанса и впотьмахъ брели по грязи до станціи — версты три или четыре.

Черезъ часъ прибылъ нашъ рыдванъ. Перемѣнили лошадей и поплелись далѣе. На разсвѣтѣ я проснулся отъ рѣзкаго холода. Дождь пересталъ, тучи разбѣжались, бѣлыя легкія облака быстро неслись надъ землею, и изъ-за нихъ кое-гдѣ просвѣчивала лазурь. Наступало утро...

Выглянувъ изъ дилижанса, я увидѣлъ невдалекѣ большую, широкую рѣку. То была великая русская рѣка, то была Волга... Клубясь, поднимались съ нея густые утренніе пары. Противоположный берегъ былъ задернутъ туманомъ. Тихо

и мирно катила Волга свои воды, вдали еще подернутая сѣрой утренней мглой. Мѣрно, съ тихимъ плескомъ ударялись ея волны о крутой песчаный берегъ, и ихъ плескъ и свѣжее могучее дыханіе рѣки уже доносились до насъ. При взглядѣ на эту рѣку, мнѣ невольно вспомнились нѣкоторые эпизоды изъ исторіи русскаго народа, и въ моемъ воображеніи стали проноситься картины.

Вотъ ушкуй за ушкуемъ мелькаетъ средь волнъ. То плывутъ новгородскіе «повольники»... «Государь Великій Новгородъ» выслалъ ихъ застрѣльщиками на развѣдки... Люди ищутъ простора, и Волга имъ даетъ его... Вотъ Іоаннъ Грозный подь стѣнами Казани громить татаръ, но въ то время его еще не называли Грознымъ, онъ былъ молодъ и доврчивъ, и добрые совѣтники окружали его... Вотъ — въ виду той же Волги — нижегородскій гражданинъ Мининъ Сухорукъ созывалъ русскихъ людей на защиту отчизны... Тутъ же по Волгѣ ходилъ со своей голытьбой Стенька Разинъ, пѣснями и легендами запечатлѣнный въ памяти народной... Видала Волга и грозныя полчища Пугачева...

И, смотря на рѣку, я думалъ: «Да! Много разъ берега твои освѣщались заревомъ пожаровъ, обагрались кровью! Ты и твои берега много разъ были свидѣтелями страшныхъ, потрясающихъ сценъ... Ты издавна предоставляла казацкой вольницѣ «широкое раздолье» для «гульбы»... Спасаясь отъ притѣсненій бояръ и воеводъ, стекалась къ тебѣ отовсюду бѣглая Русь, голь перекатная... И ты всѣхъ принимала — и бѣглаго царскаго стрѣльца, и попа-разстригу, и боярскаго холопа, бѣжавшаго за волей, за привольнымъ житьемъ, и человекъ, жившаго по старой вѣрѣ, творившаго двуперстное крестное знаменіе, и донскаго казака, и богобоязненнаго старца, искавшаго уединенія, и удалого разбойника, и русскаго, и татарина, башкира и чувашина, — всѣхъ ты привѣчала и укрывала въ своихъ прибрежныхъ горахъ и лѣсахъ... И зато съ какой нѣжной лаской, съ какою любовью величаютъ тебя народныя пѣсни! Ты — «красавица», ты — «кормилица», ты — «матушка»... Вотъ твои

прозвища, и нѣтъ для тебя у народа русскаго дру-гихъ именъ!..»

Наконецъ мы стали на поромѣ переѣзжать Волгу. Туманъ понемногу разсѣивался, показался противоположный берегъ, и изъ-за тумана, въ лучахъ восходившаго солнца, уже блестявились купола и шпили ярославскихъ церквей.

Отъ Ярославля до Москвы шло шоссе, и послѣ той «большой дороги», гдѣ мы едва не утонули въ грязи, шоссе показалось мнѣ гладкимъ, какъ скатерть. вмѣсто рыдвана былъ уже настоящій дилижансъ, и, кромѣ ямщика, при немъ полагался кондукторъ. Приближаясь къ станціи, кондукторъ трубилъ, и лишь только, бывало, подъѣдемъ къ станціи, какъ уже ведутъ лошадей взнузданныхъ и въ хому-тахъ; кондукторъ трубными звуками сзывалъ пассажировъ, и мы трогались въ путь.

Проѣхали мы заштатный городъ Петровъ, Переяславль-Залѣсскій, Ростовъ, Троицкій посадъ. Ходили мы и въ монастырь, но очень спѣшили, бѣгали чуть не бѣгомъ по лаврѣ, — и получилось лишь впечатлѣніе, что я видѣлъ нѣчто очень старинное и очень мрачное.

Помню: неподалеку отъ Москвы мы останавливались закусывать у блинницъ. Балаганы этихъ веселыхъ, разговорчивыхъ женщинъ пріютились въ замѣчательно живописной мѣстности, у опушки лѣса. Съ проведеніемъ желѣзной дороги исчезли блинницы, такъ же, какъ и дилижансы и кондуктора съ мѣдными трубами, зычными звуками оглашавшими придорожные лѣса.

6 сентября около вечеренъ мы вѣзжали въ Бѣлокаменную. Потянулись заборы, пустыри, грязные, жалкіе, низенькіе домишки, лаяли собаки, гдѣ-то неподалеку названивали во все колокола. Дилижансъ остановился у Креста, но я впослѣдствіи ни разу не бывалъ въ этой мѣстности и совершенно не помню этого московскаго предмѣстья...

IV.

Въ Москвѣ мы остановились въ какой-то гостиницѣ у Красныхъ воротъ, и товарищи тотчасъ же меня потащили осматривать городъ.

Прежде всего отправились въ Кремль. Лазали на колокольню Ивана Великаго и оттуда, съ головокружительной высоты, смотрѣли внизъ. Странно было видѣть людей, проходившихъ въ разныхъ направленіяхъ по площади, и проѣзжавшихъ извозчиковъ, — они казались игрушечными... Но, по правдѣ сказать, Кремль, съ его старинными соборами, съ царскими дворцами, съ Грановитой палатой, съ разбитымъ Царь-колоколомъ и другими древностями меня не поразилъ. Все это я уже видалъ много разъ на рисункахъ, былъ заочно знакомъ съ Кремлемъ.

Но, дѣйствительно, поразилъ меня и заставилъ собой залюбоваться видъ изъ Кремля на Замоскворѣчье. Никакой рисунокъ, никакой художникъ не дастъ яснаго представленія о той громадной панорамѣ, что открывается съ кремлевскихъ высотъ. Когда въ первый разъ передо мной развернулась эта въ своемъ родѣ несравненная, дивная картина, сердце мое сильно, учащенно забилося, какъ будто я очутился передъ произведеніемъ величайшаго художественнаго генія. Столько было воздуха, столько шири, простора въ этой картинѣ...

Наступалъ вечеръ. Солнце уже закатывалось, и красноватые лучи его сверкающими бликами, искрясь, догорали на крышахъ высокихъ зданій, на церковныхъ куполахъ и шпиляхъ колоколенъ. Внизу, въ видѣ дымки, лежали синеватые вечернія тѣни, легкія, полупрозрачныя, не скрывавшія, но лишь смягчавшія контуры предметовъ. А туманная даль, замыкавшая эту панораму, была еще пронизана золотисто-розовымъ сіяніемъ...

Такія картины не забываются во всю жизнь, и я не позабылъ ея...

Вмѣстѣ съ царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ Москва исчезаетъ съ перваго мѣста, какое занимала она въ жизни и на страницахъ исторіи Московскаго государства, и уступаетъ это мѣсто «Питербурху» — городку, появившемуся на финскихъ болотахъ. Но тѣни и образы прошлаго—образы, все болѣе мрачныя — все еще витають, какъ призраки, надъ Москвой. Здѣсь, какъ говорится, каждый камень напоминаетъ о какомъ-нибудь событіи изъ жизни русскаго народа...

«Здѣсь Грозный жилъ, то каялся и кланялся на площади народу, то, какъ лютый звѣрь, жестоко свирѣпствовалъ съ своими любимцами-опричниками, съ Малютой Скуратовымъ, княземъ Вяземскимъ и Басмановыми, и заливалъ Москву кровью... Здѣсь его набожный сыщъ, Θεодоръ, «царскіе чертоги преобразилъ въ монашескую келью» и «на престолѣ въздыхалъ о мирномъ житіи молчальника»... Здѣсь же, послѣ его смерти, царствовалъ человекъ изъ татарскаго рода, Борисъ Годуновъ, умный, честолюбивый, подозрительный, постоянно окруженный толпой наушниковъ-доносчиковъ... Здѣсь, подъ именемъ Димитрія, недолго царствовалъ загадочный самозванецъ, трагически кончившій свою жизнь. Во дни междоцарствія здѣсь хозяйничали поляки, собирались сажать на московскій престолъ своего Владислава... Здѣсь, во время малолѣтства Петра, происходили стрѣлецкія смуты, убійства и всякіе ужасы; здѣсь же Петръ сотнями казнилъ стрѣльцовъ... Что посказали бы намъ, если бы могли заговорить, всѣ эти кремлевскія палаты, всѣ эти башни, всѣ эти стѣны, кустами поросшія, наконецъ, Лобное мѣсто... Здѣсь же, съ высотъ Кремля, около ста лѣтъ тому назадъ, властелинъ всей Европы, Наполеонъ, съ затаеннымъ страхомъ, смущаемый недобрыми предчувствіями, смотрѣлъ на огненное море, бушевавшее вокругъ него по Москвѣ»...

Съ такими думами и воспоминаніями ходилъ я по московскому Кремлю.

На другой день поутру мы опять отправились бродить по Москвѣ. Храмъ Спасителя тогда еще строился. Домъ Кокорева, также заставленный еще лѣсами, своими громадными

размѣрами походилъ на дворецъ. Прошли мы по нѣсколькимъ бульварамъ, побывали на Кузнецкомъ Мосту, на Тверской. На улицѣ было спокойно, тихо, лѣнливо тащились извозчики, брели пѣшеходы...

Послѣ ранняго обѣда мы поѣхали на Николаевскій вокзалъ. Здѣсь мы встрѣтили своего земляка-студента, также направлявшагося въ Петербургъ. Онъ возвращался съ береговъ Дона, гдѣ былъ «на урокахъ» у Иловайскихъ, очень богатыхъ помѣщиковъ, и, помню, много рассказывалъ о томъ, какъ онъ весело провелъ лѣто, восхищался прелестями мало-россійской природы и съ восторгомъ, яркими красками, описывалъ намъ «тихий, синій» Донъ, вишневые садочки, бѣлыя хаты...

Мы взяли билеты третьяго класса и забрались въ вагонъ. Помнится, что билетъ отъ Москвы до Петербурга тогда стоилъ 4 рубля или 4 съ полтиной; вагоны были темнѣе и меньше нынѣшнихъ, и пассажирскій поѣздъ между Москвой и Петербургомъ ходилъ гораздо медленнѣе (около сутокъ).

Я въ первый разъ ѣхалъ «по чугункѣ», и эта ѣзда, послѣ черепашняго хода вологодскаго дилижанса, показалась мнѣ чрезвычайно быстрою. Я высунулся изъ окна, смотрѣлъ на убѣгавшія окрестности и думалъ... Думалъ я о томъ: какая сила, какая мощь въ человѣческомъ умѣ... «Нашъ вѣкъ, — думалъ я, — блестящій вѣкъ! Не разсвѣтъ ли онъ того времени, когда человѣкъ твердою ногою станетъ въ природѣ и начнетъ по произволу управлять тѣми ея силами, которыя нѣкогда наводили ужасъ и подавали поводъ къ созданію всякихъ нелѣпныхъ басенъ и сказокъ. Человѣчество идетъ изъ мрака къ свѣту. Говорятъ, что человѣкъ гордится... Да и есть чѣмъ ему гордиться!.. Но что значитъ все, совершенное имъ до сего времени, въ сравненіи съ тѣмъ, что впереди! Нельзя даже и загадывать, до чего дойдетъ человѣкъ своимъ пытливымъ умомъ... Все, что нынѣ сдѣлано, почти ничто передъ тѣмъ великимъ зданіемъ, которому суждено создаться: для него еще только мѣсто расчищается... Какая блестящая, лучезарная будущность раскрывается для

человѣчества въ перспективѣ грядущихъ вѣковъ! Какое богатое, безграничное поприще для дѣятельности вѣчно работающаго человѣческаго ума!..»

Паровозъ между тѣмъ все несся и несся впередъ. Лѣса, луга, поля, деревни, рѣки, мосты, желѣзнодорожные домики-сторожки мелькали, убѣгая назадъ. Паровозъ свистить, ухааетъ, и отголоски далеко разносятся по лѣсу... Летить нашъ поѣздъ по болотамъ, по высокимъ насыпямъ, по краю глубокаго оврага, грохочетъ по мосту, лязгаетъ желѣзными цѣпями, а паровозъ тяжело пыхтитъ, и словно дышитъ, какъ живое, чувствующее существо.

Стемнѣло. Я все еще глядѣлъ въ раскрытое окно. Сырой вечерній воздухъ сильно билъ мнѣ въ лицо, и лицо горѣло, но мнѣ было весело... Меня порой обдавало дымомъ изъ паровоза, то запахъ лѣса или полей доносился до меня, напоминая мнѣ родныя поля и въ то же время напоминая мнѣ о томъ, что тѣ знакомыя поля уже далеко, что я все болѣе и болѣе удаляюсь отъ нихъ. Клубы бѣлаго пара, разрываясь, летѣли по сторонамъ дороги, словно ключья ваты, разстилаясь межъ кустами и какъ бы цѣпляясь за нихъ. Въ синеватомъ сумракѣ было видно, какъ летѣли искры, летѣли и гасли...

Ночью мы кое-какъ поспали, примостившись на коротенькихъ лавкахъ. А днемъ я опять не отрывался отъ окна. Мнѣ хотѣлось насмотрѣться на открытый горизонтъ, — скоро онъ долженъ былъ скрыться отъ меня за стѣнами большого города.

Вечеромъ 8 сентября мы подъѣзжали къ Петербургу.

На горизонтѣ, въ синеватой дали, разостлалась длинная бѣлая полоса, а надъ нею тяжело нависли сѣрыя облака дыма или тумана, — разобрать было невозможно. Наконецъ, высоко, изъ-за сѣрой мглы, облежавшей городъ, что-то блеснуло, словно загорѣлась яркая звѣзда... Товарищи мнѣ объяснили, что то былъ куполь Исакіевскаго собора. Смотря на громадный городъ, затканый туманомъ, я съ юношескимъ увлеченіемъ повторялъ про себя слова моего любимаго поэта:

„Въ стѣнахъ твоихъ
И есть и были въ стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могилъ нѣмыхъ
Найдутся громкія могилы“...

Поѣздъ убавилъ ходъ; протяжно, жалобно засвистѣлъ паровозъ. По сторонамъ потянулись пустые вагоны, склады дровъ, какіе-то сараи, кирпичныя зданія, въ родѣ казармъ. Поѣздъ шелъ все тише, тише... Вдругъ въ вагонахъ стало темно, и поѣздъ остановился. Мы въ Петербургѣ Сердце мое такъ и ёкнуло... Мнѣ стало и жутко и радостно...

V.

Въ вагонѣ поднялась суматоха, возня, — всѣ торопились, тащили свои вещи, кто чемоданъ, кто саквояжъ, а иной, какъ верблюдъ, нагружился узлами и мѣшками. На подъѣздѣ меня оглушилъ стукъ экипажей, шумъ, галдѣнье и крики извозчиковъ. А вдали уже слышался глухой гулъ и грохотъ большого города. Кое-какъ мы пробились черезъ толпу, наняли извозчиковъ и поѣхали по какой-то великолѣпной улицѣ, блестящей зеркальными окнами, роскошными магазинами. Эта улица (Невскій проспектъ) мнѣ показалась чрезвычайно широкой и длинной-длинной, конца ей было не видно...

Извозчики привезли насъ на Исакиевскую площадь, въ меблированныя комнаты какого-то Ивана Ивановича. Этихъ комнатъ мнѣ теперь ни за что не найти, да ихъ, можетъ-быть, уже давно и нѣтъ тамъ.

Напившись чаю и наскоро переодѣвшись, товарищи мои разбрелись, и я остался одинъ въ номерѣ. Я раскрылъ окно и сѣлъ на широкій подоконникъ...

Прямо передо мной возвышалась величественная, мрачная громада Исакиевского собора, далѣе виднѣлась какая-то пустынная площадь, — съ одной стороны ея шли большія зданія, а тамъ, въ дальнемъ концѣ площади, я увидалъ

уже знакомый мнѣ по гравюрамъ памятникъ Петра... Вонъ онъ, Мѣдный Всадникъ! Простерши руку, скачетъ онъ на своемъ мѣдномъ конѣ... А даль за Мѣднымъ Всадникомъ была задернута мглой вечернихъ сумерекъ.

Наша комната находилась въ четвертомъ этажѣ, и я, высунувшись изъ окна, сталъ наблюдать совершенно новую для меня картину уличной жизни большого города. По случаю праздника было большое оживленіе... Толпы гуляющей публики двигались по тротуарамъ, ѣхали извозчики — «ваньки», мчались «лихачи», катились блестящіе щегольскіе экипажи; откуда-то доносились звуки духовой музыки, гдѣ-то близко, во дворѣ, наигрывала шарманка...

Но вдругъ до меня донесся вѣтерокъ, — очевидно, откуда-то изъ-за города, — и на меня пахнуло свѣжимъ запахомъ полей... И опять вспомнилъ я покинутый родной домъ, знакомыя поля, лѣса, сѣрныя, убогія деревушки, и изъ этого шумнаго, чуждаго мнѣ города я унесся мысленно туда, въ глубину Россіи, гдѣ «вѣковая тишина», гдѣ «лишь вѣтеръ не даетъ покою вершинамъ придорожныхъ ивъ, и выгибаются дугою, цѣлуясь съ матерью-землею, колосья безконечныхъ нивъ»...

Вечернія тѣни сгущались. На улицѣ въ синеватомъ сумракѣ замерцали огни газовыхъ фонарей. Въ темно-синемъ небѣ сверкали звѣзды... «Вотъ онъ, Петербургъ, — со вздохомъ подумалъ я, — вотъ тотъ городъ, куда я такъ страстно стремился, о которомъ я уже давно грезилъ во снѣ и наяву. Что-то дастъ онъ мнѣ!..» Посмотрѣлъ я на потемнѣвшій городъ, на темное ночное небо, на мерцавшія звѣзды, и почувствовалъ я себя одинокимъ, страшно одинокимъ. Всѣ для меня здѣсь чужіе, и я всѣмъ чужой, — никому до меня дѣла нѣтъ. Мнѣ стало страшно. Этотъ большой, великолѣпный городъ, на который я только что любовался, сталъ пугать меня. Почему я знаю, что ждетъ меня здѣсь. Мало ли здѣсь гибнетъ народу! И я почувствовалъ себя песчинкой, попавшей въ водоворотъ... Вотъ-вотъ меня подхватитъ, закружитъ и унесетъ Богъ вѣсть куда... Знаній у меня мало,

денегъ — лишь нѣсколько рублей въ карманѣ, ни родныхъ ни знакомыхъ, кромѣ пяти-шести земляковъ, такихъ же юношей, какъ я, и такихъ же бѣдняковъ. Чѣмъ я буду жить? Уроками, переводами? Но гдѣ они?.. Объ обществахъ вспомошествованія нуждающимся студентамъ, о студенческихъ кассахъ тогда еще и помину не было, — живи и пробивайся самъ, какъ знаешь... Тяжело стало у меня на душѣ, словно вмѣстѣ съ ночнымъ мракомъ, темные страхи напали на меня.

Припомнились мнѣ слова поэта, и я мысленно сказалъ, обращаясь къ самому себѣ: «Пройдутъ года, жизнь забьетъ тебя, истреплетъ, вымотаетъ изъ тебя всѣ лучшія силы, и ты, можетъ-быть, когда-нибудь

„Въ глухую полночь, безпріютный,
По стогнамъ города пойдешь:
Громадный, стройный и суровый,
Заснувъ подъ тучею свинцовой,
Тогда предстанетъ онъ инымъ,
И опоясанный гробами,
Своими пышными дворцами,
Величьемъ царственнымъ своимъ —
Не будетъ радовать. Невольно
Припомнишь бѣдный городокъ,
Гдѣ солнца каждому довольно“...

Я закрылъ окно, зажегъ свѣчу и долго еще сидѣлъ одинъ со своими грустными думами, со своими страхами и смутными надеждами: товарищи мои возвратились поздно — уже въ первомъ часу ночи.

Утромъ я чувствовалъ себя бодрѣе, вчерашнія мрачныя впечатлѣнія, навѣянные на меня одиночествомъ, ступшевались при свѣтѣ дня. Мы отправились на Васильевскій островъ искать квартиру, т.-е. такую большую комнату, гдѣ мы могли бы помѣститься впятеромъ (забылъ я сказать, что одинъ изъ моихъ четырехъ спутниковъ, отправившихся изъ Вологды, остался на нѣсколько дней погостить въ Москвѣ у своего дяди, архимандрита Чудова монастыря). Мы долго странствовали, пообѣдали въ какой-то греческой кухмистерской, въ

которой мы не нашли ни одного греческаго кушанья и не видѣли ни одного грека, и, наконецъ, напали на подходящую комнату — на углу 5 линіи и Большаго проспекта— въ большомъ домѣ съ садомъ, гдѣ разрѣшалось прогуливаться въ извѣстные часы.

Мы наняли комнату въ квартирѣ очень доброй, почтенной старушки, Елены Андреевны Дашковской, и въ тотъ же день уѣхали отъ «Ивана Иваныча». Вечеромъ мы справили новоселье — за чайнымъ столомъ перепѣли почти всѣ студенческія пѣсни, начиная съ «Gaudeamus igitur» и до «Братья, друзья, собирайтесь сюда»...

На слѣдующій день съ утра мои товарищи отправились «въ городъ», т.-е. за Неву, а я, написавъ прошеніе и захвативъ нужные документы, пошелъ искать университетъ. Товарищи мнѣ только сказали, что университетъ — на набережной, близъ Академіи Наукъ. Я спрашивалъ прохожихъ, какъ мнѣ пройти къ университету, и мнѣ указывали дорогу. Вскорѣ я очутился на какой-то пустынной площади, вымощенной булыжникомъ; посреди площади стояла высокая гранитная колонна. Это была Румянцевская площадь и памятникъ Румянцеву-Задунайскому; теперь на этой площади прекрасный тѣнистый скверъ. А въ то время — 40 лѣтъ тому назадъ, — зимой, идя въ университетъ, когда бывалъ густой туманъ, мы не разъ блуждали по этой площади, не всегда вѣрно угадывая то направленіе, по которому намъ слѣдовало итти.

Наконецъ я вышелъ на набережную, и по ту сторону рѣки опять поднялась передо мною темная громада Исакиевскаго собора (высота котораго, какъ я узналъ впослѣдствіи, 47 сажень). Идя по набережной, я увидалъ длинное зданіе и, уже проходя его, замѣтилъ высокò на стѣнѣ, надъ подъѣздомъ, какую-то надпись золотыми буквами по черному фону. Я немного близорукъ, и, чтобы прочесть надпись, я подошелъ поближе и убѣдился, что это было именно то, что я искалъ: «Императорскій С.-Петербургскій университетъ»...

Не безъ робости поднялся я на подъѣздъ и растворилъ тяжелую, массивную дверь, съ чувствомъ, похожимъ на то, какъ будто бы я входилъ въ какой-то храмъ. Я очутился въ большой, высокой, свѣтлой передней. Прямо передо мной поднималась вверхъ широкая каменная лѣстница, и надъ первой же площадкой ея я увидалъ на стѣнѣ большіе круглыя часы. Вправо тянулся коридоръ съ длиннымъ рядомъ вѣшалокъ. Студенты ходили группами и поодионокъ по коридору, по передней; одни поднимались на лѣстницу, другіе спускались съ нея, и голоса ихъ какъ-то странно, глухо звучали... Студенты представляли удивительную смѣсь «одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній». Ни одного не было въ форменномъ студенческомъ сюртукѣ. Встрѣчались шикарно одѣтые и одѣтые совсѣмъ бѣдно. Иные были въ сюртукахъ, въ пиджакахъ, въ венгеркахъ; иные въ русскихъ рубахахъ — въ красныхъ, розовыхъ, голубыхъ, желтыхъ, бѣлыхъ; иные въ малороссійскихъ рубахахъ, расшитыхъ разноцвѣтными узорами; у иныхъ брюки были заправлены въ сапоги; жители Кавказа ходили въ своемъ національномъ костюмѣ.

У всѣхъ лица были молодыя, оживленныя, славныя лица... Я смотрѣлъ на студентовъ, и сердце мое радовалось. Въ средѣ ихъ, можетъ-быть, я найду друзей, во всякомъ случаѣ добрыхъ товарищей. Эти молодые люди внушали мнѣ довѣріе, я уже любилъ ихъ, и, если бы не боязнь показаться страннымъ, каждому изъ нихъ я по-братски, крѣпко пожалъ бы руку, — и русскому, и поляку, и еврею, и грузину... Какъ въ храмѣ предъ Божествомъ, такъ и въ университетѣ передъ наукой всѣ должны быть равны.

Направо, у окна, за столомъ сидѣлъ швейцарь, старикъ почтеннаго вида, знаменитый Савельичъ, живая лѣтопись университета, любившій студентовъ, помогавшій имъ, стоявшій за нихъ горой... Во время волненій онъ поднимался наверхъ и усовѣщивалъ студентовъ. Патріархальныя были времена... И — удивительное дѣло! — студенты охотнѣе, терпѣливѣе выслушивали простыя рѣчи стараго Савельича,

чѣмъ увѣщанія субъ-инспекторовъ... Передъ Савельичемъ на столѣ лежала куча писемъ, и студенты подбѣгали и торопливо спрашивали старика: «На мое имя нѣтъ?» Если письмо было, то Савельичъ подавалъ его, молча; если же письма не было на имя того, кто спрашивалъ, то старикъ говорилъ: «Еще пишутъ!..»

Савельичъ указалъ мнѣ, какъ пройти въ канцелярію. Тамъ, при входѣ моемъ, среди комнаты стоялъ какой-то высокій старикъ, а неподалеку отъ него, за столомъ виднѣлся черненькій господинъ, и по его почтительной позѣ я догадался, что высокій старикъ, должно-быть, какая-нибудь важная особа. Я въ смущеніи вертѣлъ бумагу, не зная, къ кому же мнѣ обратиться. «Вѣроятно, къ черненькому!» подумалъ я и хотѣлъ было уже подойти къ нему, какъ вдругъ старикъ обратился ко мнѣ.

— Вы... съ прошеніемъ? — спросилъ онъ, протягивая руку.

Я сказалъ «да» и подаль ему прошеніе и документы.

— А-а! Изъ Вологды... — пробормоталъ старикъ и, какъ мнѣ показалось, довольно благосклонно посмотрѣлъ на меня изъ-подъ своихъ густыхъ, косматыхъ бровей.

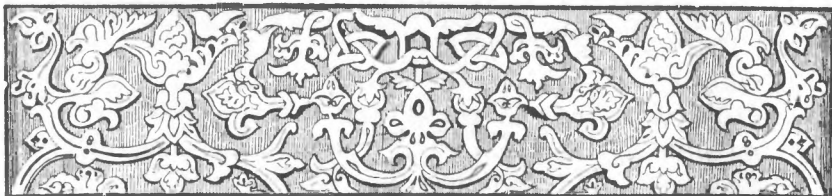
Онъ, молча, протянулъ мое прошеніе черненькому господину; тотъ быстро подошелъ къ нему и взялъ у него мои бумаги. Этотъ высокій старикъ, какъ я вскорѣ узналъ, былъ тогдашній ректоръ Петербургскаго университета, извѣстный ученый Ленцъ, по учебнику котораго въ то время въ гимназіяхъ преподавалась физика.

Мнѣ тотчасъ же былъ выданъ билетъ на посѣщеніе лекцій.

Итакъ, я былъ, наконецъ, въ университетѣ, — мечта моя сбылась...

О томъ, какъ я жилъ далѣе въ Петербургѣ, что было со мной въ университетѣ и почему мнѣ пришлось покинуть его, я, можетъ-быть, расскажу когда-нибудь послѣ...





Въ университетѣ.

8 сентября 1863 г. я пріѣхалъ въ Петербургъ изъ далекой, глухой провинціи для поступленія въ университетъ. Пріѣхалъ я съ нѣсколькими товарищами-земляками, которые уже годъ передъ тѣмъ пробыли въ Петербургѣ. Среди нихъ я былъ одинъ новичокъ.

Мы сообща наняли комнату на Васильевскомъ островѣ и живо устроились на новосельѣ.

Помню: окна нашей комнаты выходили въ садъ, примыкавшій къ оградѣ церкви Андрея Первозваннаго. Въ томъ же домѣ, гдѣ мы поселились, былъ женскій пансіонъ, и въ послѣобѣденное время, въ хорошую погоду, пансіонерки гуляли въ саду. Въ остальное же время дня и вечеромъ всѣ жильцы дома могли пользоваться садомъ. Мы ходили въ садъ кратчайшимъ путемъ, прыгая изъ окна. (Комната наша находилась въ нижнемъ этажѣ, и окна были очень невысоко отъ земли.)

Устроившись на новосельѣ, я на другой же день отправился искать университетъ. Конечно, я скоро нашелъ его, прошелъ въ канцелярію, гдѣ и подалъ прошеніе...

На первомъ курсѣ нашего (юридическаго) факультета должны были читать лекціи: П. Рѣдкинъ — по энциклопедіи политическихъ и юридическихъ наукъ; по всеобщей исторіи — Бауэръ, незадолго передъ тѣмъ возвратившійся изъ-за границы, красивый, молодой человекъ; Горловъ—по

политической экономіи; Андреевскій — по исторіи русскаго права; Дорнъ — римское право; Воскресенскій — государственное право; священникъ Полисадовъ — богословіе.

Лекціи начались въ половинѣ сентября.

На нашемъ факультетѣ первая лекція была по энциклопедіи политическихъ и юридическихъ наукъ. Еще задолго до прихода профессора наша большая аудитория амфитеатромъ была полнымъ-полна слушателями. Кромѣ юристовъ, пришли слушать первую лекцію П. Рѣдкина и студенты историко-филологическаго факультета и «естественники» (слушатели естественно-математическаго факультета).

Наконецъ дверь растворилась, и сопровождаемый и окруженный толпой студентовъ показался старикъ, средняго роста, довольно коренастаго сложенія, съ сѣдыми, гладко остриженными волосами, съ красноватымъ морщинистымъ лицомъ и съ космами густыхъ бровей, нависшихъ надъ глазами. Мы съ живѣйшимъ интересомъ смотрѣли на этого старика. Мы уже знали, что это былъ философъ, ученикъ Гегеля, человекъ громадной эрудиціи и человекъ свободомыслящій...

Взойдя на кафедру, онъ медленно обвелъ глазами аудиторию, провелъ рукой по гладко выстриженнымъ волосамъ и заговорилъ нѣсколько хриплымъ голосомъ, но громко и отчетливо. «Милостивые государи!» — началъ онъ, и затѣмъ рѣчь его полилась ровно, гладко, красиво. Лекція его была богата содержаніемъ; она была многими записана.

По окончаніи лекціи Рѣдкинъ быстро повернулся и сталъ сходить съ кафедры. Громъ аплодисментовъ и восторженные крики раздались въ аудиториі. Профессоръ приостановился, быстро опять поднялся на кафедру и поднялъ руку, приглашая насъ къ молчанію. Все смолкло.

— Господа! — взволнованнымъ тономъ заговорилъ Рѣдкинъ, опершись обѣими руками на край кафедры. — Если бы я сказалъ, что ваши рукоплесканія мнѣ непріятны, или что я не придаю имъ значенія, я сказалъ бы неправду. Нѣтъ, я ихъ высоко цѣню... Я тронуть, господа, вашимъ

пріемомъ... Это знакъ, что между вами и мною образуется моральная связь... Но я долженъ напомнить вамъ, что нашими университетскими правилами выраженіе порицанія и одобренія воспрещены...

Затѣмъ профессоръ поклонился и на этотъ разъ уже рѣшительно направился къ выходу. И еще болѣе неистовый, еще болѣе оглушительный взрывъ аплодисментовъ и восторженные крики проводили Рѣдкина изъ аудиторіи и неслись за нимъ по коридору. Кричали: «Браво! Спасибо, профессоръ! Браво!»

Дѣйствительно, послѣ этой первой лекціи Рѣдкина мы были въ какомъ-то экстазѣ...

О профессорѣ П. Рѣдкинѣ я сохранилъ еще одно воспоминаніе, не касающееся университета, и въ этомъ воспоминаніи профессоръ является уже совершенно въ иномъ освѣщеніи, при другой обстановкѣ...

Однажды лѣтомъ въ 1864 г. я проходилъ по одной изъ дачныхъ петербургскихъ мѣстностей, — кажется, по Аптекарскому острову. Въ саду, прилегавшемъ къ одной изъ дачъ, я увидѣлъ профессора Рѣдкина. На этотъ разъ нашъ философъ, въ сѣромъ лѣтнемъ костюмѣ, преусердно каталъ въ колясочкѣ какого-то маленькаго дитятю и, изображая изъ себя лошадку, быстро бѣгалъ по дорожкамъ сада. А дитя весело смѣялось...

Почтенный профессоръ давно уже умеръ.

Теперь я самъ уже старикъ... И вспоминая прошлое, пробѣгая мысленно длинный рядъ минувшихъ лѣтъ, вспоминая своихъ учителей, я долженъ сказать, что П. Рѣдкинъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ профессоровъ, которые заставляли усиленно работать мою мысль и подъ вліяніемъ которыхъ раздвинулись мои умственные горизонты...





Вакаціи 1864 года.

Послѣ окончаніи лекцій въ университетѣ я не могъ, вслѣдствіе безденежья, тотчасъ же уѣхать домой. Лишь въ концѣ іюня мнѣ удалось выбраться изъ Петербурга. Эти мои первыя студенческія вакаціи были омрачены для меня пережитыми въ то лѣто грустными, тяжелыми впечатлѣніями...

« Не длиненъ и не новъ разсказъ »...

Въ Ѳоминскомъ, въ семействѣ моего дяди, Алекс. Засѣпкаго, жила племянница его жены, молодая дѣвушка, баронесса Любовь Васильевна фонъ-Плотто. Она была предметомъ моей первой, юношеской любви, — любви чистой, ясной, какъ зарождающаяся заря яснаго весенняго дня.

Когда я впервые увидалъ ее, мнѣ было 17 лѣтъ, а она была годомъ старше меня. Ранѣе я уже видалъ молодыхъ дѣвушекъ красивѣе ея, но въ Любѣ была для меня какая-то особенная привлекательность, — ее я не могъ бы выразить словами. Если бы я вѣрилъ въ сказочныя чары, то, право, подумалъ бы, что Люба околдовала меня. Но тогда колдовала не она, а моя юность...

Блондинка, довольно высокаго роста, стройная, съ роскошными, бѣлокурыми волосами, хрупкое, нѣжное созданіе, — такую запомнилась она мнѣ.

Я былъ счастливъ, когда лѣтнею порой мнѣ удавалось зайти съ Любой въ дальній, заглохнѣй уголокъ, въ старую бесѣдку изъ акацій.

Тутъ мы сиживали и въ тѣ часы, когда садъ подъ горячими, полуденными лучами, казалось, погружался въ истому и нѣгу, и развѣсистыя, вѣковыя деревья, какъ въ сказочномъ спящемъ царствѣ, стояли неподвижно, не шелохнувъ листвою, и словно замирали подъ голубыми, сіяющими небесами... Подъ пѣнье и щебетанье птицъ вели мы тихую бесѣду... Сиживали мы въ этой бесѣдкѣ и позднимъ росистымъ вечеромъ, когда серебристый мѣсяцъ свѣтилъ изъ-за темной листвы, обдавая насъ своимъ мечтательнымъ, блѣднымъ сіяніемъ и блестящими бликами падая на песчаный полъ бесѣдки, позаросшія травой. Темно было вокругъ насъ въ чащахъ сада и тихо-тихо...

Эта старая бесѣдка изъ акацій съ обвалившимся дерновымъ диваномъ была для меня въ ту пору земнымъ раемъ.

Я говорилъ о своей любви, говорилъ все, что подсказывало мнѣ наивное юношеское чувство. Дѣвушка, казалось, съ удовольствіемъ прислушивалась къ моему любовному бреду и, прислонившись къ дерновой спинкѣ дивана и полужакрывъ глаза, какъ бы въ дремотѣ, спокойно и довѣрчиво порой взглядывала на меня изъ-подъ своихъ густыхъ и длинныхъ рѣсницъ...

И возвратившись въ свою комнату, я еще подолгу мечталъ. Помню: на стѣнахъ той комнаты, которую я занималъ, бывая въ Ѳоминскомъ, висѣлъ рядъ старинныхъ гравюръ въ золоченыхъ рамкахъ, и между ними была Гретхенъ съ прялкой. На эту Гретхенъ я часто и подолгу засматривался и засыпалъ иногда, смотря на нее. Въ Любѣ я находилъ сходство съ Гретхенъ старинной гравюры...

Въ Петербургѣ, въ концѣ зимы, до меня дошли слухи, что Люба заболѣла, что ее возили въ Москву къ докторамъ, что возвратилась она въ деревню уже совсѣмъ больной... Приѣхавъ домой и пробывъ нѣсколько дней со своими милыми старичками, я отправился въ Ѳоминское.

Завидѣвъ издали тѣнистый садъ, знакомыя аллеи, знакомыя старыя березы (на ихъ бѣлыхъ стволахъ было не мало вырѣзано мною перочиннымъ ножомъ всякихъ инициаловъ

и цифрѣ), завидѣвъ издали старый домъ, я почувствовалъ, какъ мое сердце учащенно забилося подъ вѣяніемъ нахлынувшихъ на меня воспоминаній... Вотъ обдало меня и знакомымъ запахомъ тополей...

Я нашель Любу... нѣтъ! я нашель не Любу, но призракъ, тѣнь ея...

При входѣ моемъ въ комнату Люба — худенькая, блѣдная — сидѣла въ большомъ, мягкомъ креслѣ у окна и, пригорюнившись, смотрѣла въ садъ, на его деревья, покрытыя свѣжею листвою... Я почувствовалъ, что на глаза мои набѣгаютъ слезы, но постарался сдержать ихъ. Грустное то было свиданіе...

Повидимому, Люба была рада мнѣ, немного оживилась, усадила меня рядомъ съ собой и слабымъ, тихимъ голосомъ, прерываемымъ кашлемъ, стала спрашивать меня о Петербургѣ, объ университетѣ, о томъ, какъ я жилъ зиму, были ли у меня знакомые семейные дома. И опять, какъ въ былые, хорошіе дни, начались у насъ долгія, тихія бесѣды.

Въ эту печальную пору, когда Люба доживала свои послѣдніе дни, я, по своей наивности, опять принялся мечтать и мечталъ упорно, назло дѣйствительности... «Люба выздоровѣетъ, — думалъ я. — Конечно, выздоровѣетъ... не можетъ же она умереть такая молодая... Я той порой кончу курсъ въ университетѣ»... А далѣе уже волновался какой-то золотистый туманъ, затканый алыми розами. Иногда я мечталъ вслухъ, а больная, слушая меня, только грустно улыбалась... Можетъ-быть, въ тѣ минуты она думала про себя: «Добрый мальчикъ... глупый мальчикъ!»

Я думалъ и говорилъ ей о будущемъ, а для Любы уже не было его... Не для нея — солнечный свѣтъ и тепло, не для нея — надежды, мечты и радости жизни.

Иногда ея кресло выкатывали въ садъ, и тутъ сидѣла она, въ тѣни душистыхъ липъ, вдыхая аромать цвѣтовъ, но вздохнуть глубоко, полной грудью, она, бѣдняжка, уже не могла... Ея легкія отказывались служить...

Такъ однажды сидѣла она и съ тоскливой, скорбной думой смотрѣла на старый садъ, залитый свѣтомъ и блескомъ роскошнаго лѣтняго дня. Вдругъ она слегка выпрямилась въ креслѣ и протянула руку.

— Смотри... Что жъ это такое?.. — заговорила она тревожно.—Вѣдь теперь же лѣто, июль мѣсяць... Отчего же тамъ желтые листочки на липѣ? Вонъ, видишь? Вонъ! — указывала она своею блѣдной, прозрачной рукой.—Вѣдь осень еще не скоро... Сорви же ихъ, пожалуйста! Сорви!

Взглянувъ по тому направленію, куда указывала Люба, я, дѣйствительно, увидалъ изъ-за зелени на одной изъ липъ нѣсколько преждевременно пожелтѣвшихъ листьевъ. Больная, вѣроятно, уже чувствовала, что это ея послѣднее лѣто, что вмѣстѣ съ пожелтѣвшими листьями падеть и она. Люба уже чувствовала, что новой, свѣжей травы ей не мять, не срывать весеннихъ цвѣтовъ, не радоваться на сіяющее весеннее небо... Оттого-то не во-время пожелтѣвшій листъ такъ непріятно поразилъ ее и больно рѣзалъ ей глаза, какъ *memento mori*.

Я сорвалъ желтые листья и бросилъ ихъ подальше въ траву, съ глазъ долой. Когда я возвратился къ Любѣ, она горько плакала, закрывъ лицо рукой.

Конечно, она понимала, что если теперь еще можно обрывать тамъ и сямъ желтые листья, то черезъ мѣсяць — черезъ полтора рукъ не хватитъ для того, чтобы обрывать съ деревьевъ эти непріятные листья — предвѣстники осени, роковыя напоминанья о близкомъ и *неизбѣжномъ* концѣ. Кто же успѣетъ уничтожать ихъ, когда всѣ деревья и кусты, наконецъ, пожелтѣютъ и своимъ увядшимъ, желтымъ листомъ станутъ густо покрывать всѣ дорожки, устелютъ всю землю въ саду!..

Наступилъ августъ — и прошелъ августъ...

Почти весь конецъ этого мѣсяца я пробылъ въ Оминскомъ.

Больной становилось все хуже и хуже. Кажется, съ 23 августа она уже не вставала съ постели. 30 августа — па-

мятный день! — я часто заходилъ въ комнату больной. Но Люба почти не говорила, спрашивала лишь нѣсколько разъ: который часъ, лежала, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ и часто впадала въ забытѣе.

Наступила ночь — темная, ненастная.

Мнѣ не спалось. Безпокойно ворочался я на своей кушеткѣ и все къ чему-то прислушивался. Въ домѣ было тихо; за окномъ, въ саду вѣтеръ завывалъ. Было слышно, какъ порой на крышѣ скрипѣлъ желѣзный флюгеръ, и вѣтви тополя, росшаго передъ домомъ, хлестали въ окна моей комнаты.

Вдругъ изъ комнаты больной донесся жалобный крикъ: «Тетя, тетя!» и затѣмъ стонъ... Я приподнялся и прислушался. Опять наступило затишье. Сердце мое колотилось въ груди съ такой силой, какъ будто ежеминутно было готово разорваться... Вскорѣ поднялась ходьба, стукнули гдѣ-то дверью, кто-то вполголоса заговорилъ въ коридорѣ, ходили съ огнемъ, и черезъ дверную щель проникалъ въ мою комнату красноватый свѣтъ. Стоновъ уже не было слышно... Мнѣ какъ будто кто-то шепнулъ: «Умерла!» Лихорадочная дрожь пробѣжала по мнѣ. Я зажегъ спичку и посмотрѣлъ на часы; былъ уже второй часъ. Я продолжалъ лежать впотьмахъ, а въ воображеніи моемъ Люба, какъ живая, стояла передо мной — здоровая, цвѣтущая, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, какою я знавалъ ее въ лучшіе дни, и ея голубые глаза, такіе добрые, кроткіе, весело, довѣрчиво смотрѣли на меня...

Я всталъ, раскрылъ окно и выглянулъ въ садъ. Темно... Воздухъ холодень и сыръ. Припахиваетъ сырмъ, увядшимъ листомъ... Вѣтеръ проносится по вершинамъ липъ и осыпаетъ капли дождя съ ихъ полуобнаженныхъ вѣтвей...

Когда поутру я вышелъ изъ своей комнаты, всѣ зеркала были завѣшены бѣлымъ, дверь въ залу плотно притворена и оттуда глухо доносился хриплый монотонный голосъ дьячка.

Въ комнатахъ запахло ладаномъ. Служили панихиды...

Въ плачущее, ненастное утро 2 сентября, когда послѣдній желтый листъ слеталъ съ деревьевъ на мокрую, поблекшую траву и мелкій, осенній дождь сѣялся изъ сѣрыхъ облаковъ, низко нависшихъ надъ землею, мы отнесли Любу въ церковь.

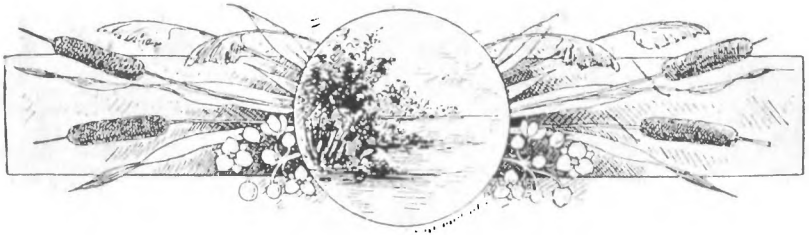
И здѣсь, уже въ концѣ обѣдни, солнечный лучъ, проскользнувъ изъ-за темныхъ облаковъ, словно на прощанье, обдалъ Любу на мгновенье своимъ золотистымъ сияньемъ...

По краямъ могилы посадили четыре маленькія рябины.

Послѣ того 2 сентября уже 43 раза весна во всемъ своемъ царственномъ величїи шествовала по землѣ, уже 43 раза желтѣли листья на деревьяхъ... Рябины уже давно выросли, стали большими, развѣсистыми деревьями, и теперь въ лѣтнюю пору, въ жаркій полуденный часъ, онѣ бросаютъ надъ могилой густую тѣнь...

Грустно закончились мои первыя студенческія вакаціи...





На охотѣ.

Никогда я не былъ страстнымъ охотникомъ, хотя временами брался за ружье. У меня былъ громадный, тяжелый Мортимеръ—нѣчто въ родѣ нынѣшняго пулемета; затѣмъ мнѣ удалось обмѣнять его на прекрасные стволы Беккера.

Но я уже давно не «охочусь» и по лѣсамъ и лугамъ хожу лишь съ толстой можжевелевой палкой.

Въ далекіе годы юности мнѣ пришлось волею судьбы года полтора прожить въ средѣ охотниковъ. А ужь извѣстно: съ волками жить—по-волчьи выть, и я сталъ входить во вкусъ охоты. Вмѣстѣ съ заправскими охотниками и я сталъ ходить на утокъ, на тягу вальдшнеповъ, за зайцами и лисицами...

— Впрочемъ, по чистой совѣсти могу утверждать, что на моей душѣ было не особенно много грѣховъ по части смертоубійства. Ужъ не знаю, почему,—оттого ли, что я былъ близорукъ, или оттого, что я слишкомъ волновался и горячился,—птицы и звѣри подъ грохотъ моихъ выстрѣловъ благополучно, съ большой рѣзвостью удалялись за предѣлы «досягаемости».

Товарищи мои по охотѣ лишь добродушно посмѣивались надо мной и терпѣли меня въ своей средѣ, какъ «неизбѣж-

ное зло», хотя, кажется, я иногда имъ очень мѣшалъ своими скоропалительными «выступленіями»...

Въ мишень я стрѣлялъ замѣчательно мѣтко, — разумѣется, на такомъ разстояніи, на какомъ мой глазъ могъ съ достаточной ясностью видѣть цѣль; очевидно, я умѣлъ и могъ хорошо стрѣлять, глазъ былъ вѣренъ и рука тверда... Но лишь только, бывало, увижу звѣря или птицу, такъ и растеряюсь, то выстрѣлю смаху, то начну цѣлиться и упущу моментъ.

Иногда мнѣ и самому становилось немножко досадно на звѣрей и птицъ за то, что они не давали мнѣ себя укокошить, но вообще эти неудачи меня не особенно печалили, такъ какъ настоящей охотничьей страсти у меня не было и въ поминѣ.

* * *

Въ то отдаленное время, о которомъ идетъ рѣчь, съ весны 1865 по осень 1866 г., я жилъ въ Саранскомъ уѣздѣ (Пензенск. г.), въ сельцѣ Михайловкѣ, въ семьѣ тамошняго почтеннаго помѣщика Ѳ. М. Ф—ва. Это была прекрасная семья. Старики, то-есть самъ Ѳед. Мих. и его жена, были люди гуманные, простые, радушные; молодежь — дружная, симпатичная.

Я жилъ въ Михайловкѣ въ качествѣ домашняго учителя: двухъ мальчиковъ я готовилъ для поступленія въ гимназію, а съ третьимъ — младшимъ — занимался первоначальнымъ обученіемъ. Кромѣ этихъ трехъ мальчугановъ, у Ф—выхъ были еще четыре сына: одинъ изъ нихъ уже кончилъ курсъ въ университетѣ и былъ женатъ, два были студентами Московскаго университета и одинъ изъ нихъ (медикъ) въ послѣдствіи пользовался большою извѣстностью не только въ Москвѣ, но и далеко за ея предѣлами. Четвертаго изъ старшихъ братьевъ Ф—выхъ, П. Ѳ., я зналъ меньше прочихъ.

Когда лѣтомъ молодежь съѣзжалась на вакаціи въ Михайловку, у насъ составлялась очень оживленная, веселая компанія, и старый михайловскій домъ словно оживалъ.

Хорошо мнѣ жилось въ Михайловкѣ. Воспоминаніе о Михайловкѣ и объ ея милыхъ обитателяхъ осталось однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній моей юности.

Даже вотъ теперь, когда я пишу эти строки, я словно вижу передъ собой довольно большой, но низкій, уже посѣрѣвшій отъ времени помѣщичій домъ, а за нимъ—садъ, за садомъ—маленькую рѣчушку, въ которой мы, молодежь, въ лѣтнія жары ухитрялись купаться. Съ одной стороны усадьбы были видны перелѣски, а съ другой—разстилалась степь. Помню даже комнаты—и до мельчайшихъ подробностей: вотъ моя свѣтелка въ два окна, выходившія на обширный дворъ, далѣе—бильярдная, столовая съ дверью на балконъ и въ садъ, гостиная—обычное мѣстопробываніе хозяйки дома...

Изъ охотъ, въ которыхъ я принималъ участіе или, вѣрнѣе, при которыхъ присутствовалъ въ качествѣ «благогороднаго свидѣтеля», мнѣ запомнилась особенно одна осенняя охота съ облавой, происходившая въ 8 или 10 верстахъ отъ Михайловки.

О ней-то я и хочу теперь рассказать.

* * *

Охотники ѣхали на долгушахъ, въ телѣжкахъ, верхомъ. Мнѣ дали какую-то высокую рыжую лошадь не первой молодости, которая мнѣ до чрезвычайности понравилась своимъ смирнымъ, терпѣливымъ нравомъ и ровной, покойной рысью.

Помню, была половина сентября. Въ воздухѣ летала паутина—признакъ продолжительной сухой осени. И дѣйствительно, въ тотъ годъ (1865) въ нашихъ мѣстахъ осень была прекрасная, теплая, съ изрѣдка перепадавшими дождями.

День выдался чудный, ясный, тихій,—ну, просто, волшебнo-дивный день, лучше котораго наша сѣверная осень не можетъ дарить намъ. Луга, лѣса, желтѣвшіе и краснѣвшіе увядающей листвою, зелена, отливавшія изумрудомъ,—однимъ словомъ, и земля и синее безоблачное небо, все было

залито яркимъ золотистымъ свѣтомъ сентябрьскаго солнца. То были прощальные лучи, прощальный привѣтъ, послѣдній горячій поцѣлуй солнца землѣ въ виду подступающихъ тумановъ и непогодъ.

Хотя солнце свѣтило ярко и пригрѣвало, но въ воздухѣ въ то же время пробѣгала какая-то свѣжая, прохладная струйка, такъ что намъ не было жарко. Эта струйка, Богъ вѣсть откуда взявшаяся, напоминала людямъ, что лѣто красное прошло, хотя солнце какъ будто и свѣтитъ по-лѣтнему и голубыя небеса по-лѣтнему сіяютъ...

Та часть лѣса, тотъ островъ, въ которомъ предполагалось побезпокоить лисицъ, зайцевъ и всякую иную живую тварь, представлялъ собой треугольникъ, выдавшійся отъ главной массы лѣса въ пѣхоти и въ луга. Охотники расположились по двумъ сторонамъ треугольника, а въ основаніи его протянулась цѣпь загонщиковъ и должна была, не спѣша, сходиться къ вершинѣ треугольника, гдѣ предполагался генеральный бой. ;

Я спѣшился, отдалъ своего рыжаго Якову, нашему молдцу-кучеру, и помѣстился вмѣстѣ съ Фед. Мих. Ф—вымъ. Противъ насъ стѣной поднималась опушка лѣса, окаймленного цо низу мѣстами густымъ кустарникомъ. Позади насъ разстилалась луговина, тамъ и сямъ также поросшая кустами.

Въ ожиданіи начала охоты мы усѣлись и закурили: я — папиросу, Ф—овъ — трубку (онъ безъ трубки жить не могъ).

Наконецъ издали послышались крики загонщиковъ. Мы насторожились. Ждали - ждали, но никакого звѣря не показалось изъ лѣсу, а на противоположной сторонѣ лѣса, между тѣмъ, уже послышались два-три выстрѣла. Ф—въ, соскучившись, взялся опять за трубку и сталъ набивать ее. Я держалъ ружье наготовѣ, чтобы открыть немедленно пальбу, лишь только покажется изъ лѣсу что-нибудь интересное...

Вдругъ изъ-за кустовъ мелькнула лисица и, не покидая опушки, остановилась на нѣсколько мгновеній прямо противъ насъ. Повидимому, хитрая кумушка чутко-чутко при-

слушивалась... Хвостъ опущенъ, мордочка ея обращена къ лѣсу, въ ту сторону, гдѣ раздавались крики загонщиковъ...

Получалась живая картина... Сіяющія голубыя небеса, лѣсъ въ своемъ пестромъ уборѣ, весь одѣтый «въ багрець и золото», весь залитый огнемъ сентябрьскаго солнца, и это неподвижное, граціозно стоявшее красивое животное, — все это такое яркое, такое блестящее являлось великолѣпнѣйшимъ апоѳеозомъ осени...

Картина была такъ хороша, что я не могъ рѣшиться выстрѣлить. Я, какъ зачарованный, стоялъ и любовался. Для меня эта сцена была самымъ эффектнымъ моментомъ всей охоты. Художникъ сказался во мнѣ и заставилъ замолчать мой неразвитый охотничій инстинктъ...

Ф—въ, закуривавшій трубку, конечно, бросилъ ее, увидавъ лисицу, но лисица ужъ шмыгнула за кустъ орѣшника, и Ф—овъ такъ лихо ударилъ въ орѣшникъ, что листья посыпались и полетѣли во всѣ стороны.

* * *

Впрочемъ, охота на тотъ разъ оказалась удачной. Охотники убили, помнится, 2—3 лисицъ, въ томъ числѣ, можетъ-быть, и ту, на которую я любовался, и много зайцевъ. Одну изъ лисицъ приторочили къ моему сѣдлу. И я такимъ образомъ съ чужимъ трофеемъ возвращался домой.

Синія сумерки полупрозрачной мглой уже закутывали дали, а на юго-западѣ, въ синемъ небѣ уже зажглась вечерняя звѣзда, когда мы подъѣзжали къ Михайловкѣ. Вотъ потянулись конопляники, огороды, мелькнули въ сторонѣ бѣлыя мазанки. Потянуло запахомъ жилья...

Вотъ въ окнахъ дома привѣтливо замерцали огни.

Насъ ждалъ обѣдъ — съ горячими малороссійскими сосисками или, вѣрнѣе, колбасками, съ бараньимъ бокомъ съ кашей и съ прочими прелестями...

Хотя я въ тотъ день никакими подвигами себя не прославилъ, но, тѣмъ не менѣе, за столомъ я все-таки чувствовалъ себя охотникомъ и даже съ видомъ знатока принималъ

участіе въ общемъ разговорѣ. Впрочемъ, юношѣ извинительно подурачиться...

Какъ все это далеко!..

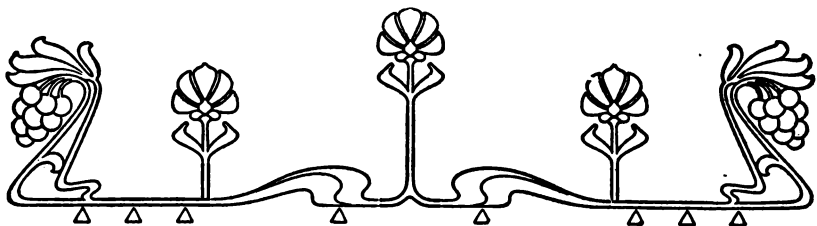
Когда я оглядываюсь на это далекое прошлое, мнѣ чудится, что я въ ту пору какъ будто жилъ совсѣмъ въ другой странѣ, подъ другимъ небомъ, и самъ былъ совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ я сталъ теперь...

Какъ все это далеко!..

«O wie liegt so weit, o wie liegt so weit,

Was mein einst war»...





Мои первые шаги на литературномъ поприщѣ.

Вышелъ на работу — на тернистое литературное поле — въ концѣ приснопамятныхъ и славныхъ 60-хъ годовъ, которые чернить и порочить впоследствии (въ 80-хъ и 90-хъ годахъ) считалось не только въ модѣ, но даже, прямо можно сказать, ставилось людьми «благомыслящими» въ особенную заслугу передъ отечествомъ.

Въ январѣ 1867 г., живя въ Москвѣ, я началъ писать мою первую повѣсть, и писалъ ее быстро, съ увлеченьемъ. Въ февралѣ я уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и кончилъ ее.

Тогда я совсѣмъ еще былъ незнакомъ съ журнальнымъ міромъ, не имѣлъ понятія о литературныхъ лагеряхъ и рѣшительно не зналъ, куда, въ какую редакцію нести мнѣ свою «Грѣшницу». Тѣ журналы, которыми я прежде зачитывался (еще будучи въ гимназіи), — «Русское Слово» и «Современникъ» — исчезли. Появились новые журналы: «Домашняя Библіотека», «Заря», «Всемирный Трудъ», «Дѣло»...

Въ библіотекѣ Черкесова я пересмотрѣлъ книжки этихъ журналовъ. «Дѣло» произвело на меня очень хорошее впечатлѣніе; уже самый девизъ этого журнала: «Знаніе есть сила», обратилъ на себя мое вниманіе. Въ одной изъ первыхъ же книжекъ журнала я нашелъ статью К. Фогта, прочиталъ

еще двѣ-три публицистическія статьи и съ удивленіемъ замѣтилъ, что эти статьи какимъ-то чудомъ напомнили мнѣ «Русское Слово»... Я тогда не зналъ, что «Дѣло» стало издаваться вмѣсто «Русск. Сл.», что редакторъ и сотрудники его тѣ же, что были въ «Русск. Словѣ».

Вопросъ былъ рѣшенъ... Въ началѣ марта я отнесъ мою «Грѣшницу» въ редакцію «Дѣла», которая на ту пору ютилась, какъ и подобало редакціи демократическаго органа, въ весьма невзрачномъ помѣщеніи — гдѣ-то около собора Владимирской Божіей Матери. 24 марта въ пріемные часы (отъ 4 до 6) я отправился за отвѣтомъ.

Ник. Ив. Шульгинъ, бывшій въ то время официальнымъ редакторомъ журнала, принялъ меня очень любезно и сказалъ, что повѣсть моя будетъ напечатана — только, вѣроятно, не раньше, какъ въ слѣдующемъ году. Впослѣдствіи, ближе познакомившись съ Шульгинымъ, я узналъ его нѣкоторыя слабыя стороны; но какъ бы то ни было, его мягкое, простое обращеніе, его нѣсколько ласковыхъ, ободряющихъ словъ и его симпатичная наружность произвели на меня такое отрадное впечатлѣніе, что я и понынѣ о Н. И. Шульгинѣ вспоминаю съ удовольствіемъ, какъ о добромъ человѣкѣ.

Послѣ того прошло уже почти 40 лѣтъ, но я и теперь живо помню, въ какомъ восторгѣ былъ я тогда. Могу съ полной увѣренностью сказать, что вечеромъ 24 марта 1867 года, когда надъ Петербургомъ гулъ колоколовъ весело разносился въ ясномъ, весеннемъ воздухѣ, въ числѣ проходившихъ по Владимирской улицѣ (не имѣвшихъ ни гроша за душой), несомнѣнно, былъ, по крайней мѣрѣ, *одинъ* счастливый человѣкъ, — и этимъ счастливцемъ былъ я.

Лѣтомъ 1867 года разразилось возстаніе въ Болгаріи. Турки ужасно свирѣпствовали. Нельзя было безъ ужаса читать о томъ, что они творили надъ несчастными болгарами, какъ истязали, издѣвались надъ ними, надъ женщинами, надъ дѣтьми... До глубины души волновали меня корреспонденціи изъ Болгаріи, — страшныя, кровавыя сцены мере-

щились мнѣ, не давали мнѣ покоя. Меня возмущало безучастіе, равнодушіе цивилизованныхъ народовъ въ виду совершавшихся злодѣйствъ... И вотъ сгоряча, подѣ впечатлѣніемъ прочувствованныхъ ужасовъ, переживаемыхъ болгарами, я написалъ въ защиту болгаръ воззваніе къ русскому обществу и отнесъ его въ редакцію газеты «Голосъ».

День 20 іюля 1867 г. сдѣлался для меня памятнымъ днемъ. Въ этотъ день въ первый разъ я увидѣлъ въ печати написанное мною... («Голосъ», № 198). Конечно, въ этомъ первомъ моемъ произведеніи (появившемся въ печати) отразились сполна идеализмъ и наивность юношеской мечтательности.

Въ своемъ воззваніи, напр., я, между прочимъ, говорилъ о томъ, какъ Европа страшно возмутилась, содрогнулись отъ негодованія и трауромъ покрылись европейскіе дворы, когда дошла вѣсть о разстрѣляніи въ Мексикѣ императора Максимилиана, а тутъ, въ Болга-

риі, гибнутъ сотни, тысячи несчастныхъ, кровь ручьями льется, а Европа молчитъ. «Не равносильно ли такое молчаніе преступному одобренію дѣйствій турецкаго правительства?—спрашивалъ я.—Или, можетъ-быть, Европа столь наивна, что вѣрить обѣщаніямъ Абдуль-Азиса умиротворить своихъ подданныхъ?.. Можно ли ожидать отъ Турціи исполненія подобныхъ хорошихъ обѣщаній»...

Не войны съ Турціей я хотѣлъ, — нѣтъ! Я желалъ, чтобы всѣ европейскія государства, составивъ коалицію, ска-



Павель Владимировичъ
Засодимскій.
1870 г.

зали баши-бузукскому правительству: «Руки прочь! Довольно крови! Довольно издѣвательствъ надъ человѣчествомъ!..» И Турція, конечно, ни одного дня не могла бы противиться волѣ всей Европы, и безъ пролитія крови былъ бы спасенъ болгарскій народъ... Черезъ десять лѣтъ послѣ моего воззванія Болгарія была освобождена русскими и даже получила конституцію изъ рукъ русскаго генерала, но это освобожденіе совершилось не такъ, какъ я мечталъ: оно было куплено дорогою цѣной — десятками тысячъ жизней русскихъ людей...

Весну, лѣто и осень того года мнѣ жилось очень плохо; у меня былъ только одинъ 15-рублевый урокъ, да и на тотъ мнѣ приходилось ходить за нѣсколько верстъ, но я ни разу даже и не подумалъ обратиться въ редакцію «Дѣла» за деньгами («авансомъ»).

Въ это же лѣто вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ я почувствовалъ охоту смертную писать стихи. Лирика моя — теперь это обстоятельство для меня внѣ всякаго сомнѣнія — была неоригинальна, была плоха. Но не то, конечно, удивительно, что я писалъ плохіе стихи, удивительно то, что стихи мои печатали (въ баумановской «Иллюстрированной газетѣ») и даже, можно сказать, съ «превеликимъ удовольствіемъ»¹⁾. Я, разумѣется, былъ очень доволенъ, что мои стихотворенія одобряются редакціей и охотно печатаются, былъ такъ радъ — и притомъ благоразуменъ (какъ оказалось впоследствии), что о гонорарѣ и не заговаривалъ. Но тутъ вышелъ непрятный казусъ...

Товарищи, узнавъ о моихъ поэтическихъ вылазкахъ инкогнито на страницахъ «Иллюстрированной газеты» и о томъ, что я не получаю гонорара, въ одинъ голосъ назвали меня «чудакомъ», подняли меня на смѣхъ и принялись объяснять, что вѣдь за стихи деньги платятъ, кстати вспомнили и о томъ, сколько Пушкинъ получалъ за строчку (воспоминаніе ужъ совсѣмъ неумѣстное въ данномъ случаѣ). На-

1) Подъ стихотвореніями я подписывался „Гораціо“ и „Скиевъ-зепикурецъ“.

смѣшки пріятелей надъ моей «непрактичностью» мнѣ показались черезчуръ обидны, и я, скрѣпя сердце, заявилъ однажды въ редакціи желаніе получить гонораръ, но редакторъ — почтенный Вл. Р. Зотовъ — мнѣ тотчасъ же растолковалъ, что у нихъ «начинающимъ не платятъ», и вполне убѣдилъ меня въ неосновательности моей претензіи. Тѣмъ дѣло съ гонораромъ и кончилось...

Въ половинѣ декабря получилъ я по городской почтѣ коротенькое письмо за подписью «Григ. Благосвѣтловъ». Благосвѣтловъ приглашалъ меня на слѣдующій день утромъ къ себѣ для переговоровъ по поводу моей «Грѣшницы». Когда я пробѣжалъ письмо, сердце мое ёкнуло. Я уже стороной слыхалъ, что Н. Шульгинъ былъ лишь подставнымъ лицомъ, но хозяиномъ дѣла и настоящимъ воротилой въ редакціи былъ этотъ самый «Григ. Благосвѣтловъ». (Послѣ закрытія «Русскаго Слова» ему было запрещено не только быть издателемъ и редакторомъ журнала, но и быть владельцемъ типографіи, которая и была переведена на имя одного хорошаго человѣка, А. Н. Моригеровскаго. Впрочемъ, было основаніе думать, что цензурѣ было уже извѣстно, что за Шульгинымъ и Моригеровскимъ скрывается все тотъ же Григ. Благосвѣтловъ, но администрація почему-то не находила предосудительнымъ играть въ прятки съ Благосвѣтловымъ.)

Я уже зналъ, что Благосвѣтловъ былъ тотъ человѣкъ, вокругъ котораго группировались Писаревъ, Щаповъ, Шелгуновъ, А. Михайловъ (Шеллеръ), Н. Благовѣщенскій, Бажинъ, Ткачевъ, Соколовъ, Зайцевъ — все такіе писатели, имена которыхъ въ извѣстныхъ кругахъ нашего общества были въ большомъ почетѣ, особенно въ средѣ молодежи. Въ ту пору, разумѣется, я не могъ составить себѣ представленія о Благосвѣтловѣ: онъ писалъ не очень много, часто не подписывалъ своихъ статей, но для меня уже много говорило въ его пользу то обстоятельство, что онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ (или, вѣрнѣе, къ одному и тому же дѣлу) такія выдающіяся въ то время литературныя силы. На немъ,

мнѣ казалось, долженъ былъ отражаться блескъ того ореола, какимъ были окружены талантливые русскіе люди, такъ близко стоявшіе къ нему.

При первомъ взглядѣ внѣшность Благосвѣтлова мнѣ было не понравилась, и я почувствовалъ себя разочарованнымъ, но не надолго, — лишь на нѣсколько мгновений. Лицомъ и манерами онъ показался мнѣ похожимъ на отставного «унтера» въ статскомъ платьѣ. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ совершенно особенный «унтеръ»... Своею издательскою и литературною дѣятельностью онъ оставилъ глубокой слѣдъ въ исторіи русской журналистики и не мало способствовалъ проясненію нашего общественнаго самосознанія.

Лишь только Благосвѣтловъ заговорилъ, улыбнулся и его умные, насмѣшливые, стальнымъ блескомъ отливавшіе глаза оживились, какъ онъ совершенно преобразился...

Я пробылъ у него слишкомъ долго для перваго визита, дольше часу, — я не замѣтилъ, какъ пролетѣло время. Живо онъ обрисовалъ мнѣ тогдашнее состояніе литературы и указывалъ мнѣ путь, какимъ, по его убѣжденію, долженъ идти писатель-беллетристъ.

— Нынѣшніе писатели небрежны, не обращаютъ вниманія на форму, — говорилъ онъ мнѣ, — а это большая ошибка съ ихъ стороны... Форма очень важна, произведеніе должно старательно отдѣлываться... Во всякомъ беллетристическомъ произведеніи должна быть идея, но не надо авторскихъ поученій... поучать онъ долженъ лишь художественными образами...

Впослѣдствіи я очень удивлялся, когда говорили, что Благосвѣтловъ гоняется за идеей, а на форму, на художественность обращаетъ ноль вниманія...

Помню, что Благосвѣтловъ мѣтко и не безъ ироніи охарактеризовалъ, кстати, въ разговорѣ государственныхъ людей, бывшихъ въ то время въ силѣ, и нѣкоторыхъ изъ выдающихся писателей и вожаковъ литературныхъ партій, и зло, рѣзко прошелся насчетъ тогдашней цензуры...

Хотя Благосвѣтловъ, говоря, повидимому, и самъ увлекался, но, тѣмъ не менѣе, какъ я замѣтилъ, онъ нерѣдко и пытливо посматривалъ на меня, какъ бы изучая меня или наблюдая за тѣмъ, какое впечатлѣніе онъ производитъ на слушателя.

Поговоривъ о моей повѣсти, Благосвѣтловъ спросилъ, не пишу ли я еще что-нибудь, и предложилъ мнѣ сотрудничать въ его журналѣ.

— Не нужно ли вамъ теперь денегъ сколько-нибудь? Я могу дать вамъ... — вдругъ спросилъ онъ, круто оборвавъ разговоръ и по привычкѣ проводя рукой по своимъ низко остриженнымъ волосамъ. — Ваша повѣсть идетъ въ первой книжкѣ...

Такимъ неожиданнымъ оборотомъ разговора я былъ нѣсколько сконфуженъ. Деньги мнѣ были нужны, и я не всѣмъ-то ясно отвѣтилъ ему, что «если можно... то было бы хорошо...» или что-то въ этомъ родѣ. Благосвѣтловъ выдвинулъ одинъ изъ ящичковъ своего письменнаго стола и вынулъ оттуда сторублевую ассигнацію. Мнѣ было какъ-то неловко брать эти деньги, этотъ мой первый гонораръ. И по сіе время при полученіи гонорара эта «неловкость» даетъ мнѣ себя чувствовать...

Въ первое же свиданіе Благосвѣтловъ привлекъ меня къ себѣ, — быть-можетъ, именно потому, что все, что онъ говорилъ, уже ранѣе жило во мнѣ, и теперь, понятно, все, сказанное имъ, нашло живой откликъ въ моей душѣ. До тѣхъ поръ еще никто не производилъ на меня такого сильнаго, такого цѣльнаго впечатлѣнія. «Человѣкъ умный, съ большими знаніями, энергичный, смѣлый и рѣшительный... Въ немъ, несомнѣнно, бьется жилка настоящаго политическаго бойца, клубнаго оратора въ яacobинскомъ вкусѣ!» — такъ вкратцѣ могу я теперь резюмировать мои тогдашнія впечатлѣнія. Позже, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ Благосвѣтловымъ, мои первыя заключенія о характеристическихъ чертахъ этой замѣчательной личности подтвердились... И не эти ли характеристическія черты привлекали въ свое время къ Бла-

госвѣтлову тѣхъ умныхъ, талантливыхъ людей, о какихъ я упоминалъ?

Но вѣрно и то, что Благосвѣтловъ не каждому и не во всякій часъ могъ понравиться: его прямолинейность, его рѣзкіе, суровые, иногда грубоватые и безпощадно насмѣшливые приговоры не скрадывались тѣмъ милымъ, любезнымъ обращеніемъ, которое не только примиряетъ насъ съ самимъ рьянымъ фанатикомъ идеи, но иногда невольно даже располагаетъ къ нему наши сердца...

Хотя въ половинѣ 70-хъ годовъ я принципиально разошелся съ Благосвѣтловымъ (по вопросу о тогдашнемъ общественномъ движеніи) и долженъ былъ свою «Хронику села Смурина» отдать въ «Отеч. Записки», но, тѣмъ не менѣе, я и теперь съ почтеніемъ и признательностью храню память объ этомъ человѣкѣ, редакторѣ «Русск. Слова» и «Дѣла»...

Грустно мнѣ было, когда, придя на Волково кладбище, на похороны Г. Е. Благосвѣтлова, я увидалъ, что вокругъ его могилы было больше полицейскихъ — околоточныхъ и городскихъ, — чѣмъ публики. Полиція, повидимому, ожидала большого стеченія публики и зажигательныхъ рѣчей по случаю похоронъ редактора радикальнаго журнала. Очевидно, полиція считала наше общество болѣе отзывчивымъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности.





Встрѣча съ П. Л. Лавровымъ.

Въ весны 1868 и до осени 1869 г. мнѣ пришлось пробыть на своей родинѣ, въ Вологдѣ. Тамъ же въ то время жилъ и Н. В. Шелгуновъ. Сотрудничая въ одномъ и томъ же журналѣ («Дѣло») и живя въ одномъ городѣ, мы, разумѣется, видались нерѣдко, особенно въ ту пору, когда одинъ изъ насъ, кончивъ работу, еще не принимался за другую (давалъ себѣ «передышку») и чувствовалъ потребность перемолвиться живымъ словомъ, подѣлиться мыслями. То Шелгуновъ, бывало, взбирался ко мнѣ на антресоли, то я отправлялся къ нему «за рѣку». Живо я помню на Архангельской улицѣ тотъ небольшой сѣренькій домъ въ три окна, гдѣ жилъ онъ въ ту пору съ двумя своими сыновьями, Михаиломъ и Николаемъ, тогда еще маленькими мальчиками.

Помимо сотрудничества въ одномъ журналѣ и сходства въ нашихъ воззрѣнiяхъ, къ Шелгунову меня привлекали и его симпатичная личность и тотъ ореолъ, какимъ для меня

была окружена вообще его дѣятельность, какъ бывшаго сотрудника «Русскаго Слова» и друга М. И. Михайлова.

Тогда же, въ Вологдѣ, была мною задумана, отчасти написана и впоследствии посвящена Шелгунову одна изъ моихъ первыхъ повѣстей («Темныя силы»).

Однажды (сколько помнится, уже въ 1869 г.), придя къ Шелгунову, я изъ передней услыхалъ, что Николай Васильевичъ съ кѣмъ-то горячо спорить. Я засталъ его посреди комнаты съ какимъ-то незнакомцемъ—мужчиной среднихъ лѣтъ, высокаго роста (выше Шелгунова), съ густыми рыжеватыми волосами и съ такой же густой бородой и съ большими, умными, голубыми глазами; брови у него, помню, были также густыя, темныя, немного нахмурены. Онъ стоялъ, выпрямившись во весь ростъ, и спокойно, но настойчиво и энергично возражалъ своему оппоненту. Такимъ спокойнымъ, сдержаннымъ, рѣшительнымъ онъ и запечатлѣлся съ тѣхъ поръ въ моей памяти.

А Шелгуновъ, по обыкновенію, сильно жестикулировалъ, волновался, нервно подергивалъ и крутилъ бородку и ни минуты не стоялъ спокойно на мѣстѣ. Незнакомецъ своей неподвижной позой и спокойствіемъ представлялъ живой контрастъ съ пылкимъ, увлекающимся Шелгуновымъ. Въ немъ сказывалось то спокойствіе, какое дается сознаніемъ силы, увѣренностью въ самомъ себѣ.

Шелгуновъ, увидѣвъ меня, тотчасъ же познакомилъ съ этимъ господиномъ.

— Лавровъ... Петръ Лавровичъ! — сказалъ онъ, указывая на своего оппонента.

Заочно я уже зналъ Лаврова, и теперь, совершенно не ждано, не гадаю встрѣтившись съ нимъ, я съ глубокимъ уваженіемъ посмотрѣлъ на его внушительную фигуру и съ юношескимъ жаромъ крѣпко пожалъ ему руку.

Меня поразило одно обстоятельство... Когда Лавровъ здоровался со мной, на лицѣ его не отразилось ни тѣни той

банальной, заученной привѣтливости, какую люди въ такихъ случаяхъ считаютъ нужнымъ изображать на своемъ лицѣ. Глаза его оставались серьезны, все также слегка на-



Николай Васильевичъ Шелгуновъ.

хмурены, и все обращеніе его — движенія и рѣчь — отличались замѣчательною простотой.

— А вы здѣсь—по доброй волѣ?—спросилъ онъ меня.

— Да,—говорю,—по доброй волѣ: здѣсь моя родина.

— Холодная же у васъ родина! — сказалъ Лавровъ, слегка пожавъ плечами.

— А зато, Петръ Лавровичъ, — перебилъ Шелгуновъ, — сколько здѣсь морошки, поляники! Какіе здѣсь рыжики, рябчики!..

И онъ принялся перечислять лѣсныя богатства моего родного края.

Немного поговорили о Вологдѣ, о томъ, въ какихъ городахъ Вологодской губерніи живетъ больше ссыльныхъ, кто они и каково живутъ. Оказывалось, что въ большинствѣ ссыльные устраивались сносно, съ мѣстнымъ населеніемъ жили въ ладу, общество уже привыкло къ нимъ, не смотрѣло на нихъ, какъ на лютыхъ злодѣевъ, да и тогдашній губернаторъ, генералъ Хоминскій, не притѣснялъ ихъ. Ссыльные были приняты въ обществѣ; у иныхъ изъ нихъ завязывались здѣсь прочныя дружескія связи, иные поженились здѣсь. Н. В. Шелгуновъ, напримѣръ, нашелъ въ Вологдѣ много искреннихъ друзей и самыхъ горячихъ почитателей и почитательницъ; онъ былъ желаннымъ гостемъ въ нашихъ лучшихъ домахъ, какъ, напримѣръ, въ прекрасномъ, почтенномъ семействѣ воинскаго начальника, генерала Э. И. Степанова, и др.

Такъ, поговоривъ о Вологдѣ, Шелгуновъ съ Лавровымъ стали продолжать свой споръ. Теперь, чрезъ столько лѣтъ, я, конечно, не помню выраженій спорившихъ, но въ общемъ я помню отлично, о чемъ шла рѣчь.

На нѣмцевъ, англичанъ и французовъ, вообще на иностранцевъ, прибывающихъ къ намъ, въ Россію, съ Запада, Шелгуновъ смотрѣлъ, какъ на нашихъ учителей, какъ на своего рода «Кирилла и Меодія», переводящихъ западно-европейскіе обычаи на наши нравы; они, — говорилъ Шелгуновъ, — приносятъ съ собой культуру, лучшіе «навыки», привычку къ дисциплинѣ, аккуратности; они показываютъ примѣръ упорства въ трудѣ, настойчивости въ преслѣдованіи

цѣли и т. д., въ чемъ сильно нуждается распущенный и вялый, съ порядочной дозой «лѣнцы» русскій человѣкъ.



Петръ Лавровичъ Лавровъ.

А Лавровъ говорилъ въ томъ смыслѣ, что все горе въ томъ, что къ намъ являются не лучшіе изъ нѣмцевъ, англичанъ и французовъ, являются не люди «идеи», но въ большинствѣ случаевъ (если не исключительно) лишь эксплуататоры, люди наживы, а иногда, прямо сказать, отребье,

котораго лучше бы и не было... «Давайте намъ западно-европейскую науку, знанія, западно-европейскій опытъ, книги, а западно-европейскихъ гешефтмахеровъ намъ не надо... Нельзя отождествлять цивилизацію съ баварскимъ пивомъ или съ берлинскимъ колбасникомъ, или съ какой-нибудь фру-фру парижскихъ бульваровъ»...

Повторяю: я не ручаюсь за то, что въ точности повторяю здѣсь слова Лаврова, но увѣренъ лишь въ томъ, что смыслъ его рѣчи былъ именно таковъ...

Въ спорѣ я участія не принималъ. Оба противника были находчивы, остроумны, обладали большой эрудиціей и оказывались прекрасными діалектиками. Но Лавровъ говорилъ убѣдительноѣе, и я въ этомъ случаѣ былъ на его сторонѣ. Во время спора онъ иногда дѣлалъ отступленія отъ темы, дѣлалъ историческія справки, касался и текущихъ дѣлъ. Онъ поражалъ меня и своею феноменальною памятью и силою своихъ доводовъ.

Въ тотъ разъ я долго, до поздняго вечера, оставался у Шелгунова. Лавровъ произвелъ на меня впечатлѣніе чело-вѣка, выдающагося по уму, энергичнаго, рѣшительнаго, который уже не остановится ни передъ какими смѣлыми выводами, разъ онъ убѣдится въ вѣрности своей исходной точки.

Лавровъ въ то время былъ въ Вологдѣ проездомъ. На другой же день онъ отправился въ Тотьму (уѣздный городъ Вологодской губ.). Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ болѣе Петра Лавровича.

Онъ жилъ нѣсколько времени въ Тотьмѣ, а затѣмъ долженъ былъ перебраться въ г. Кадниковъ (въ 40 верстахъ отъ Вологды), а изъ Кадникова въ февралѣ 1870 г. онъ исчезъ и перебрался за границу. Меня въ то время уже не было въ Вологдѣ, и объ исчезновеніи Лаврова изъ нашихъ весей я узналъ слѣдующее.

Лавровъ жилъ въ Кадниковѣ съ матерью-старушкой и по вечерамъ имѣлъ обыкновеніе долго ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину. Лица, которымъ было

предписано «интересоваться» Лавровымъ, вечеромъ—чтобы не беспокоить его — ограничивались лишь тѣмъ, что проходили мимо оконъ его квартиры и, видя его тѣнь, безостановочно мелькавшую на бѣлыхъ шторахъ оконъ, успокоивались.

Когда же Лавровъ уѣхалъ, его мать осталась въ Кадниковѣ и, вечеромъ, спустивъ шторы и зажегши лампу, долго ходила по комнатѣ его размѣренной поступью... Тѣнь въ окнахъ мелькала, и люди, заботившіеся о Лавровѣ, оставались спокойны — въ полной увѣренности, что онъ живъ-здоровъ и пребываетъ дома. А тотъ, между тѣмъ, былъ уже далеко отъ вологодскихъ лѣсовъ... Впослѣдствіи мнѣ показывали и ту «историческую» тройку добрыхъ, ретивыхъ коней, которымъ выпало на долю умчать Лаврова изъ Кадникова.

По отъѣздѣ изъ Вологодской губерніи Лавровъ пробылъ нѣсколько дней въ Петербургѣ (дѣло было на масленой) и оттуда направился за границу.

Большею частью онъ жилъ во Франціи. Болѣе 20 лѣтъ прожилъ онъ въ Парижѣ — въ одномъ домѣ (rue St. Jacques, 328). Въ 1871 г. во время коммуны Лавровъ работалъ въ санитарномъ отрядѣ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ началъ было большую работу — «Опытъ исторіи мысли», но, кажется, вышелъ только одинъ ея выпускъ. Въ 1875 г., когда одно французское министерство стало усиленно заботиться объ «очисткѣ» Парижа отъ неблагонадежныхъ элементовъ, Лавровъ вынужденъ былъ на время удалиться въ Англію. Ученый, кабинетный дѣятель показался опасенъ тогдашнему реакціонному французскому правительству.

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, подъ редакціей Лаврова и при его дѣятельномъ участіи стали издаваться газета и журналъ «Впередъ», менѣе распространенный въ большой публикѣ, чѣмъ герценовскій «Колоколъ», но значительнѣе его по содержанію. Теперь, можетъ-быть, еще не время говорить подробно о П. Л. Лавровѣ, о смыслѣ и значеніи его научно-литературной дѣятельности, такъ же, какъ и о его журналѣ. Но если въ наши дни явилась возможность публично

вспоминать о Герценѣ, бывшемъ еще «подъ запретомъ» въ эпоху либеральныхъ лорисъ-меликовскихъ «вѣяній», то можно надѣяться, что скоро наступитъ такое время, когда воздастся по заслугамъ и памяти Лаврова, какъ одного изъ даровитѣйшихъ русскихъ людей. Хотя онъ и жилъ на чужбинѣ, но постоянно вспоминалъ о Россіи и до послѣдняго мгновенія живо интересовался всѣми проявленіями русской жизни. Лавровъ, подобно Герцену, «тосковалъ» по Россіи, какъ сообщали мнѣ близкіе къ нему люди. Онъ горячо любилъ свою бѣдную родину и умеръ съ мыслью о ней¹⁾, съ желаніемъ ей свободы и счастья.



¹⁾ П. Л. Лавровъ умеръ въ Парижѣ утромъ 25 января 1900 г., послѣ непродолжительной болѣзни, 76 лѣтъ отроду.



Памятный годъ.

(1870).

I.

Въ этомъ году судьба столкнула меня съ тремя замѣчательными личностями: съ Теофаномъ Никандровичемъ Лермонтовымъ, съ Иннокентіемъ Васильевичемъ Федоровымъ (болѣе извѣстнымъ подъ псевдонимомъ «Омулевскаго») и съ Сергѣемъ Николаевичемъ Кривенко.

Между этими тремя даровитыми людьми, очень не схожими наружностью, характеромъ и образомъ жизни, было одно общее: они не мирились съ существовавшимъ бюрократически-полицейскимъ строемъ и по мѣрѣ силъ и возможности боролись за лучшее будущее для народа.

Θ. Лермонтовъ былъ человекъ съ большими организаторскими способностями, съ замѣчательной энергіей, съ сильной волей, самоотверженно преданный одной идеѣ — освобожденію народа, прямолинейный, иногда рѣзкій въ своихъ приговорахъ, смѣлый, рѣшительный, для дѣла не жалѣвшій себя — такъ же, какъ и другихъ... Черезъ него я познакомился со многими боевыми дѣятелями того времени. Θ. Лермонтовъ былъ арестованъ за устройство конспиративнаго кружка и за революціонную пропаганду вообще и умеръ въ

заточеніи, какъ и другъ его, Купріяновъ, и многіе, многіе другіе... Лермонтовъ и Купріяновъ были мои земляки — вологжане.

Съ Лермонтова и съ другихъ политическихъ дѣятелей той эпохи списаны мною главныя дѣйствующія лица моего романа «По градамъ и весямъ»...

Въ этомъ же «памятномъ году» я познакомился съ Александрой Николаевной Богдановой, которая съ тѣхъ поръ и была моимъ вѣрнымъ, неизмѣннымъ товарищемъ и другомъ, дѣля со мной и бѣдность, и горе, и тѣ немногія радости, какія посылала на нашу долю судьба...

Какъ-то въ декабрѣ 1869 г. я зашелъ въ редакцію «Дѣла», которая, помню, помѣщалась тогда въ Троицкомъ переулкѣ, въ д. Гессе. Въ редакціи на ту пору собрались нѣсколько сотрудниковъ. Кажется, былъ пріемный день — суббота.

Въ числѣ сотрудниковъ оказался одинъ незнакомый мнѣ молодой человекъ, лѣтъ 30, очень симпатичной наружности, съ развязными (но не нахальными) манерами, разговорчивый, живой, веселый... Я въ предчувствія не вѣрю, но тутъ, признаюсь, единственный разъ въ жизни со мной произошло что-то странное... При взглядѣ на этого незнакомца у меня мелькнула мысль или, вѣрнѣе сказать, мнѣ почувствовалось, что знакомство съ этимъ человекомъ будетъ играть большую роль въ моей жизни, будетъ имѣть для меня какое-то особенное значеніе и окажетъ вліяніе на мое будущее... Это предчувствіе мелькнуло неясно, смутно, пронеслось въ моемъ сознаніи мимолетной тѣнью; я не рѣшился тогда ни съ кѣмъ говорить объ этомъ предчувствіи, но впоследствии я не разъ о немъ вспоминалъ.

Я подошелъ къ Благосвѣтлову, сидѣвшему за своимъ редакторскимъ столомъ надъ какой-то корректурой и, наклонившись, вполголоса спросилъ его, указывая на незнакомца, разговаривавшаго въ тѣ минуты съ Шеллеромъ: «Кто это?»

— Это?... Омуревскій!.. — отвѣтилъ Благосвѣтловъ и тутъ же познакомилъ насъ.

На этотъ разъ мы разговаривали недолго, все больше какъ-то присматривались другъ къ другу, какъ обыкновенно бываетъ при первомъ знакомствѣ. Омупевскій мнѣ очень понравился, несмотря на тревожное впечатлѣніе, произведенное имъ на меня... Уходя изъ редакціи, повторяю, я чувствовалъ, что отнынѣ съ этимъ любезнымъ, веселымъ челоуѣкомъ что-то новое, значительное входитъ въ мою жизнь...

Послѣ того еще разъ или два я встрѣчалъ Омупевскаго въ редакціи.

Наступили святки.

На второй день праздника вечеромъ я въ первый разъ отправился къ Омупевскому. Мы жили недалеко другъ отъ друга: я — на Б. Московской, а онъ — на Николаевской ул., близъ Ивановской, въ д. Кудрявцевой, — и этотъ домъ «съ садикомъ» остался для меня навсегда памятнымъ. Омупевскій нанималъ комнату въ знакомомъ семействѣ сибиряковъ — у Е. И. Тр—вой. Двѣ дочери Тр—вой, обѣ очень красивыя дѣвушки, въ то



Инокентій Васильевичъ
Федоровъ (Омупевскій).

время еще учились въ гимназіи; старшей изъ нихъ было лѣтъ 18, младшая — года на два ея моложе.

Когда я пришелъ, ни Омупевскаго ни барышень не было дома. Меня приняла Е. И. Тр—ва, милая, привѣтливая дама уже пожилыхъ лѣтъ. Помню: въ этотъ первый мой приходъ къ Тр—вымъ меня поразила маленькая обезьянка, сидѣвшая въ залѣ на приступочкѣ печи. Это бѣдное животное, повидимому, заблю и старалось согрѣться.

Вскорѣ явился Омупевскій, и я провелъ очень пріятно вечеръ въ семейной обстановкѣ — въ тихой, дружеской бе-

сѣдѣ за чайнымъ столомъ. Знакомыхъ семейныхъ домовъ въ Петербургѣ у меня не было вовсе, и теперь мнѣ было такъ пріятно, такъ я былъ радъ семейной обстановкѣ, которой я такъ долго былъ лишень... И немудрено, что я въ первый же визитъ къ Омуревскому долго засидѣлся у него.

Благосвѣтловъ пригласилъ меня встрѣчать у него Новый годъ. Жилъ онъ въ то время на углу Ивановской и Кабинетской, въ домѣ Матушевичъ, — тоже домъ памятный для меня... Подъ Новый годъ собралось у Благосвѣтлова довольно большое общество. Мнѣ было какъ-то невесело: разговоры шли все какіе-то серьезные, «литературные» разговоры — о послѣднихъ книжкахъ журналовъ, о цензурѣ, о слухахъ изъ административныхъ сферъ и т. под. Я былъ молодъ, мнѣ было 26 лѣтъ, и, понятно, въ тотъ праздничный святочный вечеръ мнѣ хотѣлось болѣе веселаго, болѣе оживленнаго общества, общества молодежи. Тутъ я вспомнилъ, что меня звалъ къ себѣ и Омуревскій встрѣчать Новый годъ, и я рѣшилъ, что лучше пойти къ нему, чѣмъ толкаться и скучать среди людей, которыхъ большинство мнѣ было незнакомо. И въ 11 часовъ я ушелъ отъ Благосвѣтлова.

У Тр—выхъ я засталъ танцы въ полномъ разгарѣ, — было шумно, весело, непринужденно, танцовали не съ серьезными минами, не выдѣлывали старательно па по всѣмъ правиламъ искусства, но танцовали, шутя и смѣясь... И я охотно принялъ участіе въ общей кутерьмѣ.

Вскорѣ послѣ 12 часовъ въ залѣ появилась какая-то бабышня въ бѣломъ платьѣ, очень молоденькая, лѣтъ 17, блондинка, со свѣтло-русыми волосами, съ живымъ румянцемъ на щекахъ и съ чудными голубыми глазами, чистыми и ясными, какъ лазурь весенняго неба. Съ нею же пришли дѣвочка и два мальчика-подростка. Омуревскій познакомилъ меня съ ними. Это, оказалось, были двѣ сестры и братья-близнецы, Богдановы, жившіе со своими родными въ томъ же домѣ, по одной лѣстницѣ съ Тр—выми, и близко знакомые съ ними.

Танцы продолжались; старшая изъ сестеръ, Шура Богданова, сѣла за рояль и стала играть. Я бросилъ танцы, сначала постоялъ у рояля, а затѣмъ взялъ стулъ и сѣлъ близъ барышни «съ чудными глазами», какъ я уже мысленно окрестилъ ее. Отрывочный разговоръ завязался между нами... Мнѣ, конечно, и въ голу не приходило, какое значеніе будетъ имѣть въ моей жизни эта ночь на 1 января 1870 года...

Дѣвушка произвела на меня очень сильное впечатлѣніе... Ну, впрочемъ, старая исторія — и вѣчно новая со времени появленія первыхъ людей на землѣ. Долго мнѣ нечего рассказывать... Я влюбился, а потомъ, ближе познакомившись съ этой милой дѣвушкой, и полюбилъ...

Съ этого времени семейство Тр—выхъ сдѣлалось для меня чрезвычайно привлекательнымъ, и съ Омуревскимъ мы скоро стали друзьями. Я надѣялся встрѣчать у нихъ заинтересовавшую меня молодую особу, но я стѣснялся и сначала ходилъ къ Тр—вымъ разъ въ недѣлю, затѣмъ по два и по три раза, а потомъ, бывало, и чаще... И я, дѣйствительно, встрѣчалъ у нихъ часто Шуру Богданову и подолгу бесѣдовалъ съ нею. Иногда она пѣла кольцовскія пѣсни, сама себѣ аккомпанируя на рояли.

Она училась въ Маріинской гимназіи, и я, зная недостаточность программъ нашихъ среднеучебныхъ заведеній



Александра Николаевна Богданова.
1870 г.

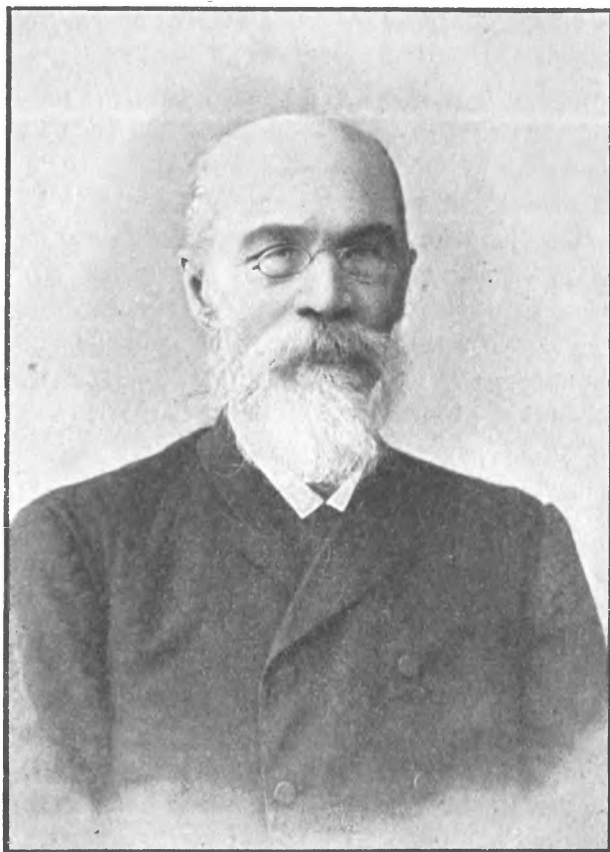
вообще, а женскихъ въ особенности, предложилъ Шурѣ Богдановой давать ей уроки изъ исторіи и русской литературы, въ дополненіе къ тому, что она уже знала изъ гимназическаго курса. Никогда еще уроки не доставляли мнѣ такого высокаго наслажденія, какъ эти мои занятія съ m-elle Богдановой. О любви между нами не было рѣчи, не было съ моей стороны и пошлаго ухаживанья, но моя понятливая ученица, конечно, съ женской проницательностью легко угадала мои чувства и, повидимому, мнѣ казалось, раздѣляла ихъ.

Въ началѣ 1870 г. въ журналѣ «Дѣло» были напечатаны моя статья «Много ли свѣта въ нашемъ просвѣщеніи» и рассказъ «А ей весело, она смѣется»... И я съ великимъ удовольствіемъ выслушивалъ отъ своей ученицы отзывы о моихъ сочиненіяхъ, — отзывы робкіе, краткіе, но въ высшей степени пріятные для моего юнаго авторскаго самолюбія. Эти отзывы были для меня интереснѣе, чѣмъ критическія замѣтки, иногда для меня довольно лестныя, появлявшіяся въ тогдашней печати...

Въ эту же зиму на одной изъ вечеринокъ у Н. Ѳ. Бажина я познакомился съ Серг. Ник. Кривенко.

Кривенко и Омудевскій своей наружностью, характеромъ, манерами, своими свѣчами и обычаями представляли собой живѣйшій контрастъ. Омудевскій — живой, экспансивный, остроумный, находчивый, въ карманъ за словомъ не лазававший, а С. Кривенко — человекъ сильнаго, могучаго сложенія, нѣсколько неповоротливый какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ смыслѣ, сдержанный, говорившій — такъ же, какъ и обдумывавшій вопросы — медленно (такихъ людей въ народѣ называютъ «тиходумами»), не скоро составлявшій свои мнѣнія, но зато уже прочно обосновывавшій ихъ. Омудевскій былъ поэтъ, художникъ, всегда готовый удариться въ лиризмъ, и писалъ легко, какъ бы шутя. Кривенко былъ публицистъ, мыслитель, часто склонный къ юмору, — писанье ему доставалось не безъ труда... Омудевскій кипѣлъ, горѣлъ и былъ весь, какъ на ладони; Кри-

венко былъ молчаливъ, вдумчивъ. Омудевскій любилъ комфортъ, любилъ хорошо одѣться, любилъ вкусно поѣсть и попить, особенно попить; Кривенко по сравненію съ



Николай Федотовичъ Бажинъ.
1907 г.

нимъ былъ истый спартаецъ, терпѣливый, выносливый, не обращающій вниманія на житейскія удобства.

Оба они были для меня симпатичны, какъ люди честные, даровитые, идейные,—люди однихъ со мной убѣжденій (хотя

въ тактическіхъ приѣмахъ я съ ними и расходился кое въ чемъ).

Съ Омуревскимъ, когда онъ бывалъ навеселѣ, случались довольно курьезныя исторіи. Однажды вечеромъ, выйдя изъ ресторана Палкина, онъ подошелъ къ городовому, стоявшему посреди Невскаго.

— А знаете, городской, — сказалъ онъ, ударивъ того по плечу, — вѣдь придетъ такое время, и вы съ нами запоете Марсельезу... О, запоете!

Въ то отдаленное время нижніе полицейскіе чины были еще люди необразованные, не имѣвшіе понятія о Марсельезѣ и ея всемірномъ значеніи, а поэтому городской, къ которому со своимъ пророчествомъ обратился Омуревскій, не потащилъ его въ участокъ и не избилъ до полусмерти, но лишь нѣсколько мгновеній съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него, а потомъ крикнулъ и добродушно замѣтилъ:

— Проходите, господинъ!

И «господинъ» удалился, крича городовому: «Запоете! Всѣ запоемъ!..»

Въ пьяномъ видѣ Омуревскій однажды было, какъ говорится, «попался» серьезно, — его обвиняли въ оскорбленіи Величества, но онъ отдѣлался легко — непродолжительнымъ арестомъ въ домѣ предварительнаго заключенія.

• Помню: Омуревскій и Д. Д. Минаевъ какъ-то ночью зазвали меня въ «Ямку», — трактиръ, который зимой былъ открытъ по ночамъ для извозчиковъ. Эта «Ямка» находилась гдѣ-то близъ Казанскаго собора.

Въ ту ночь публики въ «Ямкѣ» собралось много. Смутный говоръ расходился по залѣ. Табачный дымъ волнами носился по всему трактиру. Огни въ дыму едва мерцали... Смутно рисовались человѣческія фигуры, какъ темныя тѣни. Слышались звяканье и дребезжанье чайной посуды, стукъ стакановъ, громкіе возгласы, смѣхъ, — кто-то пьянымъ голосомъ запѣвалъ пѣсню и прерывалъ ее ругательствомъ... Въ этой картинѣ, озаренной сумеречнымъ свѣтомъ газовыхъ

оговковъ, было что-то мрачное, призрачное, напоминавшее сцены изъ романовъ Сю и В. Гюго.

Войдя въ «Ямку», я сразу замѣтилъ, что Омулевскаго и Минаева здѣсь уже знали, какъ завсегдатаевъ, и встрѣчались, какъ желанныхъ, «прятныхъ» гостей. Для насъ ментально очистили столы и толпа извозчиковъ и личностей, напоминающихъ типы Горькаго, окружила насъ.

— Дмитрій Дмитричъ! Вы намъ сегодня что-нибудь почитаете? — спросилъ Минаева какой-то бородачъ, человѣкъ громаднаго роста и атлетическаго сложенія.

— Почитаю!—своимъ обычнымъ хриплымъ голосомъ отвѣтилъ ему Минаевъ. — Сначала только надо сюда пива...

— Дмитрію Дмитричу пива! Пива!—стало передаваться отъ одной группы къ другой по направленію къ буфету.

Выпивъ пивца, Минаевъ всталъ и махнулъ рукой.

Когда собраніе поутомнилось и стихло, Минаевъ прочиталъ нѣсколько своихъ стихотвореній и, къ удовольствію слушателей, окончилъ остроумнымъ, не вполне цензурнымъ экспромтомъ. Послышались одобрительныя восклицанія и хохотъ...

Послѣ того, немного погодя, Омулевскій вскочилъ на стулъ и съ паэосомъ продекламировалъ зажигательное стихотвореніе своего сочиненія, въ которомъ встрѣчались приемы: «свобода»... «для народа»... Стихотвореніе Омулевскаго, мнѣ кажется, понравилось слушателямъ еще болѣе минаевскихъ стиховъ: по крайней мѣрѣ, на его долю выпалъ болѣе шумный успѣхъ. Какой-то молодой извозчикъ, съ сильно раскраснѣвшимъ лицомъ, неистово стучалъ кулакомъ по столу и зычнымъ голосомъ кричалъ: «Ухъ, хорошо!.. Еще! Еще!..» Омулевскій подбѣжалъ къ нему,—я не слышалъ, что онъ сказалъ этому извозчику, но только видѣлъ, какъ они стали обниматься и лобызаться, дружески хлопая одинъ другого по спинѣ...

II.

Уроки изъ исторіи и литературы, между тѣмъ, шли своимъ порядкомъ. Изъ разказовъ Тр—выхъ я заочно мало-по-малу познакомился съ семейнымъ положеніемъ Шуры Богдановой.

Я узналъ, что отецъ ея, Ник. Петр. Богдановъ, былъ петербургскій купецъ, человекъ довольно образованный, что прежде онъ имѣлъ писчебумажный магазинъ, былъ содержателемъ типографіи императорскихъ театровъ, что прежде онъ жилъ широко, что въ Лѣсномъ была у него прекрасная дача, на которую любоваться нарочно пріѣзжали изъ Петербурга, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ овдовѣлъ, немного погодя вторично женился и съ тѣхъ поръ дѣла его пошли подъ гору, что онъ запутался въ долгахъ, хотя и ему также оставались много должны.

Я узналъ, что семья Богдановыхъ большая: три дочери и три сына, изъ которыхъ старшій въ то время не жилъ дома (онъ вышелъ изъ Военно-медицинской академіи, не кончивъ курса, и безъ согласія отца ушелъ въ актеры и скитался гдѣ-то въ провинціи). Кромѣ того, съ дѣтьми жила еще бабушка, очень добрая, хорошая старушка, мать покойной жены Н. П. Богданова. Наконецъ я узналъ, что Шурѣ Богдановой живется плбхо, что мачеха дурно относится къ ней, такъ же, какъ къ ея младшимъ сестрамъ и братьямъ, и, пользуясь своимъ вліяніемъ, возстановляетъ противъ нихъ отца и сама притѣсняетъ ихъ. Шура Богданова не посвящала меня въ подробности и въ тайны своей домашней жизни; объ ея невеселомъ житьѣ-бытьѣ я узнавалъ стороною — черезъ Омудевскаго и Тр—выхъ. Встрѣчая еѣ иногда грустною, я уже догадывался, что у нея были непріятности съ мачехой или съ отцомъ. И въ такія минуты у меня являлось горячее желаніе вырвать дѣвушку изъ когтей злой мачехи и такъ устроить для нея жизнь, чтобы глаза ея никогда не затуманивались...

Какъ-то въ концѣ мая, когда я былъ у Тр—выхъ, пришла къ нимъ Шура Богданова, разстроенная, взволнованная, съ заплаканными глазами. Оказалось, что въ семьѣ у нихъ въ то утро произошла вспышка сильнѣе обыкновеннаго... Тутъ ужъ я рѣшился привести въ исполненіе то, что я уже давно задумалъ, о чемъ давно мечталъ... Воспользовавшись тѣмъ, что дѣвушка осталась одна въ комнатѣ барышенъ Тр—выхъ, я подошелъ къ ней и, взявъ ее за руку, спросилъ:

— Хотите выйти замужъ?

Она посмотрѣла на меня и, въ свою очередь, спросила:

— За кого?

— За меня! — отвѣтилъ я.

Не помню, что она сказала, но только знаю, что глаза ея отвѣтили: «Да!»

Вышло очень просто и хорошо.

Впослѣдствіи я самъ удивился, какъ я отважился на такой шагъ. Я не подумалъ о томъ, на что мы будемъ жить... вѣдь заработки мои въ ту пору были грошове.

Но тутъ на нашемъ пути возникло препятствіе.

Н. П. Богдановъ, несмотря на свое разстроенное состояніе, а можетъ-быть, именно вслѣдствіе такого разстройства, нашелъ, что я—бѣднякъ, начинающій писатель—не партія для его дочери. Бабушка моей невѣсты (почтенная старушка!) горячо вступилась за меня, но Н. П. Богдановъ, невзирая на ея заступничество, ничего слушать не хотѣлъ и повторялъ:

— Нѣтъ, маменька! За бѣдняка я свою дочь не отдамъ...

Въ виду такого неожиданнаго препятствія мнѣ припомнился древній обычай «умыканія» женъ, и я сталъ подумывать о томъ, какъ бы мнѣ похитить невѣсту и обвиняться безъ согласія отца. Надо было найти священника, который согласился бы при такихъ условіяхъ обвинять насъ. Мнѣ указывали священниковъ, которые, по слухамъ, слыли покладливыми, и я обращался къ нимъ, совался туда и сюда, ѣздилъ даже въ Лигово. Священники спрашивали меня о моемъ матеріальномъ положеніи, о моихъ средствахъ къ

жизни, покачивали головой и отказывались, ссылаясь на рискъ, на отвѣтственность.

С. Кривенко, зная мои затрудненія и непріятности, предложилъ мнѣ въ видѣ отдыха и развлеченья поѣхать съ нимъ въ Тамбовскую губ., въ усадьбу къ его роднымъ. Я согласился.

Въ Петербургѣ въ то лѣто устроилась въ Соляномъ городкѣ всероссійская промышленная выставка. Тамъ была выставлена умопомрачительной величины сахарная голова, красовалось громадное артиллерійское орудіе, которое могло бы разнести всю выставку, превративъ ее въ прахъ и пепель, были выставлены какія-то статуи изъ шоколада, много всякой всячины и не мало дребедени...

Но на той же выставкѣ было одно весьма поучительное отдѣленіе, маленькое, полутемное и мрачное, мало посѣщаемое эlegantной публикой, гдѣ, между прочимъ, были выставлены на показъ похожіе на засохшій навозъ куски чернаго хлѣба, какимъ въ голодные годы питаются россійскіе простолюдины. Эти куски хлѣба рядомъ съ громадными головами сахара, съ шоколадными статуэтками и съ артиллерійскими орудіями, наводящими ужасъ, краснорѣчиво свидѣтельствовали о томъ, въ какомъ направленіи движется современный прогрессъ, и насколько уродливое развитіе промышленности содѣйствуетъ общему «благосостоянію»... Научились дѣлать чудовищныя головы сахара, страшилища-пушки для массоваго истребленія людей, всяческія побрякушки, нужныя только бездѣльникамъ «большого свѣта», а народъ той порой, оставляемый въ невѣжествѣ, впотьмахъ, мретъ съ голода, питаясь хлѣбомъ изъ древесной коры «съ отростками молодыхъ елей». «Слава россійскому прогрессу!» думалъ я съ горечью, смотря на эти кусочки. И вздумали же выставить ихъ здѣсь, словно на позоръ кому-то...

Одновременно съ выставкой открылся въ Петербургѣ «сѣздъ фабрикантовъ, заводчиковъ и техниковъ».

С. Кривенко уговорилъ меня пойти на сѣздъ, именно на засѣданіе того отдѣленія, которое занималось вопросами,

касавшимися положенія рабочаго класса. Я захотѣлъ тоже сказать свое слово. Желавшихъ говорить было уже записано много; я записался, кажется, послѣднимъ или предпослѣднимъ, поэтому мнѣ пришлось ждать очень долго. Очередь до меня дошла уже около часа ночи, или, вѣрнѣе, утра.

Это засѣданіе, сколько помнится, происходило 19 или 20 іюня. Въ ту пору въ Петербургѣ были еще «бѣлыя ночи»...

Предшествовавшіе мнѣ ораторы распространялись о томъ, что нашихъ рабочихъ должно приучать къ бережливости, говорили объ устройствѣ кассъ, объ устройствѣ школъ при фабрикахъ и заводахъ... Я же говорилъ, что для того, чтобы рабочіе могли что-нибудь сберегать, откладывать въ кассы, надо получать имъ за свой трудъ бѣльшее вознагражденіе, чѣмъ то, какое имъ теперь бросаютъ предприниматели; что теперь рабочіе получаютъ лишь столько, чтобы не умереть съ голода; чтобы рабочіе могли пользоваться школами, для того надо имѣть имъ болѣе свободнаго времени, т.-е. должно быть уменьшено число рабочихъ часовъ, а главное, говорилъ я, рѣшать вопросы объ улучшеніи быта рабочихъ могутъ сами рабочіе лучше, чѣмъ кто бы то ни было... Въ заключеніе я выставилъ три обоснованныхъ положенія: необходимость увеличенія заработной платы, уменьшенія числа рабочихъ часовъ, права стачекъ и собраній.

Предсѣдатель не однажды во время моей рѣчи усиленно звонилъ въ колокольчикъ и предлагалъ мнѣ то не удаляться отъ предмета обсужденія, то воздерживаться отъ рѣзкихъ выраженій (я называлъ рабочихъ «жалкими паріями современной цивилизаціи, двигающейся ихъ усиліями и ихъ же давящей»)...

Громъ рукоплесканій, свистъ и шиканье поднялись въ залѣ, когда я сходилъ съ трибуны; впрочемъ, свистъ и шиканье скоро были совсѣмъ заглушены одобрителными криками и аплодисментами...

Такимъ образомъ оказывается, что нашъ пролетаріатъ въ 1905 г. заявлялъ государству почти тѣ же требованія, которыя публично выставялись 35 лѣтъ тому назадъ... Въ объемистомъ отчетѣ о трудахъ сѣзда рѣчь моя не была помѣщена цѣликомъ, но въ сокращенномъ, скомканномъ видѣ.

На другой же день послѣ моего ораторскаго выступленія я уѣхалъ съ Кривенко въ Тамбовскую губернію.

Черезъ два дня послѣ того мы уже ѣхали со станціи въ маленькомъ легкомъ тарантасѣ на парѣ бойкихъ ямщицкихъ лошадей. Я, сѣверянинъ, житель лѣсной стороны, привыкшій къ холмамъ и пригоркамъ, въ первый разъ очутился въ черноземной полосѣ. Меня поразили и степная, безлѣсная равнина и темная ночь, хотя при этомъ небо было ясно, усыпано звѣздами и полный мѣсяцъ низко висѣлъ надъ горизонтомъ. Слишкомъ былъ рѣзокъ переходъ отъ «бѣлыхъ» петербургскихъ ночей къ этому бархатистому мраку волшебной степной ночи...

Тогда я пробылъ у Кривенко въ Никольскомъ (Кабанье тожъ) недѣли двѣ или немного долѣе. Родные С. Н. Кривенко — мать, братья и сестры — оказались очень хорошими, симпатичными людьми.

По цѣлымъ часамъ, помню, бродилъ я по Никольскому саду, ѣлъ вишни, мечталъ и думалъ объ устройствѣ своихъ дѣлъ. Я переписывался съ невѣстой и письма ея перечитывалъ по нѣскольку разъ, словно задавшись цѣлью выучить ихъ наизусть.

Въ верстахъ 15 или немного далѣе отъ Никольскаго находится Павловка, имѣніе князей Волконскихъ. Въ то время управляющимъ въ Павловкѣ былъ Ив. Мих. Мальневъ, близкій знакомый С. Кривенко, впоследствии женившійся на его старшей сестрѣ. С. Кривенко ѣздилъ со мной въ Павловку и рассказалъ Мальневу о моемъ дѣлѣ. Мальневъ съ горячимъ участіемъ отнесся ко мнѣ и очень обрадовалъ меня, сказавъ, что мое дѣло можетъ устроиться, что ихъ приходскій священникъ обвѣнчаетъ меня...

Помню, что въ квартирѣ Пеньковскаго, помощника Мальнева, я видѣлъ маленькихъ князей Волконскихъ (теперь всѣ они уже люди пожилые), и меня поразило, что мальчики «по-шотландски» ходили съ голыми икрами, что при нашемъ лѣтнемъ изобиліи комаровъ, мухъ, мошекъ и всякаго «гноса» было крайне неудобно.

На другой день я съ Мальневымъ ѣздилъ къ священнику, и тотъ, дѣйствительно, согласился обвинять меня. Мальневъ обѣщалъ выслать на станцію лошадей, и я съ невѣстой долженъ былъ прямо пріѣхать въ Павловку... Послѣ такого оборота дѣлъ я пріободрился. Вскорѣ же послѣ поѣздки въ Павловку я получилъ письмо отъ невѣсты, увѣдомлявшей меня, что она больна, что отецъ ея идетъ на уступки, соглашается на нашъ бракъ. На другой же день я распростился съ гостепріимнымъ Никольскимъ и съ его милыми обитателями, о которыхъ у меня и по сіе время сохранились самыя лучшія воспоминанія. Къ сожалѣнію, многихъ изъ нихъ уже не стало. Не стало матери С. Н. Кривенко, его старшей сестры, одного изъ его братьевъ, не стало и Мальнева. Умеръ недавно и С. Кривенко...

Кстати сказать здѣсь о немъ нѣсколько словъ.

Къ каждому явленію общественной жизни, къ каждому общественному вопросу и къ оцѣнкѣ дѣятельности того или другого лица С. Кривенко подходилъ осторожно, отрѣшаясь отъ предвзятыхъ сужденій, заставляя молчать свои личныя симпатіи и антипатіи. Онъ старался разсмотрѣть вопросъ со всѣхъ сторонъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, старался быть безпристрастнымъ, справедливымъ, даже и по отношенію къ такимъ общественнымъ явленіямъ и дѣтелямъ, къ которымъ онъ относился враждебно. Это-то стремленіе къ безпристрастію, къ справедливости, ко всесторонней оцѣнкѣ людей и фактовъ принимали за «умѣренность», за «отсталость» тупые, ограниченные люди, «либеральные болтуны», берущіе города за стаканомъ вина и подѣ звонъ трескучихъ фразъ ловко обдѣлывающіе свои личныя дѣлишки.

Да. Умеръ Сергѣй Кривенко... Перестало биться сердце, болѣвшее за всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, за всѣхъ обездоленныхъ...

Пребываніе въ домѣ предварительнаго заключенія, затѣмъ заточеніе въ казематѣ Петропавловской крѣпости, ссылка въ Глазовъ (Вятской губ.), далѣе переводъ въ Сибирь (въ Тару) расшатали, надломили здоровье этого сильнаго, могучаго человѣка... При иныхъ условіяхъ, въ культурной странѣ, С. Кривенко могъ бы прожить до 90 лѣтъ и работать на пользу родного края.

Толпы рабочихъ съ пѣніемъ «Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой» проводили Сергѣя Кривенко къ мѣсту его послѣднаго упокоенія...

Теперь ужъ не смутятъ, не нарушатъ его покой, не долетятъ до него ни лицемѣрныя похвалы его бывшихъ сотоварищей, якобы воздыхающихъ о немъ, ни инсинуаціи «друзей - пріятелей», диктуемая чувствомъ личнаго раздраженія — злымъ, мстительнымъ чувствомъ...



Сергѣй Николаевичъ Кривенко.

Спать онъ непробуднымъ сномъ... Надъ могилой его высятся кавказскія горныя вершины, а внизу, подъ горой, какъ бы баюкая его, «море Черное шумить, не умолкая»...

По возвращеніи въ Петербургъ изъ Тамбовской губ. я познакомился съ отцомъ невѣсты, Н. П. Богдановымъ, и 22 іюля я былъ приглашенъ имъ на обѣдъ. За обѣдомъ онъ объявилъ дѣтямъ, что ихъ «сестра Саша» выходитъ за меня замужъ.

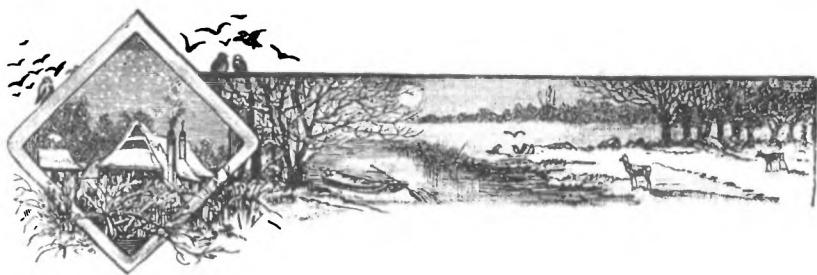
Наше тогдашнее молодое счастье было внезапно омрачено смертью Н. П. Богданова. Незадолго до нашей свадьбы онъ умеръ скоропостижно на пароходѣ, возвращаясь въ Петербургъ изъ Финляндіи, куда ѣздилъ по дѣламъ. По заключенію врачей, смерть послѣдовала отъ апоплексіи.

30 августа въ церкви при Ивановской гимназіи я обвѣнчался.

Наше брачное пиршество, какъ легко догадаться, было очень скромное... На другой день послѣ свадьбы въ портмонѣ у меня оказалось 70 копеекъ.

Съ этими деньгами я и началъ семейную жизнь...





О томъ, какъ я сталъ дѣтскимъ писателемъ.

Тогда, въ 1871 году, мы жили въ Петербургѣ, на Большой Московской улицѣ, въ маленькой комнатѣ, въ какой живутъ студенты-бѣдняки. Кромѣ стола и трехъ стульевъ, въ нашей комнатѣ стоялъ еще диванъ, жесткій и неуклюжій. Но у этой убогой каморки было и одно громадное, неоцѣненное достоинство: ея единственное окно выходило на юго-востокъ, и въ лунные осенніе и зимніе вечера я могъ подолгу не зажигать огня, такъ какъ мѣсячный свѣтъ ярко озарялъ всю нашу маленькую комнату.

Въ этой-то комнаткѣ однажды ночью я написалъ для дѣтей свою первую сказку. Впрочемъ, я и самъ тогда не думалъ, что пишу для дѣтей.

Помню: время для меня было трудное. Я искалъ работы и не находилъ. Дни проходили какъ-то тревожно, въ бѣготнѣ, да и ночью я не находилъ покоя. Въ ту пору «бѣлыя» лѣтнія ночи стояли надъ Петербургомъ. Мнѣ вообще плохо спится въ свѣтлыя, лѣтнія ночи, а тутъ еще, къ тому же, меня осаждали думы да заботы о завтрашнемъ днѣ — о хлѣбѣ насущномъ. Безсонница мучила меня.

Въ одну изъ такихъ «бѣлыхъ» майскихъ ночей, усталый и невеселый, сидѣлъ я на подоконникѣ раскрытаго

окна и съ грустью, задумчиво смотрѣлъ на блѣдно-голубое, беззвѣздное небо.

И въ этотъ тихій полуночный часъ вспомнилась мнѣ моя далекая родная сторона, вспомнились ея лѣса дремучіе и та усадьба моихъ родственниковъ, — уютный, уединенный уголокъ, гдѣ я живаль лѣтомъ. И въ тѣ минуты, какъ я смотрѣлъ въ глубину беззвѣздныхъ небесъ, въ воображеніи моемъ оживали знакомыя дорогія лица, возставали знакомыя милыя мѣста — старыи сѣренъкій домъ съ балкономъ, рябиновая аллея, ведущая отъ дома къ рѣкѣ, развѣсистыя лиственницы — старыя, почтенныя деревья, группы цвѣтущихъ липъ, кусты крыжовника, малины, шиповника, облитаго розовымъ цвѣтомъ, и на краю сада, надъ обрывомъ высокаго и крутого рѣчнаго берега, стоящій, какъ настражѣ, рядъ темно-зеленыхъ пихтъ.

Зимокъ хозяйка усадьбы жила въ городѣ, а въ этомъ уединенномъ деревенскомъ домѣ оставалась лишь одна старушка, съ помощью своей прислужницы присматривавшая за хозяйствомъ.

И я вспомнилъ разсказъ о томъ, какъ однажды въ темную осеннюю ночь въ садъ прилетѣлъ филинъ, усѣлся на крышу дома и такъ громко и дико заухаль, что разбудилъ уже спавшую старушку и до смерти напугаль ея, бѣдную. Второпяхъ она зажгла свѣчу и, со страхомъ и недоумѣніемъ озираясь по сторонамъ, не вдругъ могла понять: кто такъ ужасно стонетъ и охаеъ надъ ея головой (старушка жила въ мезонинѣ). Филинъ улетѣлъ уже дальше, ночное безмолвіе, нарушенное его дикимъ крикомъ, снова объяло уединенный домъ, а старушка, погасивъ свѣчу и оставшись впотьмахъ, съ перепугу все еще продолжала набожно креститься.

Поутру она разсказала дворовымъ людямъ о своихъ ночныхъ страхахъ.

— Филинъ, проклятый... — говорила она. — Да вѣдь такъ напугаль, что я вдругъ, со сна-то, ничего и сообразить не могла...

Слухъ объ этомъ ночномъ происшествіи скоро разнесся по сосѣднимъ деревнямъ. Деревенскія старухи, какъ извѣстно, догадливы и сейчасъ же сообразили, что не филинъ прилеталъ и ухалъ надъ крышей барскаго дома, а подъ видомъ филина, должно-быть, изволилъ проказничать самъ «нечистый»...

Одинъ деревенскій колдунъ даже являлся къ старушкѣ съ предложеніемъ избавить ее на будущее время отъ непріятныхъ посѣщеній.

— Знаю, матушка, такое слово... Отчитаю единымъ мигомъ. Ужъ будьте спокойны! — говорилъ колдунъ.

Но старушка отказалась отъ его услугъ и даже немного разсердилась.

— А ну тебя! — махнувъ рукой, сказала она колдуну. — Убирайся ты со своимъ «словомъ»!.. Ну, скажи ты мнѣ на милость, съ чего «нечистому» прилетать ко мнѣ?..

Колдунъ только плечами пожалъ. Онъ, признаться, и самъ не зналъ: для чего было «нечистому» беспокоиться летать ночью надъ барскимъ домомъ и вопить дикимъ голосомъ. Не отвѣтивъ на предложенный вопросъ, колдунъ съ неудовольствіемъ, молча, удалился во-свояси.

Вспомнивъ объ этомъ давнишнемъ происшествіи, я подумалъ: въ самомъ дѣлѣ, какое раздолье совамъ въ осеннюю пору, когда ночи такъ долги и темны, и зато какъ должны быть недовольны свѣтлыми лѣтними ночами эти хищники, эти птицы мрака.

И подъ вліяніемъ этихъ думъ и воспоминаній я и самъ не знаю, какимъ образомъ въ головѣ моей въ тѣ мгновенья разомъ сложилась сказочка изъ жизни совъ, сложилась такъ ясно, такъ ярко, такъ живо и картинно, что я тотчасъ же взялъ карандашъ, нѣсколько четвертушекъ бумаги, подсѣлъ къ подоконнику и при бѣлесоватомъ, призрачномъ свѣтѣ майской ночи крупными буквами написалъ заглавіе: «*Заговоръ совъ*».

Безъ отдыха, почти не отрываясь, писалъ я часъ и два... Впрочемъ, за работой я не замѣчалъ, какъ шло время, какъ

«бѣлая» ночь смѣнилась яркимъ утромъ. Солнце уже взошло, золотистые лучи его уже играли въ ясномъ небѣ и огненными искрами пробѣгали по желѣзнымъ крышамъ со-сѣднихъ домовъ, когда я, доканчивая сказку, писалъ: «Солнце снова взошло надъ міромъ»...

Послѣ того, усталый, я прилегъ на свой диванъ, но, не смотря на усталость, а можетъ-быть, именно вслѣдствіе ея, я не могъ скоро заснуть и сквозь сонъ слышалъ гулъ пробудившагося города: стукъ экипажей, голоса на дворѣ, хлопанье дверями и издали доносившійся звонъ колоколовъ...

Днемъ, прочитавъ написанную сказочку, я положительно сталъ втупикъ: по моему мнѣнію, она не годилась ни для толстаго журнала, ни для газеты, и я не зналъ, гдѣ можно будетъ напечатать ее.

Такъ прошли дня два-три, и я попрежнему съ педоумѣніемъ посматривалъ на «Заговоръ совъ».

Тутъ мнѣ какъ-то припомнилось, что есть въ Петербургѣ журналъ для дѣтей и, какъ я слышалъ, очень хорошій журналъ — «Дѣтское Чтеніе». И я подумалъ, не напечатать ли въ этомъ журналѣ мою сказочку... На другой день я немного поправилъ ее, сократилъ мѣстами, кое-что измѣнилъ въ ней и переписалъ набѣло. Но тотчасъ же отнести рукопись въ редакцію я не рѣшился и положилъ ее на столъ подъ книги. Черезъ недѣлю я снова перечиталъ рукопись, еще исправилъ въ ней кое-что и снова переписалъ.

Наконецъ въ одно ясное іюньское утро, засунувъ рукопись въ карманъ, я отправился на поиски редакціи «Дѣтскаго Чтенія». Въ первомъ же книжномъ магазинѣ мнѣ указали ея адресъ и притомъ сообщили, что редакторомъ журнала состоитъ Алексѣй Николаевичъ Острогорскій.

Случайно я попалъ въ редакцію во-время, въ пріемный день.

Тамъ встрѣтилъ меня какой-то офицеръ — молодой человекъ, блондинъ, средняго роста, худощавый, очень симпатичной наружности.

Это и былъ редакторъ «Дѣтскаго Чтенія», А. Н. Острогорскій.

Этотъ человекъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе. Онъ внушалъ довѣріе къ себѣ и вызывалъ на дружескую откровенность.

Острогорскій обѣщалъ мнѣ отвѣтъ по поводу моей сказочки черезъ недѣлю.

Придя черезъ недѣлю въ редакцію «Дѣтскаго Чтенія», я узналъ, что «Заговоръ совъ» принятъ. Вскорѣ же (въ іюньской книжкѣ этого журнала) онъ былъ и напечатанъ. Этой первой моей сказкѣ посчастливилось: она была не разъ перепечатана въ различныхъ сборникахъ и переведена на иностранные языки.

До того времени я не думалъ писать для дѣтей. «Заговоръ совъ» я писалъ, вовсе не предполагая, что эта сказочка пригодится для дѣтскаго журнала. А. Н. Острогорскій посоветовалъ мнѣ писать для дѣтей и предложилъ сотрудничать въ его журналѣ. Мысль работать для подрастающаго поколѣнія мнѣ пришлась по душѣ, и послѣ того я напечаталъ въ «Дѣтскомъ Чтеніи»: «Ночь подъ Новый годъ», «Слѣпой изъ Данилова», «Два выстрѣла», «Повѣсть о хлѣбѣ», «Бѣдный Христось», «Неразлучники», «Передъ печкой», «Алхимикъ», «Исторія двухъ елей», «Рыжій графъ», «Сказка о кладѣ», «Дочь угольщика», «Арфа звучала» и цѣлый рядъ другихъ рассказовъ.

Въ своихъ рассказахъ и повѣстяхъ я не старался поддѣлываться подъ дѣтскія понятія, подъ дѣтскій говоръ; я писалъ ихъ, вовсе не думая о томъ, что для дѣтей надо писать какъ-то по-особенному, слащаво и сюсюкая. Все дѣло заключалось для меня лишь въ выборѣ сюжета, но когда содержаніе рассказа было намѣчено, я уже писалъ совершенно свободно, такъ, какъ писалъ для взрослыхъ. И мнѣ думается, что именно такому простому способу изложенія, а не какимъ-нибудь особенно выдающимся достоинствамъ обязаны мои рассказы тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ читались охотно.

Мои рассказы большей частью грустны... Въ предисловіи къ первому изданію моихъ «Задушевныхъ рассказовъ», объясняя ихъ грустный тонъ, я писалъ:

«Вѣдь и въ мірѣ дѣйствительности, какъ въ этихъ маленькихъ повѣстяхъ, несравненно болѣе горя, чѣмъ радостей; вѣдь и въ жизни такъ же, какъ въ этой маленькой книгѣ, несравненно чаще можно видѣть слезы, чѣмъ веселую, сіяющую улыбку... Рюкертъ замѣчаетъ, что поэтъ долженъ чаще и больше говорить о людскихъ страданіяхъ, о горестяхъ, нежели о радостяхъ и наслажденіяхъ, если желаетъ, чтобы его произведенія были ближе приняты къ сердцу большинствомъ его читателей. И Рюкертъ совершенно справедливо это объясняетъ именно тѣмъ, что

. . . „Многимъ не дано
Извѣдать въ мірѣ наслажденья,
По въ каждой груди есть зерно
Тяжелой скорби и сомнѣнья“...

Грустный тонъ большинства моихъ рассказовъ, можетъ-быть, отчасти объясняется еще и тѣмъ, что мнѣ самому не весело жилось, не свѣтлой стороной обращалась ко мнѣ жизнь, немного радостныхъ картинъ она мнѣ рисовала, а мрачныя, печальныя картины на каждомъ шагу встрѣчались мнѣ... Что жъ дѣлать! Видно, ужъ таково мое счастье...





Учительствую въ сельской школѣ.

I.



Мой добрый знакомый, Ф. Н. Л., сообщилъ мнѣ, что одна барыня подумываетъ завести школу въ своемъ имѣніи, подыскиваетъ подходящаго учителя, и спросилъ меня, не возьмусь ли я за устройство школы.

Дѣло происходило въ началѣ 70-хъ годовъ.

Хотя я въ то время уже выбралъ себѣ путь въ жизни и въ теченіе шести лѣтъ довольно прилежно уже работалъ на литературномъ полѣ, но, тѣмъ не менѣе, въ принципѣ я былъ согласенъ сдѣлаться сельскимъ учителемъ. Самос дѣло учительства манило меня къ себѣ, да и, кромѣ того, жизнь въ деревнѣ, среди народа, была всегда для меня привлекательна. Но смущалъ меня чисто практическій вопросъ: въ состояніи ли я буду хорошо устроить школу? Смогу ли я безъ предварительной, основательной подготовки сдѣлаться порядочнымъ, толковымъ учителемъ? Положимъ, во дни студенчества я жывалъ «на кондиціяхъ», давалъ уроки въ помѣщичьихъ семьяхъ. Но готовить двухъ-трехъ дѣтей къ поступленію въ гимназію или устроить и вести школу съ полусотней крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ — два дѣла, совершенно различныя.

Дѣло, повторяю, мнѣ было по сердцу, но мнѣ казалось страшно взяться за него, ибо я на него смотрѣлъ, какъ на дѣло весьма серьезное и отвѣтственное, каково оно и есть въ дѣйствительности. Я сознавалъ всю свою неподготовленность, и сознание мое высказалось вслухъ въ видѣ полувопроса, полувосклицанія:

— Сумѣю ли?!

— Конечно, сумѣете!.. Добудьте книгъ, проштудируйте ихъ хорошенько... — ободрялъ меня пріятель. — Барыня будетъ очень довольна, и вы, навѣрное, сойдетесь съ ней...

Конечно, я зналъ, что можно купить книжекъ и проштудировать ихъ; все это такъ... но въ то же время я зналъ, что настоящихъ педагогическихъ приемовъ, педагогическаго умѣнья, навыка, не вычитаешь ни изъ какихъ книгъ. Въ этомъ случаѣ необходима практика: нужно видѣть, *какъ на дѣлѣ примѣняется* тотъ или другой педагогическій приемъ, и затѣмъ надо время, чтобы самому приспособиться къ дѣлу. Послѣдствіемъ колебаній вышло то, что я не рѣшился сказать моему пріятелю ни «да» ни «нѣтъ».

На другой день ко мнѣ пришла сама «барыня» или, вѣрнѣе, барышня — С. А. Л.

Тутъ вопросъ для меня еще пуце осложнился...

По словамъ г-жи Л., оказывалось, что въ ихъ мѣстности, неподалеку отъ имѣнія ея отца, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ существуетъ школа, но крайне плохая: въ двѣ, въ три зимы ребята въ этой школѣ едва могутъ научиться кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, читать и писать, да и тѣ скудныя знанія скоро утрачиваются, и случаи рецидивизма безграмотности — самое обыкновенное явленіе.

Всѣ эти жалости достойныя обстоятельства съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе дискредитировали во мнѣніи крестьянъ школу, ея значеніе, да и вообще значеніе науки, «ученья». Наставниками въ этой школѣ являлись родственники мѣстнаго священника, но эти наставники смотрѣли на учительство лишь какъ на Brodarbeit до получения

болѣе доходнаго мѣста, какъ на временное занятіе, дающее средства къ жизни: школа была для нихъ лишь станціей на пути къ дьяконству или священству. Относились они къ дѣлу безъ любви, холодно и нехотя, спустя рукава, словно отбывая какую-нибудь немилую повинность. Въ ряду учебныхъ пособій розги, какъ водится, занимали главное мѣсто. Наказаніе производилось, какъ говорили, тутъ же, въ классѣ, на глазахъ у всѣхъ (школа, кажется, была только для мальчиковъ). Крестьяне, можетъ-быть, и не оцѣнивали по достоинству весь цинизмъ подобныхъ наказаній, но было очевидно, что они все-таки оставались недовольны такимъ отношеніемъ къ ихъ дѣтямъ. Крестьяне видѣли, что ребята напрасно цѣлыя зимы ходятъ въ школу, «только напрасно одежду да обутку рвутъ», что въ школѣ ихъ походя стегаютъ зря, и деревенскіе люди, понятно, стали смотрѣть на школу, какъ на пустое баловство и неохотно пускали ребятъ въ «науку». Школа сама, стараніями учителей, подрывала къ себѣ довѣріе въ средѣ сельскаго населенія.

Обо всемъ этомъ подробно, обстоятельно рассказала мнѣ г-жа Л.

— Вотъ видите, при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ я завожу школу!—закончила она свой рассказъ.—Крестьяне почти совсѣмъ разочаровались въ школѣ. Чтобы сломить ихъ недовѣріе и расположить къ школѣ, нужно сразу же какъ можно лучше повести дѣло... Пусть они увидятъ, что въ одну зиму мальчикъ, безъ розогъ и безъ битья, можетъ научиться читать, писать, считать, получить кое-какія свѣдѣнія о природѣ, о родной странѣ...

Можно было бы подумать, что рассказъ г-жи Л. окончательно меня обезкуражитъ и охладитъ, какъ вылитый на меня ушатъ студеной воды, и заставитъ меня окончательно и наотрѣзъ отказаться отъ учительства при такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ. Но — загадочна человѣческая душа! — именно этотъ-то рассказъ и побудилъ меня принять сдѣланное мнѣ предложеніе. Учительство при сказанныхъ условіяхъ являлось уже въ иномъ свѣтѣ, подразу-

мѣвая большія трудности, борьбу, а борьба и бури были мнѣ по душѣ. Мы ударили по рукамъ.

Мнѣ было обѣщано, что никто не станетъ вмѣшиваться въ мое дѣло и не будетъ меня стѣснять. Мнѣ давались матеріальныя средства и *carte blanche* устраивать и вести школу наилучшимъ образомъ, согласно моимъ взглядамъ и убѣжденіямъ. Такая постановка придавала дѣлу въ моихъ глазахъ еще болъшую заманчивость, но въ то же время и усугубляла мою отвѣтственность. Наибольшую отвѣтственность принимаетъ на себя тотъ, кто получаетъ наибольшую свободу дѣйствія въ извѣстной сферѣ. Оправдать оказанное довѣріе (съ чьей бы стороны оно ни было дано), не злоупотребить своими полномочіями, воспользоваться наиболѣе полно предоставленной свободой для общественнаго блага. — не легкая задача.

Устраиваемая школа была отчасти земская, отчасти частная. Г-жа Л. устраивала ее по своей инициативѣ въ имѣніи отца; она давала землю подъ школу, помѣщеніе, нанимала прислугу и пріобрѣтала на свой счетъ часть школьной обстановки; земство, сколько мнѣ помнится, сдѣлало на свои средства другую часть обстановки и ассигновало 300 руб. въ годъ на содержаніе учителя. Ремонтъ школы взялись, кажется, производить сообща земство и г-жа Л. Такимъ образомъ, мнѣ было предложено 25 руб. въ мѣсяць, квартира и прислуга.

Я спросилъ г-жу Л., кто будетъ преподавать въ школѣ Законъ Божій?

— Вы же, конечно! — отвѣтила она.

— Хорошо! — сказалъ я. — Такъ я начну съ Новаго завѣта, съ Евангелія...

— Кстати, у меня и картины есть изъ Новаго завѣта!

Не позже, какъ черезъ двѣ недѣли я долженъ былъ явиться въ школу. Переговоры съ г-жей Л. происходили у меня въ концѣ сентября.

Сказано — сдѣлано. Купилъ я себѣ книжку Корфа о звуковомъ методѣ обученія и другую книжку его же, ка-

жется, подъ заглавіемъ «Нашъ другъ». Первую книжку я проштудировалъ основательно, но «Нашего друга» забраковалъ и предпочелъ ему для школы книги Ушинскаго. Всѣ эти прелиминарныя сообщенія оказываются необходимыми для пониманія многаго изъ того, что послѣдуетъ далѣе.

Г-жа Л. раньше отправилась въ деревню, поручивъ мнѣ кое-что закупить для школы. Въ первой половинѣ октября и я отправился на свое новое поприще дѣятельности. Проѣхавъ нѣсколько станцій по Николаевской желѣзной дорогѣ, я вышелъ изъ вагона и нанялъ пару лошадей. Ямщикъ веселыми возгласами подбадривалъ коней: «Эхъ вы, соколки! Съ горки на горку! Дастъ баринъ на водку»... Мѣстность, дѣйствительно, была волнистая, ямщикъ везъ хорошо и могъ не безъ основанія льстить себя пріятными надеждами... Ночью пріѣхали въ Б., уѣздный городокъ, на ту пору уже спавшій крѣпкимъ, мирнымъ сномъ. Утромъ рано я тронулся далѣе въ путь къ мѣсту моего назначенія въ село Б. М., бывшее нѣкогда большой станціей на бойкомъ почтовомъ трактѣ, уже давно заброшенномъ и утратившемъ всякое значеніе со времени проведенія желѣзныхъ дорогъ.

II.

М*** оказывалось большимъ селеніемъ. Мы долго ѣхали по его главной улицѣ, мощеной жердями, миновали почтовое отдѣленіе, завернули за уголь, прогремѣли по мосту и, наконецъ, поднявшись съ моста на бугоръ, очутились передъ школой или, вѣрнѣе, передъ домомъ, предназначавшимся подъ школу. Это была съ виду довольно хорошая, почти новая, большая изба, приткнутая на юру и предоставленная на произволь всѣхъ четырехъ вѣтровъ. Вокругъ—ни дерева ни кустика; старый, дырявый плетень да какіе-то жалкіе сарайчики — и только. Узкимъ коридоромъ изба раздѣлялась на двѣ части: направо отъ входа — кухня и помѣщеніе для сторожихи; рядомъ — чуланъ, нѣчто въ родѣ кладовой; налѣво первая дверь вела въ школу, т.-е., соб-

ственно въ классную, далѣе дверь — въ мою комнату. Комната въ два окна, съ большой русской печью въ углу.

«Жить можно!» рѣшилъ я про себя, оглянувъ отведенное мнѣ помѣщеніе. Но, какъ оказалось впослѣдствіи, это помѣщеніе имѣло одно очень большое неудобство, которое, впрочемъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, при теплой осенней погодѣ, не могло дать себя почувствовать.

Противъ школы, прямо черезъ дорогу, въ глубинѣ двора стоялъ почтенный, настоящій барскій домъ, окруженный съ трехъ сторонъ примыкавшимъ къ нему обширнымъ тѣнистымъ садомъ. Въ этомъ-то домѣ жила основательница школы и ея семья — отецъ, мать, сестра.

Отецъ ея былъ генеральъ николаевскихъ временъ, кажется, сослуживецъ Клейнмихеля, — высокій, худой старикъ, полумертвецъ. Неизлѣчимый недугъ буквально, какъ говорится, «приковалъ его къ одру». Старикъ проводилъ свои послѣдніе дни или, вѣрнѣе, годы, не вставая съ постели. Жизнь его только и поддерживалась ежедневными впрыскиваніями морфія. Старшая дочь производила эти впрыскиванія, и послѣ нихъ больной оживалъ, избавляясь на время отъ своихъ тяжкихъ страданій.

Мать и обѣ дочери производили на меня очень пріятное впечатлѣніе. Между сестрами, впрочемъ, было мало общаго.

Старшая — сдержанная особа, очень любезная и внимательная, съ мягкими, спокойными манерами, съ тихимъ, ровнымъ голосомъ. Изъ такихъ дѣвушекъ жизнь вырабатываетъ самоотверженныхъ Антигонъ, добрыхъ, честныхъ женъ, прекрасныхъ матерей семействъ. Тихо, но не безслѣдно такія женщины проходятъ въ мірѣ... Младшая же сестра, С. А. (основательница школы), была ея живымъ контрастомъ. Наружность ея была также симпатична, хотя совершенно въ другомъ родѣ. Худошавая, нервная, съ живыми темными глазами... Вся — огонь, пламя; вѣчно увлекающаяся, еще болѣе старшей сестры готовая на самопожертвованіе, готовая забыть себя ради идеи, ради общественнаго блага. Обращеніе ея было нервное, — то спокойное,

тихое, то рѣзкое, порывистое; въ голосѣ ея слышалась нервная дрожь. Въ загадочной глубинѣ ея выразительныхъ темно-карихъ глазъ было что-то трагическое, что-то роковое, невольно заставлявшее опасаться за нее. Эта молодая дѣвушка не жила, но горѣла... Многіе впослѣдствіи находили, что С. Л. кончила печально. Я же всегда думалъ, что она кончила такъ, какъ должна была кончить, и не было иного исхода для этой натуры — кипучей, страстной и несчастной...

Въ слѣдующіе два дня — пятницу и субботу — я устраивалъ свое помѣщеніе и приводилъ въ порядокъ всю школьную обстановку. Нужно было повѣсить въ школѣ висячюу лампу, развѣсить по стѣнамъ раскрашенныя картины изъ св. писанія, изъ русской исторіи и рисунки съ изображеніемъ разныхъ звѣрей и птицъ. Нужно было переписать книги, имѣвшіяся въ школьной библіотекѣ, и составить наскоро каталогъ.

Въ эти дни съ утра до вечера ко мнѣ приходили «записываться» желающіе поступить въ школу — мальчишки и дѣвочки, иные въ сопровожденіи отца или матери, иные же, побойчѣе,—одни. Въ эти два дня записалось человѣкъ 40, да на слѣдующей недѣлѣ, уже во время занятій, прибыло еще около 20 человѣкъ изъ сосѣднихъ деревень. С. А. ранѣе уже сама начинала урывками заниматься съ ребятами и теперь пустила самыя заманчивыя слухи объ ея «новой школѣ».

Нѣкоторые изъ отцовъ, приводившіе ко мнѣ своихъ ребятъ, спрашивали меня:

— Правду говорятъ, что ты можешь въ одну зиму научить читать и писать?

— Постараюсь даже научить скорѣе... мѣсяца въ три!— отвѣчалъ я.

— Ой ли!—съ изумленіемъ говорили отцы, недоувѣрчиво покачивая головой.—Что ужъ больно скоро... Вѣдь этакъ, пожалуй, и мы, старики, учиться къ тебѣ придемъ!

— Ну, что жъ, — говорю, — и въ добрый часъ! Только хватитъ ли меня одного на всѣхъ!..

— Мальченка-то моего не оставь, подучи, пожалуйста!— упрасиваль одинъ чадолюбивый отецъ семейства. — Уждо моя старуха, какъ-нибудь, яичекъ тебѣ принесеть, либо кончикъ холста... Холстъ-то добрый!.. Уважь! Не оставимъ!

Отъ холстины и отъ яицъ, какъ вообще отъ всякихъ приношеній, я, конечно, отказался разъ навсегда, объяснивъ просителямъ, что я за свою работу получаю жалованье и уже ни на какія приношенія не имѣю права, что просьбу ихъ «поскорѣе подучить» я и безъ того долженъ «уважить».

Матери все хлопотали больше о тѣлѣ.

— Стегать-то станешь?—спрашивали меня бабы.

— Нѣтъ, не стану!— категорически отвѣчалъ я.

Одна мамаша готова была торговаться и итти на уступки и заботилась только о томъ, чтобы «того»... «не счень больно».

— Извѣстно, парнишка глупъ...—разсуждала она, глядя по головѣ своего сыночка, парня лѣтъ 14, чуть ли не выше ея ростомъ. — Для чего иной разъ не постегать... только, чтобы не шибко... А то вонъ въ той школѣ какъ деруть — страсть! До крови настегаютъ... Съ разумомъ ежели постегать — ничего!

Я увѣрялъ бабъ, что ни съ разумомъ ни безъ разума сѣчь ребятъ не стану, и убѣдительно просилъ, чтобы и сами онѣ дома моихъ учениковъ и ученицъ не подвергали этому тѣлесному наказанію. И должно отдать честь этимъ деревенскимъ отцамъ и матерямъ: никто изъ нихъ не упрасиваль меня сѣчь ребятъ.

Всѣмъ записывавшимся я объявлялъ, чтобы они въ воскресенье, къ 5 часамъ вечера, собрались въ школу, при чемъ пояснялъ, что ученья въ этотъ вечеръ я, разумѣется, не начну, но хочу только познакомиться съ ними, поговорить кое о чемъ и кстати поучу ихъ тому, какъ надо учиться.

Въ воскресенье вечеромъ зажгли лампу. Пришла С. А., собрались ученики; всѣ свободныя мѣста около двери и за лавками были заняты разношерстной деревенской публикой.

Съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ и, повидимому, ожидали какого-то торжественнаго начала. Но никакой торжественности не вышло...

Для того, чтобы познакомиться со степенью развитія моихъ будущихъ учениковъ, я сталъ спрашивать то того, то другого изъ нихъ: каково они живутъ? сколько у нихъ лошадей, коровъ, овецъ? сколько у нихъ въ надѣлѣ десятинъ земли? когда сѣютъ рожь и яровое? почему не раньше? много ли ставятъ стоговъ на лугахъ? поздно ли кончается молоченье? и т. д. Ребята сначала нѣсколько смущались: они, очевидно, не ожидали подобныхъ вопросовъ, но, несмотря на ихъ смущеніе, отвѣты по большей части получались толковые. Я скоро увидаль, что съ этимъ маленькимъ народомъ можно хорошо поведсти дѣло.

Затѣмъ я указаль имъ на то, что они должны стараться учиться какъ можно лучше — для того, чтобы деньги, потраченныя на школу, на ихъ ученье, не пропали даромъ. Тутъ я по пальцамъ сталъ высчитывать: что стоить ихъ ученье, т.-е. устройство и содержаніе школы, постройка дома, обзаведеніе обстановки — столовъ, лавокъ, доски, счетовъ, шкапа для книгъ; далѣе — учебныя принадлежности: учебныя книги, бумага, перья, чернила, карандаши, подвижныя буквы, картины на стѣнахъ, книги для чтенія.

— Все это, — говорилъ я, — стоитъ денегъ — и немалыхъ денегъ. Я за свои занятія съ вами буду получать 25 рублей въ мѣсяцъ. Вы только подумайте: *двадцать пять руб-лей!* — проговорилъ я съ разстановкой и внушительно, смотря на ребятъ.

Я зналъ, что 25 рублей имъ покажется громадной суммой; при чемъ мнѣ также было извѣстно, что самое сильное впечатлѣніе на дѣтей, обыкновенно, производятъ подробности наиболѣе конкретнаго свойства. Дѣтскій умъ еще не готовъ для отвлеченностей и для широкихъ обобщеній; ребенокъ — реалистъ par excellence, и даже въ область фантастическихъ вымысловъ вноситъ онъ свой реализмъ.

— Смотрите же, чтобы ни одинъ день въ школѣ не пропалъ для васъ даромъ!—говорилъ я.—Пусть не говорятъ добрые люди, что деньги на васъ тратятся напрасно! Отъ школы вы не увидите ничего худого, но узнаете въ ней много добраго, полезнаго для себя... Поэтому каждый порядочный ученикъ будетъ относиться къ школѣ съ уваженіемъ и съ любовью.

Далѣе я пояснилъ, что значитъ *хорошо* учиться.

— Нужно внимательно слушать меня, — говорилъ я, — и стараться понять, о чемъ я говорю. Чего не поймете, спрашивайте меня сейчасъ же; когда же поняли, то старайтесь понятное запомнить навсегда, а для того, чтобы запомнить, повторяйте про себя, молча или вслухъ, то, что надо запомнить. На авось, не подумавши, не отвѣчайте, не торопитесь; если чего не знаете, такъ и скажите: «Не знаю!» Намъ придется начать ученье съ азбукѣ.

Я объяснилъ, что для каждого звука нашего голоса есть соотвѣтствующій знакъ — буква (тутъ я взялъ изъ ящика *о* и сказалъ, какъ читается эта буква), что всѣ буквы вмѣстѣ составляютъ *азбуку*, что слово «азбука» происходитъ отъ названія первыхъ двухъ буквъ, читавшихся постаринному «азъ», «буки». Чтобы не потерять даромъ вечера, я воспользовался случаемъ и экспромптомъ сталъ показывать ребятамъ буквы: *о*, *а*, *у*, *х*. Тотчасъ же мы стали разлагать слова: «ухо», «уха», «охъ», «ахъ», на составляющіе ихъ звуки, и затѣмъ изъ этихъ звуковъ снова составлять слова. Черезъ полчаса мальчики и дѣвочки посмышленѣе уже начали постигать механизмъ слоговъ, т. - е. чтенія.

Публика; не дождавшаяся никакого торжественнаго вступленія, тѣмъ не менѣе, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за всѣмъ происходившимъ.

Въ восьмомъ часу наша первая бесѣда кончилась. На завтра слѣдовало начаться ученю.

— Понедѣльникъ — день-то тяжелый!—замѣтилъ одинъ изъ публики при выходѣ изъ школы.

— Нѣтъ,—говорю,—день хорошій, легкой... онъ тяжель только для того, кто въ воскресенье былъ шибко пьянь. Веселый смѣхъ слышался въ толпѣ.

III.

Въ понедѣльникъ, едва ли не съ семи часовъ утра, у меня за стѣной послышалось движеніе — стукъ дверьми, шарканье, сдержанный говоръ: ученики мои на первый разъ спозаранку забирались въ школу.

Въ 9 часовъ я пришелъ въ классъ. Смотрю: дѣвочки сидятъ налѣво, мальчики — направо, точь въ точь, какъ народъ размѣщается въ сельскихъ церквахъ: мужчины — направо, женщины — налѣво. «Ну, думаю, это не дѣло!»

— Не такъ,—говорю,—вы сѣли...

И тотчасъ же рассассировалъ ихъ, рассадивъ вперемежку тѣхъ и другихъ. (Мальчиковъ было больше: они составляли почти $\frac{2}{3}$ всѣхъ учащихся.) Мальчики были отъ 8 до 15 лѣтъ; дѣвочекъ не было старше 13.

Противъ совмѣстныхъ школъ и понынѣ еще изрѣдка раздаются голоса, — голоса послѣднихъ могоканъ. Трудно привести болѣе или менѣе основательныя возраженія противъ подобныхъ школъ. Такъ я думалъ до своего учительствованія, а послѣ него на практикѣ еще тверже убѣдился во всей несостоятельности нападокъ на совмѣстныя школы (я говорю о сельскихъ школахъ).

Въ деревняхъ мальчики и дѣвочки растутъ вмѣстѣ, вмѣстѣ они и дома и на улицѣ, вмѣстѣ играютъ, бѣгаютъ по полямъ и по лѣсамъ, — послѣ этого что же можетъ быть дурного, если они вмѣстѣ же станутъ заниматься дѣломъ подѣ надзоромъ учителя? Что бы, напр., такое предосудительное дѣвочки могли узнать въ школѣ отъ мальчиковъ, чего онѣ еще не знали, не слышали до той поры? Возьмемъ худшее,—допустимъ, что дѣвочки рискуютъ услышать отъ мальчишекъ какую-нибудь грубую, не совсѣмъ приличную шутку или даже ругательное слово. Но вѣдь дѣло-то въ томъ, что

подобныя милыя шуточки и ругательства въ деревнѣ ни для кого не новость, и дѣвочки еще задолго до своего поступленія въ школу уже много разъ слышали ихъ отъ отцовъ, отъ братьевъ или, просто, на улицѣ отъ какого-нибудь пьянаго забулдыги. Къ тому же, кстати замѣчу, этимъ непріятно звучащимъ для насъ словамъ въ деревнѣ далеко не придается того шокирующаго значенія, какое они имѣютъ для культурнаго человѣка, — такъ же точно, какъ ребенокъ до двухъ, до трехъ лѣтъ безъ всякой мысли о безстыдствѣ продѣлываетъ много такого, что во взросломъ человѣкѣ мы можемъ признать лишь за проявленіе цинизма. Вообще, въ ругательствахъ пьянаго мужика заключается менѣе оскорбительнаго и менѣе вреднаго для общественной нравственности, нежели въ нашихъ опереткахъ, въ которыхъ самый необузданный развратъ, подслащенный и замаскированный и тѣмъ еще болѣе ядовитый, заставляеть захлебываться отъ восторга культурныхъ людей.

Школа, напротивъ, какъ я убѣдился на дѣлѣ, при совмѣстномъ обученіи можетъ только улучшить, смягчить, облагородить отношенія между дѣвушками и молодыми людьми. Въ моей школѣ мальчики относились къ дѣвочкамъ совершенно по-товарищески, но, тѣмъ не менѣе, они не позволяли себѣ съ дѣвочками того, что иногда, расшалившись, допускали по отношенію другъ къ другу. Я замѣтилъ, что съ теченіемъ времени въ отношеніяхъ мальчиковъ къ дѣвочкамъ стала сказываться скрытная, словами не передаваемая деликатность. Нѣкоторые изъ моихъ учениковъ, можетъ-быть, впоследствии женились «по любви» на своихъ школьныхъ товаркахъ. Но развѣ подобный союзъ дурень? Не нахожу, чтобы онъ былъ менѣе желателенъ, чѣмъ бракъ по расчету, навязанный разными внѣшними обстоятельствами или заключенный подъ вліяніемъ бѣшеной вспышки животной страсти...

Занятія въ школѣ начинались съ 9 часовъ. Съ 12 до 1 часу дѣлался перерывъ для обѣда; затѣмъ занятія продолжались съ 1 часу до 4. Въ половинѣ 11-го и въ поло-

винѣ 3-го на 15 минутъ я отпускалъ школьниковъ на дворъ — побѣгать и поразмять ноги. Такимъ образомъ, въ сутки выходило на занятія $5\frac{1}{2}$ часовъ. Это не особенно обременительно, если принять въ расчетъ, что у меня было положено за правило никакихъ работъ въ теченіе перваго года на домъ *не давать*. Ученики должны были работать только въ школѣ, а дома, если имъ заблагоразсудится, могли лишь читать по своей волѣ. Я, по крайней мѣрѣ, не могъ замѣтить, чтобы ученики особенно утомлялись къ концу классовъ, хотя въ этомъ отношеніи я очень зорко слѣдилъ за ними. Если же послѣ горячихъ занятій, требовавшихъ продолжительнаго умственнаго напряженія, я иногда подмѣчалъ въ своихъ ученикахъ нѣкоторую вялость, какъ результатъ утомленія, то уже не насиловалъ ихъ и *de facto* ранѣе кончалъ урокъ, но по домамъ учениковъ все-таки не отпускалъ ранѣе разъ назначеннаго часа: дисциплина — не внѣшняя, не казовая, но внутренняя, сознательная дисциплина необходима въ каждомъ дѣлѣ. Къ такому случаю я, обыкновенно, приберегалъ какой-нибудь интересный, удобопонятный рассказъ безъ голой морали, но самимъ содержаніемъ своимъ дававшій возможность вывести ту или другую мораль. Тутъ ужъ *мнѣ* приходилось работать, а ученики какъ бы отдыхали.

Въ теченіе первой недѣли я познакомилъ свою аудиторію со всѣми гласными буквами и съ нѣкоторыми изъ согласныхъ. Мы разлагали слова на составляющіе ихъ звуки и, наоборотъ, изъ звуковъ собирали слова. Такъ, въ теченіе первой недѣли мы уже бойко читали: «ухо, уха, муха, мохъ, мама, Маша, хорошо, соха, борона, кошка, овца, корова, село, деревня, узда, дуга, мука, мыло, тятя, вилы, пила, Тома, Анна» и нѣк. др. (Твердый и мягкій знаки—ъ и ъ—я показалъ лишь въ половинѣ второй недѣли.)

Одновременно съ чтеніемъ шло и письмо. Писали сначала печатными буквами и безъ употребленія прописныхъ буквъ. Разложивъ слово и снова составивъ его, мы прочитывали его разъ, другой и третій и затѣмъ писали это слово.

Мнѣ могутъ при этомъ указать на то, что я, приучая школьниковъ писать печатными буквами, доставлялъ себѣ и имъ двойную работу, такъ какъ въ послѣдствіи имъ, конечно, пришлось переучиваться писать. Нѣтъ, двойной работы тутъ не оказывается, и переучиваться почти нечему, потому что очертанія большинства нашихъ печатныхъ буквъ совершенно тождественны съ очертаніями письменныхъ литеръ (за исключеніемъ буквъ: а, г, д, т, ч, ѣ).

По крайней мѣрѣ, въ моей м—ской школѣ переходъ отъ печатныхъ къ письменнымъ буквамъ произошелъ совершенно незамѣтно, можно сказать, шутя, и потребовалъ отъ меня лишь нѣсколькихъ краткихъ объясненій и 2—3 дней практики. Въ сущности приходилось учиться не столько новымъ начертаніямъ буквъ, сколько новому способу письма ихъ.

Въ школѣ, какъ водится, въ одномъ углу стояла традиціонная черная доска, съ губкой и кусочками мѣла; въ другомъ углу помѣщались такой же величины счеты. Познакомивъ учениковъ съ цифрами, я въ теченіе второй недѣли приступилъ къ двумъ первымъ ариѳметическимъ правиламъ — сначала на счетахъ, потомъ на доскѣ, въ тетрадяхъ и «въ умѣ». Перешли прямо къ практикѣ и занялись рѣшеніемъ маленькихъ задачъ. Два раза въ недѣлю происходили у насъ бесѣды изъ Закона Божія. Я бралъ тотъ или другой праздникъ и рассказывалъ исторію тѣхъ событій, о которыхъ данный праздникъ намъ напоминаетъ. При этихъ объясненіяхъ я пользовался картинами, и бесѣды принимали иногда очень оживленный характеръ.

Иногда для того, чтобы сосредоточить на время свое вниманіе на болѣе слабыхъ и отсталыхъ, раздавалъ я одной половинѣ класса обрывки газетъ затѣмъ, чтобы ученики подчеркивали карандашомъ встрѣчавшіяся имъ знакомыя буквы и тѣ слова, которыя они были въ состояніи прочесть; пока одна половина класса занималась такимъ подчеркиваньемъ, я работалъ съ другой. Или бывало такъ:

собиралъ тетради у одной половины класса и раздавалъ ихъ другой для того, чтобы въ словахъ, написанныхъ подъ диктовку, были указаны ошибки. Такимъ образомъ я контролировалъ то одну, то другую половину класса.

Вообще, я старался, по возможности, давать просторъ самодѣятельности и разнообразить занятія, ибо я замѣтилъ, что при такомъ разнообразіи дѣти не такъ скоро утомляются : разнообразіе служить какъ бы своего рода отдыхомъ.

Въ моей школѣ не было ни гимнастики ни маршировки. Гимнастики не было потому, что я самъ не могъ преподавать ее и не могъ также поручить ея преподаваніе какому-нибудь безсрочному или отставному солдатику : гимнастика — для того, чтобы она приносила пользу — должна быть поставлена на разумныхъ началахъ, а въ одномъ лазаньѣ или прыганьѣ толку мало. Маршировка же, какъ весьма односторонняя гимнастика, по моему мнѣнію, въ школѣ вовсе не нужна, ибо мускулы ногъ у ребятъ и безъ нея отлично развиваются отъ постоянной ходьбы и бѣгання. А если бы были средства, я завелъ бы при школѣ : 1) бібліотеку ; 2) ремесленное училище и при немъ мастерскую (столярную, слесарную, кузнечную и сапожную) ; 3) метеорологическую станцію ; станцію для изслѣдованія почвъ, хлѣбовъ, животныхъ, вредныхъ для растеній, и сѣмянное депо ; 4) небольшой огородъ и садъ — съ ягодными кустами или съ фруктовыми деревьями, смотря по условіямъ почвы и климата ; 5) поле ; 6) небольшой клочокъ лѣса и при немъ питомникъ ; 7) пчельникъ.

Теперь ужъ я не помню, въ какомъ порядкѣ шло ученіе. При моей скитальческой жизни затерялось не мало интересныхъ документовъ, потерялся и тотъ школьный журналъ, который я велъ изо дня въ день, для того, чтобы впоследствии по немъ мнѣ было легко составить къ концу года отчетъ о пройденномъ въ школѣ. Только вѣрно одно, что къ началу декабря, т. - е. черезъ шесть недѣль послѣ начала занятій, большинство школьниковъ — дѣвочекъ и мальчи-

ковъ, т. - е., по крайней мѣрѣ, $\frac{3}{4}$ учениковъ, читали и писали, умѣли постукивать на счетахъ, слагать и вычитать до *тысячи*, знали содержаніе и смыслъ главныхъ праздниковъ, знали, сколько дней, недѣль и мѣсяцевъ въ году и какъ мѣсяцы называются, могли толково передать «своими словами» нѣсколько басенъ, стихотвореній и сказокъ. Впрочемъ, читать, не торопясь, и нацарапать письмо школьники могли и ранѣе. Они уносили домой газетные обрывки и тамъ вечеромъ читали отцу-матери или сосѣдямъ разныя извѣстія; иногда они брали съ собой книги и читали вслухъ; когда требовалось, смѣло брались написать письмо.

Я теперь и самъ невольно удивляюсь, когда оглядываюсь на прошлое и припоминаю, съ какой быстротой у меня двигалось дѣло. Я и теперь еще не могу дать себѣ вполне яснаго отчета: какимъ образомъ я, человѣкъ неопытный, не подготовленный, могъ достигнуть въ шесть недѣль такого успѣха. Положимъ, я не манкировалъ своимъ дѣломъ, занимался имъ съ любовью; я не прогулялъ ни одного урока, не пропустилъ ни одного дня даже и по болѣзни, хотя и бывалъ боленъ. Я работалъ такъ усердно, какъ будто самъ учился вмѣстѣ съ дѣтьми. Мой жаръ, мое увлеченье, мое настойчивое желаніе сдѣлать дѣло какъ можно лучше и скорѣе, можетъ-быть, сообщались и моимъ ученикамъ. А также, можетъ-быть, въ этомъ случаѣ кое-что значило и то обстоятельство, что я не насилывалъ вниманія учениковъ, старался сдѣлать для нихъ, по возможности, «не горькимъ» корень ученья, старался быть съ ними спокойнымъ, ровнымъ и, не выказывая настойчивости, умѣлъ быть настойчивымъ и добиться того, что мнѣ было надо.

Слухъ о томъ, что въ м—кой школѣ въ полтора мѣсяца ребята научились читать, писать и прикидывать на счетахъ, быстро разошелся по околотку и произвелъ поразительное впечатлѣніе. Такимъ образомъ, одна цѣль была достигнута: намъ удалось поднять во мнѣніи крестьянъ значеніе школы, уже сильно дискредитированной въ той мѣстности.

Однажды, въ началѣ декабря, ко мнѣ явились нѣсколько крестьянъ, изъ нихъ одинъ — человѣкъ уже очень пожилой—сталъ убѣдительно просить меня научить ихъ грамотѣ.

— Ужъ если ты ребятишекъ такъ скоро научилъ, такъ и съ нами не дольше пробьешься!—говорилъ онъ. — Вѣдь мы-то, чай, будемъ посмышленѣе.

— Но когда же,—говорю,—стану я учить васъ! Днемъ я вожусь съ ребятами, къ вечеру устаю... Трудно мнѣ весь день говорить, силъ не хватаетъ... Грудь,—говорю,—болитъ!

Но не могъ я отказать имъ, и условились, что по вечерамъ въ воскресенье и въ четвергъ они станутъ приходить въ школу.

Говорятъ иногда о равнодушіи нашихъ крестьянъ къ школѣ. Если школа два и три года учить-мучить ребятъ и въ заключеніе ничему толкомъ научить не въ состояніи, то спрашивается: за что же на такую школу крестьяне станутъ смотрѣть съ особеннымъ умилениемъ и станутъ интересоваться ею? Подобными школами можно только отбить отъ ученья, но ужъ отнюдь не привлечь къ нему.

О сельской школѣ, о желаемомъ ея устройствѣ, объ ея современномъ состояніи, объ отношеніи къ ней учащихся и сельскаго населенія вообще пишутъ много и охотно, ибо тема, дѣйствительно, весьма богатая, но, къ сожалѣнію, часто по этому вопросу пишутъ люди, витающіе въ теоретическихъ эмпирияхъ, лишь вскользь, *à vol d'oiseau*, знакомые съ деревней и съ деревенской школой. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ изъ всего написаннаго о сельской школѣ и объ отношеніи къ ней деревни лишь самая незначительная часть имѣетъ хоть сколько-нибудь цѣнное значеніе въ качествѣ дѣйствительно толковыхъ обобщеній или сырого матеріала по школьному вопросу. Большая же часть этихъ писаній представляетъ лишь апріорныя разсужденія, собственныя измышленія авторовъ — въ томъ или другомъ направленіи, съ той или другой окраской.

Горе наше въ томъ легкомысліи, съ которымъ люди берутся «съ легкимъ сердцемъ» судить и рядить о предметѣ,

знакомомъ имъ лишь по наслышкѣ. О дорожной повинности, напр., пишетъ тотъ, кто знакомъ съ этой повинностью; объ инженерномъ дѣлѣ, объ архитектурѣ и т. п. пишутъ люди, специально изучавшіе эти отрасли человѣческаго вѣдѣнія... О школѣ же (такъ же, какъ о медицинѣ) каждый, поучившійся грамотѣ, повидимому, считаетъ себя въ правѣ писать, что ему Богъ на душу положитъ. Отсюда-то и происходитъ у насъ не мало недоразумѣній въ тѣхъ случаяхъ, когда по тому или другому дѣлу вызываются «свѣдущіе» люди, при чемъ вдругъ оказывается, что эти «свѣдущіе» люди ни бельмеса въ дѣлѣ не разумѣютъ, но писали по этому «вопросу» для препровожденія времени, просто потому, что имъ «нравилось» писать... Подобныя ошибки и недоразумѣнія особенно губельно даютъ себя чувствовать въ критическіе моменты, переживаемые обществомъ. Пирожникъ начинаетъ шить куда негодные сапоги, сапожникъ печетъ хлѣбъ, котораго нельзя въ ротъ взять, или — что еще хуже — принимается писать экономическія статьи «о современномъ состояніи нашего отечества» и на каждой страницѣ городитъ лишь вздоръ и чепуху.

Такъ, напримѣръ, нѣкоторые утверждаютъ, что крестьяне питаютъ сильное, непреодолимое влеченіе къ церковно-славянской грамотѣ и будто бы настойчиво просятъ учить ихъ ребятешекъ по «старой азбукѣ» (т.-е. не по звуковому методу) и обязательно по Псалтири. Откуда взялся такой взглядъ, — я рѣшать не берусь, ибо весьма трудно, да и мало интересно разбираться въ массѣ показаній часто противорѣчащихъ другъ другу докладчиковъ по этому вопросу.

Я выросъ въ деревнѣ, по выходѣ изъ университета жилъ въ деревнѣ и затѣмъ въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ не порывалъ связей съ деревней, такъ что безошибочно можно положить, что половину моей жизни я провелъ въ деревнѣ, среди народа. Я знакомъ съ крестьянствомъ, со школами и школьными учителями въ мѣстностяхъ, весьма различныхъ по своимъ этнографическимъ, экономическимъ и др. условіямъ, какъ, напр., въ губерніяхъ: Петербургской и

Воронежской, Новгородской и Тамбовской, Тверской и Уфимской, Вологодской и др., — и, рѣшительно, нигдѣ ни разу я не слыхалъ, чтобы крестьяне выражали свое при- страстіе къ церковно-славянской грамотѣ. Нигдѣ я не слы- халъ ни отъ учителей ни отъ самихъ крестьянъ о желаніи послѣднихъ, чтобъ ихъ дѣтей учили «по-старому».

Можно ли считать случайностью то обстоятельство, что я въ столь различныхъ по положенію мѣстностяхъ нигдѣ не встрѣтилъ подтвержденія указаннаго взгляда? Напротивъ, можно думать, что такое мнѣніе о любви крестьянъ къ цер- ковно-славянскому языку сложилось именно на немногихъ, дѣйствительно, исключительныхъ, *случайныхъ* данныхъ.

IV.

Въ принципѣ никакихъ наказаній въ школѣ я не допу- скалъ. Но вышли три случая, которые не могутъ быть на- званы иначе, какъ наказаніемъ.

Была одна дѣвочка въ числѣ моихъ ученицъ, довольно тупая въ дѣлѣ ученья, но на шалости — большая мастерица. Однажды во время занятій я замѣтилъ, что ближайшіе со- сѣди этой дѣвицы чѣмъ-то взволнованы, перешептываются, хихикаютъ, заглядываютъ подъ столъ, а та дѣлаетъ имъ какіе-то знаки. Я нѣсколько времени присматривался, ничего не говоря шалунамъ, но присматривался напрасно: никакъ не могъ догадаться, въ чемъ тутъ было дѣло. Наконецъ я быстро подошелъ къ дѣвочкѣ и взялъ ее за руку. Въ рукахъ у нея оказался сдѣланный изъ платка «зайчикъ»... Хотя зайчикъ самъ по себѣ предметъ совершенно невинный, но, несмотря на всю свою невинность, все-таки онъ отвлекать отъ дѣла наше вниманіе, отнималъ у меня моихъ учениковъ. На будущее время надо было предупредить повтореніе подоб- ныхъ явленій, не идущихъ къ дѣлу.

— Встань! — сказалъ я этой шаловливой дѣвицѣ. — Подними руку, повыше... вотъ такъ! Покажи всѣмъ своего зайчика! Пускай знаютъ, какая ты рукодѣльница...

Дѣвочка стояла, выпрямившись во весь ростъ. Зайчикъ замѣтно дрожалъ въ ея высоко поднятой рукѣ, и на ея, обыкновенно, тупомъ, невыразительномъ лицѣ теперь проступалъ легкій румянецъ. Дѣвочка, повидимому, смутилась подъ сотней устремленныхъ на нее глазъ. Она стояла съ опущенными глазами, понутивъ голову, и ей, очевидно, хотѣлось бы совсѣмъ сократиться на это время. Пытка длилась не дольше полминуты. Мнѣ стало жаль эту шалунью... Не всегда легко быть строгимъ... Послѣ того зайчиковъ въ классѣ уже не появлялось.

Другой неприятный случай.

Мальчикъ уже довольно взрослый, лѣтъ 14, сынъ мѣстнаго кулака, рассчитывая на безнаказанность въ виду своего привилегированнаго общественнаго положенія, сталъ позволять себѣ въ классѣ разныя шалости и выходки, обращавшія на себя вниманіе школьниковъ. Я уже нѣсколько разъ внушительно посматривалъ на него и, въ видѣ предостереженія, говорилъ ему:

— Сиди же смирно, не мѣшай намъ!

Успокоится малый на время, а на завтра, какъ ни въ чемъ не бывало, снова принимается за свои продѣлки.

Однажды, когда встрѣтились кое-какія трудности и мнѣ было нужно сосредоточить все вниманіе моихъ учениковъ на томъ, о чемъ шла рѣчь, этотъ парень нахальнѣе обыкновеннаго принялся за свои штуки. Что оставалось дѣлать? Одинъ мѣшалъ пятидесяти... Будь на его мѣстѣ обыкновенный деревенскій мальчишка-проказникъ, забывающій о мѣстѣ и времени, сынъ зауряднаго крестьянина-бѣдняка, я, вѣроятно, и на этотъ разъ постарался бы словами убѣжденья усмирить его. Но тутъ во всѣхъ движеніяхъ и позахъ, въ каждомъ взглядѣ и въ усмѣшкѣ сказывалось нахальство, ясно говорившее всѣмъ: «Я и въ школѣ такъ же, какъ на улицѣ, дѣлаю все, что хочу... не такъ, какъ вы!»

Взялъ я этого «привилегированнаго» баловня и вытаскилъ изъ школы на крыльцо.

— Ты одинъ всѣмъ мѣшаешь!—рѣзко сказалъ я ему.— Самъ не хочешь учиться, такъ не учись, а другимъ не мѣшай! Убирайся!

И захлопнулъ за нимъ дверь. Парень, повидимому, былъ ошеломленъ...

Подобный поступокъ съ моей стороны, можетъ статься, былъ вовсе не педагогиченъ. Не спорю: учитель болѣе опытный, постарше меня, можетъ-быть, дѣйствовалъ бы въ такомъ случаѣ иначе... Но что жъ дѣлать! Я уже сказалъ, что былъ не подготовленъ къ учительству и несъ на служеніе дѣлу лишь искреннее желаніе быть добросовѣстнымъ и исполнить дѣло, какъ могу и какъ сумѣю лучше.

Черезъ день, сколько помнится, парень опять появился на нашемъ горизонтѣ. Онъ, очевидно, не смѣлъ войти въ школу, но, мрачный и молчаливый, толкался въ сѣняхъ. Я нашелъ его передъ дверьми школы.

— Ты зачѣмъ здѣсь?—спросилъ я его.

— Отецъ послалъ...—промолвилъ онъ, не глядя на меня.

Отецъ, вѣроятно, велѣлъ ему пойти просить у меня прощенья, но мальчуганъ стоялъ, молча, какъ истуканъ. Повидимому, ему было трудно попросить извиненья, т. - е. выговорить обычную, заученную фразу. Последнее обстоятельство меня нѣсколько расположило къ нему.

— Ну, ладно! Помиримся на первый разъ... Но если ты не перестанешь мѣшать намъ, я совсѣмъ прогоню тебя изъ школы!

Последнія слова я сказалъ твердымъ, рѣшительнымъ тономъ.

На нѣсколько времени этотъ шалунъ, дѣйствительно, при-смирѣлъ, сталъ даже тише и скромнѣе прочихъ, но недѣли черезъ 2, черезъ 3 опять, было, началъ распускать крылышки, но тутъ подошло Рождество.

Третій случай...

Нѣсколько мальчиковъ — человѣкъ шесть или семь — жили при школѣ, въ большомъ помѣщеніи, предназначеномъ для сторожихи. Эти мальчики были изъ сосѣднихъ

деревень — версты за 3, за 4 отъ нашего селенія, и зимой, въ морозы, имъ было бы крайне неудобно каждый день странствовать въ школу. Съ моего разрѣшенія они устроились при школѣ и ходили домой лишь въ воскресенье; они запасались изъ дома хлѣбомъ, кое-какимъ приваркомъ, и сторожиха готовила имъ обѣдъ. Однажды вечеромъ, на сонъ грядущій, одинъ изъ этихъ пансіонеровъ развозился съ товарищемъ и, увлекшись, разорвалъ тому шапку. Обидчикъ оказался изъ семьи зажиточной, а потерпѣвшій — бѣднякъ. Онъ не жаловался мнѣ, но былъ въ большомъ горѣ и плакалъ. Единственная шапка — и теперь стала никуда негодна; не въ чемъ на улицу выйти. А обидчикъ еще подсмѣивается: «Волосьями,—говорить,—прикроешься... не что и надо!» Сторожиха на другой день рассказала мнѣ объ этой исторіи. Потерпѣвшій мальчуганъ со слезами показалъ мнѣ свою растерзанную шапку. Пришлось быть судьей... Не берусь судить, насколько былъ правъ мой судъ, но только могу поручиться, что онъ былъ скоръ и нелицепріятенъ. Изорванную шапку я отдалъ изорвавшему ее («чини или покупай новую!»), а его шапку, тоже довольно поношенную, отдалъ потерпѣвшему. Тѣмъ дѣло и кончилось, и никакихъ протестовъ ниоткуда не послѣдовало.

Вспоминая темныя тѣни, невольно вспоминаешь и о свѣтѣ. Какія славныя крестьянскія дѣти были у меня въ школѣ!

Помню, напр., одного маленькаго мальчугана. Ему не было еще 8 лѣтъ, и въ школу его приняли лишь по усиленнымъ просьбамъ его матери-вдовы. Онъ сидѣлъ на первой скамейкѣ, потому что былъ очень малъ ростомъ, — онъ былъ всѣхъ меньше въ школѣ. Маленькій, но довольно коренастый, здоровый, «гладкій», какъ говорится, съ круглымъ личикомъ, съ большими голубыми глазами, открытыми и довѣрчивыми, и съ густыми-густыми льняного цвѣта волосами, нависшими надо лбомъ, — этотъ мальчикъ мнѣ очень нравился, и я любилъ смотрѣть на его милую бѣлокурую головку. За его неуклюжесть я звалъ его «медвѣжонкомъ». Иногда въ дѣлѣ ученія онъ не поспѣвалъ за

своими взрослыми товарищами, и мнѣ порой приходилось останавливаться съ нимъ и помогать ему. Но по своимъ годамъ онъ былъ довольно развитъ, даже развитѣ многихъ изъ его товарищей.

Въ своихъ воспоминаніяхъ я съ какимъ-то необыкновенно тихимъ, отраднымъ чувствомъ останавливаюсь на этомъ «медвѣжонкѣ» и еще на одной темноглазой дѣвчкѣ, Машѣ, — смуглой, высокой и худенькой; вотъ тоже было милое, прекрасное созданье, — натура нѣжная, жалостливая, отзывчивая. И «старый сельскій учитель» черезъ 30 долгихъ лѣтъ теперь вспоминаетъ о нихъ и раздумываетъ: что-то случилось съ ними? Живы ли они? А если живы, то какова судьба пала на ихъ долю?

Впрочемъ, да не подумаетъ читатель, что изъ всѣхъ школьниковъ только эти двое, мальчикъ и дѣвочка, были хорошими, добрыми существами и остались въ моей памяти! Вовсе нѣтъ! Вся моя маленькая публика (за весьма незначительными исключеніями) была — для меня, по крайней мѣрѣ — крайне симпатичной: съ этими крестьянскими дѣтьми я чувствовалъ себя лучше, легче, чѣмъ съ избалованными, капризными дѣтьми богатыхъ семействъ. Крестьянскія дѣти въ общемъ оказывались, несомнѣнно, серьезнѣе этихъ дѣтей (тѣхъ, съ какими мнѣ приходилось сталкиваться на своемъ вѣку — въ городахъ и въ помѣщичьихъ усадьбахъ). Правда, крестьянскія дѣти, какихъ я знавалъ, не умѣли «шаркать ножкой», дѣлать «смѣхотворные реверансы» и т. под., но въ нихъ было больше деликатности, чѣмъ въ дѣтяхъ, «присѣдавшихъ» и «шаркавшихъ ножкой»...

Съ сосѣдями школа моя жила въ мирѣ и любви.

Только еще на первыхъ порахъ, осенью, у моей маленькой публики вышло нѣкоторое недоразумѣніе со становихой изъ-за индюка; это недоразумѣніе могло, пожалуй, повлечь за собой послѣдствія, весьма непріятныя для шкуръ моихъ учениковъ, но, къ счастью, все разрѣшилось благополучно.

Дѣло въ томъ, что рядомъ со школой находилась квартира станового пристава (значить, « особы » — въ извѣстномъ смыслѣ); школьня владѣнія разграничивались отъ сосѣдняго двора плохонькимъ, старымъ плетнемъ. Становиха была любительница всякой птицы, и, между прочимъ, водилось у нея изрядное стадо индѣекъ. Моимъ шалунамъ нравилось, когда индѣйскій пѣтухъ со своей индюшечьей важностью распускалъ хвостъ и крылья и, размахивая своимъ великолѣпнымъ, красносизымъ наростомъ, начиналъ все пуще и пуще бормотать и волноваться. Мальчуганы, какъ только, бывало, урвутся изъ школы, сейчасъ и примутся всячески дразнить его изъ-за плетня. А тотъ, бѣдняга, реветъ, надрывается, индюшки тоже начинаютъ усиленнѣе клокотать, а мальчуганы и рады — и въ упоеніи чувствъ гогочутъ, гикаютъ и свищутъ. Однимъ словомъ, поднимался страшный содомъ. Комната моя находилась далеко отъ мѣста этихъ подвиговъ, и о дразненіи индюка я ничего не зналъ до тѣхъ поръ, пока становихина кухарка, весьма почтенная старуха, не пришла ко мнѣ и не попросила унять шалуновъ.

— Индюкъ, того и гляди, надорвется, еще заболѣетъ, пожалуй! Нешто это порядки... дразнить чужую птицу! — разсудительно говорила мнѣ старуха.

Я согласился съ тѣмъ, что это, дѣйствительно, непорядки.

— Ну, вотъ то-то и есть! Ты, батюшка, своихъ атамановъ-молодцовъ не распускай, а то вѣдь отъ этой вольницы житья никому не станетъ! Озорной здѣсь народъ... что и говорить! — шамкала старуха.

— Усмирю, усмирю, бабушка! Иди съ миромъ! — успокаивалъ я старушку.

Я сказалъ школьникамъ, что индюкъ — птица смиренная, безобидная, что не хорошо дразнить и обижать его, когда онъ никакого худа имъ не сдѣлалъ. Этимъ инцидентъ съ индюкомъ и былъ окончательно исчерпанъ. Дразненіе индюка прекратилось, и лишь иногда изрѣдка кое-кто изъ « непримиримыхъ » ироническимъ тономъ покрикивалъ по

адресу тщеславной птицы: «Хо-рошъ! хорошъ!» и вполголоса передразнивалъ ея бормотанье...

Вышелъ и еще одинъ случай — одна изъ тѣхъ непріятностей, отъ которыхъ въ жизни ни за что не уберешься, какъ ни хлопочи.

Приближался храмовой праздникъ въ томъ приходѣ, къ которому принадлежало наше селеніе. Храмовой праздникъ — значитъ пивной день, день пьянства, гульбы и дракъ. Еще задолго до этого многознаменательнаго дня ребята мои стали погсваривать о томъ, что у нихъ «праздничаютъ» три дня. Я тогда же имъ заявилъ и наканунѣ праздника повторилъ, что я буду праздничать только одинъ день, что на другой же день послѣ праздника школа будетъ открыта, и я стану заниматься, хотя бы пришли только трое или двое. Вотъ на Рождество имъ будетъ данъ большой отдыхъ, а теперь достаточно и одного дня. (Я и не воображалъ тогда, какъ окажется продолжителенъ ихъ святочный отдыхъ!)

На другой день праздника половина учениковъ явилась въ школу; на слѣдующій день не хватило человѣкъ десяти. Отмѣчу при этомъ, какъ интересный фактъ, то обстоятельство, что въ первый и на второй день не являлись въ школу исключительно мальчики, дѣвочки же въ оба дня были всѣ налицо.

Черезъ день или черезъ два послѣ праздника, — въ точности теперь не помню, — во время занятій ввалился въ школу причетникъ, бывший сильно навеселѣ, и шибко заплетающимся языкомъ, съ трудомъ не малымъ, кое-какъ довелъ до моего свѣдѣнія, что батюшка остался въ избѣ такого-то (имя рекъ) и послалъ его узнать, можетъ ли онъ прийти въ школу «прославить». За мною уже слышались сдержанныя хихиканья и шопотъ... Я чувствовалъ: еще одна минута, — и ученики мои придутъ въ весьма игривое настроеніе духа, а тогда занятія наши — «прости-прощай!» Я думалъ: сегодня уже не праздникъ, а будни, — идутъ занятія въ школѣ... А съ другой стороны, священникъ, весьма можетъ быть, и совершенно трезвъ, но вѣдь и появле-

ніе « со славою » одного пьянаго причетника представится уже немалымъ соблазномъ для ребятъ. Я поспѣшилъ объявить вѣстнику, что теперь принять не могу.

V.

Иные, я слыхалъ, жалуются на то, что занятія и жизнь сельскаго учителя крайне монотонны. Самъ человѣкъ придаетъ своимъ занятіямъ тотъ или другой характеръ, самъ складываетъ жизнь, даетъ ей смыслъ и значеніе. Человѣкъ на отмежеванномъ ему судьбой клочкѣ земли можетъ или посѣять пшеницу, или развести тернія и плевелы... Самую отчаянную монотонность человѣкъ можетъ превратить въ самое живое разнообразіе. Средства для такого превращенія у человѣка всегда подъ рукой: они, главнымъ образомъ, въ немъ самомъ, а затѣмъ уже въ окружающей его средѣ.

При добромъ желаніи, при стараніяхъ и энергіи каждое дѣйствительно полезное дѣло можно сдѣлать живымъ и разнообразнымъ. Стоитъ только перестать относиться къ міру съ чиновничьей точки зрѣнія и сознать себя общественнымъ работникомъ.

Представлю здѣсь краткій сжатый очеркъ моего времяпрепровожденія.

Съ 9 часовъ утра начинались занятія въ школѣ; въ 12 я завтракалъ и урывками читалъ газету; съ 1 часу до 4 продолжались занятія въ школѣ. Въ 4 часа я обѣдалъ съ книгой по одну сторону прибора, ибо повторяю: я могъ находить время для чтенія лишь урывками. Послѣ 5 ко мнѣ приходили за книгами деревенскіе грамотеи — взрослые крестьяне и парни изъ нашего селенія и изъ сосѣднихъ деревень. Такихъ читателей у меня было около трехъ десятковъ.

Всего охотнѣе, помню, читались: чья-то книга « О грозѣ », « О деньгахъ », « Откуда пошла русская земля » (можетъ-быть, заглавіе было какъ-нибудь иначе), « Годъ на сѣверѣ » С. В. Максимова и другія книги того же автора, рассказы

А. И. Левитова, «Бѣзоброчный» Нефедова, «Батрачка» Бѣльскаго, стихотворенія Никитина, Кольцова.

Книгъ у насъ было немного — заглавій до 200, т. - е. 300 экземпляровъ съ чѣмъ-то, но я надѣялся съ каждымъ годомъ расширять библіотеку.

Библіотека при сельской школѣ составляетъ насущную интеллектуальную потребность деревенской жизни. Гдѣ же и быть деревенской публичной библіотекѣ, какъ не при школѣ? Не устраивать же ее при волостномъ правленіи, гдѣ никто не въ состояніи дать объясненій и указаній, иногда настоятельно требуемыхъ читателями. Библіотека можетъ и должна служить постоянною связью между учителемъ и деревней, между школой и бывшими ея учениками. Школа съ библіотекой должна быть центромъ умственной жизни деревни — такимъ мѣстомъ, куда каждый крестьянинъ и крестьянка, старый и малый, богатый и бѣдный могли бы обращаться съ запросами по поводу разрѣшенія всякихъ недоразумѣній.

Нынѣ школа стоитъ особнякомъ отъ деревни и на все лѣто, т. - е. на треть года, если не болѣе, порываетъ съ деревней и послѣднюю связь. Нынѣ мальчикъ, по окончаніи курса уходя изъ школы, забываетъ и дорогу къ ней. Этого не должно быть въ интересахъ народнаго просвѣщенія. Нынѣ деревенскій паренъ, кончившій курсъ въ школѣ, не находя порядочныхъ, полезныхъ книгъ для чтенія, за неимѣніемъ библіотеки, и не находя возможности покупать ихъ, долженъ поневолѣ ограничиваться всякою случайно попавшею ему въ руки печатною дрянью — иногда просто глупою книжонкой въ родѣ, напр., «Проказницы Нади», а иногда книжонкой и безусловно вредной, или же долженъ оставаться вовсе безъ книгъ. (Не должно упускать изъ виду, что нынѣ, съ успѣхами типографскаго дѣла, «печатная дрянь» широкимъ мутнымъ потокомъ заливаетъ книжный рынокъ, такъ что дешевыя, но цѣнныя по существу изданія совершенно тонуть въ этомъ грязномъ омутѣ: на одну порядочную книжку при-

ходится до полусотни такихъ книгъ, которымъ не слѣдовало бы и появляться на свѣтъ.)

Вслѣдствіе вышеуказанныхъ обстоятельствъ и происходятъ печальныя явленія рецидивизма безграмотности. Для того, чтобы школа до конца доводила свое благое дѣло, необходимо нужно имѣть ей при себѣ бібліотеку.

Выдача книгъ и разговоры по поводу ихъ занимали иногда часть времени, — случалось меньше, случалось и больше. Затѣмъ я обдумывалъ порядокъ занятій назавтра, вносилъ замѣтки въ свой журналъ, писалъ письма и—если оставалось время—читалъ. Иногда вечеромъ я ходилъ въ «большой домъ», навѣщалъ своихъ хозяевъ; иногда же ко мнѣ приходилъ какой-нибудь крестьянинъ, а то и нѣсколько человекъ за разъ. Сторожиха ставила самоваръ, и мы за чашками чая иной разъ до поздней ночи гуторили о томъ, о семъ: я рассказывалъ о городѣ, о городской жизни и о жизни въ дальнихъ иностранныхъ краяхъ; собесѣдники мои говорили мнѣ о своихъ деревенскихъ дѣлахъ, толковали иной разъ о школѣ.

Въ то же время, т.-е. когда я былъ сельскимъ учителемъ, мною были набросаны начальныя главы моего перваго романа «Хроника села Смурина» (впрочемъ, этою работою мнѣ удавалось заниматься только ночью).

Окружавшее въ ту пору дало мнѣ матеріалъ для созданія нѣкоторыхъ образовъ и сценъ въ этомъ первомъ моемъ романѣ; отчасти также матеріалъ дали мнѣ для этого романа кузнечныя артели, съ которыми я ознакомился въ началѣ же 70-хъ годовъ, во время моихъ странствованій по Тверской губерніи для изученія артельного дѣла вообще...

Съ декабря мѣсяца, какъ уже сказано, по воскресеньямъ и четвергамъ открылись у меня въ школѣ вечерніе курсы для взрослыхъ рабочихъ. По воскресеньямъ утромъ, кромѣ того, ко мнѣ являлись съ просьбами написать «письмецо». До моего приѣзда, конечно, былъ же у нихъ кто-нибудь, писавшій имъ письма, но этотъ «писатель», вѣроятно, собиралъ съ нихъ за свое писанье копеечки или бралъ натурой.

Я же, разумѣется, могъ оказывать имъ эти услуги бесплатно и безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ день былъ праздничный и время свободное. Диктовавшіе мнѣ письма волей-неволей должны были иногда посвящать меня въ разныя болѣе или менѣе интимныя стороны своей семейной жизни. Меня просили «никому не сказывать», и я, такимъ образомъ, являлся какъ бы въ роли носителя чужихъ маленькихъ тайнъ, впрочемъ, интересныхъ болѣе лишь для тѣхъ, кто хранилъ ихъ за «тайну».

Всѣ эти обстоятельства ставили меня близко къ народу. На меня не смотрѣли какъ на барина, на чиновника, но считали своимъ человѣкомъ, готовымъ со всякимъ и побесѣдовать по душѣ, и оказать услугу, и поучить кое-чему. Занять такое положеніе для сельскаго учителя — весьма важно. Но нужно знать границу, до которой можно брататься или, какъ говорится, «сливаться» съ народомъ. Нельзя итти вмѣстѣ съ народомъ, когда онъ, напр., пьянствуетъ и сквернословить, когда собирается мазать у сосѣдей ворота дегтемъ, когда во время падежа скота заставляеть бабъ ночью въ однѣхъ рубахахъ «опахивать» деревню или когда онъ собирается жечь «колдунью», или убивать конокрада...

Я съ крестьянами держался совершенно запросто, какъ съ ровней, пилъ съ ними чай, дѣлилъ хлѣбъ-соль, бесѣдовалъ съ ними рѣшительно обо всемъ, о чемъ они со мной ни заговаривали, но водки съ ними не пилъ и ругательства обрывалъ на полусловѣ. И крестьяне скоро узнали, что я водки не пью и пьяныхъ не терплю, а поэтому пьяные ко мнѣ и не показывались; только какъ-то въ праздникъ крестьяне однажды подъ хмелькомъ заходили ко мнѣ — звать меня къ себѣ въ гости.

Впрочемъ, такое мое отношеніе къ водкѣ и къ пьянымъ не произвело ни *малѣйшаго* охлажденія между мной и крестьянами, а со стороны женщинъ даже снискало мнѣ самое горячее одобреніе и похвалы. Вѣдь и между крестьянами не всѣ же пьютъ и сквернословятъ, и за то односельчане хуже не относятся къ нимъ. Строгостью жизни, ригориз-

момъ не оттолкнешь отъ себя крестьянина; отталкиваетъ его посматриванье на него свысока, желаніе морализировать, читать ему проповѣдь, — однимъ словомъ, народъ не можетъ лишь терпѣть ханжей и лицемѣровъ и чутьемъ быстро угадываетъ Тартюфа, подъ какимъ бы костюмомъ онъ ни прятался...

Бывали и такіе случаи, когда крестьяне приглашали меня на сходки, въ качествѣ какъ бы эксперта, истолкователя по тому или другому вопросу. Такое приглашеніе служило доказательствомъ высшаго довѣрія, какое только крестьяне могли оказать человѣку, не принадлежащему къ крестьянскому міру.

Помню живо первый такой случай изъ моей практики. Сходка собиралась вечеромъ въ избѣ одного изъ «стариковъ», которому, впрочемъ, какъ часто случается, было не болѣе 45—46 лѣтъ. («Стариками» называються хорошіе, добропорядочные домохозяева, — стары они или молоды, богаты или бѣдны — все равно. Въ иныхъ мѣстностяхъ «стариками» звали прежде сельскихъ судей.) За мной зашли два крестьянина. Съ минуту я колебался: идти или нѣтъ? Могу ли я быть на крестьянской сходкѣ и говорить, — хотя бы только съ правомъ совѣщательнаго голоса? Нравственное право было за мной; мнѣ даже казалось совѣстно не пойти на такой зовъ... И я пошелъ...

Замѣчательно, какъ иногда ярко запечатлѣвается въ памяти какая-нибудь отдѣльная сцена, картинка, выхваченная изъ ряда дней сѣрой, обыденной жизни!

Какъ теперь вижу: былъ ясный морозный зимній вечеръ. Въ избахъ кое-гдѣ мерцали красные огоньки. Я шель по опустѣлой, безмолвной деревенской улицѣ, залитой на ту пору серебристымъ луннымъ свѣтомъ. Снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами, искрился, блестѣлъ; искрились и блестѣли при сіяніи мѣсяца деревья, опушенныя инеемъ. Ярко сіяли звѣзды въ далекой синевѣ небесъ надъ безмолвнымъ селеніемъ, занесеннымъ снѣгомъ, надъ безмолвными полями, задернутыми снѣжной пеленой, искрившейся въ мѣсячныхъ

лучахъ... Избы казались совсѣмъ темными, и густая, черная тѣнь ложилась отъ нихъ на одну сторону дороги.

Я шелъ, молча; молча, шли рядомъ со мной мои проводимыя — дюжіе, рослые молодцы, съ разбойничьими фізіономіями, правомъ кроткіе и смиренные, какъ агнцы. Мнѣ, помню, тогда еще подумалось: «Мы—точно заговорщики!»

Когда мы пришли, въ избѣ уже стонъ стоялъ, — и въ синеватомъ дымѣ махорки виднѣлись раскраснѣвшіяся лица, оживленіемъ блестящія глаза, и явственно слышались лишь отрывочныя восклицанія. Жестяная небольшая лампочка съ закоптѣлымъ стекломъ стояла на столѣ и мутнымъ красноватымъ свѣтомъ озаряла распахнутые азямы, красныя и синія пестрядинныя рубахи, головы со включенными волосами, большія густыя бороды... далѣе — закоптѣлыя черныя бревенчатыя стѣны, полаты и съ полатей свѣсившіяся бѣлокурыя дѣтскія головы.

Въ дальнемъ углу избы сидѣла очень древняя старуха, все что-то бормотала себѣ подъ носъ, охала и зѣвала. Неподалеку отъ нея молодая женщина пряла, качая ногой колыбель, задернутую рванымъ пологомъ.

Сходка собралась для того, чтобы привести въ извѣстность, много ли крестьяне переплатили лишняго оброку своему бывшему помѣщику. Надо было сдѣлать учетъ, такъ какъ при сборѣ оброку вообще вышли какія-то недоразумѣнія, надо было составить приговоръ и написать барину письмо «міромъ», т. - е. въ видѣ коллективнаго заявленія... Сходка затянулась до поздней ночи, но все-таки письмо написали, приговоръ составили, и староста приложилъ къ нему печать.

Люди, не посвященные во всѣ подробности крестьянскихъ дѣлъ, — люди даже, прямо сказать, мало знакомые съ укладомъ народной жизни, принимаясь описывать крестьянскую сходку, изображаютъ ее въ видѣ бѣснующейся зря, бушующей толпы. Подобные наблюдатели, конечно, не въ состояніи уловить общаго смысла рѣчей, часто перекрещивающихся между собой: они не знаютъ подробностей дѣла,

и общій смысл ускользаетъ отъ нихъ. Наблюдатель видитъ только, что люди цѣлые часы топчутся на одномъ мѣстѣ, кричатъ, шумятъ, какъ будто даже ругаются, хватаютъ другъ друга за руку, за плечо, то на минуту стихаютъ, то вдругъ съ удвоенной яростью начинаютъ кричать и жестикулировать. Члены сходки понимаютъ каждый намекъ, понимаютъ одинъ другого съ полуслова, а наблюдателю, не разумѣющему этихъ намековъ и полусловъ, начинаетъ казаться, что люди какъ будто говорятъ на какомъ-то тарбарскомъ непонятномъ для него языкѣ.

И вотъ посторонній наблюдатель заноситъ въ свою тетрадь впечатлѣніе, произведенное на него крестьянской сходкой: «Столпотвореніе вавилонское! Шумятъ, галдятъ, другъ друга не слушаютъ, перебиваютъ. Не видалъ ничего безобразнѣе крестьянскаго схода!» Благодаря такимъ наблюдателямъ-верхоглядамъ, въ извѣстной средѣ образованнаго общества и слагается такое мнѣніе, что наши крестьянскіе сходы — нѣчто въ высшей степени безтолковое и сумбурное... Замѣчу только, что я никогда не слыхалъ, чтобы крестьянскій сходъ когда-нибудь закончился рукопашной свалкой.

А затѣмъ, въ видѣ параллели, я напому о томъ: какъ иногда ведутъ себя интеллигентные люди, когда рѣчь заходить о какомъ-нибудь животрепещущемъ вопросѣ, о жгучемъ вопросѣ, близко касающемся интересовъ той или другой общественной группы, — я напому: какъ эти благовоспитанные, просвѣщенные граждане ведутъ себя иногда во время преній въ своихъ кружкахъ, въ собраніяхъ обществъ — ученыхъ и иныхъ, въ земскихъ собраніяхъ, въ собраніяхъ городскихъ думъ, наконецъ, въ парламентахъ, гдѣ таковые имѣются (въ такихъ, напримѣръ, какъ англійскій — старѣйшее и самое почтенное изъ народныхъ собраній, или какъ французскій), куда страна (въ принципѣ, по крайней мѣрѣ) посылаетъ весь цвѣтъ и блескъ своей интеллигенціи и гдѣ, тѣмъ не менѣе, министры, для вразумленія своихъ собратьевъ по собранію, представителей народа, не

находятъ болѣе убѣдительныхъ доводовъ, какъ пощечины и подзатыльники...

Не станемъ же лучше и заикаться о безобразіи и безтолковости нашихъ крестьянскихъ сходокъ!..

Я не могъ пожаловаться на монотонность моего существованія: жизнь моя была полна интереса и самаго разнообразнаго содержанія. Допустимъ, мое положеніе, въ роли сельскаго учителя, было нѣсколько исключительное. Я пришелъ въ школу уже въ то время, когда зналъ деревню, когда народъ со всѣмъ его складомъ духовной и внѣшней жизни, съ его взглядами и міровоззрѣніемъ, съ его нуждами и потребностями, съ его радостями и горемъ не былъ для меня тѣмъ таинственнымъ незнакомцемъ, какимъ онъ былъ и остался для многихъ моихъ сверстниковъ и коллегъ.

Иные кичатся знаніемъ народа, выставляютъ это знаніе какъ бы заслугу, какъ нѣкій патентъ на полученіе какихъ-то особенныхъ привилегій при собесѣдованіи о томъ или другомъ вопросѣ изъ народной жизни. Для меня же знаніе народа было совершенно естественнымъ послѣдствіемъ всей моей извѣстнымъ образомъ сложившейся жизни. Я никогда не поставлялъ себѣ задачей изученіе народа, никогда я не смотрѣлъ на народъ, какъ на объектъ, подлежащій изслѣдованію, никогда я не подходилъ къ народу съ заранѣе выработанной программой «для собиранія свѣдѣній», но я былъ бы совсѣмъ неумнымъ человѣкомъ, если бы не узналъ народа, цѣлые годы — съ ранняго дѣтства — живя съ нимъ вмѣстѣ. Я никогда не смотрѣлъ на людей изъ народа, какъ на какихъ-нибудь замѣчательныхъ козявокъ, которыя нужно разсматривать чуть не подъ микроскопомъ, а затѣмъ, уѣхавъ въ Москву или въ Петербургъ, писать въ журналахъ по поводу ихъ глубокомысленные трактаты или весьма легкомысленные повѣсти и рассказы. Мнѣ всегда казалось странно, когда иной изслѣдователь открывалъ Америку, бывшую до той поры неизвѣстной лишь ему и расположеннымъ къ нему критикамъ.

Конечно, я не всегда сидѣлъ съ народомъ на трехногой скамьѣ, въ курной хатѣ, не всегда питался хлѣбомъ изъ лебеды или изъ ильмовой коры, но, тѣмъ не менѣе, съ малыхъ лѣтъ я сиживалъ съ нимъ и въ курной избѣ и въ овиноу до тлѣвавшей теплоты, спалъ съ нимъ въ степи и въ лѣсу у разведеннаго костра, ночевалъ съ нимъ и въ землянкахъ на берегу Волги, ѣлъ и «лебедовый» хлѣбъ, и знаю вообще вкусъ той пищи, какую онъ ѣстъ, на опытѣ знаю всю тяжесть его работъ въ лѣсу и на полѣ — во все времена года. Съ малыхъ дѣтскихъ лѣтъ я жилъ среди народа, узналъ его и полюбилъ, узналъ его слабость и мощь, — однимъ словомъ, узналъ его настолько, насколько возможно узнать его человѣку, по своему общественному положенію стоящему внѣ крестьянской среды.

Такъ, положеніе мое въ роли учителя было нѣсколько исключительное, вслѣдствіе моего близкаго знакомства съ деревней. Но, мнѣ думается, и каждый сельскій учитель при добромъ желаніи — если не вдругъ, то мало-по-малу можетъ занять въ средѣ деревенскаго населенія такое же положеніе, какое удалось завоевать мнѣ...

VI.

Зима въ тотъ годъ встала рано: съ половины ноябрю за-трещали морозы. Тутъ-то одно изъ неудобствъ школьнаго зданія и дало себя почувствовать. Оказалось, что полы были не сколочены, на чердакъ земли не наношено, отъ оконъ дуло. Напрасно я топилъ свою большую русскую печь, напрасно я жарилъ ее; стужа была страшная... Ребята въ школѣ сидѣли въ шубахъ и въ полушубкахъ, я дрогъ въ своемъ пледѣ. Въ это время я простудился; заболѣли зубы и не давали мнѣ покоя ни днемъ ни ночью. Недѣли двѣ я чувствовалъ себя совсѣмъ несчастнымъ человекомъ.

Въ половинѣ декабря С. А., на возвратномъ пути изъ Петербурга, заѣзжала въ нашъ уѣздный городъ и вечеромъ

же въ день своего прїѣзда, придя ко мнѣ въ школу, заявила, что я оставаться учителемъ не могу... (Я не былъ утвержденъ въ званіи учителя.) Приближались святки, и было условлено, что дня за три до Рождества я распущу учениковъ на праздникъ и объявлю, что уѣзжаю въ Петербургъ.

Пришлось укладывать свои малые пожитки и собираться въ путь: всю жизнь, кажется, мнѣ только и приходилось распаковывать и запаковывать свой чемоданъ и собираться въ путь. Я такъ привыкъ къ тому, чтобы судьба перебрасывала меня изъ угла въ уголь, не давая мнѣ покоя въ семь мїрѣ, что мнѣ даже кажется страннымъ, когда приходится прожить мѣсяцевъ 6—8 на одномъ мѣстѣ.

На этотъ разъ, признаться, съ грустью оставлялъ я школу. Я уже попривыкъ къ дѣлу, началъ сживаться съ людьми, успѣлъ привязаться къ своимъ ученикамъ, полюбить ихъ, да и они уже успѣли попривыкнуть ко мнѣ. Кто замѣнитъ меня? Добрый ли то будетъ человѣкъ? Сумѣетъ ли онъ любовь къ идеѣ слить съ гуманностью, съ нѣжнымъ, участливымъ отношеніемъ, необходимымъ для живой, впечатлительной дѣтской натуры такъ же, какъ необходимы тепло и свѣтъ для распускающагося цвѣтка? Легко заставить ребенка спрятаться отъ насъ, уйти въ самого себя и, словно за семью печатями, скрыть отъ насъ свою душу...

Тяжело видѣть, когда хорошо начатое дѣло ускользаетъ отъ насъ въ другія руки и гибнетъ. Конечно, тяжело бываетъ и тогда, когда дѣло рушится, находясь у насъ въ рукахъ, но въ послѣднемъ случаѣ нѣкоторымъ утѣшеніемъ служить, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что человѣкъ можетъ и самъ пасть и погибнуть подъ развалинами рухнувшего зданія, такъ же точно, какъ знаменосцу легче умереть со знаменемъ въ рукѣ, нежели, умирая, видѣть знамя въ рукахъ непріятеля... Съ такими горькими думами собирался я въ путь.

Слухи и безъ помощи газетъ разносятся быстро; слухи, какъ извѣстно, иногда какимъ-то страннымъ таинственнымъ образомъ даже предупреждаютъ имѣющій совершиться фактъ.

Стали похаживать ко мнѣ мои ребятишки и крестьяне. Спрашивали: правда ли, что я уѣзжаю въ Петербургъ? Не желая никого морочить, я прямо говорилъ, что уѣзжаю и уже не возвращусь. Вопросы слѣдовали далѣе и нужны были объясненія.

Оставляя школу, я вывелъ одно, по моему мнѣнію, весьма важное и отрадное заключеніе: изъ числа людей, не принадлежащихъ къ крестьянству, но живущихъ въ деревнѣ, сельскому учителю всего легче (и всего естественнѣе) сдѣлаться человѣкомъ самымъ близкимъ и вліятельнымъ по отношенію къ деревенскому міру. Вопросъ лишь въ степени умственного и нравственного развитія учителя, въ его взглядѣ на его права и обязанности, въ его міросозерцаніи. Только одинъ священникъ могъ бы соперничать съ учителемъ въ этомъ отношеніи, но священникъ, какъ извѣстно, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ материалистическаго свойства иногда, къ сожалѣнію, встаетъ въ весьма натянутыя отношенія къ крестьянамъ. Учитель же въ матеріальномъ отношеніи поставленъ въ болѣе независимыя условія.

Наканунѣ отъѣзда, послѣ урока, на прощаньи я разсказалъ притчу объ умиравшемъ старикѣ, объ его сыновьяхъ и о вѣникѣ и убѣждалъ моихъ учениковъ жить дружно, мирно и любовно, поддерживать другъ друга, не выдавать въ бѣдѣ... Въ послѣдній разъ погладилъ я маленькаго Ваню по его льянымъ волосамъ, наскоро простился съ учениками, сказалъ имъ въ утѣшеніе, что безъ учителя они не останутся, и ушелъ изъ класса — съ тѣмъ, чтобы уже не возвращаться въ него.

На этотъ разъ тихо, безъ шума, безъ обычныхъ возгласовъ и криковъ: «Прощайте! Прощайте, П. В.! До свиданья! До утречка!..» разошлись мои ребята изъ школы, но долго еще топтались они въ сѣняхъ, какъ будто о чемъ-то совѣщаясь, прежде, чѣмъ разбрелись по домамъ.

Я просилъ ямщика пріѣхать за мной въ 7 часовъ утра, еще до разсвѣта: мнѣ хотѣлось уѣхать изъ М. пораньше, пока деревня еще спала. Ночь я провелъ плохо (а если бы

мнѣ было дано знать будущее мною оставляемой школы, ночь я провелъ бы еще хуже) ¹⁾, поднялся я въ 5 часовъ, напился чаю и, перекинувъ черезъ плечо свою дорожную сумочку, усѣлся на чемоданъ въ ожиданіи лошадей. Въ восьмомъ часу подкатилъ ямщикъ — одинъ изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ.

На небѣ еще чуть брезжилъ разсвѣтъ. Когда я вышелъ на крыльцо, сердце мое ёкнуло и забилося шибко-шибко... При свѣтѣ передутреннихъ сумерекъ я увидалъ около саеней толпу школьниковъ, десятка два-три, мальчиковъ и дѣвочекъ.

60 лѣтъ въ міровой исторіи — одинъ моментъ; въ жизни же человѣческой 60 лѣтъ — большое время. 60 лѣтъ прожить — не поле пройти за сохою. Всего бывало на моемъ вѣку: переживалъ я, какъ и всякій, минуты радости и горя, минуты унынія и минуты торжества, но рѣдко въ теченіе этихъ 60 лѣтъ я бывалъ такъ глубоко растроганъ, какъ въ эти сѣрыя передразсвѣтныя сумерки декабрьскаго дня.

Мнѣ было больно, было жаль этихъ малютокъ... Вѣдь я уже зналъ, что болѣе не возвращусь къ нимъ никогда. Безъ меня они вырастутъ, безъ меня судьба разбросаетъ ихъ на разныя стези жизни. Иной изъ нихъ станетъ пахать дѣдовскую ниву, иной уйдетъ на чужую сторону и потонетъ въ городскомъ омутѣ; иному, можетъ-быть, предстоитъ свѣтлая доля, иному — тяжкій крестъ до могилы. Я уже зналъ, что жизнь наша — рядъ свиданій и разлукъ, а все жъ мнѣ было горько въ тѣ минуты... Въ то же время мнѣ было и отраднo сознать, что эти малютки не забудутъ меня и, очевидно, не станутъ поминать меня лихомъ. Кто ихъ созвалъ къ школѣ ни свѣтъ ни заря? Не по приказу, не по чьему-нибудь наущенью — «ломать комедію», но сами, по доброй волѣ собрались эти крестьянскіе ребята проститься еще разъ со своимъ учителемъ... Добровольно. Ротъ *что* было дорого и такъ растрогало меня.

¹⁾ Учитель Гамовъ, смѣнявшій меня въ школѣ, былъ арестованъ, а школа была закрыта администраціей.

— Пріѣзжайте, П. В.! — плаксиво говорили они. — Возвращайтесь къ намъ!..

Я расцѣловалъ ихъ...

Пара бойкихъ коней уносила меня вдаль отъ моей школы. Колокольчикъ гудѣлъ подѣ дугой. По сторонамъ разстилались бѣлоснѣжныя поляны, темнѣли лѣса, — и было все тихо, безмолвно вокругъ.

На востокѣ, гдѣ осталась моя школа, на горизонтѣ уже свѣтлѣла полоса, разгоравшаяся съ минуты на минуту красноватымъ свѣтомъ, а тамъ, на западѣ, куда я держалъ путь, передразсвѣтными тѣнями, какъ темно-синимъ туманомъ, была задернута даль — такъ же, какъ и мое будущее, ожидавшее меня тамъ, въ этой темно-синей дали...





Ал. Ив. Левитовъ.

„Allons la lumière demander aux morts!..“

I.

Виюю 1872 года, однажды въ воскресенье утромъ, зашелъ ко мнѣ Д. С., съ которымъ я встрѣчался въ нѣкоторыхъ кружкахъ. С. бывалъ у меня уже ранѣе раза два или три. Теперь онъ явился не одинъ, — за нимъ слѣдомъ вошелъ въ комнату какой-то худошавенькій господинъ, средняго роста, въ очкахъ. С. тотчасъ же познакомилъ насъ. Это, оказалось, былъ Александръ Ивановичъ Левитовъ.

Первое впечатлѣніе онъ произвелъ на меня очень странное. Его бѣлокурые волосы, повидимому, весьма тщательно причесанные и даже чуть ли не напомаженные, очевидно, уже по привычкѣ все какъ-то ерошились и сбивались. Сюртукъ на немъ былъ новый, съ иголочки, и вообще все платье его блестяло свѣжестью и новизной. Я теперь распространяюсь объ его костюмѣ, потому что впоследствии мнѣ уже ни разу болѣе не приходилось видѣть Левитова такимъ наряднымъ. Каждый жестъ, каждое движеніе его обличало, что онъ какъ-то стѣснялся, что ему чувствовалось не по себѣ въ этомъ новомъ блестящемъ платьѣ. Да и платье-то сидѣло на немъ какъ-то мѣшковато и не ловко, — топорщилось, морщилось... Левитовъ смотрѣлъ очень серьезно, держался необыкновенно прямо, даже какъ-то торжественно, но

очевидно было, что эта искусственная напускная торжественность сильно угнетала его. Видимо, онъ тяготился всѣмъ — и своимъ новымъ платьемъ и серьезностью или даже до нѣкоторой степени официальнойю своего визита. Въ то время, пока С., со свойственною ему шумною, трескучею болтливостью, распространялся о причинѣ, приведшей ихъ ко мнѣ, Левитовъ большею частью отмалчивался, покашливалъ, поминутно протиралъ очки и сидѣлъ въ креслѣ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ былъ жертвой, ведомой на закланіе. Судя по первому взгляду, я могъ заключить, что въ ту пору здоровье Левитова было уже сильно распатано, что жизнь не пощадила его и помѣла порядочно. Глаза были красные, воспаленные, лицо худощавое, грудь впалая, и голосъ слабый, надтреснутый...

Изъ витіеватаго, многоглаголиваго сообщенія С. оказалось, что въ Петербургѣ скоро явится новое иллюстрированное еженедѣльное изданіе («Сіяніе»), что издатель предложилъ Левитову быть редакторомъ, что поэтому надо составить свой кружокъ, что они пришли звать меня въ сотрудники и т. д. Потомъ уже выяснилось, что С. внушилъ Левитову, что онъ самъ долженъ непремѣнно путешествовать по литераторамъ и приглашать ихъ въ сотрудники. Понятно, что вслѣдствіе такого внушенія онъ на нѣсколько дней сдѣлалъ Левитова несчастнымъ человѣкомъ. Левитовъ долженъ былъ облачаться въ нарядный костюмъ, какъ въ мундиръ, и съ официальной торжественностью ѣздить къ мало знакомымъ или даже вовсе незнакомымъ лицамъ, какъ, на примѣръ, ко мнѣ. Позже я узналъ, что всякая официальность и торжественность, всякіе наряды и переряжанья были глубоко противны простой, непосредственной натурѣ Левитова...

Мнѣ было не по сердцу то обстоятельство, что С., разсуждая о задачахъ и направленіи редакціи, говорилъ «мы», очевидно, подразумѣвая подъ этимъ «мы» себя и Левитова... Дѣло въ томъ, что Левитова, какъ писателя, я любилъ и уважалъ уже давно, еще на гимназической скамейкѣ и за-

тѣмъ позже — въ университетѣ. Мы въ то далекое время съ восторгомъ зачитывались его «Степными очерками», и отъ этихъ «очерковъ», дѣйствительно, такъ и вѣетъ—дышитъ свѣжестью и поэзіей степи. Его Анчелюсть со своими дочерьми мнѣ даже грезился во снѣ... Поэтому, когда неизвѣстный человѣкъ, вошедшій въ то утро ко мнѣ въ комнату, оказался Левитовымъ, то, понятно, я встрѣтилъ его, какъ своего давняго знакомаго, и крѣпко сжалъ ему руку, какъ человѣку родному — по душѣ, какъ человѣку болѣе близкому, нежели братъ по плоти. И теперь, когда я смотрѣлъ на него, его личность внушала мнѣ симпатію и довѣріе... Ничего подобнаго не могъ бы я сказать объ С. Этотъ говорливый господинъ не нравился мнѣ, и послѣдствія скоро показали, что, по крайней мѣрѣ, хоть на этотъ разъ чутье не обмануло меня.

Я слушалъ С. довольно разсѣянно, все посматривалъ на Левитова и старался заговорить съ нимъ. Но С., какъ докучливый шмель, не давалъ намъ ни покоя ни возможности перемолвиться другъ съ другомъ. Мнѣ тогда же показалось, что С. такъ же точно стѣснялъ Левитова, какъ и меня. С. говорилъ, а Левитовъ молчалъ и поддакивалъ, когда приходилось. Когда, наконецъ, С. спросилъ, нѣтъ ли у меня чего-нибудь готоваго, — Левитовъ какъ бы вдругъ оживился...

— Пожалуйста! — заговорилъ онъ. — Дайте намъ что-нибудь для первыхъ номеровъ... хотя что-нибудь маленькое! Право! Вѣдь надо же какъ-нибудь устроить дѣло... А дѣло хорошее, хорошее!

Разумѣется, къ Левитову я примкнулъ бы съ радостью и работалъ бы съ нимъ, но войти въ кружокъ людей для меня неизвѣстныхъ, можетъ-быть, подобныхъ С., я рѣшиться не могъ. Готоваго въ ту пору у меня ничего не было, — я далъ отвѣтъ уклончивый, но взялъ у Левитова его адресъ и общалъ побывать у него непременно. Тѣмъ и кончилось наше первое свиданіе...

Какъ-то вскорѣ послѣ того я отправился къ Левитову. Онъ жилъ въ ту пору на Большой Садовой, противъ Юсу-

пова сада, въ домѣ Яковлева. Дома Левитовъ былъ уже самимъ собой: въ какой-то старенькой визиточкѣ «съ искрой», безъ галстука, взъерошенный, — однимъ словомъ, все какъ слѣдуетъ. На столѣ стояла бутылъ водки, стаканчикъ и тутъ же закуска,—огурцы и кусокъ чернаго хлѣба.

Весело встрѣтилъ меня Александръ Ивановичъ. Ни тѣни официальности не было уже теперь въ его обращеніи. Теперь ему не приходилось играть важную роль редактора, зазывающаго къ себѣ сотрудниковъ... Пути упали съ него. Онъ былъ очень оживленъ и много говорилъ объ изданіи.

— Надо сходитьсья, надо!—отрывочно и торопливо говорилъ онъ, ходя по комнатѣ изъ угла въ уголъ.—Какъ же, помилуйте! Этакое дѣло... Да вы ужѣ посмотрите, какъ мы поведемъ... Ну, и картинки тоже—хорошо! Да дѣло пойдетъ, пойдетъ...

И тутъ же онъ рассказывалъ мнѣ содержаніе предполагавшихся рисунковъ и самъ смѣялся.

— Теперь я отдѣлываю сказку «О Правдѣ и Кривдѣ»...— продолжалъ Левитовъ. — Потомъ займусь «Фонарщиками»... У меня уже составленъ планъ... будетъ цѣлый рядъ статей... Вотъ и вы приставайте къ намъ! Право! И отлично это будетъ... Вотъ также одинъ изъ вашихъ знакомыхъ будетъ писать у насъ...

Онъ назвалъ фамилію моего знакомаго, затѣмъ подсѣлъ ко мнѣ и совершенно по-товарищески началъ развивать передо мной свои планы относительно того, какъ онъ «поведетъ дѣло». Я вполнѣ сочувствовалъ ему и тутъ же высказалъ ему то, что уже давно хотѣлъ сказать, т. - е. что «я радъ работать съ нимъ». Онъ говорилъ много, съ одушевленіемъ, хотя по обыкновенію отрывочно, не сосредоточиваясь на одномъ.

— Скажите, пожалуйста, что это за человекъ?—спросилъ я, между прочимъ, Левитова объ С.

— Да какъ вамъ сказать! Онъ — ничего... ничего... — началъ онъ какимъ-то снисходительнымъ, успокоивающимъ тономъ, но вдругъ круто оборвалъ:—А чортъ его знаетъ!..

— Но вы, кажется, близки съ нимъ?—замѣтилъ я, мучимый антипатіей къ С.

— Кто вамъ сказалъ? Онъ самъ, что ли? — уже съ явнымъ раздраженіемъ возразилъ Левитовъ. — Вонъ онъ и про васъ говорилъ, что онъ хорошъ съ вами...

— Однако вы съ нимъ познакомились и сошлись ранѣе, чѣмъ съ прочими сотрудниками?—продолжалъ я.

— Сошлись!—какъ-то глухо повторилъ онъ, словно въ раздумьи, на мгновеніе поникнувъ головой. — Кой чортъ съ нимъ сходился... Я и самъ, право, не знаю, какъ втерся онъ... Да, впрочемъ, ну его!..

Онъ вскочилъ и опять зашагалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Очевидно, разговоръ принялъ для него непріятное направленіе, мучилъ и раздражалъ его. Онъ ходилъ и напѣвалъ какую-то пѣсенку. Слова этой безыменной пѣсенки остались для меня тайной и до сего времени. Я только знаю, что онъ всегда напѣвалъ ее въ такія минуты, когда былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ,—въ минуты душевной тревоги и волненія. Изъ всего слышаннаго и видѣннаго я пока только понималъ, что С. причинялъ Левитову какія-то непріятности...

Съ того времени завязалось мое знакомство съ Левитовымъ и уже не обрывалось до самой его смерти. Для «Сіянія» я работалъ немного,—по обстоятельствамъ, которыя сейчасъ выяснятся, но съ Левитовымъ видался довольно часто... Бывал у него, я скоро увидалъ, что въ редакціи «Сіянія» дѣла идутъ не совсѣмъ-то ладно... С., прикрываясь именемъ Левитова, какъ ширмами, хотѣлъ одинъ ворочать всѣмъ, не справляясь о томъ, хватитъ ли у него на то его умственныхъ силъ и средствъ. Онъ, повидимому, не желалъ «выживать» Левитова окончательно, но старался «оттереть» его отъ дѣла лишь настолько, чтобы Левитовъ не мѣшалъ ему. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ дѣлалъ прозрачные намеки на то, что у Левитова недостаточно литературной опытности и эрудиціи для того, чтобы съ успѣхомъ вести журналъ, и въ то же время онъ старался, такъ ска-

зять, подавить Левитова своею расторопностью, своею дѣловитостью и массой свѣдѣній, — дѣйствительно, довольно разнообразныхъ, но поверхностныхъ и отрывочныхъ, — вслѣдствіе чего голова его всегда представлялась мнѣ какимъ-то чрезвычайно затѣйливымъ, цвѣтистымъ калейдоскопомъ... Левитовъ въ ту пору былъ человѣкомъ уже надломленнымъ, крайне нервнымъ, болѣвшимъ и духомъ и тѣломъ, и всѣ эти подходы и подвохи С. его раздражали и мучили. Онъ хандрилъ, грустилъ, начиналъ пить... Работа не клеилась, уныніе усиливалось пуще. Онъ хмурился, дѣлался требовательнень, капризень, чего обыкновенно съ нимъ не бывало. А С. пользовался такими моментами и, выразительно пожимая плечами, объяснялъ гг. сотрудникамъ, что Левитовъ ничего не дѣлаеть, рукописей не читаетъ и самъ не пишетъ, что всю черную работу, да и все дѣло вообще; взваливаетъ на него одного, а самъ между тѣмъ кутить и т. д. Этотъ маленькій Таллейранъ велъ свою политику такъ ловко, что Левитовъ являлся какъ бы еще обязаннымъ ему. Левитовъ чувствовалъ, что С. своими подпольными интрижками опутывалъ его, какъ тонкой, невидимой паутиной. То онъ сердился, хмурился, ругалъ что ни попало, — такъ, напримѣръ, однажды ни съ того ни съ сего обругалъ «Русскую Старину» свиньей; то вдругъ напала на него какая-то меланхолія, онъ становился смиренъ и тихъ...

— И то надо сказать: вѣдь онъ — человѣкъ начитанный... — говорилъ онъ мнѣ однажды объ С. въ такія тихія минуты. — Вѣдь свѣдѣній у него — чортова куча! Вѣдь вы только послушайте его... Ну, потомъ же — языки знаетъ... А это тоже не шутка! Ну, и что же въ самомъ дѣлѣ вѣдь онъ — какъ хотите — работникъ хоршій! Вѣдь онъ очень много работаетъ... Серьезно!

Но тутъ же онъ опять забродилъ по комнатѣ и замурлыкалъ себѣ подъ носъ свою таинственную пѣсенку. Но было видно, что его мысли и чувства вовсе не относились къ этой пѣснѣ... Мнѣ и до сего времени неизвѣстно, какимъ образомъ С. успѣлъ сблизиться и заполнить Леви-

това. А что онъ дѣйствительно заполонилъ Левитова,—это было ясно для всѣхъ, кто въ ту пору видался съ ними... Все хуже и хуже шли дѣла: мертвая петля вокругъ Левитова, брошенная искусною рукой, затягивалась все туже и туже. У Левитова натура была добрая, мягкая, отзывчивая,—онъ болѣе всякаго другого, можетъ-быть, способенъ былъ на всепрощеніе относительно враговъ своихъ. Но, несмотря на то, и его, разумѣется, можно было ожесточить и вывести изъ терпѣнія, особенно, когда онъ бывалъ въ ненормальномъ состояніи духа. С. продолжалъ систематически раздражать его изо дня въ день, изъ часа въ часъ. Левитовъ молчалъ, терпѣлъ и, напѣвая пѣсенку, какъ будто не обращалъ вниманія ни на что... Но на дѣлѣ было не такъ. И, наконецъ, послѣдовалъ взрывъ... Левитовъ пустилъ подсвѣчникъ въ С. и на другой день въ крайне возбужденномъ состояніи, дрожа, волнуясь, говорилъ мнѣ объ С. такія вещи и высказывалъ на его счетъ такія ужасныя подозрѣнія, что у человѣка нервнаго волосы могли дыбомъ встать. С. послѣ открытаго возстанія противъ него Левитова скрылся и нѣсколько дней не показывался ему на глаза...

Послѣ налетѣвшей бури на Левитова опять палъ штиль, опять наступили моменты смиренія и тишины.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, гдѣ жъ мнѣ...—говорилъ онъ не разъ.—Какія у меня знанія!.. Вотъ развѣ считаешь что-нибудь—и ладно!.. Только и есть... А этого, батенька, П. В., мало, я вамъ скажу... Мало! Тутъ дѣло большое, — нужно и туда и сюда... Нужно быть работникомъ хоро-о-шимъ... А я что?

Въ эти минуты видѣть его было всего тяжелѣе. Онъ самъ сознавалъ въ себѣ недостатокъ знаній и страдалъ отъ этого сознанія. Положимъ, онъ пополнялъ пробѣлы чтеніемъ, но все-таки это было не то, что надо... Конечно, громадное большинство изъ насъ, русскихъ писателей, училось чему-нибудь и какъ-нибудь, но жизнь Левитова съ самаго ея начала слагалась такимъ проклятымъ образомъ, что онъ могъ попользоваться изъ сокровищницы знаній менѣе, нежели

прочіе изъ его товарищей... И не пустое самолюбіе, не тщеславіе говорило въ немъ въ эти минуты. Нѣтъ! Золотое сердце было у Левитова; онъ желалъ всего себя принести на пользу ближнимъ и жалѣлъ о недостаткахъ своихъ знаній лишь единственно потому, что не могъ ими служить людямъ. Свои знанія народной жизни, или—вѣрнѣе—души народной, онъ, повидимому, какъ бы ставилъ ни во что... А между тѣмъ его золотое сердце и эти знанія стоили большой эрудиціи—не во гнѣвъ будь сказано—академикамъ и профессорамъ. Горячая любовь къ людямъ, безкорыстіе, забвеніе самого себя для другихъ и высокіе помыслы не составляютъ привилегіи ученаго сословія: напротивъ, они не часто живутъ въ кабинетѣ ученаго. Ни одинъ знаменитый мыслитель, насколько извѣстно, не шелъ за *Христомъ*; за нимъ шли все какіе-то рыбаки да увлекающіеся юноши и совсѣмъ необразованныя женщины... На эту тему я часто говорилъ съ Левитовымъ.

Кстати: онъ жилъ совершенно по ученію Христа — въ томъ отношеніи, что дѣлился послѣднимъ со своимъ неимущимъ братомъ.

Я помню одну ночь—холодную зимнюю ночь. Однажды я долго засидѣлся у Левитова, и онъ съ женой вздумалъ провожать меня домой. Когда мы вышли на улицу, мѣсячная звѣздная ночь стояла надъ Петербургомъ во всемъ своемъ холодномъ призрачномъ величіи. Прямо противъ насъ, въ Юсуповомъ саду, деревья стояли какъ въ серебрѣ, увѣщенные узорами инея. Морозило, снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами, и легкая мгла стояла въ воздухѣ... Когда мы наняли извозчика, я хотѣлъ сѣсть на козлы, но Левитовъ не пустилъ меня.

— Нѣтъ, нѣтъ! Въ саночки!..—говорилъ онъ, укрывая меня полостью. — Такъ-то все-таки теплѣе... А то вѣдь бѣда—какая стужа... Замерзнете!.. А ты, землякъ, вожжами-то потрогивай, пошевеливай! — обратился онъ къ извозчику.—Знаешь, этакъ... Э-эхъ, вы, соко-о-о-лики!

И Левитовъ выразительно прикрикнулъ своимъ хриплымъ голосомъ и присвистнулъ по-ямщицки. Извозчикъ ухмыльнулся... «Въ Петербургѣ такъ не ѣздятъ»... да и лошаденка его нимало не походила на «соколика».

Левитовъ не напрасно прикрывалъ меня полостью. Въ ту пору времена для меня были трудныя: зиму я щеголялъ въ легкомъ лѣтнемъ пальто. А отъ Юсупова сада на Лиговку, къ Глазову мосту—не ближній край... Левитовъ всю дорогу потѣшалъ насъ разказами объ ямщикахъ, несмотря на уговоры его жены—не раскрывать на морозѣ рта, чтобы не простудиться. Я какъ точно теперь смотрю на него: сидитъ на облучкѣ, немного бокомъ, оборотившись къ намъ лицомъ, раскраснѣвшимъ отъ мороза; воротникъ поднять у пальто; на головѣ какая-то странная высокая шапка, и мѣсяць ярко-ярко свѣтитъ ему прямо въ лицо...

Приѣхали—и вошли въ мою «квартиру», въ мой гнусный, отвратительный сарай, какъ погребъ, сырой и холодный. Жена моя въ ту пору училась и на ту ночь оставалась дежурною у больныхъ. Когда мы вошли, мой маленькій сынъ — ребенокъ, больной — лежалъ на рукахъ дремавшей старушки-бабушки. Я провелъ Левитовыхъ въ свою комнатку. Очевидно, наши холодныя палаты произвели впечатлѣніе на Левитова. Я принесъ охапку каменныхъ углей и затопилъ для гостей печь. (Вопросъ, разумѣется, шель не о томъ, что лучше, а что дешевле—каменный уголь или дрова. Каменный уголь оказывался дешевле, и поэтому топили имъ.) Когда я съ углемъ возвращался въ комнату, то слышалъ вскользь, какъ Левитовъ о чемъ-то тихо переговаривался съ женой... Затопили печку и съ папиросами подсѣли къ огоньку.

— Вѣдь эти печки совсѣмъ не приспособлены къ каменному углю... — началъ было Левитовъ, но вдругъ, понизивъ голосъ, перемѣнилъ разговоръ. — П. В.! Вѣдь такъ же нельзя... Ну, право же, нельзя! Вѣдь вамъ, отецъ родной, деньги нужны... А вы не скажете! Эхъ, да какъ же такъ можно... Возьмите, пожалуйста, пока сколько есть...

Хотя до того времени редакторы мнѣ рѣдко предлагали денегъ «авансомъ», но теперь я не удивился нисколько. Было совершенно въ порядкѣ вещей, чтобы такой редакторъ, какъ Левитовъ, предлагалъ денегъ впередъ... Раскрылся старый кожаный бумажникъ, въ немъ оказалась одна десятирублевка, и та немедленно перешла въ мои руки. И ужъ такъ-то кстати была она тогда!..

Левитовъ иногда очень любилъ показывать видъ, что онъ—человѣкъ «тонкій», практичный... Менѣе практичнаго человѣка я, кажется, еще не видалъ на свѣтѣ. Человѣкъ дѣтски-наивный, онъ рѣшительно не умѣлъ обдѣлывать для себя выгодныхъ дѣлишекъ. Его лукавства и хитрости были такъ простодушны, до того прозрачны, что даже младенца не могли бы ввести въ искушеніе. Надъ его хитростями можно было только смѣяться... Деньги, повидимому, положительно тяготили его. Впрочемъ, не часто въ жизни ему приходилось тяготиться ими... Онъ не зналъ цѣны деньгамъ, не любилъ ихъ, и деньги, казалось, платили ему тѣмъ же, т.-е. не любили его...

Положительно С. являлся какимъ-то злымъ гениемъ Левитова. Безъ С. онъ бывалъ одушевленъ и веселъ и разговорчивъ, рассуждалъ о литературныхъ новостяхъ, дѣлалъ очень мѣткія и остроумныя характеристики, но съ особеннымъ жаромъ рассказывалъ о «деревнѣ», — «о дѣдкахъ, о бабкахъ, о малыхъ ребяткахъ» (такъ называлъ онъ свои повѣствованья)... Но замѣчательно: когда онъ принимался говорить о «деревнѣ», въ его рѣчи и въ самомъ тонѣ ея отзывалась какая-то горечь. Если бы въ эти минуты не смотрѣть на Левитова, если бы отвернуться отъ него, то можно было бы подумать, что человѣкъ рассказываетъ сквозь слезы. Вотъ иногда получалось точно такое впечатлѣніе... Иногда съ тихою грустью начиналъ онъ мечтать вслухъ о томъ славномъ времени, когда онъ уѣдетъ въ «Тамбовскую губернію» и — ух!—какъ славно заживетъ тамъ въ деревнѣ, «въ какой-нибудь деревнюшечкѣ» (его собственные слова).

— Ахъ! Прекрасно это...—заключалъ онъ обыкновенно всѣ свои думы и мечты о «какой-нибудь маленькой-малюсенькой деревнюшечкѣ».

II.

Странныя совпаденія бывають въ жизни писателей, идущихъ, повидимому, по разнымъ дорогамъ къ одной доброй цѣли. Покойный Н. А. Демертъ (такъ же, какъ Левитовъ, одинъ изъ лучшихъ, даровитыхъ русскихъ людей) въ послѣдніе годы своей жизни постоянно мечталъ о томъ, какъ онъ уѣдетъ въ «Чистопольскій уѣздъ», какъ онъ тамъ «отлично» будетъ жить съ мужиками... «Чистопольскій уѣздъ» для Демерта и «Тамбовская губернія» для Левитова были такою же обѣтованною, заповѣдною страной, какой до послѣдняго времени для малоземельныхъ крестьянъ нашихъ срединныхъ губерній служать «Ставропольская», «Самара» и какія-то ужъ окончательно миѣическія «вольныя земли». Отъ продолжительныхъ мечтаній, то свѣтлыхъ, то тягостныхъ «Чистопольскій уѣздъ» для Демерта и «Тамбовская губернія» для Левитова удалялись мало-по-малу на недостижимое разстояніе и, наконецъ, облеклись въ такіе фантастическіе образы, съ какими можно развѣ сравнить только тѣ видѣнія, что мелькають порой въ воображеніи ребенка, еще живущаго въ волшебномъ мірѣ сказокъ. И судьба ихъ мечтаній была также одинакова... Моисей, положимъ, хоть издали увидалъ свою «обѣтованную землю», а Демертъ и Левитовъ даже и на такое разстояніе не подошли къ ней. Оба они умерли вдалькѣ отъ своей «обѣтованной земли»...

— Такъ чего жъ вы, Александръ Ивановичъ, не ѣдете туда?—замѣчалъ я иногда, когда, бывало, Левитовъ ужъ слишкомъ замечтается о своей «Тамбовской губерніи».

— Да вотъ—все дѣлишки, батенька... дѣлишки! Только бы посправиться съ ними малость... Сейчасъ!—съ жаромъ говорилъ онъ и, вдругъ какъ бы опомнившись, понижалъ тонъ и конфиденціально добавлялъ:—Долги! Долгу у меня много, отецъ родной... Вотъ вѣдь что!

О своихъ долгакъ онъ говорилъ такимъ тономъ, словно сообщалъ подь строжайшимъ секретомъ великую новость, какъ будто въ самомъ дѣлѣ и не знали объ этомъ всѣ его знакомые... Чудака!.. И всю жизнь путали его эти «дѣлишки» и долги и, наконецъ, совсѣмъ-таки запутали и не дали ему увидать его «тамбовскую деревнюшку». Когда онъ говорилъ о томъ, какъ уже онъ «поѣдетъ» и «заживетъ» въ деревнѣ, въ его голосѣ слышалась иногда грусть, и точно какая-то тайная тревога поднималась въ тѣ мгновения со дна его взволнованной души. Онъ, можетъ-быть, самъ не вѣрилъ тому, что говорилъ, и подь своимъ напускнымъ жаромъ хотѣлъ скрыть сомнѣнія, гнѣздившіяся въ немъ и безжалостно, съ болью обрѣзывавшія крылья его самымъ дорогимъ, завѣтнымъ мечтамъ. Почему знать... по крайней мѣрѣ, мнѣ сдавалось такъ. Своими разговорами о «тамбовской деревнюшкѣ» онъ и на меня подчасъ нагонялъ тоску, потому что у меня также была и осталась своего рода «Тамбовская деревнюшка» (или, что одно и то же, демертовскій «Чистопольскій уѣздъ») — лишь съ тою разницей, что ее зовутъ «Вологодской»...—разница незначительная, а по существу все это — одно и то же, т.-е. тѣ же самыя «вольныя земли», на какихъ наши крестьяне-переселенцы только во снѣ живутъ.

— А-а. да полно... Ну васъ, Александръ Ивановичъ! — перебивалъ я его иной разъ.

— Но растревлять, значить! Хе-хе-хе! — добродушно усмѣхался онъ.

Но, несмотря на такіе мои перерывы и на мое шутивное сердчанье, разговоры о «Тамбовской» и о «Вологодской» заходили у насъ гораздо чаще, нежели о дѣлахъ литературныхъ. Упомяну здѣсь кстати, что моя «Вологодская» была также знакома Левитову, только не съ той стороны, съ какой мнѣ. Для меня она—родина, и со своими дремучими безпросвѣтными лѣсами и труппабами она представляется для меня самымъ лучшимъ краемъ на бѣломъ свѣтѣ, можетъ-быть, потому же, почему «всякъ куликъ свое

болото хвалить». Для Левитова же во дни его юности она была землей изгнанія. А теперь судьба сыграла такъ, что племянникъ Левитова жилъ въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ съ женой, съ ребенкомъ и безъ всякихъ средствъ... Но Левитовъ — добрая душа — все-таки никогда не ругалъ мои родные болота и лѣса.

Такъ, повторяю, бывалъ онъ разговорчивъ и одушевленъ въ то время, когда С., его *bête noire*, лишалъ насъ своего присутствія. Но едва лишь появлялся С., Левитовъ тотчасъ же или дѣлался раздражителенъ, начиналъ шагать по комнатѣ и необыкновенно высокопарно разсуждать о политической экономіи, о статистикѣ и о т. под. предметахъ, всего менѣе извѣстныхъ ему, или же напѣвалъ сквозь зубы свою пѣсенку безъ словъ и бродилъ съ мѣста на мѣсто съ такимъ видомъ, какъ будто ни на что не обращалъ вниманія. Такимъ поведеніемъ, по его мнѣнію, онъ отлично маскировалъ тревогу и недовольство, каждый разъ поднимавшіяся въ немъ въ присутствіи С. Рѣчь же о политической экономіи должна была спеціально играть роль шпильки, или, вѣрнѣе, стрѣлы, предназначавшейся для С., какъ для извѣстнаго педанта, постоянно перетряхивавшаго передъ Левитовымъ обрывками своихъ разношерстныхъ знаній. Чувствовалъ или не чувствовалъ С. уколы этой вражеской невинной стрѣлы — неизвѣстно, но, какъ бы то ни было, онъ иногда съ жаромъ хватался за данную тему, какъ голодная собака за кость, и принимался съ такимъ аппетитомъ распространяться на эту тему, что бѣдный Левитовъ долженъ былъ невольно сознаваться, что его стрѣла какимъ-то сверхъестественнымъ рикошетомъ ударила въ него же и надолго вонзилась ему въ грудь. Да! Надолго... потому что, если, бывало, С. расходитяся, то ужъ трудно ему было зажать ротъ.

Въ такихъ чисто бѣдственныхъ случаяхъ Левитовъ валился на диванъ, вдѣвалъ на носъ очки, хваталъ книгу и съ отчаянной рѣшимостью старался погрузиться въ чтеніе. Въ ту пору, помню, онъ читалъ книгу Зарубина «Свѣтлыя и темныя стороны русской жизни», и нѣкоторыми страни-

цами этой книги онъ оставался очень доволенъ. Иногда онъ перебивалъ С., читалъ отрывки изъ книги и начиналъ говорить по поводу ихъ. И С. моментально схватывался за эту же тему и говорилъ, говорилъ... Послѣ этого Левитовъ уже окончательно впадалъ въ меланхолію, замолкалъ и словно весь уходилъ въ раковинку. Удивительную способность далъ Богъ этому господину С. — раздражать своихъ большихъ ближнихъ.

Помню я еще одинъ хорошій вечеръ, проведенный съ Левитовымъ. Это было зимой... Много лѣтъ прошло послѣ того, но этотъ вечеръ живъ въ моей памяти, — какъ точно я переживалъ его нѣсколько дней тому назадъ. На этотъ разъ мы опять говорили по душѣ, только не о «Тамбовской деревнюшкѣ», а о такихъ предметахъ, которые безъ водки и безъ вина зажигаютъ кровь — пуще водки и вина.

— Эхъ, что тутъ толковать!..—говорилъ онъ, и на этотъ разъ рѣчь его звучала искренней, беззавѣтной задушевно-стью.—Ну, что они, Ироды, Христа-то этакаго изъ себя представляютъ!.. Развѣ ужъ мы такъ глупы, что и не распознаемъ... Гмъ! Какъ же! Дождидайся...

Опять я засидѣлся у него до поздняго часа, и опять онъ съ женой пошелъ провожать меня. Пошли пѣшкомъ. Ночь была сѣрая, мгlistая. Въ воздухѣ пахло оттепелью. Легкія перистыя облака расплзались по небу, и сквозь этотъ бѣлесоватый паръ мѣсяцъ выступалъ тусклымъ пятномъ. Мы шли по Екатерингофскому проспекту, по направленію къ Большой Садовой. (Левитовъ на ту пору уже переѣхалъ въ Коломну, къ церкви Михаила Архангела, въ небольшой деревянный домъ.) Былъ часъ первый ночи. На улицѣ было тихо, пусто, проѣзжающіе встрѣчались рѣдко. Мы шли всѣ трое въ рядъ посрединѣ улицы, и ничто намъ не мѣшало продолжать разговоръ, начатый еще въ комнатахъ. Скучающіе городовые безучастно смотрѣли намъ вслѣдъ. Левитовъ чувствовалъ себя въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Продолжая разговоръ или, вѣрнѣе, договаривая вслухъ

свою мысль, онъ вдругъ вскричалъ, помахивая палкой передъ собой:

— Экъ, ширина-то какая... Боже милостивый! А! Вотъ бы закатить по этой улицѣ... закатить бы хорошій кубарь! Ж-ж-у-у-у! А-ахъ! Важно... Трахъ-трахъ! А? Отецъ родной... Хорошо бы? Ловко?

— Ловко! ловко! Ужъ чего ловчѣе...—соглашался я.

— А вѣдь будетъ когда-нибудь... Затрещитъ! Только, можетъ-быть, не скоро... Когда насъ на свѣтѣ не будетъ...— продолжалъ Левитовъ.

— Что ты орешь-то, точно сумасшедшій! — унимала его жена. — Давно ли болень былъ... горло болѣло...

— Женщина... о, женщина!.. Горло болѣло... Да!—началъ онъ и, близко наклонившись ко мнѣ, проговорилъ:— Вѣдь лучше, гораздо лучше съ хорошими мертвыми гнить, чѣмъ съ худыми живыми жить... Экспромптъ!.. Такъ вѣдь, отецъ родной. А?..

Онъ выразительно подмигнулъ, хлопнулъ меня по плечу, и затѣмъ, обнявшись, мы зашагали съ нимъ впередъ скорымъ маршемъ.

Онъ вѣрилъ и только не зналъ: дастъ ли ему Богъ долгаго вѣку, чтобы дожить до того, о чемъ мы съ нимъ тогда говорили...

У Левитова я находилъ не только пріятную, задушевную бесѣду, но и утѣшенье. Въ январѣ 1872 года для меня выпали черные дни. У меня умеръ сынъ—мое первое дитя. Онъ умеръ, какъ я думаю, оттого, что у меня не было трехъ рублей для того, чтобы немедленно позвать доктора и купить лѣкарствъ, а на похороны деньги явились... Однимъ словомъ, вышла одна изъ миллиона обыкновенныхъ исторій, какія ежедневно разыгрываются во всѣхъ углахъ земного шара въ мірѣ пролетаріевъ... Всю ночь, послѣдовавшую за смертью сына, я долженъ былъ работать, кончать статью для журнала... Добрые люди жену мою увели къ себѣ... Я писалъ, а рядомъ съ моимъ стуломъ помѣщалась плетеная ка-

мышевая корзинка, замѣнявшая колыбель, и въ ней лежалъ маленькій холодный трупъ съ закрытыми глазами. Еще не прошло 24 часовъ послѣ того, какъ эти—теперь сомкнутые—голубые глазки улыбались мнѣ. Они и теперь смотрѣли на меня между строкъ моей рукописи и изъ темнаго угла комнаты и изъ окна, разрисованнаго морозомъ. Понятно: ночная тишина, уединеніе, нервы, разстроенные продолжительной умственной работой, дѣлали свое дѣло. Мнѣ было тяжело, и я рано утромъ пошелъ къ Левитову... Я удивляюсь теперь: сколько душевной теплоты и участія къ людскому горю сохранялось въ этомъ человѣкѣ, повидимому, такъ сильно помятомъ и разбитомъ жизнью. Мнѣ кажется, никакая женщина не могла бы отнестись ко мнѣ съ болѣею деликатностью, съ болѣею нѣжностью, чѣмъ въ то время отнесся ко мнѣ Левитовъ,—человѣкъ, казавшійся иногда такимъ грубымъ, мужиковатымъ созданиемъ...

Время шло, а съ теченіемъ времени и дѣла въ редакціи «Сіянія» шли все хуже и хуже. С. велъ свою линію неуклонно и отгѣснялъ Левитова, желая обратить его окончательно въ ширмы и играть имъ по произволу, какъ мячикомъ. Но быть мячикомъ Левитовъ долго не могъ... Происходили споры, непріятности, и въ результатѣ оказывалось, что натянутыя отношенія еще пуще осложнялись. Для Левитова—для его доброй, простой души—вся эта литературная суетня, всѣ эти дразги и интриги, прикрывавшіяся иногда звонкими фразами, а въ сущности бывшія слѣдствіемъ личнаго, мелочнаго самолюбія и безысходной человѣческой тупости,—были возмутительны и глубоко противны... Наконецъ Левитовъ махнулъ на все рукой и запилъ. Такой оборотъ дѣла послужилъ для С. благопріятнымъ сигналомъ: онъ почти одинъ началъ наполнять цѣлые номера «Сіянія»,—и дѣло, конечно, не могло пойти успѣшно. Нельзя сказать, чтобы С. далъ журналу какое-нибудь скверное направленіе... нѣтъ! но онъ просто сдѣлалъ его какимъ-то складочнымъ мѣстомъ, мѣшкомъ, куда сваливалось все, что попадалось подъ руку, — и красивый цвѣточекъ, и старая подошва, и

дохлая кошка, и какой-нибудь полезный инструментъ,—словомъ, валилось все, безъ разбора, безъ идеи...

Должно замѣтить, что послѣ «Тамбовской деревнюшки» у Левитова вѣчною любимой мечтой было написать когда-нибудь романъ или—какъ онъ говорилъ — «большую вещь». Имъ начаты были два романа, начало обоихъ онъ читалъ мнѣ весной 1872 года. Отрывокъ изъ одного ненаписаннаго романа, подъ заглавіемъ «Говорящая обезьяна», былъ въ послѣдствіи гдѣ-то напечатанъ. Другой романъ былъ изъ крестьянской жизни и открывался описаніемъ села или, вѣрнѣе, сельской церкви. Изображеніе этой церкви — подробное, живое — подъ своеобразнымъ перомъ Левитова было прелестно; очень можно было бы напечатать и теперь этотъ отрывокъ, если бы онъ нашелся гдѣ-нибудь... Но едва ли эти листочки съ наброскомъ сельской церкви не потерялись. По крайней мѣрѣ, уже послѣ его смерти, когда я видѣлся въ послѣдній разъ съ его женой, она говорила, что этого отрывка между бумагами покойнаго не находится. Жаль художественной картинки...

Мрачная и темная старинная церковь съ старинными надписями на иконахъ и на воротахъ церковной ограды черною тѣнью стоитъ подъ ясными голубыми небесами, посреди зеленыхъ полей и луговъ, усыпанныхъ цвѣтами и залитыхъ блескомъ лѣтняго солнца. Таковъ сюжетъ первой главы. Тутъ онъ приводитъ цѣликомъ довольно длинную замѣчательную надпись, списанную имъ съ воротъ церковной ограды. Я заинтересовался этою надписью, и мы долго проговорили о ней...

Иногда подъ хмелькомъ Левитовъ дѣлался откровеннѣе и, отбросивъ ложный стыдъ и путы условныхъ житейскихъ приличій, являлся нараспашку во всей непорочности и чистотѣ своихъ помысловъ. Тогда, говоря о своемъ «ненаписанномъ» романѣ, онъ плакалъ... Я оскорбилъ бы и его память и самого себя, если бы хотя на мигъ допустилъ ту мысль, что въ тѣ мгновенья плакала въ немъ водка. Нѣтъ, не водка... То плакалъ человѣкъ, глубоко несчастный и,

какъ обыкновенно водится на свѣтѣ, достойный лучшей доли ; то плакало сердце, всю жизнь обливавшееся кровью, уже съ ранней юности больно уязвляемое, гонимое и въ гоненіи страдавшее... Трогательно было видѣть Левитова въ эти минуты, бывшія для него минутами вдохновенія и самаго высшаго страданія. Онъ говорилъ о своемъ будущемъ романѣ, и видно было, какъ образы, давно уже созданные его воображеніемъ, — образы, то смутные, то яркіе, въ тѣ минуты придвигались къ нему, такъ сказать, вплотную, тѣснились къ нему... Шли годы, образы тускнѣли, и романъ, казалось, уплывалъ отъ него дальше и дальше въ какую-то туманную мглу, гдѣ пропадали всѣ живые звуки, и краски блѣднѣли и исчезали безвозвратно...

Участь нашего брата-писателя бываетъ очень странная и печальная. Конечно, я говорю о писателяхъ простыхъ смертныхъ, а не о тѣхъ, которыхъ называютъ «знаменитостями». И «знаменитости», разумѣется, по-своему страдаютъ, волнуются, бьются, но для нихъ житейская-то мелочная борьба изъ-за куска хлѣба или изъ-за одежды не ожесточается до такой степени, какъ для писателей рядовыхъ. Жизнь писателя складывается иногда самымъ безобразнымъ, самымъ безтолковымъ, нерасчетливымъ и жалкимъ образомъ... Вотъ Левитовъ, напримѣръ, всю жизнь свою напрасно промечталъ о томъ, какъ онъ «ужо» напишетъ большую вещь...

— Вотъ ужó...—рассказывая по комнатѣ, съ жаромъ говорилъ онъ, потирая руки и какъ бы предвкушая заранѣе сладость осуществившейся мечты.—Вотъ ужо допишу эту повѣсть, сдамъ, получу деньги — и баста! Шабашъ! Засяду за «большую вещь»—и ну писать!.. Эхъ! Только бы съ дѣлишками-то немного управиться, отецъ родной! Вотъ что!..

Онъ часто говорилъ объ этомъ... Повѣсть кончалась, деньги получались и начинали уплывать своимъ порядкомъ : нужно за квартиру отдать, надо на обѣдъ, на платье, на книгу... А «большая вещь» между тѣмъ подвигается туго, а подчасъ не подвигается и вовсе, «заколodить», какъ гово-

рится. Писать «большую вещь» оказывается иногда не такъ легко, какъ думаютъ нѣкоторые...

Кромѣ свободнаго времени да извѣстной дозы здоровья, для созданія «большой вещи» еще необходимымъ и притомъ главнымъ условіемъ является нѣкоторая возбужденность мысли и воображенія. Законы этого возбужденія, причины, развивающія, усиливающія или охлаждающія его, неизвѣстны ни писателямъ ни читателямъ. Управлять этимъ возбужденіемъ по своему произволу человекъ не можетъ.

Говорятъ, Шиллеръ могъ писать хорошо лишь въ то время, когда ѣлъ гнилыя, испорченныя яблоки. Байронъ, говорятъ, не могъ обходиться безъ портвейна... Но я думаю, что это вздоръ, что причины возбужденности кроются не въ яблокахъ и не въ портвейнѣ, но гораздо глубже...

Иной читатель и вовѣкъ не догадается: по какой дорогой цѣнѣ пришлось автору иное появляющееся въ печати литературное произведеніе, отмѣченное критикой, какъ произведеніе неудачное,—съ какою страшною болью оно вымучено, выжато, плодомъ какой безмолвной, скрытой, тягостной драмы является оно передъ читателемъ въ видѣ выровненныхъ, приглаженныхъ строкъ. Иногда голова писателя, какъ всякаго измученнаго, усталаго работника, бываетъ такъ неотзывчива, такъ пуста и глуха, какъ вотъ этотъ деревянный столъ, на которомъ я теперь пишу. Въ такія безпроезжныя минуты апатіи или утомленія, назовите ихъ, какъ хотите, что бы писатель ни задумалъ, все у него бѣдетъ изъ рукъ вонъ плохо, безцвѣтно и вгонить его лишь въ недовольство самимъ собой. Но онъ иногда обязанъ писать, если писать нужно, во что бы то ни стало—изъ-за куска хлѣба. Онъ будетъ писать... страдая и болѣя душой надъ каждою написанной фразой. Если онъ нуждается въ деньгахъ, какъ, напримѣръ, нуждался въ нихъ Левитовъ, онъ—рабъ, а рабъ разсуждать не можетъ и выбирать ему не изъ чего... Пиши! Что бы у тебя тамъ ни было въ головѣ и на душѣ—пиши! «Вертись колесомъ!..» Вы, богатые и счастливые, никогда не узнаете, во всю свою жизнь

не перечувствуете того, что иной талантливый бѣднякъ-писатель прочувствуетъ въ одну ночь въ своемъ подвалѣ или на чердакѣ!..

Но зато въ другія неисповѣдимыя минуты—въ минуты, благодатныя для писателя—мысли его бьютъ свѣтлымъ, живымъ ключомъ, чувства и образы, одни другихъ ярче, блестяще, одолѣваютъ его, овладѣваютъ имъ. Тогда пиши!.. Перо едва успѣваетъ угнаться за мыслью, развивающеюся съ необычайною ясностью и быстротой... Въ такія минуты крайняго раздраженія мысли и фантазіи рука иногда останавливается чисто въ силу физической усталости. Пальцы онѣмѣли... И вслѣдствіе такого—нельзя сказать, чтобы непредвидѣннаго, но во всякомъ случаѣ нежелательнаго—препятствія, изложеніе мысли на бумагѣ должно оборваться на полусловѣ. Пальцы онѣмѣли, глаза устали, точно какою-то красноватой туманной пеленой заволоклись,—что же вы сдѣлаете съ ними! Плоть оказывается немощною въ то время, когда духъ бодръ и живетъ, такъ сказать, на всѣхъ парахъ. Усталая рука лежитъ на столѣ безъ движенія, какъ плеть, а въ головѣ той порой живетъ и носится цѣлый міръ идей, образовъ, красокъ и такихъ тонкихъ, неуловимыхъ чувствованій, которыхъ въ другое время уже никогда, можетъ-быть, не найдешь въ себѣ и нигдѣ и ни за что не поймешь ихъ,—такъ же точно, какъ мы иногда, проснувшись, совершенно напрасно мучимся и ломаемъ себѣ голову, желая припомнить забытый нами сонъ... Въ такія благодатныя минуты авторъ не долженъ зѣвать и долженъ отказаться отъ всѣхъ прелестей и соблазновъ «міра сего». Это минуты такъ называемаго вдохновенія. Эти минуты можно сравнить съ крестьянской страдой... Такое возбужденное состояніе (невыгодное, впрочемъ, для организма съ гигиенической точки зрѣнія)¹⁾ не можетъ продолжаться долго и не скоро иногда возвращается вновь...

¹⁾ И то надо сказать: если бы Шекспиръ, Шиллеръ, Гейне и др. слѣдовали въ этомъ отношеніи совѣтамъ строгой гигиены, то, вѣроятно, они и не были бы тѣми Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гейне, какими мы восхищаемся.

Все это я говорилъ для того, чтобы указать читателю, какъ трудно писателю творить «большую вещь», даже при хорошей житейской обстановкѣ, при избыткѣ здоровья, силъ и досужаго времени...

Левитову еще труднѣе было писать свой романъ, ибо житейская обстановка его большею частью была въ высшей степени неказиста, чтобы не сказать болѣе (я уже расскажу: какъ онъ впослѣдствіи жилъ въ Москвѣ). Всю жизнь не могъ онъ «устроить своихъ дѣлишекъ»; никакъ ему не давались эти дѣлишки... Получивъ деньги за повѣсть или за рассказъ, онъ начиналъ мечтать о романѣ, принимался пересматривать свои замѣтки и отрывочныя писанья, разбросанныя на лоскуткахъ бумаги, но только что онъ успѣвалъ задуматься надъ «большою вещью», какъ уже оказывалось, что денегъ мало, что надо опять приниматься за «маленькую вещь». И вотъ опять писались повѣсть, рассказъ или очеркъ и т. д., до могилы...

Конечно, романъ Левитова, — романъ изъ его крестьянской жизни, о которомъ я уже говорилъ, могъ выйти очень плохимъ, могъ выйти хуже всего, имъ написаннаго до той поры. Но вѣдь какъ знать! Этотъ романъ могъ быть и прекрасенъ, какъ могъ быть прекрасенъ романъ Н. Г. Помяловскаго, намѣченный имъ подъ заглавіемъ «Братъ и сестра». Ничего неизвѣстно... Дѣло только въ томъ, что Левитовъ не могъ исполнить своего горячаго, завѣтнаго желанія, но долженъ былъ постоянно работать «маленькія вещи» наспѣхъ. Скажутъ: онъ поступалъ нерасчетливо, размѣнивая на мелочь свою крупную, цѣнную монету. Это замѣтить могутъ, хотя мелочь иногда можетъ быть цѣннѣе и почтеннѣе иного многотомнаго произведенія...

Весной Левитовъ сталъ собираться въ Москву. Однажды я засталъ его въ парадномъ костюмѣ, хотя все-таки не въ такомъ блестящемъ видѣ, въ какомъ онъ въ первый разъ явился ко мнѣ.

— Вы куда это, Александръ Ивановичъ?—спросилъ я.

— Къ «своему енаралу»!—серьезно-шутливымъ тономъ отвѣтилъ онъ, застегивая сюртукъ и прибодряясь.—А нѣтъ, право, онъ человѣкъ — ничего себѣ... ничего!

Со свойственнымъ ему добродушнымъ юморомъ онъ называлъ «енараломъ» редактора одного толстаго журнала, въ которомъ онъ незадолго передъ тѣмъ напечаталъ свой рассказъ. Рѣдко случалось, чтобы онъ зло подсмѣивался надъ слабостями своихъ ближнихъ... Только большой общественный грѣхъ и подлость возмущали его до глубины души, и тогда рѣзко, грубо и съ силой въ немъ заговаривалъ мужикъ...

Вскорѣ послѣ того Левитовъ уѣхалъ, и я уже въ Петербургѣ болѣе не видалъ его. Для меня наступило время «мыканья»; я присматривался къ тверскимъ артелямъ, былъ сельскимъ учителемъ въ Новгородской губерніи, ѣздилъ на сѣверъ, въ Зырянскій край, — однимъ словомъ, отрывался отъ Петербурга. Нѣкоторые знакомые вслѣдствіе того терялись у меня изъ вида... Такъ, изъ вторыхъ или третьихъ рукъ случайно я узналъ, что Левитовъ за это время также странствовалъ—уѣзжалъ изъ Москвы, былъ учителемъ въ г. Козловѣ и снова возвратился въ «грязнокаменную»...

III.

Въ 1874 году я жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ и кончалъ свой романъ. Въ мартѣ совершенно неожиданно я получилъ отъ Левитова очень пространное посланіе. Онъ дѣлалъ мнѣ различныя порученія и раздѣлилъ ихъ на пять пунктовъ. Первые четыре пункта касаются изданія его сочиненій или носятъ характеръ личный, а послѣдній пунктъ, имѣющій нѣкоторый общій смыслъ, привожу здѣсь цѣликомъ.

«15 марта я послалъ въ главное управленіе по дѣламъ печати прошеніе, которымъ испрашивалъ его ходатайства предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (который теперь, въ скобкахъ сказать, за границей, а товарищъ его, князь Ши-

ринскій-Шихматовъ, лично меня зналъ съ нѣкоторой стороны) о разрѣшеніи издавать мнѣ съ будущаго октября въ Москвѣ журналъ «Русскій Художникъ», съ бесплатнымъ приложеніемъ къ нему, подъ названіемъ «Бесплатный листокъ объявленій». Штука немудрящая, но, тѣмъ не менѣе, я просилъ бы васъ побывать въ главномъ управленіи (оно помѣщается около Апраксинской толкучки), тамъ отъ нѣкоего Богушевича, управляющаго Лонгиновской канцеляріей, вы могли бы узнать, чѣмъ кончится моя затѣя. А она могла бы быть очень хорошею вещью, такъ какъ я обдумалъ и обставилъ ее съ достаточною удовлетворительностью. Эту послѣднюю просьбу мою прошу исполнить не ранѣе конца Фоминой недѣли... Нечего говорить вамъ о томъ, что все это должно быть между нами, втайнѣ. Въ серединѣ лѣта рассчитываю пріѣхать въ Петербургъ на короткое время— и тогда все разъяснится; а между тѣмъ, по чести и совѣсти говорю вамъ, что дѣло затѣваю хорошее»...

«По чести и совѣсти»... Чудака! Какъ будто бы кто-нибудь изъ знавшихъ его могъ допустить мысль, что онъ затѣваетъ дѣло «нехорошее»... Чудака, и вдвойнѣ—чудака! Онъ затѣваетъ очень хорошую «вещь» (журналъ), онъ уже «обдумалъ и обставилъ ее съ достаточною удовлетворительностью», а между тѣмъ въ томъ же самомъ письмѣ, изъ котораго я привелъ отрывокъ, попадаетъ такая фраза: «я глубоко нуждаюсь»... (въ деньгахъ, разумѣется). Эта фраза особенно бросается въ глаза, потому что сугубо подчеркнута... Журналъ его не устроился...

Лѣтомъ въ Петербургѣ меня не было, и я не видалъ Левитова. Осенью, на обратномъ пути изъ своего медвѣжьяго вологодскаго угла, я проѣзжалъ черезъ Москву и видѣлся съ Левитовымъ. Я добирался до него и на извозчикѣ, и пѣшкомъ, и, въ концѣ-концовъ, насилу нашелъ его. Онъ жилъ въ то время у Дорогомиловскаго моста, на какихъ-то «горахъ»; названія ихъ—хоть убейте—теперь не припомню. Левитовъ нанималъ комнату внизу у какого-то мастерового, занимавшагося поставкой въ аптеку коробочекъ для лѣкар-

ственныхъ снадобій. Къ Левитову надо было проходить черезъ хозяйскую «половину», мимо большого бѣлаго деревяннаго стола, всего заваленнаго коробками, разноцвѣтной бумагой, бордюриками и т. п. Комнатка, занимаемая Левитовымъ, была маленькая скверенькая, съ оконцемъ, едва пропускавшимъ свѣтъ. У окна стоялъ рабочій столъ, и этотъ уголокъ, отгороженный отъ остальной комнаты «умственными» геометрическими линиями, представлялъ кабинетъ Левитова. У стѣны, насупротивъ одна другой, помѣщались двѣ кровати. Часть комнаты, противоположную окну, направо отъ входа, занимала большая закоптѣлая русская печь. Левитовъ жилъ въ этой конурѣ съ женой и съ кроликомъ. Кроликъ обыкновенно странствовалъ по всей каморкѣ, а спать уходилъ подъ печку.

— Вотъ ужъ весной поѣду въ Тамбовскую губернію!—говорилъ Левитовъ. (Онъ сидѣлъ на одной кровати, я—на другой, противъ него.) — Только бы ужъ добраться, а тамъ засяду... Дѣлишки-то, отецъ родной... Дѣлишки-то вотъ!.. Только бы мнѣ поуправиться немножко... крохотку поуправиться, я бы сейчасъ...

Старая пѣсня, но пѣлась она уже иначе, чѣмъ три года тому назадъ. Теперь уже, глядя на его исхудалое «нехорошее» лицо, на его угасшіе глаза, какъ-то совсѣмъ не вѣрилось, чтобы онъ могъ дожить до осуществленія своей завѣтной мечты. Ни романъ не писался ни журналъ не выгоралъ, и его «тамбовская деревнюшка» уходила отъ него все дальше и дальше. Загадочно посмѣивался онъ... То насмѣшливая, почти злобная, то безысходно грустная нотка звучала въ его смѣхѣ. Видно было, чувствовалось, что въ человѣкѣ жизнь не пощадила ничего дорогого, что все-то въ немъ вверхъ дномъ перевернуто, все-то разбито, скомкано, измочалено такъ, что живого мѣстечка не осталось. Вотъ ужъ подлинно: укатали бурку крутыя горки... Мнѣ кажется, онъ самъ уже не вѣрилъ въ свою мечту. А впрочемъ, какъ знать... Чахоточные, говорятъ, и наканунѣ смерти еще уповаютъ на долгую жизнь.

Долго мы толковали. Было о чемъ поговорить послѣ такой долгой разлуки и въ виду опять предстоявшей разлуки, можетъ-быть, еще болѣе долгой, если не вѣчной.

— Ничего не подѣлаешь... рѣшительно, ничего не подѣлаешь! Хоть тутъ что скажи...—говорилъ онъ, хватаясь рукой за голову и указывая на перегородку, отдѣлявшую его отъ хозяйской «половины».

Оказывалось, что онъ хотѣлъ «образовать» своихъ хозяевъ, но не удалось... Онъ запутался въ долгахъ, и житье его въ этой конурѣ становилось все хуже и хуже.

— Ничего не подѣлаешь... Бѣда, коли человѣкъ разжирѣть... Бѣда!—повторялъ онъ съ усмѣшкой, а въ глазахъ его въ то же время выражалась такая глубокая, затаенная тоска, какой прежде еще я не примѣчалъ въ нихъ.—Нѣтъ, это не то... не то я говорю!—спохватился онъ.—Погодите, отецъ родной! Поправимся... Ха!

Съ тяжелымъ сердцемъ, съ грустью оставилъ я его.

Въ ноябрѣ того же 1874 г. онъ писалъ мнѣ: «...Я нѣсколько дней тому назадъ переѣхалъ оттуда, гдѣ вы у меня были, и теперь, несмотря на серьезную болѣзнь, временами серьезно радуюсь тому, что успѣлъ вырваться изъ извѣстной вамъ невылазной грязи, которую ничѣмъ не счистишь... Страшно усталъ, разгребая ее. — Въ случаѣ приѣзда вашего въ Москву, вы порадуете меня, если остановитесь у меня. На это письмо прошу отвѣтить мнѣ что-нибудь о себѣ. Вѣрьте, что въ послѣднее время, кромѣ тоски, меня обуяли какія-то, неиспытанныя еще мною, физическія боли.—Къ сожалѣнію, въ хлопотахъ и болѣзняхъ я не имѣлъ времени прочитать «Село Смурино»; но на-дняхъ какъ-то, прочитавши въ «Пб. Вѣд.» брехню на него Z, я еще болѣе убѣдился въ состоятельности тѣхъ симпатичныхъ отзывовъ, которые дѣлали о «Смуринѣ» люди, хорошо знакомые съ литературой и сердечно ее любящіе. Въ литературныхъ кружковъ такіе люди, вѣрьте мнѣ, еще водятся»...

Въ мартѣ 1875 г. я получилъ отъ него письмо, крайне опечалившее меня (хотя я и ожидалъ всего худого), письмо

страшно грустное, отрывочное и написанное до того неразборчиво, что съ трудомъ можно было прочесть его... «Боленъ я серьезно,—писалъ Левитовъ:—у меня парализована правая рука, такъ что я едва владѣю ею. Въ будущій понедѣльникъ долженъ буду, вѣроятно, лечь въ больницу, жду только немного денегъ... Извините за короткое письмо; но писать для меня больною рукой—пытка... Вѣрьте, смерть отъ руки; лихорадка такъ и трясеть, а тутъ еще представленіе возможности сдѣлаться калѣвкой. И такъ-то не красно, а тутъ еще чортъ знаетъ что»...

Переписка ваша, хотя съ невольными перерывами, подерживалась въ теченіе всего 1875 г. Лѣто и осень этого года мнѣ пришлось быть въ Тамбовской губерніи¹⁾. Въ сентябрѣ я получилъ изъ Москвы отъ Левитова очень оживленное письмо. Опять улыбались ему надежды, опять мечта какъ будто давалась ему въ руки, и онъ спѣшилъ подѣлиться со мной своею радостью. «Дорогой мой! Вы совсѣмъ зажились въ Усмани. Я думаю, что васъ тамъ задерживаютъ арбузы и всевозможныя фруктовыя наслажденія, которыхъ тамъ такъ много. Но вотъ сезонъ фруктовъ кончился, а васъ все нѣтъ. Напишите же, отчего вы не ѣдете—и напишите скорѣе, потому что до васъ есть дѣло вотъ какого свойства: одинъ мой знакомый книгопродавецъ купилъ издававшуюся въ Москвѣ иллюстрированную газету, подъ фирмой: «Ремесленная Газета». Благодаря добрымъ намѣреніямъ настоящаго издателя этого изданія, составъ ея сотрудниковъ окончательно измѣнился, хотя по недостатку времени дѣятельность ихъ не могла еще какъ слѣдуетъ выразиться. Къ числу новыхъ сотрудниковъ изданія примкнули: вашъ покорный слуга, В. А. Слѣпцовъ, Н. В. Успенскій, Д. Д. Минаевъ, Ф. Д. Нефедовъ. Не подстанете ли вы къ намъ — и если — да, то высылайте или привозите что-нибудь... Пишу съ согласія и даже по просьбѣ издателя. Въ

¹⁾ Проѣздомъ черезъ Москву я видѣлъ Левитова у почтеннаго Ф. Н-ва, видѣлъ его въ обществѣ его московскихъ знакомыхъ, и никакихъ особенныхъ разговоровъ при этомъ не происходило.

этомъ же родѣ пишу сейчасъ къ Глѣбу Успенскому; надѣюсь, что отъ него отказа не будетъ.—Отвѣчайте поскорѣе и обстоятельнѣе, когда прїѣдете въ Москву и успѣете ли что-нибудь дать въ «Ремесленную Газету» въ нынѣшнемъ году, а также извѣстите о вашемъ согласіи участвовать въ ней. Всѣ перечисленные мною имена будутъ напечатаны въ объявленіи о выходѣ газеты въ 1876 году, такъ что, если бы вы согласились, мы напечатали бы и васъ... Р. С. Присылайте корреспонденціи, ежели есть хорошія темы»...

Проѣздомъ изъ Тамбовской губерніи въ Петербургъ я видѣлся съ Левитовымъ. Въ то время онъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, на Моховой (въ д. Куманина), противъ университета... Онъ всю жизнь, какъ скитающаяся тѣнь, бродилъ съ мѣста на мѣсто, словно нигдѣ не находя себѣ прїюта. Точно какая-то сила гнала и гнала его изъ стороны въ сторону, изъ одной мѣстности въ другую. Онъ никогда не дорожилъ удобствами жизни, мечту о которыхъ рѣдкій писатель не лелѣетъ «въ душѣ», если не на словахъ. Онъ никогда не обставлялъ свое жилище тѣми украшеніями, какія требуются буржуазнымъ вкусомъ. Только одинъ разъ (у Дорогомиловскаго моста) жилъ онъ съ кроликомъ. Но это была не барская прихоть, а просто дѣтская затѣя; для удовлетворенія ея все равно можно было бы жить и съ мышью... И Левитовъ, казалось, не замѣчалъ недостатка житейскихъ удобствъ. Онъ могъ бы отлично жить и въ каморкѣ у Дорогомиловскаго моста, такъ же точно, какъ въ меблированныхъ комнатахъ на Моховой, если бы только тамъ не мучили его чисто нравственныя боли...

На этотъ разъ я нашелъ Левитова почти совсѣмъ больнымъ. Онъ кашлялъ ужасно—до рвоты... Въ то время онъ бросилъ уже пить, но здоровье было распатано. «Ремесленная Газета», какъ оказывалось по ближайшемъ разсмотрѣніи, также не выгорала, т. - е. не устраивалась въ томъ видѣ, въ какомъ желалъ устроить ее Левитовъ.

— Конечно, обойдется ужо какъ-нибудь...—успокоивающимъ тономъ говорилъ онъ мнѣ. — Но все-таки—не то...

Нѣтъ! Лучше уѣхать весной... закатиться въ Тамбовскую губернію!

Но «закатиться» ему не удалось...

Это было наше послѣднее свиданіе.

Левитовъ вскорѣ послѣ того умеръ, — умеръ, не дописавъ свою «большую вещь», — умеръ въ бѣдности, какъ и жилъ...

Если умъ измѣрять аршиномъ лавочника—способностью устраивать и «проводить» свои дѣла, то, разумѣется, Левитовъ окажется совсѣмъ глупымъ человѣкомъ. Если степень развитія измѣрять дипломами, большей или меньшей массой того хлама, какимъ набивается голова культурнаго человѣка, то Левитова, безъ сомнѣнія, придется признать круглымъ невѣждой. Если понимать нравственность въ смыслѣ соблюденія внѣшней порядочности, общепринятыхъ приличій и рутинныхъ воззрѣній, то и въ этомъ отношеніи Левитовъ не выдержитъ строгой критики тѣхъ судей, которые съ сотворенія міра такъ охочи побивать камнями своихъ ближнихъ... Но если посмотрѣть на предметы не съ куриной точки зрѣнія, но съ точки зрѣнія болѣе высокой, болѣе открытой, то Левитовъ намъ явится инымъ... Онъ вышелъ изъ деревни, можно сказать, изъ народа, и всю жизнь, до гробовой доски, онъ любилъ этотъ народъ всѣмъ сердцемъ, всей душой. Всѣ помыслы его посвящались народу, и въ немъ самомъ всю жизнь сказывался простой и симпатичный русскій человѣкъ. Иной разъ слушаешь его, и кажется тебѣ, что передъ тобой не литераторъ, но переодѣтый мужикъ, — до того цѣло сохранился въ немъ характерный складъ мысли и рѣчи народной... Но это былъ хорошій мужикъ, глубоко развитый нравственно и ни разу не расстававшійся въ жизни съ мыслью объ общемъ благѣ. Начиная съ самыхъ мелочей жизни и кончая «хорошими вещами» — журналами, остававшимися въ мечтахъ, «недописаннымъ» романомъ, кончая, наконецъ, тѣми его произведеніями, которыя были напечатаны, — однимъ словомъ, во всемъ отразился человѣкъ, стойко, неуклонно шедшій къ своей цѣли, обрывавшійся, спотыкавшійся, получав-

шій ударъ то съ той, то съ другой стороны за свое упрямство и все-таки изо дня въ день ведшій «свою линію». Это всевыносящее упорство въ одно и то же время, съ одной стороны, роднило его съ мужикомъ, а съ другой стороны—проводило между ними нѣкоторую разницу, ибо упорство Левитова не оставалось пассивнымъ сопротивленіемъ, но постоянно переходило въ наступленіе... Посреди всяческихъ отступничествъ и ренегатствъ, посреди мелочныхъ интригъ и борьбы литературныхъ самолюбій, шелъ онъ своей «дорожкой», лишь въ минуты черныя мурлыча сквозь зубы свою неизвѣстную пѣсню.

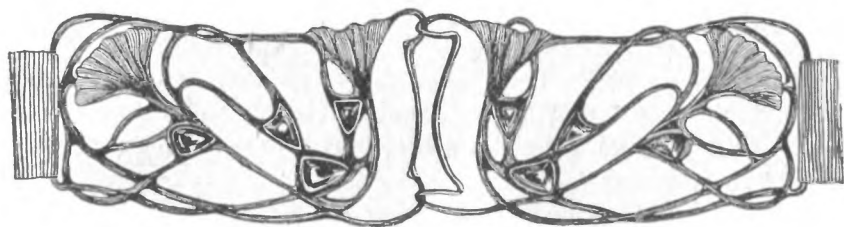
Про него можно сказать: «Вотъ—человѣкъ, несмотря на всѣ грустныя перипетіи своей жизни, сохранившій въ себѣ «душу живу».

За то толпа молодежи провожала его на кладбище...

Земля наша можетъ гордиться, что въ ней родятся такіе люди, какъ Левитовъ и подобные ему. И ужь, разумѣется, не ихъ вина, если большая часть ихъ талантовъ темною ночью зарывается въ землю чьею-то невѣдомой рукой...

Скажу въ заключеніе, что Левитовъ былъ истый народникъ, въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Это слово въ видѣ эпитафіи и слѣдовало бы начертать на крестѣ или на камнѣ, если таковыя найдутся на его забытой могилѣ.





Василій Курочкинъ.

I.

«L'Étincelle succomba, en 1873,
sous les persécutions redoublées de
l'administration»...

Rappel, 14 septembre, 1875.

Вечеромъ въ среду, 27-го іюня 1873 г., я пришелъ къ Вас. Степ. Курочкину ¹⁾ и, не заставъ его дома, занялся у него въ кабинетъ просмотромъ корректурныхъ листовъ 40 № «Искры» ²⁾. Этому номеру назавтра слѣдовало выйти. Въ то время квартира Курочкина стояла пустою (на Фурштадтской ул., домъ кн. Гендриковой): семья его жила на дачѣ, а самъ онъ приѣзжалъ въ городъ лишь передъ выпускомъ №№ «Искры»... Вскорѣ послѣ моего прихода явился и Курочкинъ — не одинъ, съ А. А. Ольхинымъ. Перекинувшись нѣсколькими словами, мы всѣ трое сѣли за корректуру: Ольхинъ — у одного окна, я—у другого, Курочкинъ — у своего большого письменнаго стола.

Тутъ пришла старушка - няня, прислуживавшая Курочкину, и сообщила, что въ его отсутствіе «прибѣгалъ» маль-

¹⁾ Я въ ту пору сотрудничалъ въ «Искрѣ».

²⁾ Г. П. Ефремовъ («Всемирная Иллюстрація», 1875 г., № 349) насчиталъ въ 1873 г. только 35 №№ «Искры». Это ошибка. Ихъ вышло 39. Я, конечно, не придаю этой ошибкѣ большого значенія, но указываю на нее лишь потому, что библиографы обыкновенно дорожатъ точностью цифръ...

чикъ изъ типографіи и говорилъ, что «какой-то господинъ спрашивалъ въ типографіи Василія Степановича».

— Если нужно, придетъ и въ другой разъ! — беззаботно замѣтилъ Курочкинъ.

Въ то время на сообщеніе няни мы не обратили особеннаго вниманія и черезъ минуту уже забыли о немъ, погружившись въ свои занятія. Что жъ тутъ, въ самомъ дѣлѣ, было такого особеннаго? Мало ли зачѣмъ могли спрашивать Василія Степановича!.. А между тѣмъ, какъ показали послѣдствія, сообщеніе старушки-няни имѣло очень большое значеніе и касалось насъ ближе, чѣмъ мы думали...

День былъ жаркій. Къ вечеру стали собираться грозовыя тучи, и отъ надвинувшихся тучъ въ комнатѣ стемнѣло ранѣе обыкновеннаго. Мы зажгли свѣчи, сбросили сюртуки и продолжали работать. Спѣшили: было уже довольно поздно. Курочкинъ спросилъ у няни бутылку краснаго вина и, попивая вино, работалъ живо, легко, глотая полосу за полосой. При всемъ томъ онъ находилъ время прочитывать намъ вслухъ особенно полюбившіяся ему мѣста изъ «Политической Хроники». Хроника того №, дѣйствительно, была написана очень остроумно. Въ ту пору во Франціи происходили извѣстныя лурдскія богомолья, когда легитимисты надѣялись если «не пестомъ — такъ крестомъ» избавиться отъ ненавистной имъ республики, устраивали какія-то процессіи, служили мессы, сочиняли различныя чудеса, — однимъ словомъ, какъ будто намѣревались заставить небесныя силы примкнуть къ ихъ партіи и принять участіе въ политической борьбѣ, подобно тому, какъ боги древней Греціи во время Троянской войны принимали участіе то въ одной, то въ другой изъ воюющихъ сторонъ...

Потолковавъ и посмѣявшись, мы снова принимались за дѣло.

Я корректировалъ статью о русской литературѣ. Въ этой статьѣ говорилось, между прочимъ, объ одномъ писателѣ, который въ глухую, тяжелую пору, явившись на журнальное поприще свѣжимъ, здоровымъ юношей, растратилъ на мелочи,

на всякій вздоръ свой недюжинный талантъ ; когда же немного посвѣтлѣло, когда русскій литераторъ могъ вздохнуть по-свободнѣе, этотъ юноша, преждевременно состарѣвшійся или, какъ у насъ выражаются, «исписавшійся», уже былъ не въ состояніи дать ничего путнаго, ибо все лучшее въ немъ истрепалось и развѣялось по вѣтру... Я замѣтилъ о немъ Курочкину. Тотъ зналъ его и съ жаромъ заговорилъ о его злополучной долѣ.

— Да, да! И не онъ одинъ такъ кончилъ... «не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней»... Много такихъ! — говорилъ Курочкинъ. — А, право, не лучше ли бы русскимъ братьямъ-писателямъ служить въ какихъ-нибудь департаментахъ! — иронически добавилъ онъ.

Немного погодя, Курочкинъ подошелъ къ тому окну, у котораго я работалъ, заглянулъ на низко проносившіяся темныя тучи и, вдругъ круто повернувшись, поднялъ правую руку и продекламировалъ :

«Пойте, рѣзвитесь, дѣти!..
Черныя тучи надъ нами;
Ангель надежды цвѣтами
Сыплеть на вашемъ разсвѣтѣ, —
Пойте, рѣзвитесь, дѣти!»

Ликъ Беранже, какъ мнѣ казалось, съ улыбкой недоувѣрія смотрѣлъ на насъ со стѣны...

Былъ часъ одиннадцатый. Курочкинъ едва успѣлъ кончить первый куплетъ этого прелестнаго стихотворенія, какъ въ передней раздался сильный, порывистый звонокъ. Такъ обыкновенно звонятъ разсерженные почтальоны или люди властные, которые могутъ звонить и обрывать звонки, потому что они «въ своемъ полномъ правѣ»... Въ передней, слышно было, кто-то спрашивалъ Василія Степановича. Мы, молча, вопросительно переглянулись. «Кто это поздній гость?..» Не предчувствовали мы, что онъ принесъ намъ...

Курочкинъ вышелъ въ залъ, и я услышалъ расшаркиванье, чей-то незнакомый громкій голосъ, — извиненія въ

позднемъ приходѣ, при чемъ слѣдовали ссылки на «обязанности», на «долгъ службы» и т. под. Между пришедшимъ и Курочкинымъ завязался бѣглый, отрывистый и глухой разговоръ, но, очевидно, довольно оживленный. Я не слышалъ ихъ разговора и не видалъ вновь пришедшаго, потому что портьера въ кабинетѣ была спущена. Я только слышалъ, какъ Курочкинъ часто повторялъ свое «что?.. что?..»

Черезъ нѣсколько минутъ Курочкинъ возвратился къ намъ какимъ-то растеряннымъ. Онъ былъ сильно взволнованъ: жилы на лбу его напряглись, глаза смотрѣли тревожно. При взглядѣ на него легко было догадаться, что случилось «нѣчто», изъ ряду вонъ выходящее.

— Инспекторъ типографій!.. Захлопнули!.. — сирымъ голосомъ промолвилъ Курочкинъ, схватывая съ письменнаго стола костяной ножикъ, машинально играя имъ и снова бросая на столъ.

Я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него.

— Третье предостереженіе!.. Приостановка!—отрывисто пояснилъ онъ, пройдясь по комнатѣ. — И за что?..

Тутъ сразу припомнился и докладъ старушки-няни о томъ, что «Василія Степановича кто-то спрашивалъ въ типографіи»...

— Надо его сюда пригласить!—сказалъ намъ Курочкинъ, кивая головой на дверь. — Ему нужно что-то написать...

И вслѣдъ за тѣмъ, по приглашенію хозяина, въ кабинетъ явился черноватенькій господинъ, средняго роста, весьма приличный на видъ, съ мягкими манерами, выработанными новѣйшимъ чиновничествомъ, человѣкъ, очевидно, разговорчивый, «разбитной, обязательный»...

— Скажите вы мнѣ, пожалуйста, по крайней мѣрѣ: за что же это?.. за что?.. — съ жаромъ спрашивалъ его Курочкинъ.

— Не знаю! И самъ не знаю!— отвѣчалъ тотъ, приподнимая брови и какъ-то особенно выразительно пожимая плечами.

— Чортъ знаетъ, что такое! — проворчалъ или, вѣрнѣе, прохрипѣлъ Курочкинъ и нервною поступью заходилъ по комнатѣ, какъ звѣрь, загнанный въ клѣтку.

Инспекторъ типографій, какъ я уже сказалъ, оказался человѣкомъ очень разговорчивымъ, пока, разумѣется, дѣло не касалось канцелярскихъ тайнъ. Мы тутъ же въ какія-нибудь пятнадцать минутъ познакомились и съ его прежней служебной дѣятельностью, и съ его взглядами на эту дѣятельность, и даже отчасти съ его генеалогіей... Мы сдѣлали замѣчаніе на счетъ его непріятной, безпокойной обязанности. Онъ, повидимому, соглашался съ нами и выразительно пожималъ плечами: «Что, моль, подѣлаешь: ѣсть, пить надо, — жена, дѣти» и т. д. И въ то же время онъ рылся въ своемъ портфелѣ, вытаскивалъ изъ него какія-то бумаги и наскоро что-то писалъ...

Инспекторъ ушелъ.

Нѣсколько мгновений мы сидѣли, молча, поглядывая на корректуры, разбросанныя по столу и на подоконникахъ. Въ глубинѣ комнаты сквозь сумракъ лѣтней ночи тускло глядѣлъ на насъ со стѣны почтенный ликъ Беранже. Онъ словно изъ сумрака слѣдилъ за Курочкинымъ, ходившимъ изъ угла въ уголокъ, и улыбался своею тихою, загадочной улыбкой... Въ комнатѣ было тихо. Веселое оживленіе изъ нея отлетѣло; словно незванный гость унесъ его въ своемъ портфелѣ. Грустно, тяжело становилось на душѣ при взглядѣ на эти исправленные, уже готовые къ печати корректуры... «Захлопнули!» Это «захлопнули» такое же наше историческое многозначительное выраженіе, какъ въ бисмарковскомъ рассказѣ 1) русское «ничего»...

Корпѣли, торопились, говорили: «Это хорошая статья!» или: «Славно сказано... Это прочтется!» И вдругъ — трахъ! Словно вихрь налетѣлъ... Сгребай теперь всѣ эти листы въ одну кучу да въ печь, — будетъ хорошій огонь... Еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, весело смѣясь и скло-

1) Или приписываемомъ Бисмарку.

няясь надъ сѣрыми корректурными листами, еще припахивавшими сырой типографской краской, мы и не предчувствовали, что № «Искры», просматриваемый нами въ тотъ вечеръ, былъ *последній* — для насъ, а для читателей онъ даже и не существовалъ, ибо ему не суждено было выйти въ свѣтъ. Вотъ ужъ подлинно, какъ и часто случается въ нашемъ мірѣ, полномъ превратностей и недоразумѣній, —

«Ходитъ птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего
Никакихъ послѣдствій»...

А между тѣмъ «послѣдствія» тутъ, какъ тутъ... Значить: не ходи птичка весело!

— Каникулы намъ устроили! — пошутили Курочкинъ и тутъ же, смѣясь, добавилъ:

«Предупредительность какая!
Вѣдь я — червякъ въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ»...

— Каникулы непрошенныя! — замѣтилъ я.

А. Ольхинъ, не помню, говорилъ что-то рѣзко и сердито... Курочкинъ бодрился, показывалъ видъ, что не унываетъ, но можно было догадываться, что тяжело ему было въ ту пору... Мнѣ жаль было Курочкина и жаль было «Искру». Конечно, здѣсь неумѣстно распространяться о значеніи «Искры». Придетъ время, и безпристрастный историкъ русской литературы скажетъ свое слово о вліяніи этого маленькаго журнала на развитіе нашего общественнаго самосознанія. Думается, что это вліяніе было значительнѣе вліянія нѣкоторыхъ толстыхъ, quasi серьезныхъ (вѣрнѣе сказать, скучныхъ) журналовъ того и позднѣйшаго времени...

Ночью, подъ дождемъ возвращаясь домой, я все еще не думалъ тогда, что мы въ тотъ вечеръ совсѣмъ похоронили «Искру», что «Искра» окончательно угасла и на этотъ разъ уже навсегда... Вѣдь управлялись же иногда изданія послѣ приостановки! Но нѣтъ... «Искра» не загорѣлась вновь.

Такова маленькая драма, разыгравшаяся въ кабинетѣ Курочкина вечеромъ 27 іюня 1873 года. Такимъ-то запомнился мнѣ Курочкинъ — за работой, за его любимой «Искрой» и затѣмъ глубоко потрясенный неожиданнымъ и, кажется, уже послѣднимъ ударомъ, разразившимся надъ нимъ...

Какъ теперь вижу его: стоитъ онъ передъ своимъ письменнымъ столомъ и задумчиво, машинально перебираетъ сѣрые корректурные листы...

II.

Помню еще одинъ изъ многихъ вечеровъ, проведенныхъ съ Курочкинымъ.

Это вечеръ 24 декабря 1874 года.

Курочкинъ звалъ меня къ себѣ «на елку» — встрѣчать Рождество ¹⁾. Я пришелъ уже поздно и засталъ у него только одного Ник. Александр. Демерта. Мы, я и Демертъ, просидѣли у него всю ночь... Курочкинъ на ту пору уже выглядѣлъ совсѣмъ надломленнымъ человѣкомъ. Въ немъ оставалась лишь тѣнь того, что жило въ немъ во дни оны...

Такова ужъ, видно, судьба всѣхъ даровитыхъ русскихъ писателей того уклада, къ какому принадлежалъ Курочкинъ. Для такого писателя, какъ для извѣстнаго сказочнаго странника, стоящаго на распутии, всѣ пути равно «заказаны»: пойдеть ли онъ вправо, пойдеть ли влево, или прямо — вездѣ его погибель ждетъ. Одного застрѣлятъ на дуэли, другого заживо гдѣ-нибудь похоронятъ, иной разомъ отравится «чарой зелена вина», иной просто захирѣетъ, зачахнетъ, какъ растение безъ воздуха, безъ свѣта, и исчезнетъ изъ міра незамѣтно,

«Какъ исчезаетъ облакъ дыма
На небѣ сѣромъ и туманномъ
Въ осенней, непроглядной мглѣ»...

¹⁾ Въ ту пору онъ писалъ воскресные фельетоны въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», изд. г. Полетикой; я работалъ въ той же газетѣ.

Вообще *эти* братья-писатели. очень рѣдко благополучно доживаютъ у насъ до старости...

Въ то время, о которомъ я теперь пишу, въ рѣчахъ Курочкина и въ его сухомъ отрывистомъ смѣхѣ звучала угрюмая, нехорошая нота. Онъ былъ разсѣянъ, желченъ, недоволенъ, но на мгновенье порой присущая ему прежде веселость освѣщала его лицо, оживляла его полупотухшіе глаза.

Поговорили о «La fille de m-me Angôt», которая лишь наканунѣ передъ тѣмъ появилась въ свѣтъ (въ переводѣ Курочкина) и въ продажѣ пошла довольно бойко, т.-е. «бойко» — по нашему, по-россійски. Курочкинъ, разумѣется, не могъ придавать значенія этой опереткѣ, смотрѣлъ на нее, какъ на бездѣлушку, но было очевидно, что успѣхъ ея все-таки порадовалъ его. Потомъ разговоръ нашъ перешелъ на литературу вообще. Наступавшій 1875 годъ обѣщаль принести кое-что новое...

Въ ту пору «Петерб. Вѣдом.» отъ Корша переходили къ Баймакову, и графъ Сальясъ уже собирался редактировать эту газету. На страницахъ «Петерб. Вѣдом.» между тѣмъ происходили раскланиванья прежнихъ сотрудниковъ съ публикой. Особенно чувствительно прощался одинъ изъ главныхъ коршевскихъ фельетонистовъ и, пользуясь случаемъ, наговорилъ тогда массу жалкихъ словъ. Смѣшны казались намъ тогда эти многоглаголивья прощанья, потому что мы очень хорошо понимали, что всѣ эти «господа отъѣзжающіе» въ самомъ непродолжительномъ времени опять явятся гдѣ-нибудь передъ почтенной публикой. Всѣ знали, что это прощанье — не что иное, какъ своего рода водевиль съ передѣланьемъ, ибо уже давно было извѣстно, что «отъѣзжающіе» — люди очень покладливые и не преминутъ скоро дать знать о себѣ. Теперь, какъ вспомнишь, эти торжественныя прощанья, проникнутыя меланхолическимъ оттѣнкомъ, кажутся еще забавнѣе... И, дѣйствительно, послѣ этихъ прощальныхъ ламентаций читатели еще не успѣли, какъ говорится, сапоговъ износить, а «отъѣхавшіе» уже стали

показываться то тамъ, то сямъ, и пришлось « снова-здорсво » раскланиваться съ публикой...

Я рѣзко высказался о нѣкоторыхъ изъ коршевскихъ сотрудниковъ.

— Теперь вы такъ говорите о нихъ!..—съ ядовитой усмѣшкой возразилъ мнѣ Курочкинъ.—А почему знать: можетъ-быть, придутъ такія времена, когда и эти господа покажутся добропорядочными литераторами — въ сравненіи съ новыми типами... А! Что?! Не такъ ли?—обратился онъ къ Демерту.

Демертъ сидѣлъ, сгорбившись, и, поглаживая бородку, смотрѣлъ задумчиво куда-то вдаль изъ-подъ нависшихъ ему на лобъ волосъ.

— Конечно! — проворчалъ онъ. — Какъ ихъ, дьяволовъ, узнаешь...

Мы уже знали, что Коршъ — человѣкъ «умѣренный и аккуратный», но въ то же время человѣкъ образованный, тактичный, совѣтливый, умѣвшій кое-какъ (хотя не всегда) сдерживать въ границахъ разума и порядочности своихъ сотрудниковъ... А что такое представляли собой гг. Баймаковъ, Сальясъ и К^о — доподлинно никому еще не было извѣстно... Курочкинъ какимъ-то сверхчувственнымъ способомъ какъ будто предугадывалъ появленіе тѣхъ «нелитературныхъ» органовъ печати, на которые намъ пришлось любоваться впоследствии...

Въ разговорахъ, въ спорахъ, въ чтеніи русскихъ и французскихъ газетъ и отрывковъ изъ книгъ прошла вся ночь. То была послѣдняя ночь, проведенная мною съ Курочкинымъ въ душевной бесѣдѣ. Мы съ Демертомъ вышли отъ Курочкина уже въ пять часовъ утра, когда праздничный колокольный звонъ гудѣлъ надъ соннымъ Петербургомъ, еще погруженнымъ въ передразвѣтныя сумерки...

Мы шли по Литейной, по направленію къ Невскому проспекту, и Демертъ говорилъ мнѣ:

— А чортъ съ нимъ, съ Петербургомъ! Только бы мнѣ развязаться съ нимъ... Уѣду въ деревню и стану въ деревнѣ жить...

И, оживившись, онъ сталъ излагать мнѣ планъ своей будущей деревенской жизни. Онъ построить себѣ въ деревнѣ домъ, познакомится съ сосѣдними крестьянами, по праздникамъ вечеромъ станетъ зажигать у себя висячую лампу (онъ почему-то все напиралъ на «висячую лампу»), станетъ собирать къ себѣ крестьянъ и читать имъ газету...

— А тутъ, я вамъ скажу, подохнешь ни за грошъ... измотаешься, измочалишься и — ни къ чорту! — говорилъ онъ.

Демерта давно ужъ нѣтъ...

15 августа 1875 года и Василия Курочкина не стало.

Вѣсть объ его почти скоропостижной смерти застала меня въ степной глуши, далеко отъ Петербурга. И я съ грустью подумалъ: «Да, братья-писатели! Въ вашей судьбѣ что-то лежитъ роковое»...

Воистину, такъ!..

Русскія газеты напечатали некрологъ Курочкина. Появилось въ свое время и нѣсколько воспоминаній о немъ (сколько помнится, въ «Недѣлѣ»), но эти воспоминанія, признаться, были въ какомъ-то странномъ, «увеселительномъ» родѣ, какъ будто Курочкинъ всю свою жизнь только пѣлъ да пилъ и не могъ оставить по себѣ никакихъ воспоминаній, кромѣ «увеселительныхъ». Мнѣ запомнился Курочкинъ со-всѣмъ въ иномъ видѣ, да, вѣроятно, и многимъ онъ запомнился такъ же, какъ мнѣ. Напр., ровно нѣтъ ничего «увеселительнаго» въ воспоминаніи о томъ, какъ Курочкинъ однажды вечеромъ у А. А. Ольхина читалъ своего «Принца Лутона»¹⁾, и со мной, конечно, согласятся всѣ, бывшіе

¹⁾ Эта пьеса, живая и остроумная, была заимствована Курочкинымъ изъ вышедшей въ 1871 г. книжки «Théâtre des marionettes» par Marc Monnier и въ подлинникѣ носила заглавіе «Le roi Babolein». Тогдашнюю цензурой «Лутона» не былъ дозволенъ къ печати, хотя Курочкинъ

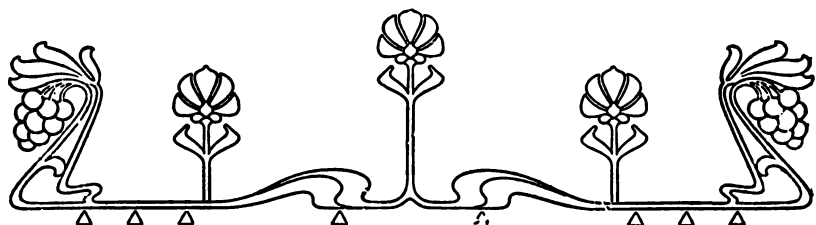
въ тотъ вечеръ у Ольхина. Курочкинъ читалъ прекрасно, чистымъ народнымъ говоромъ и произвелъ сильное впечатлѣніе...

И въ иностранныхъ газетахъ были статьи о Курочкинѣ по поводу его смерти.

Такъ, съ особенной симпатіей отозвалась о нашемъ покойномъ писателѣ французская газета «Rappel», въ которой, между прочимъ, было сказано, что «Kouroskine était très populaire», что «toute sa vie, il avait été attaché à la cause de la liberté»...




страстно добивался его напечатанія. Онъ появился въ печати уже гораздо позже («Слово», 1880 г., № 12). Къ сожалѣнію, Н. Курочкинъ, смягчая окончаніе этой пьески, значительно измѣнилъ ее къ худшему. Гдѣ въ настоящее время подлинникъ «Лутони», — мнѣ неизвѣстно.



Мое знакомство съ М. Е. Сал- тыковымъ.

I.

 въ теченіе 1873 года, отрываясь лишь для неболь-шихъ текущихъ дѣлъ, я работалъ надъ повѣстью «Печать Антихриста» — изъ деревенской жизни. Работалъ я надъ ней съ увлеченіемъ, и «зеленую» тетрадь съ этой повѣстью въ своихъ странствованіяхъ по Россіи я возилъ съ собой. Какъ только находилось время, днемъ или ночью — въ минуты безсонницы, я раскрывалъ тетрадь и брался за карандашъ. Писалъ я эту повѣсть и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, гдѣ былъ проѣздомъ, и въ Усмани, и въ селѣ Никольскомъ-Кабаньемъ (въ усадьбѣ Н. И. Кривенко), и даже въ вагонѣ. Я кончилъ ее въ началѣ марта 1874 г., и цѣлый мѣсяцъ послѣ того я еще сидѣлъ надъ нею, перечитывая и раздумывая надъ нѣкоторыми ея страницами.

Въ началѣ апрѣля я отнесъ повѣсть въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» и отдалъ ее Некрасову. Мнѣ предложили прійти за отвѣтомъ черезъ три недѣли. Въ этотъ разъ я видѣлъ въ редакціи, кромѣ Некрасова, лишь А. Н. Плещеева, бывшаго секретаремъ «Отеч. Записокъ»: я пришелъ рано, когда ближайшихъ сотрудниковъ Некрасова еще не было въ редакціи.

Черезъ три недѣли, придя за отвѣтомъ, я засталъ въ сборѣ всю редакцію. Тогда, кромѣ Некрасова и Плещеева, съ которыми я былъ уже знакомъ, я въ первый разъ увидалъ: Салтыкова, Елисеева, Демерта, Михайловскаго, Скабичевскаго, Ник. Курочкина...

— Вашу рукопись я передалъ Салтыкову... Онъ читалъ ее!—сказалъ мнѣ Некрасовъ. — Вотъ я сейчасъ познакомлю васъ, и вы переговорите съ нимъ... Михайль Евграфовичъ!—крикнулъ онъ своимъ слабымъ надтреснутымъ голосомъ.

Салтыковъ въ ту минуту стоялъ съ Плещеевымъ у окна. На зовъ Некрасова онъ оглянулся вполоборота и тяжелой, неторопливой поступью пошелъ къ намъ.

— Вотъ, Михайль Евграфовичъ, авторъ «Печати Антихриста»... Сдаю вамъ его съ рукъ на руки! — добродушно шутливымъ тономъ промолвилъ Некрасовъ и, пожавъ мнѣ руку, отошелъ къ бильярду, гдѣ его ожидали какіе-то посѣтители.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня нашимъ знаменитымъ сатирикомъ, было не особенно пріятное. Его серьезное лицо, густыя нахмуренныя брови, большое *pinse-nez* въ темной черепаховой оправѣ, сердитый взглядъ, какъ мнѣ показалось, словно съ недовольствомъ надутыя губы — не понравились мнѣ. Его глухой голосъ, говоръ, ворчливый тонъ, жесты, — все въ немъ мнѣ показалось грубо, отпугивало меня. Онъ напомнилъ мнѣ одного строгаго директора гимназіи.

— Мы беремъ вашу повѣсть... — проворчалъ онъ, не спуская съ меня глазъ и поблескивая своимъ ужаснымъ *pinse-nez*. — Только вотъ насчетъ заглавія... «Печать Антихриста»... Что такое!.. Надо перемѣнить... Что это за «печать»! 1)

1) Конечно, нельзя требовать, чтобы чрезъ 30 лѣтъ я помнилъ и передавалъ буквально происходившіе разговоры, но смыслъ и тонъ ихъ я хорошо помню и стараюсь, сколько могу, передавать ихъ съ приближительной точностью.

Я ему возразилъ, что изъ повѣсти ясно видно, что это за «печать».

— Такъ-то такъ, да все-таки неловко... — продолжалъ онъ. — Лучше — попроще... Надо придумать что-нибудь другое... А то, Богъ знаетъ что, — «Печать Антихриста»! Испугать можно... Да что жъ мы... пойдѣмъ — сядѣмъ! — перебилъ онъ себя на полусловъ и увелъ меня въ глубину комнаты.

Нѣсколько секундъ мы сидѣли, молча.

— Ну, напримѣръ, скажемъ, «Исторія села Смурина»? — подумавъ, предложилъ Салтыковъ.

— «Исторія села Горохина» Пушкина... — замѣтилъ я.

— Гмъ! Да... положимъ... — проворчалъ мой собесѣдникъ. — Ну, «Лѣтопись»... «Хроника», что ли...

Такъ мы и порѣшили.

— Вотъ еще что... — заговорилъ Салтыковъ. — Не можете ли вы подписаться псевдонимомъ... Вы до сего времени работали въ «Дѣлѣ», у Благосвѣтлова, и теперь вдругъ появитесь у насъ...

— Но вѣдь, я полагаю, оба эти журнала прогрессивнаго направленія! — отозвался я.

— Да, но... все же мы разныхъ, какъ говорится, лагерей, не одного прихода... Знаете, какъ-то неудобно... Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, изберите какой-нибудь псевдонимъ, на первый разъ! — настаивалъ Салтыковъ.

Я обѣщалъ придумать псевдонимъ и сообщить ему.

Для меня было совершенно безразлично, какъ ни подписать повѣсть, и черезъ нѣсколько дней я написалъ Салтыкову, чтобы онъ подъ рукописью вмѣсто моей фамиліи поставилъ «Вологдинъ». Таково было происхожденіе моего псевдонима, которымъ я впослѣдствіи часто пользовался.

Кратко переговорили объ условіяхъ: кромѣ гонорара, редакція была должна сдѣлать мнѣ отдѣльное изданіе «Хроники» (въ количествѣ 1200 экз.)

По окончаніи дѣловаго разговора Мих. Евг. вдругъ оживился, «опростился», редакторская суровость слетѣла съ

него, и сатирикъ-громовержець обратился въ пріятнаго, веселаго и очень для меня симпатичнаго собесѣдника. При видѣ такой чудесной метаморфозы я подумалъ: вотъ ужъ именно «наружность иногда обманчива бываетъ, иной—какъ звѣрь, а добръ, тотъ ласковъ, а кусаетъ»... Въ жизни не разъ мнѣ вспоминалась эта мораль крыловской басни.

— А вѣдь я узналъ въ вашемъ романѣ одного изъ нашихъ тверскихъ земцовъ! — съ улыбкой заговорилъ Мих. Евг. и назвалъ одну фамилію.

Я сказалъ, что онъ угадалъ, что я именно это лицо имѣлъ въ виду.

— Похожъ, похожъ! — посмѣиваясь, говорилъ Салтыковъ.

Поговорили о тверскихъ земскихъ дѣятеляхъ.

Потомъ Мих. Евг. поинтересовался узнать: съ кого списанъ Кряжевъ ¹⁾, изъ жизни какой мѣстности взяты мною факты, кто такая Лизавета Петровна ²⁾, дѣйствительно ли у меня есть письмо Лисина ³⁾, съ кѣмъ еще изъ тверитянъ я знакомъ и т. д.

Проговорили мы битый часъ, если не дольше.

«Въ первый разъ онъ можетъ напугать, — думалъ я, идя изъ редакціи въ свой Тюремный переулочекъ. — Но онъ только съ виду суровъ и мраченъ... Онъ добрый!»

Такъ, приблизительно, срезюмировалъ я впечатлѣнія, полученныя мною при первомъ знакомствѣ съ М. Е. Салтыковымъ.

Въ письмѣ отъ 20 мая Салтыковъ, между прочимъ, сообщалъ мнѣ: «Что же касается до Вашей рукописи, то извините меня: я еще не успѣлъ приступить къ ея редактированію. Но прошу Васъ быть увѣреннымъ, что я въ ущербъ ей ничего не сдѣлаю. Объ одномъ считаю долгомъ предупредить Васъ: времена тяжелыя наступили, и 5 № «Отеч. Записокъ» арестованъ и, вѣроятно, будетъ сожженъ. Рукопись Вашу я беру въ деревню, куда выѣзжаю

1) 2) 3) Дѣйствующія лица моего романа.

въ субботу. Мы думаемъ начать печатаніе ея съ августовской книжки»...

II.

Какъ-то въ концѣ мая, придя на Николаевскій вокзалъ за какими-то справками, я встрѣтилъ Некрасова и Салтыкова, медленно ходившихъ по платформѣ. Я нѣсколько разъ прошелся съ ними взадъ и впередъ. Оказалось, что Мих. Евг. провожалъ въ деревню свою семью, но жена его съ дѣтьми еще не пріѣхала на вокзалъ.

— И вы скоро поѣдете въ деревню? — спросилъ я его.

— Да, скоро... — отвѣтилъ онъ. — И рукопись вашу увезу съ собой... еще перечитаю все... послажу кое-гдѣ... Но вы, пожалуйста, не беспокойтесь! Я вѣдь не испорчу...

Вскорѣ послѣ того и я уѣхалъ на лѣто къ роднымъ, въ Вологодскую губернію.

Осенью, по возвращеніи въ Петербургъ, я сталъ большею частью видаться съ Мих. Евг. у него на квартирѣ, въ его рабочемъ кабинетѣ. Тутъ я окончательно убѣдился, что подъ этой суровой, мрачной, угрюмой наружностью скрывался очень добрый, даже мягкій человѣкъ...

Однажды, помню, я засталъ его не совсѣмъ здоровымъ и въ ворчливомъ настроеніи духа: вышли какія-то непріятности съ цензурой.

— Вчера я перечитывалъ послѣднюю главу вашей «Хроники»... — сказалъ онъ, хмуро посматривая на ворохъ лежавшихъ передъ нимъ корректурныхъ листовъ. — Невозможно ее пускать... я сократилъ ее! Жаль, а сократилъ...

— Въ отдѣльномъ изданіи, Мих. Евг., я восстановлю все, что вы изъ этой главы выбросите! — самымъ рѣшительнымъ тономъ замѣтилъ я.

— Восстановляйте, восстанавлийте! сдѣлайте милость... — насмѣшливо промолвилъ Мих. Евг., сердито комкая корректуры и что-то разыскивая подъ ними. — Одной сожженной книгой будетъ больше, а вы при своей храбрости останетесь... Что жъ, восстанавливайте! Дѣло ваше...

Онъ вытащилъ изъ-подъ корректуры мою, уже растерзанную «зеленую» тетрадку и прочиталъ вслухъ нѣсколько отрывковъ изъ послѣдней главы.

— Ну, что жъ? — спросилъ онъ меня. — Вы находите, что такъ можно. А? Вы думаете, тѣ... черти-то цензурные — олухи, что ли? Вы думаете, имъ это понравится?.. Они за послѣднее время точно белены объѣлись... Разказывалъ я вамъ, какъ они на майскую-то книжку набросились...

— Да, но у меня-то въ послѣдней главѣ что ужъ такого особеннаго!.. — началъ было я убѣждать Мих. Евг., но онъ перебилъ меня.

— Гмъ! «Что особеннаго! Что особеннаго!» — передразнивающимъ тономъ заговорилъ онъ. — Младенецъ — вы... оттого и не боитесь! А вотъ поживите съ мое... да еще съ отвѣтственностью за журналъ...

И онъ выразительно махнулъ рукой.

Изъ послѣдней главы моего романа Салтыковъ оставилъ лишь одну страницу. Все, пропущенное имъ, какъ я сказалъ, мною было восстановлено въ отдѣльномъ изданіи.

Въ послѣднихъ числахъ декабря «Хроника села Смурина» была послана въ цензуру.

Начальникъ Глав. Упр. по дѣламъ печати передъ тѣмъ только что умеръ, другой не былъ еще назначенъ, и книга моя попала въ цензурное чистилище во время смутъ между царствія.

Кажется, 4 или 5 янв. 1875 г. «Хроника» поступила въ мое распоряженіе или, какъ говорится, «вышла въ свѣтъ». Съ торжествующимъ видомъ я принесъ книгу Михаилу Евграфовичу.

— Ну, счастливъ вашъ Богъ! — сказалъ онъ, просмотрѣвъ окончаніе романа, за которое онъ такъ опасался. — Видно, подъ благоприятнымъ созвѣздіемъ вы родились... Радъ, очень радъ, что вышло такъ счастливо!

И было видно, что онъ не пустую фразу говорилъ, а дѣйствительно отъ души, искренно порадовался со мною по поводу того, что мою книгу «черти цензурные не слопали»...



Похороны Н. А. Некрасова.

Былъ ясный морозный день.

На Литейной, у дома Краевскаго, гдѣ помѣщалась редакція «Отечественныхъ Записокъ» и жилъ Н. А. Некрасовъ, уже съ 8 часовъ утра стали собираться толпы народа — интеллигенціи и «простолюдиновъ». Въ то утро первымъ былъ принесенъ на гробъ усопшаго поэта вѣнокъ «Отъ русскихъ женщинъ».

Въ началѣ десятаго часа литераторы и учащая молодежь вынесли гробъ изъ кваргиры и рѣшили нести его на рукахъ до кладбища Новодѣвичьяго монастыря. И шестіе медленно двинулось по Литейной, по направленію къ Невскому проспекту. Впереди несли лавровые вѣнки съ надписями: «Отъ русскихъ женщинъ», «Пѣвцу народныхъ страданій», «Безсмертному пѣвцу народа», «Некрасову — студенты», «Слава печальнику горя народнаго» и др.

За гробомъ шли родственники покойнаго, литераторы, ученые, художники — вообще люди всѣхъ свободныхъ профессій. Почти всѣ литераторы, большіе и малые, други и недруги, воздали дань почтенія пѣвцу горя народнаго. Здѣсь были представители всѣхъ литературныхъ лагерей. Вокругъ гроба Некрасова, можно сказать, собрались представители всей русской интеллигенціи.

Многихъ изъ людей, извѣстныхъ русскому обществу, шедшихъ въ то утро за гробомъ Некрасова, уже давно нѣтъ въ живыхъ. Не стало Салтыкова, Достоевскаго, Елисеева, Дм. Гирса, Шеллера, Плещеева, Н. К. Михайловскаго, С. Максимова, Омулевскаго, Григоровича, Микѣшина, Данилевскаго и мн. др.

Тысячи народа шли за гробомъ. Вокругъ гроба и вокругъ несшихъ вѣнки молодежь составила цѣпь, и шествіе могло безпрепятственно двигаться впередъ. Но шли очень медленно. Похоронная процессія лишь въ 11 часовъ прибыла къ технологическому институту.

Наконецъ, около часу дня, процессія достигла воротъ Новодѣвичьяго монастыря и здѣсь была встрѣчена громадной толпой. Народу было тысячъ пять или шесть. Проникнуть въ церковь могла, разумѣется, лишь самая незначительная часть собравшейся публики. Въ церкви профессоръ Петербургскаго университета, священникъ Горчаковъ, произнесъ надгробное слово и, между прочимъ, высказалъ ту мысль, что лучшимъ свидѣтельствомъ заслугъ Некрасова передъ родиной служить собравшаяся вокругъ его гроба молодежь...

На кладбищѣ положительно происходила давка: лѣпились на памятникахъ, на рѣшеткахъ, на деревьяхъ, кладбищенская ограда была усѣяна народомъ. Едва ли когда-нибудь кладбище Новодѣвичьяго монастыря видѣло въ своихъ стѣнахъ такую громадную толпу народа...

Послѣ того, какъ гробъ опустили въ могилу и въ послѣдній разъ въ тотъ день пропѣли «Вѣчную память», на кладбищѣ водворилась мертвая тишина.

Заговорилъ Панаевъ... Въ теченіе почти 40 лѣтъ онъ былъ близокъ съ Некрасовымъ. Повидимому, онъ былъ сильно взволнованъ, говорилъ съ паузами. Я плохо, урывками, слышалъ его рѣчь.

Я забрался на каменный приступочекъ рѣшетки, окружавшей чей-то памятникъ, и стоялъ, держась одной рукой за рѣшетку, а другою придерживая на плечахъ пледъ. Морозъ крѣпчалъ, пощипывалъ уши, щеки и сильно давалъ

мнѣ себя чувствовать черезъ довольно легкое пальто. Вздрагивая отъ холода подъ своимъ пледомъ, я невольно вспомнилъ некрасовское стихотвореніе «Баюшки-баю», въ которомъ мать, убаюкивая, ободряя и утѣшая умирающаго поэта, говоритъ: «Я схороню тебя весною»... Нѣтъ! Не весною, но въ лютую зимнюю стужу намъ пришлось хоронить его. Не теплый вѣтерокъ вѣялъ въ воздухѣ, — ледянымъ холодомъ дышало на насъ ясное голубое небо; не цвѣты вокругъ насъ расцвѣтали, а деревья, покрытыя инеемъ, какъ призрачныя видѣнья, поднимались вокругъ...

Вспомнивъ «Баюшки-баю», я подумалъ о томъ, какъ, должно-быть, горячо поэтъ любилъ свою мать, если такъ часто, такъ хорошо, такъ трогательно, съ такимъ искреннимъ, глубокимъ чувствомъ вспоминалъ о ней въ своихъ произведеніяхъ; если даже больной, изстрадавшійся, измученный злымъ недугомъ, томимый смертельною тоской, уже «передъ ночью непробудной», поэтъ, вдохновленный воспоминаніемъ о матери, оставилъ намъ такое чудное стихотвореніе, полное грусти, нѣжности и силы, пророческое стихотвореніе...

«Уступить свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой»...

Развѣ же это не пророчество и развѣ это пророчество не исполняется?

Уже и теперь, если бы поэтъ могъ слышать изъ мрака могилы, онъ услыхалъ бы свои пѣсни кое-гдѣ «надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой»... А еще черезъ немного лѣтъ его пѣсни проникнуть и въ самые труппобные, глухіе уголки обширной Руси...

Въ этотъ морозный декабрьскій день, въ то время, когда я вздрагивалъ отъ пронизывающаго холода, въ моемъ воспоминаніи ожило утро одного теплаго майскаго дня. То было въ 1874 году. Тогда я собирался ѣхать на родину и пришелъ на Николаевскій вокзалъ навести какія-то справки о поѣз-

дахъ. Выйдя на дебаркадеръ, я тамъ встрѣтилъ Некрасова и Салтыкова, медленно ходившихъ взадъ и впередъ.

Теперь вся эта сцена съ мельчайшими подробностями живо, ярко встала передо мной... Только что поданный поѣздъ, еще запертые вагоны, почти пустынный дебаркадеръ, а тамъ, вдали, куда убѣгали рельсы, — волшебный свѣтъ и блескъ яснаго весенняго дня... Некрасовъ въ сѣромъ лѣтнемъ пальто, въ сѣрой фетровой шляпѣ, нѣсколько вялый и медлительный въ движеніяхъ, но въ ту пору еще здоровый и бодрый... Салтыковъ съ *rinse-nez* въ темной черепаховой оправѣ, нахмурившій свои густыя брови, повидимому, словно чѣмъ-то недовольный, строгій и суровый, какъ Юпитерь-громовержець, а въ дѣйствительности чело-вѣкъ очень добрый, великодушный, гуманный...

Послѣ Панаева заговорилъ Ѳ. М. Достоевскій. Говорилъ онъ прекрасно, выразительно, и слова его далеко были слышны отчетливо. Теперь, черезъ много лѣтъ, конечно, я не могу припомнить его рѣчь съ буквальною точностью, но общій смыслъ ея былъ тотъ, что Некрасовъ *любилъ чело-вѣка*, что людскія несчастья нашли живой отголосокъ въ его произведеніяхъ, что Некрасовъ въ поэзіи поднималъ ту нить, что, умирая, выпустилъ изъ рукъ другой нашъ великій поэтъ, Лермонтовъ, что если бы Лермонтовъ пожилъ долѣе, то онъ, вѣроятно, сдѣлался бы тѣмъ же, чѣмъ былъ для насъ Некрасовъ... Помню, что Достоевскій, протянувъ руку и указывая на могилу Некрасова, дрогнувшимъ голо-сомъ проговорилъ :

«Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!»

При этихъ словахъ объ «угрюмомъ и тѣсномъ пріютѣ» пѣвца и при видѣ гроба, засыпаемаго землей, мнѣ (да, вѣ-роятно, и многимъ) подумалось въ ту минуту о томъ, что, дѣйствительно, такой пріютъ тѣсенъ для того, *кто* такъ любилъ просторъ родныхъ полей, луговъ, лѣсовъ тѣнистыхъ,

кто такъ тонко, такъ чутко чувствовалъ, понималъ и умѣлъ передавать словами задумчивую мечтательную прелесть нашей сѣверной природы...

Послѣ Достоевскаго говорилъ я. Своей рѣчи я также теперь не могу воспроизвести въ подробностяхъ. Я говорилъ о томъ, что Некрасовъ былъ поэтъ-гражданинъ, поэтъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ значеніи слова, что въ его произведеніяхъ главнымъ, всего слышнѣе звучавшимъ мотивомъ было живое сочувствіе къ человѣческимъ страданіямъ, сожалѣніе къ тому, чему

«Какъ будто появляться вредно
При полномъ водвореніи дня,
Всему, что зелено и блѣдно,
Несчастно, голодно и бѣдно,
Что ходитъ, голову склоня»...

Въ заключеніе я напомнилъ о томъ, какъ Некрасовъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говорить: «За каплю крови общую съ народомъ прости меня, о родина, прости!» — «И она простила!» сказалъ я.

Я вовсе не намѣревался говорить, но заговорилъ по вдохновенію, просто въ силу потребности высказаться, говорилъ экспромптомъ, но рѣчь моя, повидимому, произвела впечатлѣніе.

Говорились еще рѣчи, читались стихи, и особенно глубокое впечатлѣніе произвело стихотвореніе неизвѣстнаго мнѣ автора:

«Замолкла муза мести и печали,
Угасъ могучій нашъ поэтъ, —
Его словамъ съ восторгомъ мы внимали,
Его мы чтили съ юныхъ лѣтъ.
Могильный сонъ, глубокій, непробудный,
Навѣкъ сковалъ уста пѣвца,
Изсякъ родникъ живительный и чудный
Въ груди холодной мертвеца.
Родникъ любви той чистой, неизмѣнной,
Что по лицу земли родной,

Какъ громкій зовъ, торжественный, священный,
Катилась свѣтлою волной.
И мощный стихъ, карающій, печальный,
Будиль заснувшія сердца,
Громилъ порокъ, — народъ многострадальный
Облекъ сіяніемъ вѣнца.
И злобою, огнемъ негодованья,
Кипучей местью онъ звучалъ,
Сатирой жгучей, словомъ отрицанья
Добру и правдѣ поучалъ.
Въ землѣ сырой, въ могилѣ одинокой
Спи мирно, славный нашъ поэтъ!
Съ тоской и скорбью, съ горестью глубокой
Тебѣ послѣдній шлемъ привѣтъ.
Рыдая, мы дрожащими руками
На гробъ бросаемъ твой цвѣты, —
Весь въ зелени, межъ пышными вѣнками
Лежишь въ гробу недвижимъ ты.
И знаю я, та зелень вся завянетъ
И твой истлѣетъ бранный прахъ,
Въ сердца друзей забвеніе заглянетъ,
Какъ червь, ползущій на цвѣтахъ...
Но будешь жить ты въ памяти народной,
Навѣки сохранишься въ ней,
Поэтъ могучій, гений благородный
И слава родины твоей!»

Публика долго оставалась у могилы Некрасова и стала расходиться поздно, когда зимнія сумерки уже набрасывали на кладбище полупрозрачныя тѣни и въ темно-синемъ небѣ вспыхивали звѣзды...

Примѣчаніе. Мои воспоминанія о похоронахъ Некрасова дали поводъ «Новому Времени» сдѣлать противъ меня вылазку и посмѣяться надъ тѣмъ, что я будто бы могъ смѣшать Достоевскаго съ Панаевымъ,¹ что одного изъ ораторовъ, говорившихъ на могилѣ Некрасова, я будто бы принялъ за человѣка, умершаго за 25 лѣтъ передъ тѣмъ...

Въ № отъ 30 дек. 1902 г. «Новое Время» именно привело слѣдующую выдержку изъ моихъ воспоминаній: «Послѣ того, какъ гробъ опустили въ могилу и въ послѣдній разъ въ этотъ день

прошли «вѣчную память», на кладбищѣ водворилась мертвая тишина. Заговорилъ Панаевъ... Въ теченіе почти 40 лѣтъ онъ былъ близокъ съ Некрасовымъ. Повидимому, онъ былъ сильно взволнованъ, говорилъ съ паузами. Я плохо, урывками слышалъ его рѣчь»...

«Новое Время» со свойственнымъ ему апломбомъ замѣтило: «Да и не могъ авторъ-очевидецъ, бывшій на погребеніи Некрасова въ 1877 г., слышать рѣчи Панаева — сотрудника Некрасова. Панаевъ умеръ 18 февраля 1862 г.»

На слѣдующій день въ «Новомъ Времени» было помѣщено мое письмо, въ которомъ я утверждалъ, что на похоронахъ Некрасова первымъ говорилъ Панаевъ и, между прочимъ, указалъ на то, что въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (въ № 360 за 1877 г.) также было сказано: «Первымъ говорилъ Панаевъ... Г. Панаевъ на основаніи своего 38-лѣтняго близкаго знакомства съ покойнымъ торжественно удостовѣрилъ, что Некрасовъ и какъ человѣкъ былъ на высотѣ своего поэтического дарованія»...

«Новое Время» не удовольствовалось моимъ письмомъ и сдѣлало къ нему слѣдующіе комментаріи: «Прим. ред. На могилѣ Некрасова, во время его похоронъ, какъ небезызвѣстно, говорилъ Ѡ. М. Достоевскій, а вовсе не И. И. Панаевъ. (Въ моихъ воспоминаніяхъ *вовсе* и не говорится, что рѣчь произносилъ И. И. Панаевъ.) Можетъ-быть, г. Засодимскій смѣшалъ Достоевскаго съ Панаевымъ, что, однакоже, довольно странно, такъ какъ кончинѣ Панаева въ то время исполнилось ровно четверть вѣка. Что же касается упоминанія о Панаевѣ въ отчетѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1877 г., то оно могло относиться развѣ только къ Валеріану И. Панаеву, брату И. И. Панаева».

Въ примѣчаніи редакціи «Новаго Времени» можно сказать, что ни строчка, — то ошибка...

Во-первыхъ, предположеніе редакціи «Новаго Времени», что я, можетъ-быть, смѣшалъ Достоевскаго съ Панаевымъ рѣшительно ни на чемъ не было основано: въ своихъ воспоминаніяхъ я сказалъ, что рѣчь Панаева я слышалъ плохо, урывками; содержаніе же рѣчи Достоевскаго, говорившаго *послѣ* Панаева, я вкратцѣ передалъ.

Во-вторыхъ, я говорилъ о Панаевѣ, не упоминая его имени и отчества, а редакція «Новаго Времени» заговорила объ И. И. Панаевѣ — и заговорила такимъ тономъ, какъ будто я самъ назвалъ Иваномъ Ивановичемъ того Панаева, который говорилъ на похоронахъ Некрасова.

Въ-третьихъ, редакція «Новаго Времени», желая съ достоинствомъ ретироваться, указала на то, что упоминаніе о Панаевѣ въ отчетѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» «могло относиться развѣ *только* къ Валеріану И. Панаеву, брату И. И. Панаева». Это

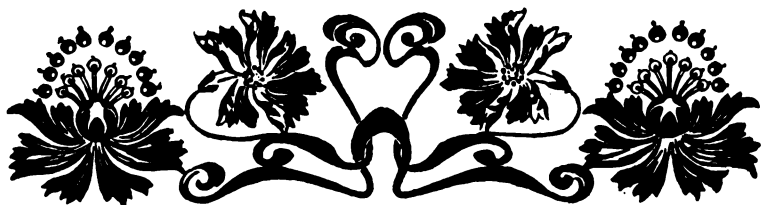
неправда. У И. И. Панаева не было брата Валеріана Ивановича, да и вообще Валеріана И. Панаева никогда не существовало. Онъ сочиненъ редакціей «Новаго Времени».

Въ-четвертыхъ, на похоронахъ Некрасова, какъ сказано въ моихъ воспоминаніяхъ, говорилъ *дѣйствительно* Панаевъ — Валеріанъ Александровичъ: онъ и братъ его, Ипполитъ Александровичъ (двоюродные братья И. И. Панаева), были много лѣтъ въ самыхъ дружескихъ и близкихъ отношеніяхъ съ Некрасовымъ (Ипполитъ Александровичъ также принималъ дѣятельное участіе въ «Современникѣ», издававшемся Некрасовымъ и И. И. Панаевымъ). Сынъ Ипполита Александровича, Александръ Ипполитовичъ Панаевъ, въ письмѣ отъ 10 янв. 1903 г. мнѣ сообщилъ, что онъ, Александръ Ипполитовичъ, самъ былъ на похоронахъ Некрасова и помнитъ, «какъ *взволнованно* говорилъ его дядя».

Въ-пятыхъ, редакція «Новаго Времени» указала на то, что И. И. Панаевъ умеръ въ 1862 г., и притомъ замѣтила, что въ 1877 г. со времени смерти И. И. Панаева «исполнилось ровно четверть вѣка». По какой ариметикѣ промежутокъ времени съ 1862 по 1877 г. считается за четверть вѣка, т.-е. за 25 лѣтъ, можетъ объяснить лишь редакція «Новаго Времени».

Такимъ образомъ, погнавшись за исправленіемъ ошибки, якобы вкравшейся въ мои воспоминанія, редакція «Новаго Времени» сама надѣлала рядъ ошибокъ...





26 марта 1888 года.

Хоронили Всеволода Гаршина...

Гробъ до Волкова кладбища провожала огромная толпа почитателей покойнаго, товарищей его, учащейся молодежи. Печальная колесница, слѣдовавшая за гробомъ, вся была покрыта вѣнками: отъ литературнаго фонда, отъ товарищей-писателей, отъ студентовъ горнаго института, отъ студентовъ медиковъ, отъ студентовъ технологическаго института, отъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ учащихся въ Петербургѣ сибиряковъ, отъ нѣкоторыхъ журналовъ и газетъ, прекрасный вѣнокъ отъ «Сѣвернаго Вѣстника» съ надписью: «Писателю-художнику и безупречному человѣку» и еще много вѣнковъ отъ друзей и почитателей таланта Гаршина.

Надъ могилой сказано нѣсколько рѣчей. Очень хорошее стихотвореніе прочиталъ г. Минскій; привожу изъ него отрывокъ...

« Въ безвременьи ты жилъ, безвременно погасъ!
И ничего не зналъ прекраснѣй и печальнѣй
Лучистыхъ глазъ твоихъ и блѣднаго чела,
Какъ будто для тебя земная жизнь была
Тоской по родинѣ недостижимо-дальней.
И творчество твое и красота лица
Въ одну гармонію слились съ твоей судьбою,
И жребій твой похожъ до страшнаго конца
На грустный вымыселъ, рассказанный тобою »...

Похоронили Всеволода Гаршина...

На могилѣ были сказаны рѣчи, стихи, были вѣнки, были искреннія слезы — и много народа. Что же вызвало эти слезы, эти вѣнки и рѣчи и собрало у его могилы такую большую толпу?

Гаршинъ былъ, безспорно, талантливый писатель. Кто разъ прочиталъ, напр., его рассказъ «Четыре дня на полѣ сраженія», тотъ уже до конца жизни не забудетъ его, хотя бы прожилъ сто лѣтъ, какъ никто изъ знавшихъ Гаршина не позабудетъ его добрыхъ тоскующихъ глазъ... Въ этомъ рассказѣ — правдивомъ и въ правдивости своей ужасномъ — предстаетъ передъ нами отвратительная изнанка боевой славы — той кровавой вакханалии, что зовется войной. А «Дневникъ рядового Иванова», «Два художника», «Attalea princeps», «Красный цвѣтокъ»... вѣдь все это настоящіе неподдѣльные литературные перлы. Гаршинъ написалъ мало, но въ этомъ маломъ онъ сумѣлъ сказать очень много...

Повторяю: Гаршинъ былъ очень талантливый писатель... но онъ былъ больше, чѣмъ талантливый писатель, несравненно больше: онъ былъ *честный человекъ*. Такіе люди, какъ Гаршинъ, настоящіе свѣточки въ томъ нравственномъ мракѣ, который заливаетъ насъ. Объ этихъ-то людяхъ можно сказать, что «lux in tenebris lucet et tenebrae non eam reprehenderunt»... При мысли о томъ, что такіе люди есть на свѣтѣ, человѣку легче живется, и свѣтлѣе, бодрѣе смотритъ онъ впередъ. Этими людьми держится, теплится, не умирая, на землѣ нравственная жизнь. Безъ нихъ міръ сталъ бы еще болѣе походить на арену лютаго побоища...

Рассказъ о ночномъ посѣщеніи Гаршинимъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликова я слышалъ частью отъ самого Всеволода Михайловича, частью отъ другихъ.

Дѣло было такъ:

Гаршинъ откуда-то возвращался ночью домой и, проходя по Семеновскому плацу, увидалъ, какъ на площади спѣшно ставили висѣлицу и настилали помость. Гаршинъ зналъ,

что эта висѣлица готовится для Млодецкаго — для того юноши, который незадолго передъ тѣмъ покушался на жизнь Лорисъ-Меликова. Гаршинъ тотчасъ же, несмотря на поздній часъ, отправляется къ Лорисъ-Меликову и убѣдительно проситъ свиданія съ нимъ по экстренному дѣлу. Адъютантъ говоритъ ему, что графъ только что заснулъ. Гаршинъ проситъ разбудить его. Адъютантъ въ этомъ отказывается, — говоритъ, что онъ не рѣшается будить, такъ какъ графъ крайне утомленъ. Онъ предложилъ Гаршину остаться въ пріемной и подождать, пока встанетъ графъ... Гаршинъ боялся, что «будетъ уже поздно», но все-таки не ушелъ, ждалъ до утра. Казнь должна была совершиться не ранѣе десяти или одиннадцати часовъ. Значитъ, Гаршину еще мерцала надежда спасти жизнь осужденному...

Наконецъ Лорисъ-Меликовъ уже на разсвѣтѣ принялъ его и въ отвѣтъ на его горячія, трогательныя мольбы о пощадѣ Млодецкаго сказалъ: «Вамъ, молодой человѣкъ, дѣлаетъ честь ваше заступничество, но я теперь не могу уже ничего сдѣлать... Не въ моей волѣ отмѣнить приговоръ!»

Гаршинъ какъ-то стѣснялся, избѣгалъ говорить объ этомъ эпизодѣ изъ своей жизни. Ему, повидимому, было тяжело вспоминать о немъ,—о своихъ напрасныхъ усиліяхъ спасти человѣческую жизнь...

Можно себѣ представить, что онъ пережилъ, что выстрадалъ въ ту ночь — въ ожиданіи свиданія съ Лорисъ-Меликовымъ, и что онъ перечувствовалъ въ тотъ день, который послѣдовалъ за этой мучительно-томительной для него ночью...

Гаршинъ былъ добрый... Добрымъ иногда называютъ и ловкаго Тартюфа, ханжу и пустосвята. Гаршинъ же былъ изъ числа тѣхъ воистину добрыхъ людей, которые душу свою полагаютъ за ближнихъ. Воображеніе мое рѣшительно отказывается представить, чтобы покойный Гаршинъ когда-нибудь могъ отказать кому-нибудь въ просимой у него помощи... Люди для домашняго обихода обыкновенно западаютъ для большаго удобства двумя логиками: одной—для

друга-пріятеля, другой — для недруга. У Гаршина для всѣхъ была одна логика. Онъ былъ человѣкъ глубоко справедливый... Всѣ, знавшіе Гаршина, испытывали на себѣ



Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ.

обаяніе его личности. И сила этого обаянія заключалась именно въ томъ, что онъ былъ честный, любящій, правдивый человѣкъ. Говорятъ, Гаршина надо было хранить, беречь,

защищать отъ житейскихъ невзгодъ. Но это было немислимо. Невозможно же было его — живого чувствующаго чело-вѣка—изолировать отъ русской жизни, заключить подъ стек-лянный колпакъ, предварительно устранивъ изъ-подъ этого колпака посредствомъ какого-нибудь насоса до послѣдняго атома ту общественную атмосферу, которую мы дышимъ со дня рожденія и столбъ которой, въ силу непреложнаго физическаго закона, каждый изъ насъ постоянно и неми-нуемо ощущаетъ на себѣ...

Лѣтомъ 1886 г. я видѣлся съ Гаршинымъ. Онъ тогда былъ боленъ и находился въ страшно удрученномъ состоя-ніи духа. Разговаривая со мной, онъ не разъ бралъ меня за руку и говорилъ: «Тяжело мнѣ, тяжело»... Это были не слова, а скорѣе стонъ, вырывавшійся изъ наболѣвшей души. Слезы текли по его щекамъ, и въ голосъ его слышалась такая глубокая скорбь, такая тоска, какихъ не передать сло-вами. Я, конечно, придумывалъ для него разные исходы, но напрасно ломалъ голову, и кромѣ поѣздки въ деревню, какъ средства облегченія его недуга, придумать ничего не могъ. Я говорилъ это *ему*, но про себя невольно думалъ, что вѣдь и въ деревнѣ, въ миниатюрѣ, то же самое, что въ боль-шомъ или маленькомъ городѣ. Я зналъ, что нигдѣ Гаршинъ не могъ быть спокоенъ и счастливъ... Куда бы онъ ни от-правился: въ малороссійскую ли хату съ вишневымъ саци-комъ, въ горячій ли Египеть, на островъ Мадейру, на Цей-лонъ, въ Америку, — все равно... вѣдь и въ тѣхъ странахъ, подъ благодатнымъ южнымъ небомъ, и въ странѣ янки, гордящихся чудесами своей культуры, и тамъ, подъ звѣзд-нымъ знаменемъ свободы, тѣ же картины безысходнаго горя, гнетущей нищеты. Для всесвѣтной роли перекачанной, для всего того, что «зелено и блѣдно, что голодно и бѣдно», нѣтъ родины, нѣтъ отечества, такъ же точно, какъ нѣтъ такихъ формъ государственной жизни, нѣтъ такого образа правленія, такого политическаго и общественнаго уклада, которые благопріятствовали бы этой обездоленной голи и благословлялись бы ею. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого уголка,

гдѣ бы не было этихъ несчастныхъ паріевъ современной цивилизаціи, нигдѣ, значить, и Гаршинъ не могъ бы найти себѣ успокоенія...

Гаршина я могу сравнить съ прекраснымъ, отзывчивымъ и чуткимъ инструментомъ, съ которымъ слѣдовало бы обращаться крайне осторожно, лишь слегка прикасаясь концами пальцевъ къ его туго натянутымъ струнамъ. Чтобы вызвать на этомъ инструментѣ полный звукъ, не надо было большихъ усилій... А жизнь не берегла этотъ чудесный инструментъ. Она всей пятерней пробѣгала по немъ, а порой прямо била по немъ кулакомъ...

Въ Гаршинѣ какимъ-то чудомъ соединилась непорочность, чистота свѣтлой дѣтской души съ силой ума высоко развитого человѣка. Дѣтская чистота души не допускала его отдѣлять слово отъ дѣла, а умъ его выработалъ такую логику, которая не гнулась ни направо ни налево и не знала никакихъ увертокъ и компромиссовъ. Вотъ эта-то хрустальная чистота его души и эта-то беспощадная логика и должны были неминуемо довести его до рокового конца. Днемъ раньше — днемъ позже, но Гаршинъ долженъ былъ умереть преждевременно. Въ этомъ смыслѣ онъ своею судьбою напоминаетъ другого талантливаго, честнаго и рано угасшаго нашего писателя — Помяловскаго. Оба они не могли помириться съ жизнью...

Гаршинъ не могъ долго жить въ томъ мірѣ, гдѣ нравственные принципы стоятъ прямо, неискаженные лишь на холодныхъ отвлеченныхъ высотахъ, а на практикѣ ментально становятся вверхъ дномъ. Онъ не могъ долго жить, когда всѣми нервами, всѣми фибрами своего существа онъ болѣзненно чувствовалъ, какъ вокругъ него безъ сожалѣнья, безъ пощады брать убивалъ брата словомъ и дѣломъ. Каждый ударъ, наносимый ближнему, поражалъ Гаршина; каждая несправедливость, оказанная другому, заставляла его страдать невыносимо. Поистинѣ могу сказать, насколько я зналъ Гаршина, — этотъ человѣкъ любилъ ближняго болѣе, чѣмъ самого себя... Могъ ли же онъ долго прожить

со своей чуткой, за всёхъ болѣвшею душой? Вѣдь для перенесенія такой боли нужны нечеловѣческія силы... Гаршинъ не могъ жить долѣе и ушелъ отъ насъ...

Вотъ почему надъ его могилой были сказаны рѣчи, стихи, были вѣнки и искреннія слезы...

Невольно пробивается горькая мысль, задается вопросъ:

« Кто дознаетъ, какую кручиную
Надрывалось сердце твое
Передъ вольной твоею кончиною?.. »

Кручина его теперь замерла, и Гаршинъ, наконецъ, обрѣлъ тотъ покой, котораго напрасно искали и добивались для него при жизни его друзья... Когда я, прощаясь съ покойнымъ, наклонился надъ нимъ и увидалъ знакомыя милыя черты, увидалъ его блѣдное, спокойное лицо, съ закрытыми глазами и съ печатью смерти на челѣ, то невольно подумалъ: « Всеволодъ Гаршинъ! Жить бы тебѣ надо, жить!.. но ты не могъ жить »...

* * *

Здѣсь кстати въ воспоминаніяхъ о Гаршинѣ я помѣщаю и стихотвореніе, написанное имъ подъ впечатлѣніемъ выставки картинъ Верещагина. Кажется, Гаршинъ стиховъ не писалъ; тѣмъ болѣе интереса представляетъ единственное въ этомъ родѣ произведеніе, оставшееся послѣ него. Въ этомъ стихотвореніи, какъ и въ прозѣ, отразился нравственный обликъ писателя и взглядъ его на искусство.

Стихотвореніе, сколько помнится, было напечатано въ началѣ 80-хъ гг. въ « Русскомъ Богатствѣ ». Авторомъ оно было помѣчено 1874 годомъ.

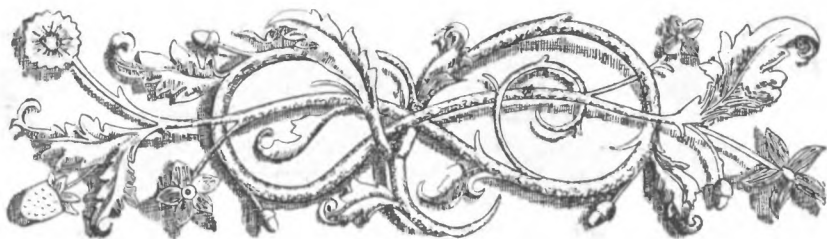
Толпа мужчинъ, дѣтей и дамъ нарядныхъ
Тѣснится въ комнатахъ парадныхъ
И, шумно проходя, болтаетъ межъ собой:
— Ахъ, милая, постой!
Regard, Lili,
Comme c'est joli!

Какъ это мило и реально,
Какъ нарисованы халаты натурально!
— Какая техника! — толкуетъ важный господинъ,
Съ очками на носу и съ знаніемъ во взорѣ. —
Взгляните на песокъ: что стоитъ онъ одинъ;
Дѣйствительно, пустыни море
Какъ будто солнцемъ залито...
И... лица недурны!..

Не то

Увидѣлъ я, смотря на эту степь, на эти лица;
Я не увидѣлъ въ нихъ эффектнаго «эскица», —
Увидѣлъ смерть, услышалъ вопль людей,
Измученныхъ убійствомъ, тьмой лишений...
Не люди то, а только тѣни...
Ты предала ихъ, мать! Въ глухой степи — одни,
Безъ хлѣба, безъ глотка воды гнались
Изранены, избиты, всѣ они
Готовы пасть, пожертвовать собой,
Готовы больше — биться до послѣдней крови
За родину, лишившую любви,
Пославшую на смерть своихъ сыновъ...
Кругомъ — песчаный рядъ холмовъ,
У ихъ подножія — орда свирѣпая, кольцомъ
Объяла горсть героевъ. Нѣтъ пощады!
Къ нимъ смерть стоитъ лицомъ!..
И, можетъ-быть, они ей рады,
И, можетъ-быть, не стоитъ жить — страдать?!
Плачь и молись, отчизна-мать!
Молись! Проклятія дѣтей,
Погибшихъ за тебя въ глухихъ пескахъ степей,
Вспоманутся чрезъ много лѣтъ
Въ день грозныхъ бѣдъ!





А. Н. Плещеевъ.

I.

Нѣкоторые ставятъ А. Н. Плещеева рядомъ съ Некрасовымъ и Салтыковымъ. Въ такомъ сравненіи, конечно, не представляется ничего особенно страннаго, тѣмъ болѣе, если принять въ расчетъ искренность и благородство мотивовъ, диктующихъ подобную параллель: по міросозерцанію, по убѣжденіямъ и направленію литературной дѣятельности Плещеева, разумѣется, можно смѣло включить въ литературную группу съ Некрасовымъ и Щедринымъ. Стихотворенія его отмѣчены необыкновенной задушевностью, теплотой, любовью къ *человѣку*, состраданіемъ, самымъ нѣжнымъ участіемъ къ дѣтямъ и вообще ко всему тому, что «голодно и бѣдно, что ходитъ, голову склоня». Благодаря такому содержанію и часто очень изящной формѣ, произведенія его, думается мнѣ, долго будутъ съ удовольствіемъ читаться русскимъ обществомъ, и Плещеевъ за нѣкоторыя свои стихотворенія (какъ, напр., его горячее юношеское «Впередь!») еще надолго, безъ сомнѣнія, останется любимцемъ нашей молодежи.

Все это правда, но тутъ — не *вся* правда.

Если повнимательнѣе всмотрѣться въ литературную дѣятельность Плещеева, то окажется, что приравненіе его къ

Некрасову и Салтыкову (безъ всякихъ оговорокъ) не выдерживаетъ строгой критики. Начать ужъ съ того, что Салтыковъ и Некрасовъ были, такъ сказать, писателями воинствующими, могучими «властителями думъ» современныхъ имъ поколѣній, между тѣмъ, какъ Плещеевъ — нѣжный, «печальный и кроткій», какъ воспѣтый имъ цвѣтокъ, стоявшій на окнѣ темницы, — пѣлъ очень милыя, задушевные, меланхолическія пѣсни и обращался «къ нищимъ и богачамъ»... съ проповѣдью любви и мира... Читатель, можетъ-быть, помнитъ (а можетъ-быть и «нѣтъ») упомянутый мною «Цвѣтокъ» — одно изъ лучшихъ симпатичнѣйшихъ стихотвореній Плещеева. Здѣсь кстати я долженъ напомнить о немъ... Фабула стихотворенія очень простая.

Цвѣты, жившіе на волѣ, однажды увидѣли, что «въ окнѣ за рѣшеткой тихо качается блѣдный цвѣтокъ... Цвѣтикамъ жаль его, бѣднаго, стало», и стали они къ себѣ его звать. Но цвѣтокъ отвѣтилъ имъ отказомъ. «Нѣтъ, — сказалъ онъ, — хоть въ полѣ и весело, и наряжаетъ васъ ярко весна,

Но не завидую вашей я долѣ

И не покину сырого окна.

Пышно цвѣтите! Своей красотою

Радуйте, братья, счастливыхъ людей;

Я буду цвѣсть для того, кто судьбою

Солнца лишень и полей.

Я буду цвѣсть для того, кто страдаетъ.

Узника я утѣшаю одинъ.

Пусть онъ, взглянувъ на меня, вспоминаетъ

Зелень родимыхъ долинъ»...

Я привелъ здѣсь это прекрасное стихотвореніе потому, что въ немъ, по моему мнѣнію, вылились самыя характерныя черты и личности Плещеева и плещеевской музыки.

Затѣмъ, чтобы быть справедливымъ, все-таки должно сознаться, что произведенія Плещеева никогда не достигали той яркости, той силы и энергіи, того потрясающаго драматизма, какимъ дышатъ поэмы и стихотворенія Некрасова, несмотря на ихъ иногда «неуклюжій стихъ» (какъ призна-

вался самъ поэтъ). Муза Плещеева, несмотря на всю ея задушевность, на ея тихую грусть и симпатичность мотивовъ, далеко не имѣла и не имѣетъ для насъ такого глубокаго значенія, какъ « скорбная » некрасовская муза. Отдавая должное Плещееву, я, тѣмъ не менѣе, вполне убѣжденъ, что будущій историкъ русской литературы, свободный отъ всякихъ вѣяній и увлеченій, не сравняетъ Плещеева съ Некрасовымъ и Салтыковымъ ни по силѣ таланта, ни по богатству и разнообразію ихъ творчествъ, ни по тому вліянію, какое они оказали на развитіе нашей общественной мысли.

Хотя я пишу воспоминанія — не критическую статью, но я все-таки нашелъ нужнымъ сказать сначала нѣсколько словъ и о литературной дѣятельности Плещеева.

Плещеевъ, насколько я зналъ его, былъ человѣкъ очень доброжелательный, мягкій и нѣжный, всегда отзывчивый на всякое честное, доброе дѣло. Силы же характера, энергіи, настойчивости напрасно было бы искать въ Плещеевѣ, и его милый почтенный образъ, образъ кроткаго и добродушнаго сѣдовласаго патріарха — такъ же, какъ и его поэтическія созданія, — не блисталь ни яркостью ни силой, той силой, какая, напр., сказывается въ некрасивомъ, нахмуренномъ, строгомъ лицѣ нашего сатирика.

Было бы очень хорошо, если бы люди, знавшіе Плещеева во дни его юности, т.-е. въ 1840—49 и послѣдующихъ годахъ его житья въ Уральскѣ, подѣлились съ публикой своими воспоминаніями о немъ; можетъ-быть, тамъ, въ прошломъ, и нашлось бы не мало интереснаго. Въ моихъ же воспоминаніяхъ о Плещеевѣ читатель, предупреждаю, яркихъ чертъ не найдетъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ онъ отразился такимъ, какимъ я зналъ его: очень гуманнымъ, мягкимъ, снисходительнымъ человѣкомъ.

Съ Плещеевымъ я познакомился весной 1874 г. въ редакціи журнала «Отечественныя Записки», гдѣ онъ въ ту пору сотрудничалъ и былъ секретаремъ. Онъ любилъ въ послѣдствіи вспоминать о томъ прошломъ и въ шутку называлъ себя «эксъ-секретаремъ журнала *Annales Patriotiques*»...

Хорошія воспоминанія остались у меня объ этомъ чело-
вѣкѣ. Какимъ я увидалъ его въ первый разъ въ ре-
дакціи «Отечественныхъ Записокъ», такимъ онъ и остался
для меня до послѣдняго дня. Всегда я зналъ его доб-



Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ.

рымъ, мягкимъ, милымъ челоѡвѣкомъ, съ нѣжнымъ лю-
бящимъ сердцемъ, и въ его поэтическихъ произведеніяхъ
отразилась вся его добрая любящая душа...

Мнѣ пришлось видѣть Плещеева въ различные моменты
его жизни; видалъ я его въ радости и въ горѣ, на отдыхѣ
и въ роли редактора.

Однажды я видѣлъ его особенно жизнерадостнымъ. Въ тотъ вечеръ его блѣдное старческое лицо было прекрасно: оно, казалось, сіяло какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, душевнымъ довольствомъ и миромъ. Друзья, товарищи и почитатели Плещеева въ тотъ день праздновали 40-лѣтній юбилей его почтенной литературной дѣятельности. Молодежь нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, зная, что я буду на этомъ юбилеѣ, просила меня явиться ея представителемъ на литературномъ торжествѣ и привѣтствовать отъ ея имени юбиляра, какъ одного изъ ея любимцевъ, — сказать ему, какъ глубоко уважаетъ его молодежь. Я, разумѣется, съ полной готовностью взялся исполнить это порученіе и передалъ Плещееву всѣ бывшіе у меня адреса и письма, сказавъ по поводу ихъ нѣсколько словъ. Большое общество на тотъ разъ собралось вокругъ Плещеева, и, видимо, въ тѣ хорошія минуты его душѣ было тепло и отрадно... Рѣдко встрѣчаются въ жизни писателя такія минуты, еще рѣже случается, чтобы повторились онѣ...

Помню и другой вечеръ, проведенный съ Плещеевымъ, — совершенно въ иномъ родѣ.

26 марта (1888 г.), въ день похоронъ В. М. Гаршина, я зашелъ вечеромъ къ Плещееву и засталъ его одного въ кабинетѣ. Мы оба были подъ одними и тѣми же тяжелыми впечатлѣніями и естественно вспоминали о покойномъ собратѣ, объ его жизни и объ его роковой преждевременной кончинѣ. Плещеевъ, какъ теперь вижу, полулежа, сидѣлъ на диванѣ. Порой онъ тяжело вздыхалъ; глаза его смотрѣли грустно и поминутно затуманивались.

— Какъ жаль мнѣ его!.. — послѣ небольшой паузы началъ онъ и не договорилъ, склонился надъ подушкой и горько заплакалъ, какъ плачутъ люди, когда сердце ихъ дѣйствительно надрывается отъ горя.

Я молчалъ и вообще оказался плохимъ утѣшителемъ, потому что мнѣ и самому было не по себѣ: я любилъ Гаршина.

Потомъ мы опять стали перебирать нѣкоторыя подробности изъ жизни покойнаго и остановились на одномъ событіи, которое въ свое время особенно сильно потрясло Гаршина. Я говорю о посѣщеніи Гаршинымъ графа М. Т. Лорисъ-Меликова, бывшаго въ ту пору предсѣдателемъ Верховной комиссіи, и о причинахъ, заставившихъ Гаршина пойти къ этому сановнику...

Затѣмъ рѣчь зашла о похоронахъ, о стихотвореніяхъ и рѣчахъ, произнесенныхъ надъ могилой. Я, помню, сказалъ, что мнѣ показались особенно сильны и удачны нѣкоторыя строки въ стихотвореніи Минскаго...

— И я тоже написалъ... — немного погодя, поуспокоившись, сказалъ со вздохомъ Плещеевъ.

— На смерть Гаршина? — переспросилъ я.

— Да!.. Я озаглавилъ: «На похоронахъ Всеволода Гаршина»... — отвѣтилъ онъ. — Да лучше бы, впрочемъ, безъ заглавія... Ну, да — какъ хотятъ!

Я попросилъ его прочесть мнѣ стихотвореніе. Старикъ подошелъ къ своему письменному столу, порылся въ бумагахъ и, доставъ рукопись, все еще слегка дрожащимъ взволнованнымъ голосомъ съ чувствомъ прочиталъ слѣдующія строки:

« Чиста, какъ снѣгъ на горныхъ высотахъ,
И кротости исполнена безмѣрной
Была душа твоя, почившій братъ.
Незлюбивъ былъ, какъ голубь, ты. Вражды
И зависти твое не знало сердце,
Любви и всепрощенія родникъ
Неизсякаемый въ груди твоей таился.
Любовью всѣ твои созданья дышать,
Глубокою любовью къ человѣку...
Не отвергалъ съ презрѣніемъ падшихъ ты,
Но пробуждалъ къ нимъ въ ближнихъ состраданье, —
Вотъ почему всѣ честныя сердца
Ты влекъ къ себѣ съ неотразимой силой!
Немного тѣхъ, кто чистоту души
Умѣлъ сберечь средь мутныхъ волнъ житейскихъ,
Какъ ты сберегъ, — и въ комъ не въ силахъ были

Онѣ любви свѣтильникъ потушить...
Спи мирно, братъ нашъ милый... Долго будетъ
Въ сердцахъ людскихъ жить свѣтлый образъ твой.
О! если бы могли хотя на мигъ
Твои открыться вѣжды... въ нашихъ взорахъ
Прочель бы ты: какою безпредѣльной,
Великой скорбью душу наполняетъ
Намъ мысль, что ты навѣкъ отъ насъ ушелъ!»

Мнѣ хотѣлось прочитать моимъ знакомымъ это стихотвореніе, и я попросилъ Плещеева подарить мнѣ тотъ списокъ, который въ то время былъ у него въ рукахъ.

— Возьмите, возьмите, пожалуйста! — сказалъ онъ. — Только я вотъ сейчасъ сдѣлаю маленькую приписку — на память о сегодняшнемъ вечерѣ...

Стихотвореніе было переписано набѣло, кажется, одною изъ его дочерей.

И онъ надъ заголовкомъ стихотворенія надписалъ: такому-то «въ память 26 марта 1888 — отъ А. Плещеева». Я храню этотъ листочекъ.

Стихотвореніе впоследствии было напечатано.

II.

Когда собратья по литературѣ обращались къ Плещееву за совѣтомъ и указаніями, онъ никогда не отказывалъ въ помощи (мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстны случаи отказа или равнодушія съ его стороны), и всегда онъ дѣлалъ, что могъ.

Былъ, напр., такой случай: въ 1886 году угораздило меня написать пьесу изъ народнаго быта (до тѣхъ поръ пьесъ я не писалъ), мнѣ приходилось не разъ совѣтоваться съ Плещеевымъ, и онъ, по свойственному ему добродушію и любви къ литературѣ, живо интересовался моей работой. Между нами было условлено: какъ только я допишу пьесу, такъ немедленно же прочитаю ему.

Сказано — сдѣлано.

Лѣто 1886 г. я жилъ въ Вартемякахъ; Плещеевъ нанималъ дачу близъ станціи Ушаки (по Николаевской жел. д.). Въ началѣ іюля, числа 3 или 4, съ рукописью въ карманѣ я отправился къ Плещееву. Онъ съ женой и дочерьми занималъ не особенно большой, но довольно удобный домъ въ 15 минутахъ ходьбы отъ станціи; передъ домомъ разстился веселый цвѣтущій лугъ, залитый на ту пору яркими горячими лучами лѣтняго солнца. Далѣе за лугомъ начинался паркъ. Уголокъ мнѣ показался уютнымъ, я такъ и сказалъ Плещееву.

— Да, ничего... только немного сыровато! — шутливымъ тономъ отозвался онъ. — У этой дачи есть, по крайней мѣрѣ, одно важное достоинство... отъ Петербурга близко! Мнѣ вѣдь почти каждую недѣлю приходится ѣздить въ Петербургъ.

Время до обѣда у насъ прошло въ чтеніи пьесы. Къ нѣкоторымъ сценамъ, казавшимся сомнительными, Плещеевъ возвращался и перечитывалъ ихъ. Онъ зналъ сцену и сдѣлалъ мнѣ не мало цѣнныхъ указаній и, между прочимъ, настойчиво предлагалъ мнѣ выбросить нѣкоторыя мѣста; инныя изъ нихъ я выбросилъ, согласно его указаніямъ, а инныя мнѣ было жаль уничтожать, и я оставилъ ихъ во всей ихъ неприкосновенности, — и вотъ за то, что я не послушался тогда Плещеева, пьеса моя, проходя, какъ говорится, «черезъ огонь и воду и мѣдныя трубы» и тому подобные ужасы, три года не могла добиться санкціи нашей драматической цензуры.

— Сходите къ Потѣхину ¹⁾, поговорите съ нимъ! — сказалъ мнѣ въ заключеніе Плещеевъ. — Онъ сдѣлаетъ, что можетъ... Только трудно вамъ будетъ, дорогой мой, провести вашу пьесу на сцену. Не любятъ у насъ такихъ-то пьесъ изъ народнаго быта. Не любятъ!..

И сбылось его предсказаніе.

¹⁾ Ал. А. Потѣхинъ въ то время завѣдывалъ репертуарной частью Александринскаго театра.

Тогда же Плещеевъ далъ мнѣ и рекомендацію къ покойному Кейзеру фонъ-Нильгеймъ, бывшему въ то время цензоромъ драматическихъ сочиненій.

Послѣ обѣда мы отправились гулять въ паркъ. Паркъ мѣстами оказался довольно запущенъ и походилъ на лѣсъ. Плещеевъ, помню, показалъ мнѣ какую-то бесѣдку, гдѣ прежде для увеселенья дачниковъ играла по вечерамъ музыка. Пошли далѣе и затѣмъ сѣли отдохнуть на лавочку подъ деревьями. Онъ рассказывалъ мнѣ о своихъ занятіяхъ, о текущей редакціонной работѣ.

Впрочемъ, о литературныхъ дѣлахъ мы мало говорили въ тотъ вечеръ.

— Какъ ни хорошо у васъ въ Ушакахъ, а въ деревнѣ все-таки лучше! — сказалъ я Плещееву.

— Такъ-то такъ... въ деревнѣ, конечно, другое дѣло, да вѣдь и деревня-то намъ нужна съ удобствами... — съ добродушной усмѣшкой замѣтилъ онъ. — Въ избѣ не усидимъ...

Рассказывая Плещееву о Вартемякахъ и о своемъ тамошнемъ житьѣ-бытьѣ, я, между прочимъ, упомянулъ о томъ, что эта получухонская мѣстность мнѣ не особенно нравится, что живу я тутъ поневолѣ, что тянетъ меня на родину — въ вологодскіе лѣса.

— Вотъ и мнѣ тоже давно хочется побывать на Волгѣ! — вдругъ оживившись, заговорилъ Плещеевъ. — Ужо какъ-нибудь соберусь, надо прокатиться... Да все дѣла!.. И денежки требуются... все эти денежки!..

Я спросилъ его: неужели у него не найдется денегъ на поѣздку.

— Эхъ, батенька! — вполголоса сказалъ Плещеевъ, взявъ меня за плечо. — Вѣдь все въ долгъ... въ редакціи авансъ забираю... Сколько однихъ процентовъ приходится платить въ годъ... Деньги идутъ — и не видишь какъ... А работать-то много не могу, — устаю...

И старикъ, наклонившись впередъ, сталъ задумчиво выводить тростью по песку какіе-то фантастическіе узоры. Тихо было вокругъ насъ, только какія-то птички порой

принимались щебетать въ сосѣднихъ кустахъ, но скоро смолкли...

Мы возвратились домой уже довольно поздно, и я вскорѣ же долженъ былъ распрощаться съ Плещеевымъ, чтобы поспѣть на послѣдній поѣздъ.

Живо помню еще одинъ моментъ...

Это было весной 1888 г. Тогда моя повѣсть должна была печататься въ «Сѣв. Вѣстникѣ», гдѣ на ту пору редакторомъ беллетристическаго отдѣла состоялъ Плещеевъ.

Жилъ я въ то время на Пушкинской ул., № 10, въ пятомъ этажѣ. Однажды Плещеевъ, сильно уставшій, пришелъ ко мнѣ. Его мучила одышка, и онъ насилу отдышался. Пройти болѣе сотни ступеней старику, конечно, было не легко. Мнѣ стало очень жаль и досадно, что онъ поднимался ко мнѣ въ пятый этажъ, вмѣсто того, чтобы пригласить меня къ себѣ.

— Это ничего... ничего! Вотъ только минутку отдохну... — усаживаясь на диванъ, успокаивалъ онъ меня, когда я сталъ ему выговаривать за предпринятое имъ «восхождение» ко мнѣ, между тѣмъ, какъ мнѣ было бы гораздо легче прійти къ нему.

— Нѣтъ, нѣтъ... да вы не безпокойтесь! Это ничего! Сейчасъ пройдетъ... — повторялъ онъ. — Погода такая отличная сегодня... былъ въ редакціи — и зашелъ... А правда, высоконько живете... настоящій монтаньяръ!

И старикъ разсмѣялся.

Ему нужно было поговорить со мной о моей повѣсти. Для читателей нашъ разговоръ, вѣроятно, не представилъ бы особеннаго интереса, поэтому я его и не передаю. Да дѣло и не въ разговорѣ... Я упоминаю объ этомъ посѣщеніи Плещеева для того, чтобы показать, какъ Плещеевъ-редакторъ относился къ сотрудникамъ. Нынѣшніе редакторы (не въ укоръ имъ будь сказано!) даже на письма сотрудниковъ не отвѣчаютъ, и ужъ должно считать за большую рѣдкость, если кто-нибудь изъ нихъ ходитъ къ своимъ сотрудникамъ,

живущимъ на такой головокружительной высотѣ, на какой я жилъ въ ту пору.

За послѣдніе годы, т.-е. съ того времени, какъ Плещеевъ получилъ наслѣдство, я не видался съ нимъ: онъ въ это время по большей части проживалъ за границей, а я не оставлялъ предѣловъ Россіи и года полтора «не по своей волѣ» жилъ въ провинціи. Но и въ ту пору, пока мы оба были еще въ Петербургѣ, я никакъ не могъ собраться пойти къ нему.

Я слышалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Плещеевъ разбогатѣлъ, многіе его знакомые, старые и новые, да и вовсе незнакомые ему люди — осаждали его просьбами о деньгахъ (для устройства личныхъ дѣлишекъ; отъ этой массы просьбъ «личнаго свойства», конечно, должно отличать предложенія, дѣлавшіяся Плещееву по поводу устройства литературныхъ и иныхъ общественныхъ предпріятій). Я опасался, что, когда я приду къ нему, онъ можетъ подумать: не пожаловалъ ли и я за тѣмъ же, за чѣмъ являлись къ нему многіе другіе. Вѣроятно же всего, что такое предположеніе съ моей стороны было неосновательно. Плещеевъ едва ли подумалъ бы то, что ему навязывала моя мнительность. Можетъ-быть, съ моей стороны было дурно, что я такъ думалъ о Плещеевѣ; предположеніе мое, можетъ-быть, было несправедливо, недостойно Плещеева... ну, что бы тамъ ни было, я не могъ заставить себя пойти къ Плещееву, хотя мнѣ и очень хотѣлось повидаться съ нимъ. Впрочемъ, вслѣдствіе сказанныхъ обстоятельствъ, и въ это время ни малѣйшей тѣни не легло на мое многолѣтнее знакомство съ Плещеевымъ и на мои воспоминанія о немъ. Я былъ очень радъ за него и съ удовольствіемъ слышалъ, что онъ, хотя «на склонѣ лѣтъ», получилъ возможность помогать ближнимъ матеріально, дѣлясь съ ними доставшимся ему богатствомъ... Мои добрыя отношенія съ Плещеевымъ остались такими же, какими и были.

Въ зиму 1892 г. мы по одному поводу обмѣнялись письмами. Я получилъ отъ него очень хорошее, задушевное письмо изъ Ниццы отъ 2 (14) декабря и вскорѣ же, раз-

умѣется, отвѣтилъ ему. По нѣкоторымъ причинамъ я не могу сообщить здѣсь этого письма.

Въ заключеніе, обращаясь къ памяти А. Н. Плещеева, я могу лишь повторить въ примѣненіи къ нему его же собственныя слова (изъ стихотворенія «На похоронахъ В. Гаршина»):

«Долго будетъ въ сердцахъ людскихъ жить свѣтлый образъ твой!»





27 марта 1902 года.

27 марта мы, друзья-товарищи, читатели и почитатели Глѣба Ивановича Успенскаго, собрались провожать его прахъ на Волково кладбище, въ мѣсто послѣдняго его упокоенія.

Гробъ съ тѣломъ покойнаго въ сопровожденіи тысячной толпы прибылъ на кладбище въ четвертомъ часу пополудни. Въ пятомъ часу кончилось отпѣваніе. Наступила минута трогательная — минута послѣдняго прощанья живыхъ съ ихъ ближнимъ, ушедшимъ отъ нихъ навсегда. Мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на хорошо знакомыя мнѣ, дорогія черты и запечатлѣть ихъ въ памяти. Но въ церкви и въ особенности около гроба была такая тѣснота, такая давка, что мнѣ было бы не подъ силу добратся до гроба, если бы одинъ добрый человѣкъ-студентъ не помогъ мнѣ. Онъ кое-какъ раздвинулъ толпу и далъ мнѣ возможность пройти впередъ. Поднявшись по ступенямъ катафалка, я наклонился, взглянулъ въ лицо покойника, и не узналъ я Глѣба Ивановича, — такъ онъ измѣнился ¹⁾...

1) Мнѣ передавали, что за послѣднее время съ Гл. Ив. было пять сильныхъ эпилептическихъ припадковъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ съ малыми промежутками, и во время послѣдняго, пятаго припадка онъ скончался. Его анатомировали и нашли полное распадентіе мозга. Вслѣдствіе предсмертнаго припадка лицо покойнаго было искажено судорогами, — лицо пришлось искусственно выправлять; поэтому-то, быть-можетъ, лицо такъ сильно и измѣнилось.

Въ то мгновеніе, когда я прощался съ покойнымъ и цѣловалъ его въ холодный лобъ, въ воображеніи моемъ быстрѣе молніи мелькнула, блеснула одна яркая сцена — воспоминаіе о *моей послѣдней встрѣчѣ* съ Глѣбомъ Ивановичемъ...

Это было зимою 1892 года или въ началѣ 1893 г., не помню. Въ это время Гл. Ив., уже будучи боленъ, но слегка оправившись, почувствовалъ себя лучше, пріѣхалъ изъ Колмова ¹⁾ въ Петербургъ и жилъ со своей семьей на Васильевскомъ Островѣ. Я не разъ встрѣчалъ его тогда—все больше задумчивымъ и молчаливымъ. Въ послѣдній же разъ я встрѣтился съ Успенскимъ на студенческомъ вечерѣ въ залѣ дворянскаго собранія.

Послѣ концерта распорядители - студѣнты попросили насъ въ «артистическую комнату». Учащаяся молодежь быстро наполнила «артистическую» и столпилась около Глѣба Ивановича. Студѣнты, очевидно, воображали, что онъ уже совсѣмъ оправился, поборовъ свой душевный недугъ. Они такъ желали видѣть выздоровѣвшимъ своего любимца... Вѣдь уже извѣстно, что люди склонны видѣть въ дѣйствительности именно то, что они жадно, страстно желаютъ увидѣть...

Стали предлагать тосты за его здоровье; смотрѣли на него такъ восторженно, такъ любовно, и, повидимому, всѣ ожидали отъ него слова. Желаніе и ожиданіе услышать что-нибудь отъ любимаго и уважаемаго писателя ясно выражались на молодыхъ, разгорѣвшихся, воодушевленныхъ лицахъ и въ сотняхъ блестящихъ глазъ, устремленныхъ на Глѣба Ивановича.

Послѣ тихой, уединенной жизни въ Колмовѣ, вдругъ очутившись въ бальной атмосферѣ, въ большомъ обществѣ, посреди шума и толкотни, взволнованный и музыкой, и пѣніемъ, и встрѣчей со старыми знакомыми, Гл. Ив. пришелъ въ сильно возбужденное состояніе. Я стоялъ рядомъ

²⁾ Гл. Ив. жилъ близъ Новгорода, въ Колмовской лѣчебницѣ, подъ тщательнымъ, но не навязчивымъ, дружескимъ надзоромъ д-ра Сенани.

съ нимъ у стола и видѣлъ, что онъ былъ взволнованъ до глубины души, въ забывчивости поминутно подносилъ ко рту погасшую папиросу, смачивалъ языкомъ свои сухія губы и тяжело, прерывисто дышалъ. Онъ видѣлъ, понималъ, что отъ него ждуть рѣчи, ждуть слова... Вдругъ онъ подвинулся къ столу, оперся на него рукой и сдѣлалъ видъ, что онъ хочетъ говорить.

Вокругъ насъ все смолкло. Гдѣ-то стукнули дверь, — послышалось: «ш-ш!..» Кто-то подаль Успенскому рюмку вина. Но онъ не пилъ... рука его сильно дрожала. Вино расплескивалось изъ рюмки.

Наконецъ тихимъ, неувереннымъ голосомъ, запинаясь, Глѣбъ Ивановичъ началъ:

— Теперь, господа, я буду писать... Я еще буду писать... Да! Я давно не пишу, но... я, господа, буду писать... я буду...

Тѣмъ и кончилъ.

Молодежь поняла свою ошибку.

И что-то тяжелое, невыразимо грустное, больное до слезъ было въ молчаніи, наступавшемъ за этими отрывочными фразами.

Я опасался, чтобы волненія, переживаемыя Успенскимъ, не повредили ему: вѣдь вся обстановка должна была сильно ударить по его больнымъ нервамъ...

— Какъ вы себя чувствуете, Глѣбъ Ивановичъ? — спросилъ я его.

— Отлично! — какъ-то торопливо и разсѣянно отвѣтилъ онъ мнѣ, по привычкѣ слегка тряхнувъ головой.—Теперь мнѣ хорошо... очень хорошо!

Мы отошли отъ стола и сѣли въ сторонкѣ, у стѣны.

Успенскій сидѣлъ, перекинувъ ногу на ногу, немного сторбившись, склонивъ голову, и усиленно курилъ папиросу, окруживъ себя облакомъ табачнаго дыма. Лицо его, за минуту передъ тѣмъ возбужденное, теперь было спокойное, холодно и неподвижно. На него словно пала темная тѣнь. Мнѣ такъ и чувствовалось, что вотъ тутъ, со

мною рядомъ — не Глѣбъ Ивановичъ, но только его тѣло, одно бездушное тѣло, а его думы, его чувства — гдѣ они были тогда?.. О только что пережитомъ имъ волненіи



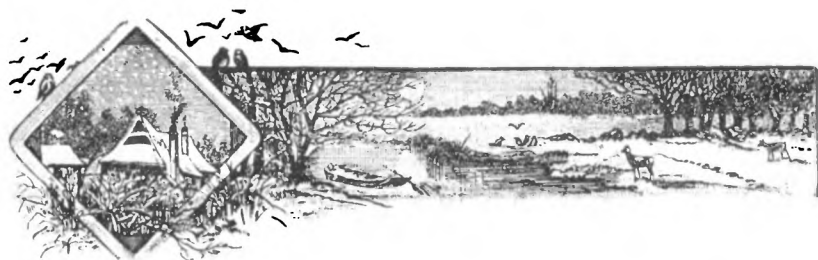
Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

можно было догадываться лишь по тому, что въ глазахъ его, задумчивыхъ и скорбныхъ, еще стояли слезы.

«Погасъ огонь на алтарѣ»...

Онъ давно уже погасъ. 27 марта хоронили не Успенскаго,— зарывали въ землю лишь хрупкій бранный сосудъ, въ которомъ огонь горѣлъ, но тотъ огонь уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ сталъ потухать — и потухъ къ искреннему, глубокому сожалѣнiю всѣхъ, кто зналъ и понималъ литературныя заслуги Гл. Успенскаго и умѣлъ цѣнить общественное значенiе всей его дѣятельности.





Мои скитальчества.

(1891 — 1892 г.)

I.

Смерть и похороны Н. В. Шелгунова.

Здоровье Николая Васильевича Шелгунова еще долго до его послѣдней болѣзни было расшатано его постоянными скитальчествами и вообще неблагоприятными условіями жизни. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ женѣ (отъ 22 іюня 1866 г. изъ г. Никольска, Вологодской губерніи) онъ говоритъ: «Не забывай того, что крѣпость унесла у меня на 10 лѣтъ силы и здоровья»¹⁾.

Въ концѣ 80 годовъ Шелгуновъ, живя въ деревнѣ, въ Смоленской губерніи, заболѣлъ смертельнымъ недугомъ. Болѣзнь быстро развивалась... Лѣтомъ 1889 г. Шелгуновъ ѣздилъ въ Кисловодскъ, бралъ ванны изъ Нарзана, пилъ воды, но скоро бросилъ. «Лѣченіе,—по его словамъ,—вышло плохое». 4 сентября того же года онъ писалъ изъ деревни женѣ: «Здоровье мое до того потрясено, и въ Кисловодскѣ я нашелъ для себя такой «губительный Кавказъ», что вотъ

¹⁾ Л. П. Шелгунова. Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой, стр. 193, 236 — 238.

уже мѣсяць, что сижу на овсянкѣ, принимаю стрихнинъ. Докторъ запретилъ читать, писать, говорить, велѣлъ быть одному и по возможности избѣгать людей»... Въ это время онъ подумывалъ ѣхать въ Москву и «переговорить серьезно съ Остроумовымъ»...

Въ 1890 г. Шелгунову стало хуже. «Хотя я окончательно надорвалъ свое здоровье, — писалъ онъ женѣ 19 сентября, — и едва ли поправлюсь, но еще крѣплюсь. Впрочемъ, большую часть дня я лежу въ постели. Но, однако, не умираю». Въ его послѣднемъ письмѣ изъ деревни къ Л. П. Шелгуновой уже слышатся жалобы и стоны больного, невыносимо страдающаго человѣка: «Ахъ, какъ я боленъ, какъ я боленъ! Люба говоритъ: Людмила Петровна даже и не думаетъ, какъ вы больны. Я на видъ 90-лѣтній. Полнѣйшій упадокъ силъ... Цѣлые дни лежу. Ходить почти пересталъ»... (6 декабря 1890 г.)

Это письмо встревожило его жену, и, чтобы выманить Шелгунова изъ деревни, ему телеграфировали, что присутствіе его необходимо для проведенія черезъ цензуру его сочиненій: Павленковъ тогда началъ издавать ихъ. Шелгуновъ тотчасъ же согласился пріѣхать... Дочь вывѣзжала за нимъ на вокзалъ. Пріѣхавъ, онъ, не раздѣваясь, прошелъ въ комнату жены и сѣлъ въ шубѣ... «Раздѣнь!» проговорилъ онъ. Жена раздѣла его, и, должно-быть, ея лицо ясно выразило изумленіе. «Ты поражена?» спросилъ онъ. Жена, дѣйствительно, была поражена: ничего подобнаго она не ожидала. «Передо мною сидѣлъ не Николай Васильевичъ, а покойникъ», говорила она.

Шелгуновъ страдалъ недугомъ неизлѣчимымъ. Профессоръ В. А. Манассеинъ сдѣлалъ для него все, что только могли сдѣлать медицина и самыя добросовѣстныя усилія. Манассеинъ облегчилъ его страданія, но спасти больного было уже не въ человѣческихъ силахъ. Къ тяжелой болѣзни, изо дня въ день разрушавшей организмъ Шелгунова, въ началѣ апрѣля присоединилась еще простуда. 5 апрѣля больной почувствовалъ себя настолько хорошо, что вздумалъ

съѣздить въ одно знакомое ему семейство, а оттуда еще отправился въ писчебумажный магазинъ за покупками и во время этихъ странствованій какъ-то простудился. Простуда, повидимому, была самая легкая, но для истощеннаго, изнуреннаго организма она оказалась роковою. На другой день Шелгуновъ опять слегъ и уже болѣе не вставалъ.

Ту желѣзную энергію, съ которою Шелгуновъ всю жизнь боролся противъ всякихъ невзгодъ и напастей, проявилъ онъ и въ борьбѣ со смертію. Онъ не хотѣлъ умирать и не думалъ, что умираетъ... Въ ту пору шла шестая недѣля Великаго поста. Больной собирался въ первый день Пасхи ѣхать въ Москву, а оттуда — въ Смоленскую губернію, въ свой деревенскій домикъ. Онъ уже распорядился, чтобы въ Москвѣ заняли для него номеръ въ гостиницѣ.

— Хотѣлось бы уѣхать въ первый день... только едва ли успѣю, — задумчиво и съ легкимъ вздохомъ сказалъ онъ мнѣ однажды вечеромъ, сидя на постели.

Съ 8 апрѣля съ больнымъ начались сильные припадки удушья и обмороки. Но больной все еще продолжалъ бороться. Послѣдніе дни онъ буквально жилъ нервами.

Я жилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Шелгунова и часто навѣщалъ его.

Помню: однажды, дня за три до смерти, когда я сидѣлъ у Шелгунова, со двора послышались звуки шарманки. Больному была неприятна эта музыка, — онъ безпокойно заворочался на постели. Дочь Шелгунова (тогда еще молодая дѣвушка), торопливо схвативъ со стола нѣсколько мелочи, какъ была, въ одномъ платьѣ бросилась на дворъ, дала шарманщику денегъ и попросила его уйти. Ухаживали за больнымъ очень старательно.

11 апрѣля физическія боли затихли, но душевное состояніе больного, очевидно, было угнетенное. Шелгуновъ, повидимому, началъ сознавать близость конца...

Въ эти послѣдніе дни его чувствительность была такъ сильно возбуждена, онъ сдѣлался такъ чутокъ, что самый легкій шопоть въ сосѣдней комнатѣ обращалъ на себя его

вниманіе, беспокоилъ, тревожилъ его. Его семьяне — жена и дочь — всячески оберегали его и старались не пробудить въ немъ ни малѣйшихъ подозрѣній по поводу его опаснаго, безнадежнаго положенія. Но все было напрасно... 12 апрѣля на лицѣ уходившаго отъ него въ то время профессора Манассеина, всегда обыкновенно сдержаннаго и спокойнаго, больной съ необычайной пронизательностью сумѣлъ прочесть свой смертный приговоръ.

— Теперь я ужъ вижу, что скоро умру! — сказалъ онъ сидѣлкѣ.

Онъ угадалъ: ему уже было не суждено дожить до конца этотъ день — 12 апрѣля..

Дважды въ тотъ день я заходилъ къ Шелгуновымъ. Днемъ, около двухъ часовъ, когда я пришелъ навѣстить больного, онъ находился въ забытѣ. Вскорѣ, впрочемъ, онъ очнулся и попросилъ, чтобы его посадили на постели. Кровать его стояла неподалеку отъ окна... День былъ ясный, солнечный, настоящій весенній день. Умирающій, молча, долго смотрѣлъ въ окно на виднѣвшійся клочокъ голубого неба, и на глазахъ его навернулись слезы. Вѣроятно, онъ прощался съ жизнью... И, наконецъ, въ 8 часовъ вечера, когда солнце зашло и уже сгущались сумерки, страдалецъ почилъ.

Въ послѣднія минуты при немъ находились жена его, Л. П. Шелгунова, съ дочерью и г-жа Ярошенко. Въ началѣ девятаго часа жена моя ушла къ Шелгуновымъ, но уже не застала въ живыхъ Николая Васильевича. Я хотѣлъ прійти попозже... Г-жа Ярошенко между тѣмъ послала за мной прислугу (съ Ярошенко мы жили по сосѣдству). Посланная г-жи Ярошенко съ извѣстіемъ о кончинѣ Шелгунова явилась въ ту минуту, когда я уже собрался уходить изъ дому. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ у Шелгуновыхъ и нашелъ покойнаго еще въ томъ же положеніи, въ какомъ застигла его смерть. Тѣло его, обложенное подушками, оставалось въ полулежачей позѣ поперекъ кровати. Голова покоилась на подушкѣ, руки сложены на рукавахъ

его сѣраго халата, ноги спущены съ постели и чѣмъ-то закутаны. Въ тѣ минуты его лицо еще носило на себѣ, если можно такъ сказать, выраженіе «жизни», какъ будто жизнь еще не кончилась, — и это выраженіе сказывалось до



Николай Васильевичъ Шелгуновъ.

того явственно, что я даже подумалъ: не въ обморокѣ ли онъ? и близко наклонился къ нему, тронулъ его за руку. Рука была еще мягка, но совершенно холодная... На изможденномъ лицѣ его не было того спокойствія, какое обыкно-

венно замѣчается на лицахъ мертвецовъ. На немъ еще лежала яркая печать только что пережитыхъ страданій и предсмертной борьбы. На другой день я уже не видѣлъ этого выраженія на лицѣ покойнаго Шелгунова.

Въ тотъ день, 12 апрѣля, Н. К. Михайловскій долженъ былъ читать на какомъ-то литературно-музыкальномъ вечерѣ. Узнавъ отъ г-жи Ярошенко о кончинѣ Шелгунова, онъ сообщилъ присутствующимъ эту печальную вѣсть, и съ концерта цѣлая толпа, преимущественно учащейся молодежи, хлынула на Воскресенскій проспектъ, въ квартиру покойнаго. И около полуночи Шелгуновская квартира наполнилась народомъ... Шестеро студентовъ взялись дежурить посмѣнно у гроба.

13 и 14 апрѣля съ утра до вечера въ тѣсныхъ комнатахъ Шелгуновской квартиры толпились люди всякаго званія и состоянія, мужчины, женщины, старики, юноши, статскіе и военные, студенты, гимназисты, курсистки, художники, литераторы, ученые и простой людъ... Думали было попросить художника Забѣлло снять маску съ лица Шелгунова, но черты лица покойнаго такъ сильно измѣнились, что снимать маску нашли ненужнымъ. Профессоръ Лесгафтъ со своими учениками былъ у покойнаго въ ночь съ 13 на 14 апрѣля и принялъ мѣры для того, чтобы приостановить, замедлить процессъ разложенія трупа. Мнѣ рѣдко приходилось видать мертвеца, до того исхудавшаго, какъ Шелгуновъ. Казалось, оставались буквально лишь кости да кожа.

Всѣ комнаты были увѣшаны, уставлены вѣнками и гирляндами. На панихидахъ была тѣснота... И многихъ изъ писателей, бывавшихъ на этихъ панихидахъ, давно уже нѣтъ въ живыхъ...

Наканунѣ похоронъ, 14 апрѣля, явился въ квартиру Шелгуновыхъ какой-то старичокъ-священникъ съ псаломщикомъ служить панихиду. Панихиды, какъ водится, дважды въ день служилъ приходскій священникъ съ причтомъ. При видѣ старичка-священника подумали, что, вѣроятно, про-

изошло какое-нибудь недоразумѣніе, и объяснили пришедшему, что панихиду уже служили.

— Я пришелъ незваный, — сказалъ на это старичокъ, — я пришелъ помолиться о почтеннѣйшемъ Николаѣ Васильевичѣ, хочу отслужить по немъ панихиду!

Неторопливо, съ глубокимъ чувствомъ, и самъ растроганный и грустный, отслужилъ онъ панихиду и ушелъ. Осталось неизвѣстно, отъ какой церкви былъ этотъ священникъ...

Похороны были назначены 15 апрѣля, которое въ тотъ годъ приходилось въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ.

День 15 апрѣля былъ теплый ясный.

Съ 8 часовъ утра во дворѣ и у воротъ дома № 13 по Воскресенскому проспекту (гдѣ жилъ Шелгуновъ) стояли толпы народа. И опять писатели, профессора, учащая молодежь, люди всякаго званія, начиная съ генераловъ и кончая субъектами въ обтерханныхъ пальто, составляли эти толпы.

Ждали выноса, ожидали священника. Полиція почему-то особенно спѣшила съ выносомъ, и когда, наконецъ, показался священникъ, полицейскій чиновникъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ ему, что онъ слишкомъ замедлилъ, что онъ задерживаетъ похороны. Священникъ остановился и, посмотрѣвъ въ упоръ на полицейскаго, раздраженнымъ тономъ сказалъ:

— Выговоры ваши, милостивый государь, неумѣстны! Вспомните, что теперь вѣдь седьмая недѣля Великаго поста, что мы отъ усталости едва держимся на ногахъ...

Не помню: онъ что-то еще сказалъ полицейскому, круто повернулся и пошелъ въ ворота. Полицейскій, повидимому, смутился и затерялся въ толпѣ.

Въ началѣ десятаго часа гробъ вынесли на улицу.

Тутъ произошло недоразумѣніе, едва не кончившееся очень печально. Хотѣли нести до кладбища гробъ на ру-

какъ, но полиція тому воспротивилась. Почему, на какомъ основаніи, — не знаю, и поведеніе петербургской полиціи въ этомъ случаѣ для меня и до сего времени остается загадкой. Нести гробъ съ покойникомъ на рукахъ закономъ не воспрещено...

Молодежь, овладѣвшая гробомъ, не уступала незаконному требованію полиціи. Полицейскіе тѣснили державшихъ гробъ и пытались вырвать у нихъ гробъ съ тѣмъ, чтобы поставить его на колесницу. Гробъ сильно покачивался изъ стороны въ сторону, и ежеминутно можно было опасаться, что онъ грохнется на мостовую. Во время разгара этой свалки изъ среды полицейскихъ, какъ говорили тогда, послышался чей-то энергичный возгласъ: «Руби по рукамъ!» Но я не слыхалъ такого возгласа и обнаженныхъ шапекъ не видалъ, хотя и находился недалеко отъ гроба.

Кончилось тѣмъ, что публика уступила, и гробъ былъ поставленъ на колесницу. Процессія тронулась... Но тутъ опять произошло недоразумѣніе, пожалуй, еще болѣе странное. На этотъ разъ нарушеніе закона послѣдовало со стороны публики съ молчаливаго согласія полиціи...

Масса вѣнковъ была сложена на дроги, стоявшія позади погребальной колесницы. Въ то время, когда гробъ устанавливали на колесницѣ, всѣ эти вѣнки моментально были разобраны, и ихъ понесли передъ колесницей. Полиція не препятствовала, хотя несеніе вѣнковъ въ похоронныхъ процессіяхъ въ ту пору было уже воспрещено. Такимъ образомъ, полиція въ то утро сдѣлала два промаха: запретила закономъ дозволенное несеніе гроба на рукахъ и допустила запрещенное закономъ несеніе вѣнковъ.

Полиція, очевидно, намѣревалась направить похоронную процессію на Волково кладбище по менѣе люднымъ улицамъ — по Знаменской и Лиговкѣ. Съ той цѣлью, чтобы процессія не пошла по Фурштадтской по направленію къ Литейной, на углу Фурштадтской и Воскресенскаго проспекта былъ поставленъ отрядъ конныхъ жандармовъ. Но публика

хотѣла пройти именно на Литейную. Тутъ полиція оказалась безсильною... Толпа стремительно хлынула на Фурштатскую, и жандармы, повертѣвшись въ толпѣ взадъ и впередъ, были вынуждены послѣдовать за процессіей. Послѣ того похоронная процессія уже безпрепятственно, въ стройномъ порядкѣ, съ вѣнконосцами впереди, двинулась къ Литейной съ громкимъ пѣніемъ «Святый Боже». Только неподалеку отъ Невскаго процессія замедлила ходъ, раздались какіе-то возгласы, но изъ-за пѣнія сотенъ голосовъ было трудно ихъ слышать. Толпа значительно возросла, когда мы подошли къ Волкову кладбищу. Большая толпа встрѣтила насъ и на кладбищѣ.

Когда послѣ панихиды гробъ уже несли къ могилѣ, я встрѣтилъ одного изъ нашихъ извѣстныхъ литераторовъ, близкаго знакомаго покойнаго Шелгунова, и спросилъ его, будетъ ли онъ говорить на могилѣ. Онъ сказалъ: «Нѣтъ, не буду». Тогда, желая сказать нѣсколько добрыхъ словъ о покойномъ, я пробрался, насколько было возможно, ближе къ могилѣ. Студенты, стоявшіе на приступочкѣ какого-то памятника, очистили мнѣ мѣсто. Я всталъ на этотъ приступокъ и сказалъ небольшую рѣчь.

Разумѣется, нельзя ожидать, чтобы черезъ 17 лѣтъ я подробно помнилъ свою рѣчь. Она не была записана: я, какъ всегда, говорилъ экспромптомъ, безъ подготовки. Помню въ точности только вступительныя слова: «Шелгуновъ умеръ— Шелгуновъ живъ, — живы тѣ идеи, которымъ онъ служилъ всю жизнь и за которыя пострадалъ»... (Рѣчь моя вкратцѣ была въ ту пору напечатана въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»).

Я говорилъ о скитальческой жизни Шелгунова и сказалъ вкратцѣ о значеніи его литературной дѣятельности, о вліяніи ея на наше общественное саморазвитіе. Вдаваться въ критическій разборъ въ тѣ минуты было, конечно, неумѣстно, но для характеристики дѣятельности Шелгунова я нашелъ пока достаточнымъ повторить надписи на вѣнкахъ,

принесенных на его гробъ 1). И тутъ я перечислилъ часть этихъ надписей:

Отъ сотрудниковъ «Дѣла»; отъ «Сѣвернаго Вѣстника»; отъ «Недѣли»; отъ «Русскихъ Вѣдомостей»; отъ редакціи «Русской Мысли»; отъ студентовъ С.-Петербургскаго университета — «Поборнику демократическихъ идеаловъ»; отъ высшихъ женскихъ курсовъ — «За человѣческое право являлся честнымъ ты борцомъ»; дорогому Н. В. Шелгунову — студенты Горнаго института; отъ студентовъ-медиковъ — «Неутомимому борцу за истину и свободу»; отъ русскихъ женщинъ — «Дорогому учителю разумнаго, честнаго труда»; отъ студентовъ института инженеровъ путей сообщенія; отъ студентовъ Московскаго университета — «Неутомимому борцу за истину»; «Борцу» — отъ московскихъ студентовъ-техниковъ; «Дорогому писателю отъ сочувствующихъ слушательницъ Надеждинскихъ курсовъ»; отъ слушательницъ курсовъ при попечительномъ комитетѣ Краснаго Креста; отъ слушательницъ Рождественскихъ курсовъ — «И такъ ужъ немного вождей остается, и такъ ужъ безлюдье насъ тяжело гнететъ... Чье жъ сердце на русскую скорбь отзовется, чья мысль ей укажетъ желанный исходъ?»; отъ учащихся въ воскресныхъ школахъ; отъ петербургскихъ рабочихъ — «Указателю пути къ свободѣ и братству»; «Дорогому учителю» — отъ с.-петербургскихъ гимназистовъ; отъ объединенныхъ землячествъ — «Шестидесятнику-борцу за лучшіе идеалы молодежи»; «Умершему со знаменемъ въ рукахъ»; отъ учащихся женщинъ; отъ харьковскаго студенчества; отъ учащихся пермяковъ; отъ томскаго студенчества; «Дорогому писателю» — тверскія сельскія учительницы; «Незабвенному учителю» — отъ учащихся сибиряковъ и сибирячекъ; отъ новгородскихъ почитателей — «Борцу за свѣтъ и правду», и др.

Посреди вѣнковъ обращалъ на себя особенное вниманіе крестъ терновый.

1) Ленты съ нѣкоторыхъ вѣнковъ, по распоряженію полиціи, были сняты и, кажется, остались у вдовы покойнаго Шелгунова.

Въ заключеніе я говорилъ о преемственности идей, о томъ, что мы не должны порывать съ завѣтами реформаціонной эпохи, что ту нить, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ казалась порванною, мы должны подхватить и вести ее далѣе и далѣе, не останавливаясь...

Мнѣ пришлось здѣсь распространиться о своей рѣчи, потому что изъ-за нея сырѣ-боръ загорѣлся.

Кромѣ меня, говорили еще три-четыре человѣка...

Картина, бывшая тогда у меня передъ глазами, ярко запечатлѣлась въ моей памяти... Ясное весеннее небо, и на его голубомъ сіяющемъ фонѣ рѣзко обрисовываются еще обнаженныя вѣтви кладбищенскихъ дѣревьевъ... Въ синевато-туманной дымкѣ пропадаетъ даль... Посреди надгробныхъ памятниковъ и крестовъ тѣснится громадная толпа... Она взволнована, но молчалива, — она словно застыла, замерла въ своемъ угрюмомъ молчаніи... И посреди безмолвія, объявшаго обитель смерти, только чириканье птичекъ яственно слышится.

Въ шестомъ часу мало-по-малу стали расходиться съ кладбища.

Жена моя была на кладбищѣ, слышала мою рѣчь и встревожилась. Я же оставался совершенно спокоенъ, такъ какъ, по моему крайнему разумѣнію, я рѣшительно не сказалъ ничего такого, что могло бы возбудить противъ меня неудовольствіе.

На другой же день я принялся за свою прерванную литературную работу. Прошли три дня безъ всякихъ «новостей». Даже жена была уже готова успокоиться, какъ вдругъ въ пятницу, 19 апрѣля, получилась изъ участка телеграмма, которою меня вызывали на слѣдующій день къ 11 часамъ утра къ градоначальнику. Опасенія моей жены, повидимому, начинали оправдываться, но я все-таки продолжалъ увѣрять и ее и себя, что ничего серьезнаго быть не можетъ, и продолжалъ работать.

Въ субботу къ назначенному часу я отправился въ градоначальство (петербургскимъ градоначальникомъ былъ въ

то время генераль Грессеръ.) Въ приѣмной, гдѣ мнѣ пришлось подождать нѣсколько минутъ, я встрѣтилъ студентовъ, и они сообщили мнѣ, что они также вызваны къ градоначальнику и, вѣроятно, какъ они догадывались, по поводу похоронъ. Наконецъ меня пригласили въ кабинетъ.

При входѣ моемъ генераль Грессеръ всталъ изъ-за своего письменнаго стола и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу. Мы оказались одного роста, и нѣсколько мгновений стояли, молча, лицомъ къ лицу, пристально смотря въ глаза другъ другу. Затѣмъ, послѣ такого молчаливаго обмѣна взглядами, между нами произошелъ слѣдующій діалогъ.

— Вы были на похоронахъ Шелгунова? — спросилъ меня Грессеръ.

— Былъ, — отвѣтилъ я. — Шелгуновъ — мой старый, близкій знакомый и товарищъ по литературѣ.

— Такъ! Вы говорили рѣчь на его могилѣ?

— Да, говорилъ, — сказалъ нѣсколько словъ вообще о его жизни и дѣятельности...

— Но вы сказали возмутительную... зажигательную рѣчь! — отрывисто заговорилъ Грессеръ. — Ваше присутствіе въ Петербургѣ не можетъ быть терпимо... вы не можете оставаться здѣсь...

— Не могу ли я, генераль, сказать два-три слова въ свою защиту? — спросилъ я.

Грессеръ, молча, кивнулъ головой.

— На кладбищѣ стенографа не было, — сказалъ я, — а тѣ, которые передавали вамъ содержаніе моей рѣчи, могли стоять отъ меня далеко, могли не дослышать, не понять меня, могли по-своему истолковать мои слова, и, наконецъ, при передачѣ рѣчь моя могла быть сообщена вамъ въ искаженномъ видѣ, безъ всякаго злого умысла, но просто по невозможности запомнить ее въ точности... Вѣдь иногда при передачѣ замѣна одного слова другимъ много значитъ и можетъ совершенно измѣнить смыслъ рѣчи... Не можете ли вы допустить, что моя рѣчь неточно передана вамъ?

Генераль на мгновение немного поникъ головой, покручивая усь.

— Да! Я это допускаю... — отвѣтилъ онъ. — Это могло быть... конечно. Но министръ внутреннихъ дѣлъ уже рѣшилъ, что вы должны оставить Петербургъ... Я теперь ничего не могу сдѣлать... Да! А болѣе подробныя инструкции вы получите отъ полковника С***! — закончилъ онъ съ легкимъ поклономъ и указывая на жандармскаго офицера, стоявшаго въ сторонѣ.

Съ полковникомъ С. я отправился въ канцелярію.

Генераль Грессеръ не показался мнѣ суровымъ жестокимъ человѣкомъ и вообще не произвелъ на меня непріятнаго впечатлѣнія. Онъ былъ мужчина высокаго роста, какъ говорится, видный, съ благообразнымъ лицомъ и съ манерами, вовсе не фельдфебельскими. Въ этомъ отношеніи онъ выгодно отличался отъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ; въ сравненіи съ ними онъ могъ показаться совсѣмъ мягкимъ человѣкомъ. Мнѣ думается, что онъ былъ искрененъ со мной, и я до сего времени вѣрю тому, что обстоятельства тогда были дѣйствительно таковы, что онъ «не могъ ничего сдѣлать» для меня...

Это была моя единственная встрѣча съ генераломъ Грессеромъ.

Послѣ того судьба привела меня опять въ Петербургъ именно въ то время, когда Грессеръ умеръ, и я издали видѣлъ его гробъ, когда похоронная процессія слѣдовала по Невскому...

— Сколько же времени я могу еще пробыть въ Петербургѣ? — спросилъ я С—каго.

— Завтра утромъ вы должны уѣхать! — отвѣтилъ тотъ.

— Ну, это невозможно! — возразилъ я. — Да неужели же я — такой страшный, опасный преступникъ, что мнѣ не дадутъ даже времени хоть кое-какъ ликвидировать мои дѣла! Я связанъ дѣловыми отношеніями съ разными лицами; мнѣ нужно побывать въ редакціяхъ, повидаться съ издателями, купить кое-что... вѣдь я уѣзжаю на неопредѣленное

время... Наконецъ завтра — Пасха! Неужели нельзя мнѣ встрѣтить праздникъ въ семьѣ и провести дома хоть первые три дня?..

— Ужъ, право, не знаю... доложу его превосходительству... Потрудитесь обождать здѣсь! — сказалъ С. и скрылся.

Кромѣ меня, въ комнатѣ оказался еще какой-то господинъ, очевидно, одинъ изъ служащихъ въ канцеляріи, — высокаго роста, худошавый блондинъ, въ синемъ вицмундирѣ. Онъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся ко мнѣ.

— Вы не беспокойтесь, отсрочку вамъ дадутъ, — промолвилъ онъ вполголоса. — Нельзя такъ, въ самомъ дѣлѣ... Что ужъ очень строго!..

Вскорѣ возвратился С. и объявилъ мнѣ, что я могу пробыть въ Петербургѣ до вторника, а во вторникъ утромъ я обязательно долженъ уѣхать. При этомъ господинъ въ вицмундирѣ, молча, пожалъ плечами и отошелъ къ окну. С. подалъ мнѣ печатный бланкъ, на которомъ, подъ его диктовку, я вписалъ обычныя фразы, т.-е. самому себѣ подписалъ приговоръ объ изгнаніи изъ Петербурга и изъ предѣловъ С.-Петербургской губерніи.

— А куда вы думаете поѣхать? — спросилъ меня С.

— Въ Москву, — отвѣтилъ я.

— Прекрасно! Такъ, значить, во вторникъ утромъ, въ 9 часовъ, пожалуйста сюда и отсюда отправитесь...

— А вещи... Ихъ, значить, отправить прямо на вокзалъ? — спросилъ я.

— Да, такъ! Отправьте на вокзалъ, а сами — сюда, — сказалъ С.

Помню, что по дорогѣ изъ градоначальства я заѣзжалъ въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника», бывшую тогда въ Троицкомъ переулкѣ. Въ ту пору въ редакціи этого журнала работали знакомые мнѣ люди: В. Острогорскій, А. Скабичевскій, Б. Глинскій и др.; «новые, невѣдомые боги» вселились въ нее уже позже и не въ добрый часъ — для себя и для журнала...

— Ну, вот! — сказала жена, когда я сообщилъ ей о результатѣ моего свиданія съ градоначальникомъ.

«Ну, вотъ» — и только, и ни жалобъ ни упрековъ болѣе я не слыхалъ отъ нея. А между тѣмъ мое неожиданное внезапное удаленіе изъ Петербурга перевертывало вверхъ дномъ всю нашу жизнь и вносило серьезное разстройство въ наши финансовыя дѣла.

Въ тотъ же день подъ вечеръ приходилъ ко мнѣ Ф. Ф. Павленковъ и, между прочимъ, освѣдомлялся, не нужно ли мнѣ денегъ. Деньги мнѣ были не нужны, но его предложеніе, его участіе къ постигшей меня непріятности глубоко тронули меня, и я навсегда остался благодаренъ Павленкову за его горячее участіе ко мнѣ въ эти дни.

На слѣдующій день я ходилъ и ѣздилъ изъ конца въ конецъ по городу, прощаясь съ близкими знакомыми. Въ воскресенье и понедѣльникъ у насъ перебивало много народу — знакомыхъ и незнакомыхъ, и я былъ очень удивленъ, что слухъ о моемъ удаленіи такъ быстро разнесся по Петербургу.

23 апрѣля, день именинъ моей жены, приходилось во вторникъ на Свѣтлой недѣлѣ. Этотъ день уже въ теченіе многихъ-многихъ лѣтъ я проводилъ съ женой, но на этотъ разъ намъ пришлось разстаться. Въ девятомъ часу, наскоро выпивъ стаканъ кофе и полакомившись куличомъ и пасхой, я отправился въ градоначальство — съ пледомъ и дорожной сумочкой черезъ плечо. Мы уговорились съ женой встрѣтиться на вокзалѣ: она должна была отправиться туда съ вещами въ сопровожденіи прислуги, желавшей проводить меня. Но *l'homme propose et l'administration dispose...* На вокзалѣ мы не встрѣтились съ женой и увидались съ нею уже гораздо позже...

Когда я пришелъ въ градоначальство, меня на этотъ разъ попросили не наверхъ, не въ канцелярію, но въ комнату, находившуюся въ нижнемъ этажѣ, плохо освѣщенную, скудно меблированную, единственное окно которой выходило

на грязный дворъ, — типичный петербургскій дворъ напо- добіе колодца.

Въ полусвѣтѣ этой комнаты я съ удивленіемъ увидаль Н. К. Михайловскаго. Онъ стоялъ у окна, скрестивъ руки, и хмуро посматриваль во дворъ. Оказалось, что и его также высылали изъ Петербурга.

— За что же?

— И самъ не знаю! — отвѣтилъ онъ. — Спрашиваль, — причинъ не указали... Говорять: вы ужъ лучше не спрашивайте!..

При выносѣ гроба изъ квартиры Шелгуновыхъ, когда между молодежью и полиціей произошло столкновение, Михайловскій, какъ говорили тогда, сказалъ, правда, нѣсколько словъ, но, конечно, не за эти слова карали его, ибо онъ, какъ потомъ передавали, убѣждалъ молодежь поставить гробъ на колесницу, т.-е. сдѣлать то, что требовала полиція.

Едва мы успѣли перемолвиться съ Михайловскимъ, какъ явился полковникъ С—ій.

— Ну, господа, если ужъ струсась надъ вами такая бѣда, — заговорилъ онъ, — такъ ужъ надо теперь подумать о томъ, чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ недоразумѣній, чтобы, по крайней мѣрѣ, не ухудшить вашего настоящаго положенія... Скажите мнѣ, господа, откровенно, подъ честнымъ словомъ: придетъ кто-нибудь на вокзалъ провожать васъ или нѣтъ?

— Сыновья мои будутъ на вокзалѣ! — отвѣтилъ Михайловскій. — Но придетъ ли еще кто-нибудь, кромѣ нихъ, я не знаю.

— Такъ! Хорошо-съ... А вы? — обратился ко мнѣ С.

— Жена моя съ прислугой будетъ на вокзалѣ... — сказалъ я. — Но знакомые знаютъ о моемъ отъѣздѣ, и, конечно, можетъ кто-нибудь прійти, хотя я никого не звалъ.

— Такъ вы, значить, не можете ручаться за то, что, кромѣ вашей жены, никто не придетъ провожать васъ? — настойчиво обратился ко мнѣ С.

— Повторяю, что я никого не звалъ, никого не жду, но поручиться все-таки не могу, — отвѣтилъ я.



Николай Константинович Михайловскій.

— Ну-съ, прекрасно! — сказалъ С., какъ бы что-то соображая и посматривая то на Михайловскаго, то на меня, и затѣмъ скрылся.

Немного погодя, насъ повели по коридору и черезъ маленькую дверь вывели во дворъ, гдѣ ждала насъ извозчичья карета. Мы вошли въ нее. Съ нами же въ карету сѣли

двое провожатыхъ : на переднемъ сидѣньѣ противъ Михайловскаго помѣстился жандармскій офицеръ, а противъ меня—какой-то статскій молодой господинъ въ голубомъ галстучкѣ и съ перстнемъ на рукѣ. Дверцу кареты захлопнули, задержали у стеколъ грязновато-желтыя занавѣски, и мы тронулись въ путь.

Занавѣски не плотно прилежали къ стекламъ, и я могъ видѣть, какъ мы завернули на Малую Морскую, выѣхали на Невскій проспектъ и поѣхали по немъ по направленію къ Знаменію. Я былъ увѣренъ, что мы ѣдемъ на Николаевскій вокзалъ. Меня только приводили въ недоумѣніе наши провожатые, — какъ будто мы не могли одни уѣхать на вокзалъ. Да вотъ еще эти желтыя занавѣски... Для чего ихъ было такъ старательно задерживать?..

Вотъ и Гостиный дворъ и Публичная бібліотека... И я не безъ грусти подумалъ о томъ, что мои занятія въ Публичной бібліотекѣ теперь должны прекратиться, и моя большая работа, давно начатая работа, пріостановится на неопредѣленное время...

Наконецъ мы миновали Николаевскую улицу, Пушкинскую... Вотъ и церковь Знаменія... Но мы не заворачиваемъ къ Николаевскому вокзалу и быстро ѣдемъ все дальше и дальше по Невскому.

— Мы ужъ проѣхали вокзалъ! — замѣтилъ я.

— Да! — отозвался Михайловскій.

А провожатые наши молчали...

Когда мы миновали Александрo-Невскую лавру и ѣхали уже по Шлиссельбургскому тракту, тогда оказалась возможность отдернуть занавѣски и даже спустить одно стекло. Мы закурили папиросы...

День былъ ясный теплый, и такъ отрадно было, когда свѣжій весенній воздухъ повѣялъ въ лицо. Колокольный звонъ гудѣлъ надъ Петербургомъ. Толпы рабочихъ — мужчинъ и женщинъ — въ праздничномъ платьѣ, съ гармониками бродили по улицамъ. Слышалось веселое пѣнье, говоръ, смѣхъ.

Мы проѣхали мимо церкви, очень памятной мнѣ. За три мѣсяца передъ тѣмъ въ этой церкви отпѣвали одну мою хорошую знакомую, молодую дѣвушку, бывшую учительницей на чугунно-литейномъ заводѣ. Она застрѣлилась... Я не разъ собирался написать объ этой исторіи, но это была повѣсть такая грустная, такъ тѣсно связанная со смертью другого близкаго мнѣ человѣка, что я начиналъ рассказъ и не кончалъ, не могъ... Вкратцѣ, не упоминая именъ, я подѣлился своими воспоминаніями съ моимъ спутникомъ, рассказалъ также и о трогательныхъ похоронахъ, устроенныхъ рабочими. Вспомнивъ о смерти этой доброй, милой дѣвушки и о недавно ушедшемъ отъ насъ Шелгуновѣ, я вздохнулъ и вслухъ подумалъ:

— Все туда уходитъ, туда «летитъ и листъ лавровый и легкой розовый листокъ»!

Провожатые наши дѣлали видъ, что они ничего не слышатъ, и, повидимому, съ величайшимъ интересомъ смотрѣли въ окно.

Между тѣмъ мы продолжали подвигаться по дорогѣ къ селу Рыбцкому. Я рѣшительно недоумѣвалъ: куда мы ѣдемъ, или, вѣрнѣе, куда насъ везутъ? Спрашивать провожатыхъ было совершенно напрасно: они упорно молчали. Наконецъ жандармскій офицеръ, высунувшись въ окно, спросилъ извозчика, хорошо ли онъ знаетъ дорогу на станцію Обухово, — я не слышалъ, что отвѣтилъ ему извозчикъ.

— Такъ спроси у кого-нибудь! — крикнулъ ему офицеръ.

Только тутъ мы узнали, куда мы направляемся.

— Пусть онъ спрашиваетъ дорогу на станцію Преображенскую: эту станцію болѣе знаютъ подъ этимъ названіемъ... — сказалъ Михайловскій офицеру.

Тотъ опять высунулся въ окно и поговорилъ съ извозчикомъ. Вскорѣ послѣ того мы повернули назадъ. Оказалось, что мы уже проѣхали поворотъ съ шоссе на проселокъ. Когда мы, наконецъ, свернули съ шоссе и поѣхали полемъ, дорога пошла отчаянная, изрытая глубокими колеями и ямами. Ѣхали шагомъ, карета раскачивалась, наклоняясь то въ ту,

то въ другую сторону, и въ перспективѣ намъ представлялась пріятная возможность кувыркнутья и очутиться въ какой-нибудь канавѣ.

Подъѣхали къ желѣзнодорожному плагбауму. Я посмотрѣлъ на часы, — былъ уже первый часъ, и я сообразилъ, что если мы и далѣе потащимся такимъ же черепашинымъ галопомъ, то мы опоздаемъ къ часовому поѣзду, и намъ придется на маленькой пустынной станціи долго ждать другого поѣзда. Я сказалъ офицеру, что лучше бы намъ выйти изъ кареты и пѣшкомъ, по желѣзнодорожному полотну, дойти до станціи. До Обухова оставалось уже недалеко, приблизительно, сажень двѣсти-триста. Офицеръ согласился, и мы принялись шагать по шпаламъ. Пріятно было размять ноги... Впереди шелъ Михайловскій, за нимъ—жандармскій офицеръ, затѣмъ — я, а за мною — статскій господинъ въ голубенькомъ галстучкѣ, все время державшій правую руку въ боковомъ карманѣ пальто, гдѣ, повидимому, находился какой-то небольшой увѣсистый предметъ.

Когда мы пришли на станцію, Михайловскій въ сопровожденіи «голубого галстучка» отправился въ буфетъ закусить и выпить рюмку вина, а я съ офицеромъ ходилъ по платформѣ въ ожиданіи поѣзда и мысленно облизывался при воспоминаніи о вкусныхъ «подорожникахъ», приготовленныхъ для меня женой и оставшихся въ Петербургѣ на вокзалѣ... Офицеръ передъ разставаньемъ разговорился со мной: онъ оказался человѣкомъ семейнымъ, чадолюбивымъ отцомъ, дѣти его учились въ гимназіи, — и я помню, что онъ горько жаловался на то, что учебники очень часто мѣняются, чуть не каждый годъ, и обяыываютъ учениковъ покупать тетради только въ одномъ извѣстномъ магазинѣ. Къ его жалобамъ на такіе порядки я выразилъ полное сочувствіе.

Только что подошелъ петербургскій поѣздъ, какъ съ него поспѣшно соскочилъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ жандармовъ унтеръ-офицеръ, увѣшанный медалями, подошелъ къ сопровождавшему насъ офицеру и что-то тихо отрапорто-

валь ему. Билеты на поѣздъ намъ были уже выданы изъ кассы, и мы вошли въ вагонъ, совершенно пустой. Офицеръ съ прибывшими жандармами всталъ передъ нашимъ вагономъ, и, пока поѣздъ не тронулся со станціи, жандармы не сводили глазъ съ оконъ нашего вагона.

Въ Любани насъ встрѣтили С. Кривенко и г-жи Мальнева и Усова. Какимъ образомъ они узнали о нашемъ отъѣздѣ изъ Петербурга, мнѣ потомъ рассказывали, но теперь я ужъ не помню. Во всякомъ случаѣ для меня было пріятнымъ сюрпризомъ повидаться съ друзьями передъ разлукой, продолжительность которой никому не была извѣстна. Михайловскій остался въ Любани, а меня поѣздъ помчалъ далѣе, въ Москву...

А той порой жена моя напрасно ждала меня на Николаевскомъ вокзалѣ. Она провожала поѣздъ за поѣздомъ, и чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ она болѣе тревожилась и беспокоилась

обо мнѣ: изъ дому я ушелъ на-легкѣ — съ дорожной сумочкой, и денегъ было взято мною въ обрѣзъ. Она, бѣдная, пережила тогда тяжелыя минуты... Гдѣ я, куда я дѣвался, что со мной, не случилось ли еще какой-нибудь бѣды, не арестовали ли меня?.. Незвѣстность всегда мучительна.

Сыновья и племянникъ Н. К. Михайловскаго также напрасно ждали его на вокзалѣ. Ни имъ ни моей женѣ не могло и въ голову прійти, что насъ подъ конвоемъ увезутъ на Обуховскую станцію изъ опасенія какой-то демонстраціи, якобы предполагавшейся на Николаевскомъ вокзалѣ при



А. Н. Засодимская (1886 г.).

нашемъ отъѣздѣ... Жена моя лишь не надолго уходила съ вокзала къ А. А. Давыдовой — въ тотъ промежутокъ, когда не было отхода поѣздовъ, наскоро пообѣдала у нея и, встрѣтивъ тамъ Н. А. Соловьева-Несмѣлова, возвратилась съ нимъ на вокзалъ. Соловьевъ-Несмѣловъ проходилъ каждый подаваемый поѣздъ, съ перваго вагона до послѣдняго, разыскивая меня... Наконецъ уже вечеромъ племянникъ Михайловскаго отправился въ градоначальство узнать о нашей участи. Тамъ ему сообщили, что мы «вздумали прокатиться въ каретѣ до Обуховской станціи»...

II.

К и д а ш ь.

Въ Москвѣ я остановился въ номерахъ Могито (на Самотекской площади). Здѣсь я ожидалъ пріѣзда жены, за тѣмъ, чтобы отправиться въ Казань и далѣе — въ Уфимскую губернію, на кумысъ: послѣ крупознаго воспаленія (въ 1889 году) мои легкія были очень слабы, и профессоръ Манассеинъ настойчиво заставлялъ меня пить кумысъ. Жена пріѣхала утромъ въ воскресенье на Оминой недѣлѣ, и въ тотъ же день мы отправились въ Нижній. На слѣдующій день утромъ мы были уже на самолетскомъ пароходѣ «Лермонтовъ» и плыли «внизъ по матушкѣ-по Волгѣ, по широкому раздолью»...

Волга была почти еще въ полномъ разливѣ, широка и глубока. Погода стояла дивная. По цѣлымъ часамъ я оставался на палубѣ, любуясь на нашу родную красавицу-Волгу, и не могъ вдоволь надышаться чуднымъ весеннимъ воздухомъ. Вечеромъ съ берега повѣяло запахомъ растительности, нѣжнымъ ароматомъ какихъ-то весеннихъ цвѣтовъ, слышалось пѣніе соловья, заблестали звѣзды въ ясномъ небѣ, на западѣ яркія краски заката еще не погасли, а на

востокѣ синеватыя полупрозрачныя тѣни, какъ тончайшимъ флеромъ, уже задержали даль... Такую картину во вѣкъ не забудешь!

Рано утромъ мы пришли въ Казань. Мы остановились у моего двоюроднаго брата, Н. А. Засѣцкаго, занимающаго въ Казанскомъ университетѣ кафедру по внутреннимъ болѣзнямъ. Здѣсь мы пробыли нѣсколько дней, познакомились кое съ кѣмъ изъ казанскихъ обывателей, побывалъ я въ редакціи мѣстной газеты «Волжскій Вѣстникъ», познакомился съ редакторомъ, г. Н. Рейнгардтомъ, съ его женою и съ нѣкоторыми изъ ихъ сотрудниковъ; на крохотномъ пароходѣ съѣздили мы въ Свіяжскъ къ нашимъ добрымъ старымъ знакомымъ, Н. Ф. и С. Н. Бажинымъ, съ половины 80 годовъ уединившимся въ этомъ старинномъ, тихомъ городкѣ, и затѣмъ мы отправились далѣе, въ Самару.

Помню: когда мы взошли на пароходъ и въ ожиданіи отплытія стояли на палубѣ, набѣжала небольшая тучка и прогремѣлъ первый весенній громъ, послѣдовали еще два-три удара, прыснулъ небольшой дождь, и гроза, какъ внезапно налетѣла, такъ же быстро и прошла. Пароходъ только что отчалилъ отъ пристани, какъ изъ-за краевъ темно-лиловой тучки сверкнуло солнце и золотомъ своихъ лучей залило и небесную лазурь, и зеленѣющіе берега, и синія воды великой русской рѣки...

Утромъ проходили передо мной картины Жегулевскихъ горъ, поросшихъ лѣсомъ и полныхъ преданій и легендъ, въ которыхъ народное поэтическое творчество обезсмертило волжскихъ героевъ. Но теперь тихо на Волгѣ и въ Жегуляхъ...

«Подъ шапкой утреннихъ тумановъ
Молчатъ сосновые лѣса
Про удалство и чудеса
Давно погибшихъ атамановъ...
Но духъ людей, которымъ тѣсенъ
Казался міръ въ избыткѣ силъ,
Родной напѣвъ поволжскихъ пѣсенъ
Въ своемъ размахѣ сохранилъ»...

Когда солнце поднялось уже высоко и стало припекать, вдали на лѣвомъ берегу Волги показались желтоватая облака пыли. То была Самара...

Около вечеренъ мы выѣхали далѣе по Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ. Въ пятомъ часу утра мы сошли съ поѣзда на станціи Белебей-Аксаково. Въ вокзалѣ, въ залѣ II класса мы увидали надъ диваномъ большой портретъ Сергѣя Аксакова, автора известной «Семейной хроники». Оттуда неподалеку было одно изъ его имѣній.

До нашего кумыснаго мѣстечка, села Верхнетроицкаго, оставалось еще сдѣлать около 40 верстѣ въ сторону отъ желѣзной дороги. Тройка добрыхъ коней съ таранасомъ уже ждала насъ на станціи...

Село Верхнетроицкое, или, по-мѣстному, Кидашъ, стоитъ въ долинѣ, съ трехъ сторонъ окруженной горами: Марковой, Сосновой, Кумысной, Вершиной Маріи и др. Эти горы составляютъ послѣдніе отроги горъ Уральскихъ и на западѣ отъ Кидаша переходятъ въ равнину, сливаясь съ самарской степью. Мѣстность живописная. Здѣсь, сравнительно на небольшомъ клочкѣ земли, по волѣ природы, казалось, все соединилось для того, чтобы придать невыразимую чарующую прелесть этому уголку. Огромный прудъ, похожій на озеро, уходящій изъ виду вонъ; излучистые берега, крутые, обрывистые, песчаные, мѣстами поросшіе травой, съ группами густыхъ деревьевъ, нависшихъ надъ водой; выше поднимаются горы, поросшія лѣсомъ, лиственнымъ и хвойнымъ. По скатамъ горъ порою стелются, ползутъ туманы бѣлою, полупрозрачною пеленой, по вершинамъ ихъ проносятся облака.

Вокругъ Кидаша живутъ татары, башкиры, чуваша, мордва, и когда, бывало, всѣ эти народы въ воскресенье съѣдутся и сойдутся въ Кидашъ на базаръ, картина получалась довольно яркая и своеобразная. Чуялась близость Азіи. Въ самомъ же Кидашѣ населеніе русское (преимущественно старообрядцы), около полуторы тысячи человѣкъ.

Въ селѣ двѣ церкви — православная и единовѣрческая — и старообрядческая молельня; двѣ школы — мужская и женская; почтовое отдѣленіе, пожарное депо, волостное правленіе, нѣсколько лавокъ и казенный кабакъ. Кружокъ мѣстной интеллигенціи составляли: лѣсничій и два его помощника, земскій врачъ, фельдшерица, акушерка, становой приставъ, два учителя и учительница, начальникъ почтового отдѣленія, судебный приставъ, два священника, изъ нихъ Н. М. Красновъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей во время голода; прежде здѣсь жили еще мировые судьи, временно проживалъ судебный слѣдователь и завѣдывавшій казенными работами въ голодные годы; наконецъ отчасти къ этому кружку примыкали и служащіе на суконной фабрикѣ Алафузовыхъ, отстоящей въ пяти верстахъ отъ Кидаша.

Село Верхнетроицкое и вся мѣстность вокругъ него, почти вплоть до города Белебея, составляли нѣкогда часть обширныхъ владѣній Бенардаки. Здѣсь, въ Кидашѣ, былъ заводъ съ многочисленной администраціей, съ управляющимъ во главѣ. Въ средѣ старожиловъ и до сего дня еще сохранились воспоминанія о тѣхъ почти баснословныхъ, «героическихъ временахъ», когда здѣсь безумствовали «заводскіе господа», задавая пріѣзжавшимъ гостямъ лукулловскіе пиры и для потѣхи швыряя въ прудъ бутылки шампанскаго... Все минуло. Отъ дома, походившаго на дворець, съ цѣлой анфиладой комнатъ, роскошно обставленныхъ, гдѣ жилъ — не жилъ, а царствовалъ — управляющій, въ настоящее время лишь уцѣлѣли подвалы, громадныя ямы, выложенныя кирпичомъ... «Такъ проходитъ слава міра». Отъ сада осталось въ живыхъ лишь нѣсколько жалкихъ акацій да двѣ-три сосны.

Отъ завода осталось побольше воспоминаній. Это шлакъ, массы плака. Повсюду, куда ни идешь, — шлакъ, сѣрый, рѣжуцій обувъ. Всѣ улицы села вымощены шлакомъ, шлакъ залегаетъ на днѣ пруда, на днѣ рѣчки, и рѣчные берега изъ шлака, шлакъ на днѣ овраговъ и по скатамъ ихъ, за

селеньемъ груди, цѣлые холмы плака, уже давно поросшіе травой и деревьями.

Здѣсь я долженъ упомянуть, что въ ту пору лѣсничимъ въ Кидашѣ былъ П. Т. Гаринъ, человекъ, отличавшійся необычайной простотой нравовъ.

Близко принималъ онъ къ сердцу интересы рабочаго народа, вникалъ во всѣ его нужды и по возможности облегчалъ его тяжелое существованье. По воскресеньямъ въ Кидашѣ собирался на базаръ народъ изъ всѣхъ окрестныхъ деревень, и лѣсничій — для того, чтобы не открывать крестьянъ въ будни отъ работы, не заставляя ихъ прѣзжать (иногда издалека) нарочно въ другой разъ на недѣлѣ — принималъ по воскресеньямъ, съ утра до поздняго вечера, всѣхъ, имѣвшихъ до него дѣло. Воскресенье было специально пріемнымъ днемъ, но, кромѣ того, и въ будни каждый, кому случалась нужда, шелъ въ канцелярію. А лѣсничій, значить, и въ воскресенье не давалъ себѣ отдыха...

Нерѣдко — преимущественно переселенцы — звонили или стучались къ лѣсничему въ двѣнадцатомъ часу ночи, когда въ Кидашѣ добрые люди уже спятъ или спать собираются, и лѣсничій, не стѣсняясь временемъ, толковалъ съ пришельцами далеко за полночь, не какъ лицо, старающееся только о томъ, какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ мужика, но какъ человекъ, сочувствующій своимъ обездоленнымъ ближнимъ, знающій дѣло и желающій какъ можно лучше объяснить имъ все, касающееся ихъ интересовъ.

Являлись къ нему выходцы изъ Рязанской, Курской, Казанской, Симбирской, Самарской губ., изъ Малороссіи, являлись и ходоки посматрѣть на «новыя мѣста», являлись и толпы переселенцевъ уже со свидѣтельствами на получение участковъ казенной земли. Какъ таборы кочующихъ цыганъ, эти толпы останавливались за селомъ, всего чаще на Марковой горѣ, останавливались со своими телѣгами, со своими семьями — съ женами, съ малыми дѣтьми и со всякимъ скарбомъ. Разводились костры и ихъ огни въ синеватомъ сумракѣ лѣтней ночи красноватымъ свѣтомъ озаряли толпив-

шихся вокругъ нихъ людей съ жалкими, истомленными лицами, съ загорѣлыми темнобронзовыми руками, кучи грязныхъ лохмотьевъ, оглобли телѣгъ, поднятыя кверху, и лошадиныя морды... И всѣ эти переселенцы то поодиначкѣ, то гурьбой «валили» къ лѣсническому во всякое время дня и ночи, и лѣсничій не уставалъ объяснять имъ все, что нужно.

Всякій шелъ къ лѣсническому за совѣтомъ, за указаніемъ, за помощью, шелъ со своимъ горемъ, шли къ нему и судиться, приходили и больные посовѣтоваться съ нимъ о своихъ недугахъ. Никому не было отказа и такихъ выражений, какъ «не принимаетъ», «занять», «отдыхаетъ», просители въ домѣ лѣсничаго никогда не слышали. Всѣхъ и всегда «принимали», при разговорѣ на часы не поглядывали и на одежду посѣтителя вниманія не обращали, — даже, напротивъ, можно было замѣтить, что чѣмъ посѣтитель несчастнѣе, убоже, тѣмъ мягче, добродушнѣе встрѣчали его. Да и самъ-то лѣсничій ходилъ въ какой-то старенькой засаленной тужуркѣ, побѣлѣвшей по швамъ, и безъ всякихъ видимыхъ знаковъ отличія, иногда даже просто въ русской рубахѣ.

Лѣсничій зналъ въ лицо всѣхъ мѣстныхъ кулаковъ-міроѣдовъ; при сдачѣ съ торговъ лѣсныхъ полянъ онъ ловко отводилъ въ сторону этихъ дѣльцовъ; и сѣнокосы доставались крестьянскимъ обществамъ. Кулаки при этомъ лѣсничемъ не могли пользоваться казенною землею для своихъ гешефтовъ, а у крестьянъ въ карманѣ оставалась лишняя копейка про черный день, такъ какъ за луга имъ, разумѣется, приходилось платить казнѣ значительно дешевле, чѣмъ пришлось бы платить кулакамъ, если бы тѣ захватили лѣсныя поляны въ свой заgreбистыя лапы и являлись бы такимъ образомъ незванными посредниками между управленіемъ государственными имуществами и мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ.

На земскихъ собраніяхъ лѣсничій всегда горячо ратовалъ за школы, за народное образованіе. Но кромѣ добрыхъ

совѣтовъ, онъ изъ своего скромнаго заработка не мало втихомолку раздавалъ и деньжонокъ нуждающимся переселенцамъ и мѣстной бѣднотѣ. Послѣдствіемъ десятилѣтняго пребыванія этого лѣсничаго въ Кидашѣ вышло то, что экономическое положеніе кидашенской округи значительно поправилось, отношенія интеллигенціи къ народу улучшились, сдѣлались болѣе нормальными...

Немудрено, что этотъ человѣкъ пользовался всеобщою искреннею любовью. Это былъ одинъ изъ тѣхъ честныхъ, безкорыстныхъ тружениковъ-идеалистовъ, какіе не часто встрѣчаются въ жизни... Немудрено, что когда прошелъ слухъ о томъ, что лѣсничаго переводятъ куда-то въ другое мѣсто (на болѣе значительную должность), — въ средѣ инородцевъ, людей наиболѣе наивныхъ, возникла даже мысль подать прошеніе (ужъ неизвѣстно кому) о томъ, чтобы лѣсничаго, ихъ заступника и доброхота, никуда не переводили, но оставили бы навсегда въ Кидашѣ... И погоревали же кидашенцы о лѣсничемъ, да и теперь еще горюють, все не могутъ забыть своего «Петра Тимоѣевича»...

Въ концѣ 80 годовъ при содѣйствіи лѣсничаго въ Кидашѣ былъ устроенъ кумысъ, не кумысолѣчебное заведеніе, не курортъ, но просто питье кумыса — преимущественно для людей небогатыхъ, посылавшихся сюда проф. Манассейнымъ и Засѣцкимъ.

Одинъ добрый человѣкъ изъ мѣстныхъ обывателей снималъ на свое имя казенные луга для пастьбы кобылицъ; для приготовленія кумыса нанимался башкирь Ахметъ Мурзокаевъ. Изъ кумысниковъ, мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ, составлялась артель; каждый несъ часть расходовъ, приходившихся на его долю. Артель контролировала Ахмета, наблюдала за приготовленіемъ кумыса, за чистотой посуды и т. д. Артельный староста велъ расчеты съ хозяевами кобылицъ, съ Ахметомъ, со съемщикомъ луговъ. Разъ въ недѣлю ветеринарь осматривалъ лошадей.

Кумысъ былъ превосходный и обходился дешево. Въ кумысолѣчебныхъ заведеніяхъ бутылка (довольно плохонь-

каго) кумыса стоитъ 15—20 копеекъ. Въ Кидапѣ, гдѣ дѣло велось артелью, т.-е. гдѣ никто не наживался на несчастіѣ ближняго, гдѣ никто никого не эксплуатировалъ, но гдѣ каждый получалъ лишь свое, бутылка прекраснаго кумыса стоила 6 копеекъ (30 копеекъ четвертная бутылъ). Кумысъ обходился каждому въ мѣсяцъ отъ 9 до 10 рублей. Сюда входили уже всѣ расходы: по съемкѣ луговъ, плата за кобылицъ, ветеринару, Ахмету, на устройство для него хибарки и загородки для жеребятъ.

Въ Верхнетроицкомъ кумысниковъ бывало до 30 человѣкъ. Это, повторяю, былъ не курортъ: деревня оставалась деревней, кумысники жили въ крестьянскихъ избахъ. Сюда наѣзжали учителя, учительницы, писатели, офицеры, студенты, курсистки, — бывали и люди семейные, съ дѣтьми, и «кисейныя барышни», гулявшія подъ розовыми зонтиками по кидашенскимъ горамъ и лѣсамъ. Въ 1891 г. здѣсь лѣтомъ жилъ В. Г. Котельниковъ съ сестрою, М. Н. Альбовъ, молодой композиторъ С. В. Панченко, Л. Урванцевъ и много молодежи.

Кумысники вносили не мало оживленія въ монотонную жизнь этого глухого уголка. За годъ передъ тѣмъ, напримѣръ, они устроили бесплатный спектакль. Народу набралось видимо-невидимо. Были исполнены: отрывокъ изъ пушкинскаго «Бориса Годунова» (сцена въ кельѣ между Пименомъ и Григоріемъ), сцена изъ «Скупого рыцаря» (монологъ — въ подвалѣ) и «Женитьба» Гоголя. Въ 1891 г., о которомъ теперь идетъ рѣчь, 15 іюля, въ день пятидесятилѣтней годовщины смерти Лермонтова, былъ устроенъ въ школѣ литературно-музыкальный вечеръ въ память поэта, составленный почти исключительно изъ его произведеній.

Этотъ литературно-музыкальный вечеръ, разумѣется, былъ бесплатный: изъ публики давалъ для голодающихъ лишь тотъ, кто могъ и кто хотѣлъ. Желających послушать была такая масса, что за неимѣніемъ мѣстъ въ залѣ (т.-е. въ классной комнатѣ) толпы взрослыхъ и ребятъ стояли

снаружи подъ окнами, поднимались на цыпочки, взбирались на подоконники. Погода стояла жаркая, и окна и двери были открыты настежь. Публика слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда въ залѣ раздавались аплодисменты, «подоконная» публика, не разумѣвшая смысла рукоплесканий, относилась къ нимъ весьма неодобрительно и ворчала: «И чего шумять зря! Не дадутъ послушать»... Публика была очень довольна вечеромъ, да остались не менѣе довольны и исполнители-устроители этихъ литературныхъ поминокъ, ибо сборъ оказался больше, чѣмъ можно было ожидать.

Этотъ вечеръ 15 іюля устраивался открыто, мѣстная администрація была освѣдомлена о немъ, и изъ города былъ присланъ полицейскій чиновникъ для присутствованія на вечерѣ; при немъ собранныя деньги и были переданы кидашенскому священнику Н. Краснову. Все обстояло и обошлось благополучно, и поэтому я былъ очень удивленъ, когда впоследствии узналъ, что учителю пришлось вынести не мало неприятностей отъ начальства за то, что онъ въ помѣщеніи школы (пустовавшей по случаю вакацій) допустилъ устройство лермонтовскаго вечера... Но какъ бы то ни было, цѣль устроителей вечера была достигнута: мѣстное населеніе хотя немного ознакомилось съ Лермонтовымъ, и были собраны деньги. Эти десятки рублей были едва ли не первыми деньгами, собранными въ Россіи въ 1891 году для голодающихъ.

Въ ту пору наше общество и печать (въ особенности столичныя) увлекались встрѣчею французскихъ моряковъ, а мы, жившіе въ глуши, вдали отъ политиканства, уже видѣли воочію, что бѣдствие надвигается. Насколько мнѣ известно, я первый въ печати заговорилъ о голодѣ. 4 іюля въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» (№ 163) я писалъ: «Голодъ! Голодъ идетъ... Въ духотѣ и зноѣ лѣтняго затишья онъ, какъ лютый звѣрь, крадучись, неслышимо подбирается къ нашимъ бѣднымъ селеньямъ... Голодъ идетъ на насъ со своими ужасными спутниками — съ болѣзнями, съ усилен-

ной смертностью»... Меня услышали, и провинціальныя, а за ними и столичныя газеты ударили въ набать.

Въ Кидашѣ и по сосѣднимъ деревнямъ нищіе ходили толпами, стучали палкой подъ окнами и кричали: «Дай хлѣба!» Нищій у нищаго просилъ, ибо здѣшнія деревни уже съ весны оставались безъ хлѣба, и жители ихъ «ходили въ кусочки». Доведенные до отчаянія крѣстьяне деревни Константиновки среди бѣла дня разграбили запасный хлѣбный магазинъ... Какъ всегда въ годину народныхъ бѣдствій, невѣдомо откуда и какъ возникали и разносились съ быстротою бури всякіе диковинные слухи.

Такъ, напримѣръ, говорили, что гдѣ-то въ Саратовской губерніи къ одному богатому крѣстьянину пришелъ его родной братъ-бѣднякъ и попросилъ у него хлѣба. Богачъ не далъ, и послѣ того у него въ амбарѣ весь хлѣбъ превратился въ камень. Этотъ слухъ переходилъ изъ устъ въ уста, изъ деревни въ деревню, повсюду принимался на вѣру, и голытьба съ удовольствіемъ повторяла это сказаніе, какъ бы находя въ немъ для себя нѣкоторое утѣшеніе. Въ деревняхъ, сосѣднихъ съ Кидашомъ, не одинъ богатый отказалъ бѣдняку въ краюшкѣ хлѣба, но хлѣбъ въ ихъ амбарахъ оттого не превратился въ камень: напротивъ, богатые крѣстьяне еще болѣе разжились въ тѣ дни...

Тяжелое, знойное было лѣто. Жары доходили до 40° по Реомюру. Солнце жгло и палило немилосердно. Трава на лугахъ посохла и погорѣла, — сохранилась лишь кое-гдѣ на лѣсныхъ полянахъ. Дождей не было долго, почти до конца августа. Рѣчки обмелѣли, ручьи высохли. Въ народѣ ходилъ слухъ, что скоро будетъ солнечное затменіе, а послѣ него уже окончательно вся вода высохнетъ — въ рѣчкахъ, озерахъ, ручьяхъ и колодцахъ, и въ теченіе семи дней люди останутся безъ воды. Запасти воду не оказывалось никакой возможности, такъ какъ вода разомъ высохнетъ также и въ бочкахъ, въ ведрахъ и во всѣхъ другихъ сосудахъ... Начались пожары, — истинный бичъ нашей деревенской Россіи. Выгорѣли деревни Кармалы-Валитово и То-

макъ-Темирово. Гдѣ-то горѣли лѣса; даже горѣла, какъ говорили, «земля» (торфъ). Воздухъ былъ пропитанъ ѣдкимъ запахомъ гари. Гарью пахло въ домахъ, отъ платья, отъ кушаній...

Небо оставалось ясно, безоблачно, но солнце тускло, едва свѣтило какимъ-то зловѣщимъ оранжевымъ свѣтомъ и изъ-за дымной мглы казалось краснымъ шаромъ безъ лучей. По ночамъ такой же красный мѣсяцъ печально смотрѣлъ на землю. Вѣтерокъ не подувалъ. Лѣса стояли тихо, не шелухнувшись, затканые синеватымъ дымомъ. Посреди дыма и зноя стояли они, словно прислушиваясь, выжидаячи: «Что-то будетъ!»

III.

Въ голодавшихъ мѣстностяхъ.

При раздачѣ пособій голодающимъ я съ однимъ знакомымъ посѣтилъ нѣсколько деревень. Съ двумя изъ нихъ, съ Константиновкой и Леонидовкой, я познакомился подробнѣе, и онѣ яснѣе запомнились мнѣ. Положеніе ихъ въ ту пору было поистинѣ ужасно.

Въ Константиновкѣ тогда было 152 двора, изъ нихъ 10 богатыхъ, 20 мало-мальски зажиточныхъ, остальные 122 двора — бѣдность. У многихъ печи не топились, ибо варить и жарить было нечего, а за хлѣбомъ ходили по міру. (Мука ржаная здѣсь стоила въ ту пору 1 р. 30 к. пудъ.) Иные пекли хлѣбъ изъ новой недозрѣвшей ржи — черный дрязглый, съ пескомъ. Я попробовалъ этотъ хлѣбъ, и мнѣ, какъ густымъ клейстеромъ, облѣпило зубы и десны. А люди ѣли такой хлѣбъ, да еще жалѣли, что его было мало. Въ тѣ дни самый невѣрующій Оома могъ бы убѣдиться, до чего терпѣливъ, выносливъ и живучъ русскій человѣкъ.

Я заходилъ въ избу къ одной женщинѣ, Пелагеѣ, мужъ которой жилъ въ работникахъ у богатея за 1 р. 70 к. въ мѣсяцъ. Пелагеина изба представляла собой развалины. Половина крыши была снесена вѣтромъ; въ двухъ окнахъ не нашлось бы и двухъ цѣлыхъ стеколъ, а третье окно было кое-какъ заколочено досками. Полъ — земляной, весь изрытый; полати разобраны, должно-быть, на какія-нибудь подѣлки. Печь повалилась на бокъ и стояла холодная; заслонка исчезла, черезъ зіяющее устье были видны въ печи только груды сѣрой золы. Никакой домашней утвари... Пелагеина семья уже давно не ѣдала никакой похлебки. Ёли только хлѣбъ съ водой...

Въ сѣвцахъ въ углу на кучѣ стараго тряпья, самъ похожій на кучу старой ветоши, сидѣлъ дѣдъ, высокій 90-лѣтній старикъ. Онъ ничего не говоритъ, смотритъ истуканомъ; мутные тусклые глаза его глядятъ, словно издалека, изъ другого міра. Когда старику подали рубль, онъ, не моргнувъ глазомъ, не перемѣняя позы, судорожно-крѣпко схватилъ ассигнацію костлявою рукой, крѣпко зажалъ ее въ кулакъ и снова застылъ въ своей нѣмотной полудремотѣ.

— Поработалъ, дѣдушка, на своемъ вѣку! — сказалъ я.

— Поработалъ, батюшка! Потрудился... — отозвалась Пелагея. — Добрый былъ хозяинъ...

Что долженъ былъ чувствовать этотъ «добрый хозяинъ» теперь, когда у нихъ не стало ни телушки ни полушки, изба стоитъ безъ крыши, а сынъ, самъ хозяинъ, живетъ въ чужихъ людяхъ за 1 р. 70 к. въ мѣсяцъ.

Въ другой избѣ я нашелъ такую же отчаянную бѣдноту: здѣсь жила вдова съ тремя дѣтьми. Съ Пасхи они не ѣдали горячей похлебки. Одинъ добрый человекъ далъ ей до осени коровенку, и вдова съ дѣтьми пользовалась ея молокомъ.

Я разговорился съ однимъ обнищавшимъ крестьяниномъ и, наконецъ, спросилъ его:

— Что жъ вы станете теперь дѣлать, когда у васъ нѣтъ ни хлѣба ни денегъ?

— Что станемъ дѣлать?! — повторилъ онъ. — Помирать будемъ... Только, чай, вдругъ-то тоже не помрешь... Человѣкъ-то, говорятъ, съ голоду 12 дѣнь мается...

Какъ быстро въ Константиновкѣ шло обѣднѣніе, можно видѣть изъ того, что у семьи, владѣвшей въ 1888 году нѣсколькими лошадьми, 6 коровами и стадомъ овецъ, въ 1891 году осталась лишь одна корова на семью въ 12 человекъ: все остальное распродано.

Въ то прекрасное іюльское утро, когда я посѣтилъ Константиновку, деревня представляла кладбищенски-унылый видъ. Многія избы были заколочены; хозяева ихъ или померли, или ушли «въ кусочки». Собаки, такія же худыя, голодныя и злыя, какъ ихъ хозяева, бродили по улицѣ, поджавъ хвостъ, и съ неистовствомъ бросались на прохожихъ. На ребятъ нельзя было смотрѣть безъ содроганія: на нихъ вмѣсто одежды болтались грязныя лохмотья, а изъ-подъ лохмотьевъ было видно худощавое истощенное тѣло...

Деревня Леонидовка произвела на меня еще болѣе тягостное впечатлѣніе. Это одна изъ самыхъ бѣдныхъ, жалкихъ деревушекъ, затерявшихся среди лѣсовъ, — одна изъ тѣхъ несчастныхъ деревушекъ, которыя живутъ, словно забыты Богомъ и людьми (не забываемыя лишь сборщиками податей).

Леонидовцы — бывшіе крѣпостные. Переселили ихъ сюда въ 1840 году изъ Тульской губерніи и приткнули кое-какъ на берегу ручья, похожаго на грязную вонючую лужу: водой здѣсь пользуются изъ родника. При переселеніи сюда выбирали людей слабосильныхъ, одержимыхъ хроническими недугами, увѣчныхъ. Вслѣдствіе такого подбора потомство должно было народиться жалкое, слабосильное. Притомъ Леонидовка была поставлена въ такія бѣдственные экономическія условія, которыя, казалось, были нарочито созданы для того, чтобы лишить леонидовцевъ всякой возможности легальной борьбы за существованіе. Судьба, словно не желая разомъ уничтожить леонидовцевъ, рѣшилась донять ихъ

изморомъ и помаленьку-полегоньку стереть ихъ съ лица земли.

Въ 1861 году, при уничтоженіи вѣрнопостного права, леонидовцы получили даровой надѣль. Въ 1891 году ревизскихъ душъ въ Леонидовкѣ считалось 125, а въ дѣйствительности ихъ было вдвое болѣе — 264, и на нихъ приходилось земли 175 десятинъ, т.-е. около $\frac{1}{2}$ десятины на душу... По поговоркѣ «гдѣ тонко, тамъ и рвется», съ леонидовцами при ихъ малоземельѣ приключилась еще весьма прискорбная исторія: казна въ теченіе 20 лѣтъ «по ошибкѣ» владѣла 30 десятинами земли, принадлежащей леонидовцамъ, которые въ теченіе 20 лѣтъ арендовали у казны свою же собственную землю, уплачивая за нее послѣдніе гроши. Въ концѣ 80 годовъ казна возвратила леонидовцамъ принадлежавшую имъ землю, но деньги, полученныя съ нихъ «по ошибкѣ», казна не нашла возможнымъ возвратить.

По усадебнымъ постройкамъ леонидовца уже можно судить о степени его экономическаго благосостоянія. Напримѣръ, у Адріана Тимоѣева не было ни избы ни амбарушки, а жилъ онъ въ землянкѣ, при которой находится плетневый сарай. Василій Григорьевъ хотя жилъ въ избѣ, но зато у него не было ни амбара ни плетневаго сарая, впрочемъ, послѣдній оказывался совершенно излишнею роскошью, ибо у Василя Григорьева никакой скотины нѣтъ. Миронъ Егоровъ со своей семьей, состоявшей изъ 6 человѣкъ, жилъ въ избѣ, но также обходился безъ амбарушки и безъ сарая за неимѣніемъ скота. У Никифора Иванова также только одна изба.

Скота у леонидовцевъ мало. Алексѣй Андреевъ, напримѣръ, со своими 6 домочадцами довольствуется одной козой. У семьи Ивана Ѳедорова, состоящей изъ 7 человѣкъ, скота — только одна свинья... Всего же въ Леонидовкѣ, по тогдашней моей записи, на 264 души приходилось: 56 лошадей, 36 коровъ, 140 овецъ, 28 свиней и 1 коза.

Если въ Константиновкѣ съ грѣхомъ пополамъ можно было насчитать дворовъ 20 — 30 зажиточныхъ, то Леонидовка

не въ состояніи доставить и этого жалкаго утѣшенія. Здѣсь повальная бѣднота, полное нищенство; почти всѣ леонидовцы ходятъ по-міру. Они бродятъ по Уфимской губерніи, пробираются и въ Самарскую, въ Оренбургскую и Вятскую.

— Въ послѣдніе годы плохо стали подавать, — жаловался мнѣ одинъ старикъ. — Вонъ, въ Бирскомъ уѣздѣ, бывало, хорошо собирали, а нынче нѣтъ!.. Вездѣ крестьянство опустилось... Обѣднѣлъ народъ!

Этотъ старикъ былъ въ большемъ горѣ: умирала его единственная внучка. Дѣвочкѣ казалось на видъ лѣтъ 12—13. Больная лежала въ полутемныхъ сѣнцахъ, на полу, на какой-то подстилкѣ, прикрытая тряпьемъ. Больная тяжело страдала, а помощи или хотя бы облегченія ея страданій — ниоткуда. Земскій врачъ и фельдшеръ живутъ въ 25 верстахъ отъ Леонидовки; везти къ нимъ больную по мало-проѣзжимъ лѣснымъ дорогамъ не представлялось никакой возможности... Больная уже рта не раскрывала и только съ нѣмой мольбой, скорбно смотрѣла на окружающихъ. Этотъ безпомощно умиравшій ребенокъ былъ единственною радостью старика, его послѣднимъ утѣшеніемъ въ жизни.

— Жаль мнѣ ее, больно жаль... — говорилъ старикъ. — Дѣвка-то какая толковая... Привыкъ я къ ней... Придешь иной разъ, поговоришь съ ней, — и веселѣе станеть...

«Мало словъ, а горя — рѣченька»... Старикъ просилъ насъ прислать къ нимъ фельдшера. Но дѣвочка фельдшера не дождалась, умерла, — старикъ осиротѣлъ...

У леонидовцевъ единственныя средства для существованія — нищенство и кража казеннаго лѣса. Мировой судья былъ положительно заваленъ топорами, какъ вещественными доказательствами, и дѣлами о порубщикахъ-леонидовцахъ. Почти всѣ леонидовцы судились за порубки... Когда — незадолго до нашего посѣщенія Леонидовки — пришлось выбрать старосту (для занятія этой должности нуженъ крестьянинъ, не бывавшій подъ судомъ), то въ Леонидовкѣ едва-едва нашли трехъ такихъ «праведниковъ».

Леонидовцы уже давно мечтають о переселеніи, такъ какъ очень хорошо сознають, что ихъ единственное спасеніе въ томъ, чтобы добыть достаточное количество земли. Пуститься же въ дальнія странствованія — въ поиски «земли обѣтованной» — они не могутъ по своей крайней бѣдности. Въ той же губерніи, даже въ томъ же уѣздѣ, гдѣ Леонидовка, нищенствуя и воруя, влачить свое жалкое существованіе, находятся свободныя казенныя земли, прекрасныя участки пустопорожней земли, специально предназначенной для водворенія поселенцевъ (въ началѣ 90 годовъ они не были еще заняты). Леонидовцы же въ силу закона, не позволяющаго крестьянамъ переселяться съ мѣста на мѣсто въ районѣ ихъ губерніи, могли итти въ Сибирь, въ Закаспійскій и Уссурійскій край, на Амуръ, только не имѣли права перейти на свободныя участки казенной земли, находящейся отъ нихъ въ 30 верстахъ...

Говоря о Кидашѣ, не могу безъ волненія вспомнить о томъ, съ какимъ искреннимъ доброжелательствомъ относились ко мнѣ тамошніе крестьяне.

Мнѣ приходилось слышать и даже читать рассказы о черствости и неблагодарности нашего народа. Это злая клевета...

Разскажу вкратцѣ, по какому случаю я заслужилъ расположеніе этихъ людей.

Лѣтомъ 1888 года одинъ изъ кидашенцевъ (старообрядецъ), Ермодай, переходя по бревну черезъ запруду, поскользнулся, упалъ въ прудъ и утонулъ. Говорятъ, онъ былъ навеселѣ, что весьма возможно, такъ какъ время выдалось праздничное. Трупъ его былъ найденъ и похороненъ на кладбищѣ безъ отпѣванія. Вскорѣ послѣ того пошли продолжительныя проливныя дожди: невозможно было ни жать ни убирать хлѣбъ съ полей, — угрожала голодѣвка. Крестьяне, согласно старинному повѣрью, рѣшили, что дожди

посланы за то, что опоецъ зарыть выше церковной главы. (Старообрядческое кладбище расположено въ лѣсу на горѣ, въ полуверстѣ отъ селенья и отъ православной церкви, лежащихъ значительно ниже, въ ложбинѣ.) Чтобы избавиться отъ дождей, слѣдовательно, надлежало зарыть «опойца» ниже церковной главы. Очень просто...

Девять человѣкъ среди бѣла дня отправились на кладбище, вырыли трупъ злополучнаго Ермолая, унесли его въ болото и тамъ закопали. Крестьяне переносили съ мѣста на мѣсто трупъ своего односельчанина безъ всякаго злого умысла, безъ всякаго желанія надругаться надъ прахомъ человѣка, къ которому при его жизни они не питали ни малѣйшей вражды. Совершенное дѣяніе утрачивало въ понятіи крестьянъ прѣступный кошунственный характеръ уже по одному тому, что трупъ «опойца» былъ похороненъ не по христіанскому обряду, «безъ отпѣванія».

Ясное дѣло, что если бы крестьяне знали, что трупъ Ермолая, гдѣ бы онъ ни былъ зарытъ, не могъ быть виновенъ въ томъ, что надъ ихъ полями проходятъ дождевыя облака; если бы они знали, почему надъ лѣсистыми мѣстностями облака спускаются ниже и чаще идетъ дождь, нежели надъ песчаною раскаленною степью, то они, конечно, не стали бы напрасно беспокоиться и совершать дѣяніе, считаемое прѣступленіемъ. Темные, невѣжественные люди вырывали трупъ и закапывали его «ниже церковной главы», несомнѣнно, изъ добрыхъ побужденій: они имѣли въ виду общественное благо и рѣшительно никому не желали причинять зла. Но мѣстная власть посмотрѣла иначе, началось слѣдствіе, и дѣло дошло до суда...

Людей судили за то, что они суевѣрны, т.-е. необразованы. Судъ присяжныхъ, конечно, оправдалъ бы ихъ, ибо присяжные нашли бы несправедливымъ карать людей за чужую вину: вѣдь не ихъ вина въ томъ, что ихъ еще не успѣли просвѣтить по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, вывести ихъ изъ мрака предрасудковъ и заблужденій на Божій свѣтъ.

Кидашенцы, преданные суду уфимской палаты уголовного и гражданского суда, 23 января 1889 года уголовнымъ отдѣленіемъ этого суда были приговорены на три года въ исправительныя арестантскія отдѣленія съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ. Этотъ приговоръ разорялъ девять крестьянскихъ семей, лишая ихъ на три года работниковъ, поильцевъ и кормильцевъ. Положеніе этихъ несчастныхъ семействъ было достойно жалости. Я видѣлъ, какъ они жили, что они ѣли.

Лѣтомъ 1889 года, будучи первый разъ въ Кидашѣ, я узналъ объ этомъ дѣлѣ и написалъ о немъ въ одной изъ южныхъ провинціальныхъ газетъ. Въ то же время матери и жены осужденныхъ пришли ко мнѣ съ своимъ горемъ, и было составлено прошеніе на имя покойнаго государя Александра III. Возвратившись осенью въ Петербургъ, я имѣлъ возможность похлопотать о томъ, чтобы прошеніе этихъ женщинъ поскорѣе дошло по назначенію. Осужденные кидашенцы, уже находившіеся въ ту пору въ арестантскихъ ротахъ въ Ярославлѣ, были освобождены по Высочайшему повелѣнію, и притомъ изъ Петербурга телеграммой было дано знать уфимскому губернатору, чтобы онъ немедленно же извѣстилъ родственниковъ осужденныхъ о томъ, что тѣ уже освобождены и возвращаются домой... Своимъ добрымъ расположеніемъ ко мнѣ кидашенцы сторицей вознаградили меня за мой ничтожный, малый трудъ.

Изъ Кидаша я писалъ Н. К. Михайловскому, жившему въ то время у одного изъ своихъ знакомыхъ въ Клинскомъ уѣздѣ, спрашивалъ, какіе шаги предпринимаетъ онъ для возвращенія въ Петербургъ, и просилъ его совѣта.

«Дорогой П. В., — писалъ онъ мнѣ изъ Клина отъ 15 іюля, — я еще 11 іюня написалъ письмо директору департамента полиціи, но по сей день не имѣю никакого отвѣта. Сверхъ того, я написалъ одной дамѣ, прося ее справиться о результатѣ, но вслѣдствіе разныхъ случайностей ничего тоже до сихъ поръ не добился. Судя по нѣкоторымъ

свѣдѣніямъ, очень, впрочемъ, неяснымъ и неполнымъ, я сдѣлалъ ошибочный шагъ, но можетъ быть это и не такъ. Какъ только что-нибудь выяснится, немедленно извѣщу васъ. А писалъ я Дурново приблизительно слѣдующее: высланъ-де я, вѣроятно, по недоразумѣнію, что могу доказать какимъ угодно количествомъ свидѣтелей; а между тѣмъ высылка отразилась на мнѣ тяжело въ виду дѣтей, которыхъ я долженъ былъ бросить на произволъ судьбы и вновь долженъ буду оставить однихъ съ началомъ гимназическаго курса; «не смѣю называть несправедливостью то, что есть, вѣроятно, лишь тяжкое для меня недоразумѣніе, но смѣю думать, что снятіе съ меня запрещенія будетъ дѣломъ справедливости, просьбой о которой и рѣшаюсь беспокоить ваше превосходительство». Выписываю эту фразу подлинными словами, потому что въ ней, полагаю, заключается «прошеніе».

«Я сдѣлалъ на-дняхъ еще одну попытку добиться толку, то-есть узнать о результатѣ письма къ Дурново. И, повторяю, извѣщу васъ. Очень жалѣю, что теперь могу сообщить такъ мало, даже, собственно говоря, ровно ничего не сообщить такого, что могло бы послужить для васъ руководствомъ. Ваше дѣло не такое спѣшное, какъ мое (потому что у меня-то дѣло не во мнѣ, а въ дѣтяхъ), а потому совѣтовалъ бы подождать — посмотрѣть, чѣмъ кончится мой анкетъ».

Крѣпко жму вашу руку. Привѣтъ А. Н.

Вашъ Ник. Михайловскій».

Давыдовой дѣтскій журналъ разрѣшили ¹⁾).

И я рѣшился ждать, но ждать мнѣ пришлось очень недолго. Дня черезъ три послѣ того я опять получилъ письмо отъ Михайловскаго.

«Дорогой П. В., — писалъ онъ, — вмѣсто какого бы то ни было отвѣта изъ Петербурга, я сейчасъ получилъ при-

¹⁾ Рѣчь шла о журналѣ «Міръ Божій».

казаніе убираться изъ Московской губ. Ёду назадъ въ Любань. Увѣдомляю васъ объ этомъ только для сообщенія своего новаго адреса. Крѣпко жму вашу руку. Поклонъ А. Н.

Ник. Михайловскій».

Письмо безъ даты, — написано, повидимому, второпяхъ.

Въ Кидашѣ я получилъ отъ Ник. Конст. еще одно письмо изъ Любани отъ 1 августа.

«Дорогой П. В., мои опасенія оказались справедливы: къ директору департамента обращаться не слѣдовало, и вамъ не слѣдуетъ повторять мою ошибку. Я долженъ былъ написать министру и теперь не знаю, что изъ этого восполнѣдуетъ. Вамъ, *мнѣ кажется*, надо обратиться къ градоначальнику. Подчеркиваю *мнѣ кажется*, потому что не увѣренъ въ основательности своихъ сообщеній. Дѣло въ томъ, что градоначальникъ прямо отказалъ мнѣ въ какихъ бы то ни было объясненіяхъ, а потому мнѣ обращаться къ нему было бы и назойливо и унизительно. Вы — другое дѣло. Съ вами онъ говорилъ, и потому естественный путь вашъ — къ нему. Но, конечно, можно и къ министру ¹⁾. Разсудите ужъ сами, совѣтовать боюсь. — Жму вашу руку и прошу передать мой привѣтъ А. Н.»

На оборотѣ:

«Случайно письмо завалилось, и я теперь, получивъ ваше, распечатываю свое, чтобы приписать.

«Кривенко говорить, что въ С. В. ваша вещь отложена до начала будущаго года, потому что въ редакціи имѣется нѣсколько большихъ повѣстей, уже оплаченныхъ, но что вы можете требовать гонорара авансомъ ²⁾. Гольцевъ въ Москвѣ, и если вы не получаете отвѣта, то это обыкновенная московская манера. Я съ «Русской Мыслью» разошелся. Очень

¹⁾ Сколько помнится, я писалъ министру внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ Конечно, аванса я не получалъ.

и очень это некстати по моимъ теперешнимъ дѣламъ, но они въ такой степени безцеремонны со статьями, что совершенно непереносно.

Вашъ Ник. Михайловскій ».

Вскорѣ послѣ того Н. К. разрѣшено было возвратиться въ Петербургъ. А мнѣ еще болѣе года послѣ того пришлось скитаться по Руси...

IV.

Странствованіа.

Въ концѣ августа мы уѣхали изъ Верхнетроицкаго и изъ Самары опять на пароходѣ отправились въ Казань. Здѣсь, въ редакціи «Волжскаго Вѣстника», мнѣ дали нѣсколько образчиковъ того хлѣба, какимъ питалось населеніе голодающихъ мѣстностей, и рассказали объ ужасномъ положеніи въ ту пору Поволжья. Да я и самъ уже достаточно насмотрѣлся на всѣ ужасы голода.

Изъ Казани черезъ Нижній мы проѣхали въ Москву, гдѣ я расстался съ женой. Она направилась въ Петербургъ, а я — въ Вологду.

Сентябрь я прожилъ на Горкѣ, въ усадьбѣ моей тетки, Е. П. Даниловой. Здѣсь я задумалъ сдѣлать сборъ для голодающихъ и по этому поводу переговорилъ со священникомъ: рѣшили, что всего удобнѣе обратиться къ народу въ церкви. Такъ и сдѣлали.

8 сентября передъ концомъ обѣдни сторожъ, по указанію священника, поставилъ среди церкви, неподалеку отъ амвона, столъ, и на столѣ были выложены куски того хлѣба, который я привезъ изъ Казани, — куски, похожіе на засохшій навозъ. Священникъ сказалъ народу, что въ Поволжьѣ и въ нѣкоторыхъ среднихъ губерніяхъ былъ неурожай и

вслѣдствіе того наступилъ голодъ, что «вотъ человѣкъ пріѣхалъ изъ тѣхъ краевъ, самъ все видѣлъ и расскажетъ вамъ»... Послѣ того я обратился къ народу и просто и ясно повѣдалъ ему вкратцѣ о страшномъ бѣдствіи, какое въ то время переживало крестьянское населеніе въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ голода. Я перечислилъ эти мѣстности и упомянулъ о томъ, что вездѣ идутъ сборы для голодающихъ. Я указалъ на куски хлѣба, лежавшіе на столѣ, и предлагалъ желающимъ попробовать этотъ хлѣбъ.

— Вотъ такой-то хлѣбъ ѣдятъ люди! — говорилъ я. — Пожалѣйте же ихъ, братцы, помогите и вы имъ, чѣмъ можете, сколько можете, — деньгами, хлѣбомъ.

Когда я кончилъ, смутный гулъ пошелъ по церкви, и я слышалъ, какъ ближе стоявшіе къ амвону старики и молодежь говорили:

— Поможемъ, батюшка, поможемъ! — Помочь надо! — Какъ же не помочь! Со всякимъ можетъ случиться, не приведи Богъ...

Народъ тѣснился къ столу; мужики, бабы пробовали хлѣбъ, жевали и выплевывали.

— Господи, помилуй! — говорили бабы. — И что жъ это за хлѣбъ!.. — Нешто это хлѣбъ!.. Песокъ!

Послѣ обѣдни, по выходѣ изъ церкви, ко мнѣ приступили съ вопросами, за разъясненіями, и я долженъ былъ поговорить о дѣлѣ подробнѣе.

Деньгами давали мало, но хлѣба было собрано много, и всѣ пожертвованія были отправлены въ Нижній-Новгородъ по назначенію. Эта, конечно, сравнительно малая лепта въ сущности была весьма значительна, если принять въ расчетъ, что вологодскій крестьянинъ, принесшій эту лепту, и самъ нерѣдко уже въ половинѣ зимы нуждается въ хлѣбѣ.

Пора мнѣ было подумать о томъ, гдѣ пріютиться на зиму. Остаться въ деревнѣ было невысказано: горкинскій домъ былъ старый, ветхій, холодный; въ немъ съ полу сильно дуло, углы промерзали по зимамъ. Остаться въ

Вологдѣ мнѣ не хотѣлось. Я уже зналъ, какъ затруднительны сношенія съ редакціями по почтѣ. Пошлешь рукопись или письмо, и отвѣта не дождешься. Самымъ удобнымъ для меня представлялось жить зиму въ Москвѣ. Тамъ книжные магазины и библіотеки, въ которыхъ я нуждался для своей работы, были бы у меня подъ рукой; тамъ я могъ бы найти занятіе въ журналѣ или въ газетѣ и заручиться заработкомъ; тамъ, наконецъ, и удобства жизни, быстрота почтовыхъ сообщеній съ Петербургомъ.

30 сентября я уѣхалъ изъ деревни, а 4 октября былъ уже въ Москвѣ. Я остановился на Неглинной, въ номерахъ Ечкиной, гдѣ тотчасъ же мой паспортъ, какъ водится, взяли въ прописку. Недѣлю я прожилъ въ номерахъ, а затѣмъ нанялъ у Могито дешевенькую комнату и переѣхалъ въ нее, распаковалъ свой чемоданъ, купилъ чернилъ, бумаги и принялся за работу.

Сначала я своею комнаткой остался доволенъ; одна часть ея была отгорожена подъ спальню, а другая — крохотное пространство — служила передней. Обстановка, конечно, скромная, но былъ и диванъ и комодъ. Изъ единственнаго окна, выходившаго на Самотекскую площадь, были видны Садовая и конецъ Цвѣтного бульвара... Но вскорѣ оказалось, что комната была холодная: зимнія рамы были плохо вставлены, отъ оконъ — особенно изъ форточки — дуло... Сначала этихъ неудобствъ я не замѣтилъ, окунувшись съ головой въ работу, и спохватился уже поздно. Я простудился. Мнѣ шибко нездоровилось: лихорадило, болѣла голова, а пуще всего мѣшала мнѣ работать зубная боль.

Утромъ на четвертый день по переѣздѣ къ Могито, когда я съ подвязанной щекой, въ шапкѣ и закутавшись въ пледъ, сидѣлъ за работой, въ дверь моей комнаты постучали, и на обычное приглашеніе «войдите!» появился какой-то полицейскій чиновникъ и объявилъ, что меня сегодня вызываютъ къ часу пополудни въ охранный отдѣленіе. Я сказалъ, что я боленъ, и спросилъ, не могу ли я сложить этотъ визитъ, хотя до завтра.

— Ужъ, право, не знаю... по болѣзни, конечно... — про-
бормоталъ поспѣватель и съ многозначительнымъ видомъ до-
бавилъ: — а я бы все-таки совѣтовалъ вамъ сегодня же
поѣхать туда...

Нечего дѣлать, укутался, какъ могъ, и поѣхалъ.

Погода была отвратительная. Холодный, рѣзкій вѣтеръ,
казалось, пронизывалъ насквозь; мокрый снѣгъ хлопьями
хлесталъ мнѣ въ лицо, слѣпилъ глаза. Лихорадка была
меня такъ, что я зуба съ зубомъ свести не могъ.

Въ приемной охраннаго отдѣленія меня встрѣтилъ какой-то
бравый жандармскій офицеръ и сразу же огорошилъ меня.

— Вы пріѣхали безъ разрѣшенія и живете въ Москвѣ! —
сурово обратился онъ ко мнѣ. — Мы могли бы сейчасъ же
привлечь васъ къ суду...

— Я не зналъ, — говорю, — что безъ особаго разрѣшенія
нельзя жить въ Москвѣ.

— Какъ «не знали»! — воскликнулъ офицеръ, еще су-
ровѣе посмотрѣвъ на меня. — Вѣдь вамъ запрещено житель-
ство здѣсь.

— Нѣтъ, — говорю, — вы ошибаетесь: мнѣ никто не за-
прещалъ жить въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ, — говорю, —
такое запрещеніе мнѣ ничего не извѣстно... Весною я жилъ
здѣсь недѣлю, а теперь живу уже почти двѣ недѣли...
Паспортъ мой давно прописанъ, и мнѣ никто ничего не
говорилъ...

— Развѣ съ васъ подписка не взята? — понизивъ тонъ,
спросилъ меня офицеръ.

— Нѣтъ, — говорю, — подписки съ меня не брали.

Офицеръ какъ будто немного смутился и отвелъ глаза
въ сторону. Было очевидно, что съ послѣдняго-то вопроса
ему и слѣдовало начать, а не пугать меня преждевременно
судомъ.

— Но вамъ воспрещено жительство въ Петербургѣ, —
сказалъ онъ.

— Въ Петербургѣ?.. Да! — отвѣтилъ я.

— У насъ существуетъ такое положеніе, что то лицо, которому воспрещено жительство въ Петербургѣ, не можетъ оставаться и въ Москвѣ, — пояснилъ офицеръ.

— О такомъ положеніи мнѣ было неизвѣстно... — замѣтилъ я. — Я не могу отговариваться незнаніемъ закона, но частныхъ распоряженій, циркуляровъ я могу не знать...

— Да... Но я теперь заявляю вамъ, что вы не можете оставаться въ Москвѣ, вы должны немедленно уѣхать! — сказалъ офицеръ.

— Не могу ли, — говорю, — пребыть здѣсь еще нѣсколько дней?

— Обратитесь къ мѣстной полиціи... Если приставъ возьметъ на себя отвѣтственность, то онъ можетъ разрѣшить вамъ пребываніе здѣсь на извѣстное время...

И опять подъ снѣгомъ я отправился странствовать по Москвѣ — отыскивать тотъ полицейскій участокъ, въ районѣ котораго находились «меблированныя комнаты Могито». Я объяснилъ приставу свое положеніе, рассказавъ вкратцѣ о томъ, что мнѣ было сказано въ охранномъ отдѣленіи, и просилъ разрѣшенія остаться мнѣ въ Москвѣ дня на три. Приставъ съ недоумѣніемъ выслушалъ мой рассказъ и, повидимому, съ участіемъ посмотрѣлъ на меня... Съ подвязанной щекой, трясшейся въ лихорадкѣ, иззябшій и едва не стонущій отъ жестокой зубной боли, я тогда, вѣроятно, представлялъ собой довольно жалкую фигуру. Приставъ прошелъ въ сосѣдную комнату, поговорилъ со своимъ помощникомъ, долго рылся въ какихъ-то книгахъ и, наконецъ, вышелъ опять ко мнѣ въ пріемную.

— Ничего не понимаю... — сказалъ онъ, пожавъ плечами. — Насчетъ васъ у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній... Рѣшительно, никакихъ! Не знаю, что они тамъ... Оставайтесь, живите, сколько хотите...

Я былъ не мало удивленъ: можно сказать — изъ одного мѣста шли разныя вѣсти. Жандармскій офицеръ говоритъ: «уѣзжайте немедленно!» Полицейскій приставъ говоритъ:

«оставайтесь, живите!» Въ какомъ-то смутномъ, неопредѣленномъ состояніи возвратился я въ свою каморку.

Въ сумерки пришла навѣстить меня одна моя добрая знакомая, уже знавшая о моей болѣзни, и принесла мнѣ какіе-то порошки отъ головной боли. Я рассказалъ ей о своихъ походахъ. Она также была удивлена. Очевидно, по поводу моей особы происходили какія-то недоразумѣнія на извѣстный мотивъ: тащи и не пушай... Меня мучила неизвѣстность: суждено ли мнѣ остаться въ Москвѣ или нѣтъ? Впрочемъ, эта неизвѣстность скоро разрѣшилась, и дѣло мое выяснилось окончательно...

Знакомая моя посовѣтовала мнѣ выпить чаю, принять хинина и ея порошки и лечь спать и собралась уже уходить, какъ въ дверь сильно постучали и на порогѣ появился околоточный. «Приставъ требуетъ!..»

— Вы же видите, что человекъ совсѣмъ боленъ, едва на ногахъ стоитъ! — вступилась было за меня моя знакомая.

— Да развѣ же это отъ меня?.. Приказано, и идешь! — сказалъ околоточный.

Опять я укутался, какъ могъ, и поѣхалъ въ участокъ. Тамъ я встрѣтилъ и моего почтеннаго хозяина съ дочерью. Оказалось, что его дочка, завѣдывавшая паспортами квартирантовъ, паспортъ мой записала только въ своей домовой книгѣ, а въ полицію еще не представляла. По этому-то поводу теперь и вызвали ихъ въ участокъ. Мнѣ было очень жаль, что отчасти изъ-за меня потревожили этихъ добрыхъ людей. (Впрочемъ, они отдѣлались лишь выговоромъ и угрозой штрафа на будущее время.)

— Сейчасъ только сообщили намъ о васъ... — сказалъ мнѣ приставъ. — Да! Нечего дѣлать... Нельзя вамъ оставаться здѣсь, придется уѣхать — и не позже, какъ завтра вечеромъ. А теперь вы должны дать подписку...

Послѣ всѣхъ этихъ странствованій подъ снѣгомъ; по холоду, у меня уже болѣли не только голова и зубы, но,

казалось, все тѣло болѣло, и лихорадка неистовствовала. Возвратившись домой, я наскоро напился чаю, проглотилъ принесенные мнѣ порошки, принялъ хининъ, не раздѣваясь бросился на кровать, укрылся своимъ пальто, пледомъ, кое-какъ посогрѣлся — и впалъ въ забытiе. Не могу сказать, чтобы я спалъ, но и не вполне бодрствовалъ. Странное было состоянiе... Часто я принимался бредить и притомъ сознавалъ, что я брежу. Вообще тяжелая была ночь. Всю ночь галлюцинаціи осаждали меня... Въ темной вышинѣ ярко горѣло электрическое солнце, передо мной въ глубокое мракѣ летали ракеты, вспыхивали греческія свѣчи, красные языки пламени горѣли въ воздухѣ, — и ни шума ни звука... На минуту приходя въ сознаніе, я со страхомъ думалъ, не начинается ли у меня какая-нибудь серьезная болѣзнь. И дѣйствительность снова пропадала, и міръ видѣній меня обступалъ, и опять фейерверочный блескъ и огни... Утромъ я почувствовалъ себя лучше, но слабость одолѣвала.

Уложивъ вещи, запаковавъ чемоданъ, я сходилъ попроситься кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ и затѣмъ отправился къ хозяину и на прощанье долго бесѣдовалъ съ нимъ и съ его дочерью, очень милой, симпатичной дѣвушкой... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я слышалъ, что Могито умеръ, и пожалѣлъ о немъ: онъ славный, честный былъ человекъ. А гдѣ его дочь, жива ли, — не знаю. Хорошее воспоминаніе у меня осталось объ этихъ московскихъ «иностранныхъ»...

Приходилось возвращаться въ Вологду.

На Ярославскій вокзалъ пришли меня проводить двѣ знакомыя курсистки, хотя я убѣдительно просилъ ихъ этого не дѣлать.

И грустно же, тоскливо мнѣ было...

V.

Въ Вологдѣ и въ Любани.

16 октября я пріѣхалъ въ Вологду и поселился въ гостиницѣ «Золотой Якорь».

Вскорѣ же по пріѣздѣ я здѣсь познакомился съ очень симпатичнымъ, хотя нѣсколько страннымъ юношей, бывшимъ студентомъ Московскаго университета, М. С., жившимъ въ Вологдѣ въ ссылкѣ. С. сталъ навѣщать меня, и я находилъ интересъ въ живой бесѣдѣ съ нимъ... То было время голода, и между нами естественно часто заходила рѣчь о положеніи голодающихъ. И намъ хотѣлось — если не деньгами, то трудомъ — принести свою лепту на общее дѣло. Тутъ которому-то изъ насъ (теперь не помню) пришла въ голову мысль издать въ пользу голодающихъ сборникъ на средства вологжанъ и назвать его «Вологодскимъ»; рѣшили дать ему заглавіе «Помочь».

Немедленно же мы принялись приводить нашу мысль въ исполненіе. С. написалъ для сборника отрывокъ изъ своихъ школьныхъ воспоминаній, я написалъ рассказъ, и затѣмъ принялся за большую статью («Черный годъ. Предвѣстники голода 1891 года и его причины»). Въ то же время мы стали обращаться къ литераторамъ съ просьбою дать для нашего сборника что-нибудь изъ ихъ произведеній. И надо правду сказать, многіе изъ пишущей братіи охотно отозвались на наше воззваніе. Намъ прислали свои произведенія: Эд. Беллами, Генри Джорджъ (переводъ статьи его былъ сдѣланъ подъ редакціей Л. Н. Толстого), Вл. Соловьевъ, Макъ-Гаханъ, Шеллеръ, М. Цебрикова, Н. Ядринцевъ, Д. Мордовцевъ, В. Португаловъ, Д. Мережковскій, В. Балмашевъ, К. Вентцель, М. Альбовъ, Ивановичъ, Д. Михаловскій, В. Водозовъ, К. Баранцевичъ, С. Дрожжинъ, Л. Пантелѣевъ, Я. Егоровъ, А. Тарутинъ и др.

Въ октябрѣ Н. Михайловскій писалъ мнѣ: «Вы правы, дорогой П. В., я дѣйствительно ничего не могъ сдѣлать по дѣлу, о которомъ вы мнѣ писали... При всемъ моемъ желаніи служить вашему сборнику — не могу. Я уже обѣщалъ саратовскому сборнику, и надо вотъ на-дняхъ посылать, а у меня ничего нѣтъ. Сергѣй Николаичъ тоже едва ли удосужится. Я ему, впрочемъ, скажу. Онъ теперь съ головой погрузился въ «Русское Богатство» и дѣлаеть, по моему мнѣнію, большую глупость ¹⁾. — Дай Богъ хорошаго и скорого исхода вашему дѣлу. Крѣпко жму вашу руку. Ник. Михайловскій».

Слѣдующее письмо я получилъ отъ него въ ноябрѣ.

«Не сразу отвѣтилъ вамъ, дорогой П. В., — писалъ Н. К., — потому что ждалъ 15 ноября, а ждалъ этого числа потому, что это день моего рожденія (49 лѣтъ!)... Извѣстны ли вамъ книги Летурно: «Evolution de la morale», «Ev. du mariage», «Evol. de la propriété», «Ev. du droit»? Я больше ничего подходящаго не знаю и совсѣмъ не слѣдилъ въ настоящее время.

«Что касается «Русской Мысли», то, дорогой мой, я уже давно бросилъ мечту объ чемъ-нибудь вполне объединенномъ. Лишь бы меня-то не уродовали. Обѣщаютъ, что такъ будетъ,—съ меня и довольно. Кривенко вонъ все еще копошится и еще недавно стряпалъ что-то насчетъ «Русскаго

¹⁾ По поводу замѣчаній Н. К. объ С. Кривенко и «Русскомъ Богатствѣ» должно сказать, что, дѣйствительно, С. Н. Кривенко стоило большихъ хлопотъ, трудовъ и непріятностей спасти этотъ журналъ отъ окончательнаго паденія, но все-таки (съ помощью В. П. Воронцова и другихъ близкихъ ему людей) онъ добился того, что «Русское Богатство» перешло къ нему (отъ Л. Е. Оболенскаго). Только, къ сожалѣнію, С. Кривенко не воспользовался результатомъ своихъ трудовъ, воспользовались имъ другіе, болѣе практичные люди. (Конечно, я не говорю объ Н. Михайловскомъ, который былъ желаннымъ сотрудникомъ и котораго С. Кривенко *высоко цѣнилъ*.) И теперь, когда Кривенко умеръ, когда онъ безотвѣтенъ, эти люди не посовѣстились инсинуировать на его счетъ въ томъ же самомъ «Русскомъ Богатствѣ», которымъ они, благодаря Кривенко, владѣютъ въ настоящее время.

Богатства», но ничего не вышло. Дѣла «Сѣвернаго Вѣстника» мнѣ въ точности неизвѣстны, но думаю, что ему не выдержать... Заглавіе романа¹⁾ не читаль, перелистываль только вторую часть, и мнѣ показалось, что очень плохо. Этотъ человѣкъ такъ много пишетъ, что отъ него, должно-быть, скоро ничего не останется. А жаль. Въ немъ нѣчто есть или было.

«Рукопись С—ко я получилъ и ему уже написалъ.

«Будьте здоровы. Хотѣлось бы сказать «до скорого свиданія».

Вашъ Ник. Михайловскій».

Въ ту зиму въ вологодскомъ театрѣ давало спектакли товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ Н. Корсакова. Теперь ужъ не помню, при какихъ обстоятельствахъ познакомился я съ членомъ товарищества, А. Федоровымъ (ставшимъ впоследствии плодовитымъ поэтомъ, фельетонистомъ, драматургомъ и романистомъ). Вѣроятно, черезъ него одинъ изъ актеровъ, Григорьевъ, узналъ, что у меня есть пьеса, разрѣшенная цензурой, но нигдѣ неигранная, и попросилъ ее у меня для своего бенефиса, предполагавшагося въ началѣ декабря. Я, конечно, охотно предоставилъ пьесу въ его распоряженіе.

Въ половинѣ ноября жестокая инфлуэнца подвергла меня продолжительному домашнему аресту. Лѣчилъ меня д-ръ А. Святковъ. Лѣчилъ-то онъ хорошо, относился ко мнѣ чрезвычайно внимательно и энергично боролся съ повышеніемъ температуры, но горе въ томъ, что за мною не было никакого ухода. Прислуга изрѣдка забѣгала ко мнѣ, но не могла оставаться у меня подолгу. Изрѣдка навѣщали меня родственники; заходилъ С. Помню, что онъ даже однажды всю ночь провелъ въ моемъ номерѣ: то онъ что-то усердно писалъ, то принимался ходить по коридору. Большею же частью я оставался одинъ-одинехонекъ. Особенно были томительны и казались безконечно долгими бессонныя ночи...

¹⁾ Заглавіе мною пропущено.

Помню, однажды неподалеку отъ «Золотого Якоря» вспыхнулъ пожаръ. Былъ вечеръ. Тревожные торопливые звуки набата разносились надъ городомъ. Я слышалъ, какъ по коридору бѣгали, перекрикивались, стучали дверьми. Красноватый, дрожащій отсвѣтъ ударялъ въ окна моей комнаты... А я безъ силъ, пластомъ, лежалъ на постели и не могъ даже подняться на ноги. Гдѣ горитъ, не близко ли, не угрожаетъ ли опасность гостиницѣ, — я ничего не зналъ. Я позвонилъ разъ и два и три, но ко мнѣ никто не шелъ...

Наконецъ дверь отворилась, и появился мой докторъ. Онъ успокоилъ меня, сказавъ, что пожаръ не особенно близко, что горятъ какіе-то сараи, и, вѣроятно, пожаръ уже скоро будетъ потушенъ...

Да, въ тѣ дни одиночество мнѣ давало себя горько чувствовать. Но какъ быть! Вѣдь у каждаго свое дѣло, да и сидѣть у больного нимало неинтересно. Нанимать сидѣлку, чужого человѣка, мнѣ не хотѣлось, да, признаться, было и не по средствамъ... Въ то время мнѣ думалось: какъ было бы хорошо умереть скоропостижно, чтобы никому не наскучить, не доставить лишнихъ хлопотъ, да и самому не страдать долго, не томиться отъ тоски при вѣчной разлукѣ съ людьми...

Вслѣдствіе болѣзни я не могъ бывать на репетиціяхъ моей пьесы. Но на послѣднюю репетицію я рѣшилъ непременно пойти, хотя съ моей стороны было довольно рискованно: едва оправившись и еще ни разу не выходя изъ дому, идти въ театръ (въ холодный сарай), на сцену, со всѣхъ сторонъ продуваемую сквозняками. Но этотъ выходъ сошелъ для меня благополучно, безъ возврата инфлуэнцы.

3 декабря шла моя пьеса. Только теперь, когда пьеса разыгрывалась на сценѣ, я увидѣлъ всѣ ея слабыя стороны, — длинноты нѣкоторыхъ монологовъ, неумѣстныя паузы и т. д. Игрой же артистовъ я остался вообще доволенъ. «Волчиха» была недурна, хорошъ былъ и Корсаковъ въ роли Митюхи и А. Федоровъ въ роли молодого

ямщика. Публика дружно вызывала артистовъ и автора,— автора-то, вѣроятно, не за пьесу, а просто изъ чувства патріотизма, какъ земляка... Немного позже, 26 декабря, моя пьеса шла въ Москвѣ на сценѣ одного частнаго театра и еще гдѣ-то.

Это былъ мой единственный серьезный опытъ на поприщѣ драматургій. Эта пьеса — передѣлка изъ моей же повѣсти: я вздумалъ написать пьесу по совѣту одного нашего уважаемаго драматическаго артиста и покойной, но незабвенной П. А. Стрепетовой, при чемъ я пользовался цѣнными указаніями и совѣтами ея и А. Н. Плещеева. Кромѣ Стрепетовой, съ моей пьесой былъ знакомъ М. И. Писаревъ, а Плещееву я самъ ее читалъ лѣтомъ 1886 года, когда Ал. Ник. жилъ на дачѣ (близъ ст. Ушаки). Роль «Волчихи» предназначалась Стрепетовой, но я не рѣшился представлять свою пьесу на судъ литературно-театральнаго комитета, въ виду страшныхъ слуховъ объ этомъ грозномъ ареопагѣ, — и пьеса моя осталась подъ спудомъ (на сценѣ народныхъ театровъ она была запрещена.)

На святкахъ ко мнѣ пріѣзжала жена, но не могла пробыть долго: въ то время она была конторщицей и помощницей покойной А. А. Давыдовой, начавшей тогда издавать журналъ «Міръ Божій». Святки я прожилъ весело, а затѣмъ опять потянулись сѣрые, однообразные дни.

Помню, въ томъ году зима была суровая: съ послѣднихъ чиселъ декабря и до конца января морозы стояли отъ 25 до 35° по Р. По цѣлымъ недѣлямъ небо оставалось безоблачнымъ, и съ голубого неба солнце ярко свѣтило, искрясь алмазною пылью на снѣгу и на вѣтвяхъ деревьевъ, какъ кружевомъ, увѣшенныхъ инеемъ. А ночь при яркомъ лунномъ освѣщеніи превращалась въ какой-то фантастическій безсолнечный день... Одновременно съ этими 30-градусными морозами стояло полное безвѣтріе. Въ воздухѣ было до того тихо, что зажженная спичка ровнымъ пламенемъ горѣла на открытомъ воздухѣ...

Какъ-то въ половинѣ января явился ко мнѣ околотошный и заявилъ, что московская полиція требуетъ съ меня подписку.

— Какую подписку? О чемъ же еще? — съ недоумвнiемъ спросилъ я.

— Да вотъ о томъ, что вамъ воспрещается жительство въ Москвѣ, — пояснилъ полицейскій.

— Вѣдь я въ Москвѣ уже далъ эту подписку! Для чего же съ меня ее требуютъ въ другой разъ?

— Право, не знаю... Только ужъ, пожалуйста, распишитесь, что вамъ предъявлено... — упрасивалъ околотошный. — Что жъ вамъ... все равно!

Конечно, мнѣ было все равно — одинъ разъ или дважды дать одну и ту же подписку, и я далъ ее.

Здѣсь кстати я долженъ упомянуть о томъ, что долго уже послѣ того, какъ мнѣ было разрѣшено жительство въ Петербургѣ, Москва для меня оставалась мѣстомъ запретнымъ — за семью печатями. Если мнѣ, по словамъ жандармскаго офицера, объяснявшагося со мной въ охранномъ отдѣленіи, жительство въ Москвѣ было воспрещено только потому, что я былъ высланъ изъ Петербурга, то казалось бы, что запрещеніе жительства въ Москвѣ само собой уничтожалось съ той поры, какъ я съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ снова поселился въ Петербургѣ. Но вышло не такъ, какъ бы слѣдовало по обыкновенной логикѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, когда мнѣ было надо по дѣламъ побывать въ Москвѣ, я долженъ былъ каждый разъ обращаться въ департаментъ государственной полиціи съ просьбою дать мнѣ возможность дня 3 — 4 провести въ Москвѣ. Тогда государственная полиція сносилась съ Москвой, и только послѣ того я могъ поѣхать въ этотъ запретный городъ...

Будучи осенью въ Москвѣ, я предложилъ свой романъ одному изъ редакторовъ весьма почтенной московской газеты. Я передалъ ему рукопись 11 октября. Г. Н. обѣщаль отвѣтить мнѣ въ концѣ октября по поводу моей рукописи.

(Здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку: г. Н. — человекъ безусловно порядочный, такимъ онъ былъ тогда въ моемъ мнѣніи, таковымъ и остался.) Въ назначенный срокъ я отвѣта не получилъ и въ половинѣ ноября послалъ г. Н. заказное письмо съ просьбою увѣдомить меня, беретъ ли редакція мой романъ или нѣтъ, и если «нѣтъ», то я убѣдительно просилъ немедленно возвратить мнѣ рукопись: въ ноябрѣ было еще не поздно отдать ее въ какой-нибудь журналъ для будущаго 1892 г. Ни отвѣта ни рукописи я не получилъ. Въ декабрѣ опять посылаю заказное письмо, и оно опять остается безъ отвѣта. Въ январѣ — опять заказное письмо, — отвѣта нѣтъ. Въ февралѣ — тоже, въ мартѣ — тоже... На мое счастье, А. М. Оедоровъ поѣхалъ въ Москву и взялся «вытеревить» мою рукопись. И — спасибо ему — «вытеревилъ», но съ какимъ трудомъ... Онъ ходилъ и въ редакцію и на квартиру къ г. Н., снова въ редакцію и снова къ редактору на квартиру...

Вотъ яркая иллюстрація нашей редакціонной халатности и невниманія къ чужому труду. Г. Н. зналъ, что я живу только литературнымъ трудомъ, что я самъ не могу пріѣхать въ Москву, что я поневолѣ долженъ ограничиваться письменными сношеніями, и, несмотря на все это, онъ не отвѣтилъ ни на одно мое письмо и рукописи не возвратилъ.

Когда же въ мартѣ я получилъ рукопись, пересылать ее въ другую редакцію было уже поздно. А между тѣмъ въ ту пору я очень нуждался въ деньгахъ... (Въ 1893 г. мой романъ былъ напечатанъ въ «Русскомъ Богатствѣ».)

Дѣло съ нашимъ сборникомъ между тѣмъ налаживалось, рукописи присылались по указанному адресу, я свою статью («Черный годъ») кончилъ; деньги на печатаніе сборника (308 р.) были пожертвованы моими почтенными земляками: К. И. Ногинымъ, А. В. Гудковымъ-Бѣляковымъ, А. А. С—вымъ и братьями Масленниковыми (заимообразно было еще получено 250 р. отъ Л. О. П—ева). Редактированіе сборника было поручено мнѣ. Книга должна была издаваться въ Петербургѣ, и завѣдываніе печатаніемъ ея взялъ на себя

А. Коринескій. Такъ какъ корректуры приходилось пересылать мнѣ въ Вологду, то для ускоренія дѣла и вообще для большаго удобства сношеній съ Петербургомъ я рѣшилъ перебраться въ Любань.

Въ половинѣ марта, распростившись съ гостепріимнымъ «Золотымъ Якоремъ», я уѣхалъ изъ Вологды.

Квартира въ Любани была для меня нанята въ домѣ одного машиниста, служившаго на Николаевской желѣзной дорогѣ. Она состояла изъ двухъ комнатъ и кухни; въ комнатахъ, на манеръ южныхъ странъ, печей не было, и зимнія рамы не были вставлены. А въ мартѣ мѣсяцѣ въ Новгородской губерніи, какъ извѣстно, фіалки не цвѣтутъ, а лежать еще сугробы снѣга. Въ моей квартиркѣ было очень холодно. Спальню я устроилъ себѣ въ полутемной кухнѣ, около плиты. Днемъ въ комнатахъ можно было сидѣть и работать, одѣвшись потеплѣе: окна выходили на югъ и нагрѣвались солнцемъ. Такъ спозаранку я очутился на дачѣ...

Хотя я и забнулъ въ Любани, но зато меня нерѣдко навѣщали жена и добрые знакомые. На Пасхѣ жена прогостила у меня даже нѣсколько дней. На другой день послѣ ея отъѣзда я заболѣлъ, послалъ ей письмо, а затѣмъ и телеграмму. Я просилъ жену пріѣхать ко мнѣ и попросить какого-нибудь доктора-спеціалиста по кожнымъ болѣзнямъ навѣстить меня въ Любани. У меня оказалось рожистое воспаленіе лица и экзема. Я ужасно, невыносимо страдалъ... Жена, по совѣту знакомыхъ, стала хлопотать въ департаментѣ государственной полиціи о разрѣшеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ для лѣченія. Отвѣтъ ей былъ обѣщанъ черезъ нѣсколько дней, но ей надо было ѣхать ко мнѣ въ Любань, и поэтому она попросила сходить за нее въ государственную полицію М. В. Ватсонъ.

Утромъ въ воскресенье на Өоминой недѣлѣ жена пріѣхала ко мнѣ съ женщиной-врачомъ, Е. К. Пименовой, которая и подала мнѣ первую помощь. Вскорѣ пріѣхалъ и П. П. Абрамичевъ (бывшій тогда ассистентомъ профессора Полотебнова)

и назначилъ мнѣ лѣченіе, но при этомъ заявилъ, что продолжать лѣчить меня въ Любани онъ рѣшительно не можетъ, такъ какъ занятія требуютъ его постоянного присутствія въ Петербургѣ. Въ сумерки врачи мои уѣхали.



Вячеславъ Авксентьевичъ Манассеинъ.

На другой день навѣститъ меня профессоръ Манассеинъ и шибко напугалъ, сказавъ, что экзема болѣзнь крайне упорная, туго поддающаяся лѣченью, и можетъ длиться годъ и два. Я просто пришелъ въ отчаяніе...

Наконецъ было получено мною разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ. Слѣдовало немедленно ѣхать, а у меня, какъ на грѣхъ, не оказалось денегъ для расплаты за квартиру. Въ это время судьба послала мнѣ А. Коринескаго. Онъ выручилъ меня изъ моего критическаго положенія, съѣздилъ въ Петербургъ за деньгами, и мы въ тотъ же день вечеромъ уѣхали изъ Любани.

Никогда во всю жизнь я не испытывалъ болѣе мучительнаго переезда по желѣзной дорогѣ, какъ этотъ переездъ 15 апрѣля 1892 года изъ Любани въ Петербургъ. Я былъ въ маскѣ, сдѣланной изъ клеенки и фланели. Въ вагонѣ было жарко, я задыхался въ своей маскѣ... Глаза болѣли, въ лицѣ чувствовался жаръ и зудъ невыносимый. Нравственное состояніе мое было угнетенное. Я считалъ минуты... Пассажиры, видя мою странную фигуру, мою красную маску и не зная, чѣмъ я боленъ, понятно, сторонились отъ меня, перешептывались и весьма недружелюбно посматривали на меня. Я ужъ не помню, какъ довели меня до Петербурга, и я, наконецъ, очутился дома, на Сергіевской улицѣ...

Глаза мой такъ болѣли, что я не могъ ни читать ни писать. А. Коринескій былъ такъ добръ, что читалъ мнѣ вслухъ корректуры статей, присланныхъ для нашего сборника, писалъ за меня письма, сносился съ типографіей, вообще помогалъ мнѣ усердно при изданіи сборника. Съ нашимъ сборникомъ приключилась неприятность: изъ него пришлось удалить одно очень хорошее стихотвореніе Шеллера, мой рассказъ и «Черный годъ»...

Д-ръ Абрамычевъ лѣчилъ меня такъ энергично, что къ началу мая экзема моя исчезла безслѣдно. Мнѣ было разрѣшено оставаться въ Петербургѣ до 15 мая, но здоровье мое настолько оправилось, что даже ранѣе назначеннаго срока, а именно 9 мая, я могъ уже выѣхать на кумысь въ Уфимскую губернію.

Лѣто 1892 года я провелъ въ Кидашѣ. Въ это лѣто умеръ одинъ изъ больныхъ, пившихъ кумысь.

VI.

Послѣдняя осень въ деревнѣ.

Помню, зашелъ я однажды вечеромъ на кидашенское кладбище, побродилъ между могилами и сѣлъ на полуосыпавшійся валъ. Этому валу надлежало отдѣлять кладбище отъ поля, но онъ въ дѣйствительности уже давно не исполнялъ своего назначенія и овцы безпрепятственно проходили въ мѣсто «вѣчнаго упокоенія» пощипать травку. Кладбище—небольшое, расположено за селомъ. Памятниковъ на немъ нѣтъ; три-четыре плиты, да нѣсколько деревянныхъ крестовъ и сѣрыхъ камней, а остальные могилы безъ всякихъ примѣтъ, безымянные — могилы безвѣстныхъ тружениковъ. Только посрединѣ кладбища возвышается склепъ, устроенный для себя однимъ давнишнимъ здѣшнимъ лѣсничимъ, Лыко; онъ съ женою тутъ и похороненъ, но отъ ихъ могилъ не осталось и слѣда. Склепъ уже полуразвалился, желѣзные двери сорвались съ петель и куда-то исчезли, крыша грозитъ паденіемъ. Въ жаркіе дни я не разъ видѣлъ тамъ лежащимъ какого-то обтерханнаго вороного жеребенка.

На томъ краю кладбища, что выходитъ къ полю, приютились за рѣшеткой три могилы и видна небольшая скамейка. На могилахъ растетъ густая, высокая трава и синѣютъ незабудки. Тутъ похоронены три кумысника: Крантовскій, Кузнецовъ и Нагулло.

Первые два въ 1890 г. — еще за два года до смерти Нагулло — совершенно случайно попали въ Кидашъ. Они были въ послѣднемъ градусѣ чахотки, кумысъ для нихъ былъ уже бесполезенъ, но, конечно, не хватило жестокости отказать имъ въ кумысѣ: они цѣплялись за него, какъ утопающій за соломинку. Съ Кузнецовымъ я былъ незнакомъ, даже ни разу не видалъ его, только зналъ, что онъ — воспитанникъ какого-то морского учебнаго зведенія. Крантовскій

былъ учитель математики изъ Перми, человѣкъ, повидимому, очень хорошій, симпатичный; я нѣсколько разъ навѣщалъ его. Онъ почти не пилъ кумыса: на другой же день по прїѣздѣ въ Кидашь онъ слегъ и уже не вставалъ, проболѣлъ двѣ недѣли и умеръ... Прїѣзжалъ къ нему братъ, священникъ; передъ смертью прїѣхала жена. Больной часто вспоминалъ о дѣтяхъ, особенно о своей старшей дочери, очень тосковалъ, грустилъ по ней и въ забытьѣ, въ бреду, постоянно о ней говорилъ, къ себѣ ее звалъ...

Кумысники наканунѣ похоронъ принялись готовить вѣнки изъ полевыхъ и лѣсныхъ цвѣтовъ и вѣнки и гирлянды изъ дубовыхъ вѣтвей. Дѣло происходило въ половинѣ юня. Кумысная гора и лѣсныя полянки были всѣ въ цвѣту...

Помню: у насъ на верандѣ, выходившей въ садъ, уже поздно вечеромъ, двѣ барышни-кумысницы плели гирлянды. Было уже темно; на столѣ горѣла лампа. Въ воздухѣ было такъ тихо, что даже огонь въ лампѣ не дрожалъ. Листья на липахъ и вязахъ, росшихъ передъ верандой, кое-гдѣ выступали на свѣтъ, а подальше отъ веранды пропадали во мракѣ. Изрѣдка оброненное слово, вздохъ, да легкій шелестъ дубовыхъ вѣтвей нарушали безмолвіе ночи.

Эта живая картина почему-то съ изумительной яркостью врѣзалась такъ глубоко въ моей памяти, что и теперь, черезъ много лѣтъ, я какъ воочію вижу передъ собой ту веранду, столъ, лампу, и дубовыя вѣтви, и двѣ бѣлокурыя женскія головы, склонившіяся надъ столомъ, и руки, сгибавшія зеленыя вѣтви, — все это на темномъ ночномъ фонѣ, съ сильнымъ рембрантовскимъ освѣщеніемъ... вижу смутныя, призрачныя очертанья деревьевъ и озаренные свѣтомъ лампы ихъ темно-зеленые листья, неподвижно повисшіе въ воздухѣ, а тамъ, въ вышинѣ, изъ-за вѣтвей, мерцанье и блескъ далекихъ звѣздъ съ темно-синяго неба...

Нагулло былъ молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ Казанскомъ университетѣ года за три — за четыре до смерти. Кромѣ сестры, у него никого не было родныхъ; жила еще съ ними старая няня. Въ Казани у нихъ былъ свой домикъ...

Нагулло умиралъ у меня на глазахъ. Тяжело было гидѣть эту ужасную, жестокую борьбу молодой жизни со смертью... Въ 1892 г. Нагулло уже во второй разъ пріѣхалъ въ Кидашъ на кумысь. Но кумысь уже не могъ спасти его отъ развивавшагося недуга. Нагулло былъ труженикъ, человѣкъ книжный и очень нервный. При питъѣ кумыса необходимъ отдыхъ, покой, а Нагулло не зналъ покоя, мысль его не знала отдыха; онъ и въ Кидашѣ не разставался съ книгами, со своими городскими занятіями, рылся въ своихъ бумагахъ, дѣлалъ выписки, собиралъ матеріалъ для своихъ будущихъ работъ. Онъ, повидимому, сталъ уже поправляться, ходилъ далеко въ лѣсъ, но какъ-то не остерегся, — и болѣзнь вспыхнула. Я подолгу сидѣлъ у него въ хатѣ днемъ и ночью. Заѣхалъ онъ въ Кидашъ одинъ, и былъ такой жалкій... Знакомые кумысники и лѣсничій съ докторомъ навѣщали его. Мы предлагали Нагулло увѣдомить сестру объ его болѣзни.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо... Зачѣмъ же ее напрасно беспокоить! — говорилъ больной. — Вѣдь опасности нѣтъ... Вотъ поправлюсь... самъ поѣду къ ней.

Утромъ иногда онъ бывалъ бодрѣе и говорилъ:

— Сегодня мнѣ ужъ лучше... Вотъ только еще слабость!

А вечеромъ въ отвѣтъ на наши уговоры увѣдомить сестру онъ или молчалъ или шепталъ:

— Ужо завтра... посмотримъ! Вѣдь еще успѣемъ...

А утромъ опять:

— Вотъ ужо поправлюсь... поѣду къ ней...

Наконецъ онъ и самъ почувствовалъ себя такъ плохо, что попросилъ насъ вызвать къ нему сестру. Немедленно ей телеграфировали.

Однажды, дня за три до смерти Нагулло, я сидѣлъ у него въ избѣ. Время было послѣобѣденное. Больной лежалъ, закрывъ глаза и протянувъ поверхъ одѣяла свои худыя, бѣлыя, безкровныя руки. Иногда медленно онъ поднималъ руку и сгонялъ мухъ съ лица.

— Онъ и безсмертію былъ не радъ!—прошепталъ больной. Сначала я думалъ, что онъ лежитъ въ забытіи и бредитъ, но, какъ оказалось, я ошибся.

— Кто былъ не радъ безсмертію?—тихо переспросилъ я. Нагулло какъ-то разсѣянно взглянулъ на меня, но въ то же мгновеніе его отяжелѣвшія вѣки опустились.

— Я вспомнилъ одинъ мигъ, — заговорилъ больной, не раскрывая глазъ и перебирая пальцами по одѣялу. — Богиня полюбила одного прекраснаго юношу, простаго смертнаго, и наградила его безсмертіемъ, но позабыла дать ему вѣчную юность... А когда онъ состарѣлся, было уже поздно... И онъ говорилъ: «зачѣмъ мнѣ старому, больному — безсмертіе!»... А если бы онъ былъ вѣчно юнымъ, здоровымъ, сильнымъ...

Нагулло повернулъ голову и вопросительно и пристально посмотрѣлъ на меня своими впалыми глазами. И въ этихъ лихорадочно горѣвшихъ глазахъ отразилась на мгновеніе и смертельная тоска при видѣ приближающейся смерти и страстная, горячая жажда жизни...

Въ эти дни по разнымъ поводамъ больной уже не разъ заговаривалъ о жизни и смерти. Когда онъ лежалъ неподвижно, съ закрытыми глазами и казался погруженнымъ въ забытіе, его мысль, его воображеніе, очевидно, работали съ удвоенною силой, но работали не спокойно, а тревожно, торопливо, метались словно подъ давленіемъ какого-то ужаснаго кошмара, набрасывавшаго тѣни все мрачнѣе и мрачнѣе на его духовный міръ...

Каждый день Нагулло меня спрашивалъ:

— Которое сегодня число?

Онъ какъ будто хотѣлъ угадать съ утра тотъ день, который долженъ быть послѣднимъ для него.

Въ тотъ вечеръ, когда, по нашимъ расчетамъ, сестра Нагулло должна была пріѣхать, больной сдѣлался очень безпокоенъ, къ каждому звуку и шопоту, къ каждому шелесту подъ окномъ онъ чутко, тревожно прислушивался.

— Вы не слышите колокольчика?—не разъ спрашивалъ онъ меня, поворачивая голову и посматривая въ потемнѣвшее окно.

Его нервное нетерпѣнье сообщалось и мнѣ. Я тоже чутко прислушивался, но нѣтъ!.. не звенить колокольчикъ.

— Вѣроятно, опоздала... не успѣла выѣхать въ тотъ же день, какъ получила телеграмму. Завтра навѣрное пріѣдетъ!—успокаивалъ я больного.

А больной съ каждымъ часомъ становился все безпокойнѣе, раздражительнѣе...

— Нѣтъ! Она, видно, не пріѣдетъ... Я не дождусь ее!—задыхающимся шопотомъ говорилъ умирающій, сле шевеля сухими запекшимися губами и съ тревогой взглядывая на меня.

И при этомъ скорбномъ взглядѣ, умолявшемъ объ утѣшенъѣ, о надеждѣ, я былъ готовъ броситься бѣжать навстрѣчу сестрѣ Нагулло, чтобы поскорѣе, какъ можно скорѣе примчать ее сюда, въ эту хату, гдѣ въ ожиданіи ея томился бѣдный Нагулло, не увѣренный за завтрашній день, не увѣренный ни за одинъ часъ ни за одно мгновенье...

Впослѣдствіи мы узнали, по какому странному случаю опоздала къ нему сестра. По полученіи телеграммы она немедленно отправилась на пароходѣ въ Самару, а изъ Самары пустилась далѣе безъ задержки по Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ. На станціи Кинель ей пришлось ждать поѣзда по направленію къ Златоусту, такъ какъ поѣздъ, доставившій ее въ Кинель, пошелъ на Оренбургъ. Вотъ тутъ-то и случился съ нею казусъ.

— Двѣ ночи я не спала, — рассказывала она потомъ, — все страшно безпокоилась о братѣ, думала: что съ нимъ? Ужъ живъ ли онъ? Онъ писалъ мнѣ все такія успокоительныя письма, и вдругъ — ваша телеграмма... Мнѣ хотѣлось поскорѣе ѣхать, а между тѣмъ приходилось ждать часа три, если не больше. Сердце ныло, къ горлу какая-то тяжесть подступила, но слезъ не было; дорогой я ни разу не плакала... Голова у меня была какая-то странная, хотя

и не болѣла... Долго я ходила по вокзалу, потомъ присѣла къ столику и стала смотрѣть въ окно. Долго ли я такъ сидѣла, не знаю... Наконецъ въ вокзалѣ началось движеніе, слышу звонокъ, пассажиры уходятъ, слѣпнать, сторожа тащатъ вещи... Что тутъ со мной сдѣлалось, я и сама не понимаю... Вижу: поѣздъ тихо подошелъ къ станціи и остановился... все слышу... вижу, какъ пассажиры идутъ по дебаркадеру къ вагонамъ, бѣгутъ носильщики... слышу опять звонокъ и возгласъ станціоннаго сторожа, стоящаго у двери: «поѣздъ на Уфу! Второй звонокъ!» Все это я слышу, вижу, а встать не могу, ни рукой ни ногой не могу пошевелить, не могу голову повернуть; хочу крикнуть, — голосу нѣтъ... О! какой это ужасъ! Въ такомъ отчаяннѣи я, кажется, еще никогда не бывала... Знаю, что слѣдующаго поѣзда на Уфу мнѣ придется ждать сутки, что братъ больной, можетъ-быть, умирающій, ждетъ меня, минуты считаетъ; сознаю, что мнѣ нужно сію же минуту вскочить, бѣжать въ вагонъ, а я сижу въ полномъ безсиліи и смотрю въ окно, какъ истукавъ... Вотъ и третій звонокъ! Свистки... Поѣздъ трогается, уходитъ... Господи! Если бы вы знали, что я почувствовала въ тѣ минуты! Наконецъ я, кажется, вскрикнула, — впрочемъ, хорошо не помню... Когда же я смогла пошевелиться и поднялась съ мѣста, то почувствовала себя совсѣмъ разбитой и мнѣ казалось, что я сойду съ ума... Цѣлыя сутки ждать поѣзда, когда вся душа изболѣла!.. Опять я бродила по станціи и просто мѣста себѣ не находила. Право, я стала серьезно опасаться за свой разумъ... Пошла я къ станціоннымъ служащимъ и попросила у жены одного сторожа какой-нибудь работы, что-нибудь шить, вязать, а еще лучше — мыть, стирать, чистить... Она дала мнѣ вязать чулокъ, — я ужъ и тому была рада... Пришла ночь, опять — горе: спать не могу, не могу глазъ сомкнуть... Долга показалась мнѣ та ночь... Со слѣдующимъ поѣздомъ я выѣхала...

Вотъ почему она не пріѣхала въ тотъ вечеръ, когда мы ее ждали...

Наступило утро 27 июля, ясное жаркое утро.

Въ тотъ день Нагулло нѣсколько разъ спрашивалъ меня: «Которое сегодня число?» Онъ, какъ будто, старался запомнить это число, но память ему измѣняла. Днемъ онъ казался еще довольно спокоенъ, но чѣмъ ближе время подходило къ вечеру, тѣмъ сильнѣе началъ онъ метаться на постели, говорить о сестрѣ, о нянѣ. Въ полузабытїи, иногда черезъ нѣсколько минутъ, онъ спрашивалъ у меня: «Который же теперь часъ?» Вытянувшись и смотря прямо передъ собой, онъ тихо шепталъ:

— А ее все еще нѣтъ!..

И мною также овладѣли нетерпѣнье и тревога: я уже не разъ выходилъ изъ хаты и прислушивался, не звенить ли вдали колокольчикъ.

Темная июльская ночь стояла надъ селомъ, тихая, теплая... Порою въ воздухѣ вѣяло какимъ-то горячимъ, удушливымъ дыханіемъ... Стоя за воротами, я съ напряженіемъ продолжалъ прислушиваться... Но нѣтъ, — не слышно колокольчика... А какъ мнѣ хотѣлось тогда, чтобы онъ зазвенѣлъ по дорогѣ, вонъ отъ того лѣса!.. Гдѣ-то въ переулкѣ собака лѣниво пролаяла. Летучая мышь, какъ призракъ, мелькнула у меня передъ лицомъ и неслышно потонула во мракѣ... Все тихо. Всѣ заснули, кто могъ спать.

Я посмотрѣлъ на звѣздное небо и, вспомнивъ объ умирающемъ Нагулло, невольно съ горечью повторилъ про себя то замѣчаніе, какое и до меня уже высказывалось многими и станетъ высказываться до тѣхъ поръ, пока на землѣ будутъ люди. Я подумалъ: не странно ли?.. на какое короткое время и на какія мучительныя пытки человѣкъ вызывается изъ небытія къ жизни въ нашъ міръ, по увѣренію однихъ, «лучшій изъ міровъ», а по мнѣнію другихъ — представляющій собою юдоль скорби и слезъ...

Медлительно проходила эта ночь. Былъ уже второй часъ... Ну, наконецъ-то... колокольчикъ! Все ближе, ближе... Вотъ онъ уже слышенъ на деревенской улицѣ; посреди строе-

ній гулко отдається его звонъ. Собаки усиленно лають, слышенъ стукъ колесъ...

— Это она... она! — съ твердой увѣренностью шепчетъ умирающій и словно оживаетъ, приподнимаетъ голову и смотреть, смотреть на дверь.

Мы встрѣтили прїѣхавшую на дворъ, предупредили ее, что братъ ея очень боленъ, слабъ, сильно измѣнился и просили ее по возможности казаться спокойнѣе при встрѣчѣ съ нимъ...

Сестра Нагулло была молодая дѣвушка, — ~~темно~~го, кажется, постарше его..

Когда мы отворили дверь и прїѣхавшая переступила порогъ хаты, больной приподнялъ голову съ подушекъ и совершенно твердымъ голосомъ спросилъ:

— Лида! Это ты?

— Я! я, голубчикъ! — сказала она, подходя къ Нагулло.

Сестра цѣловала его, гладила его по щекъ, ласкала, какъ ребенка.

— Ну, какъ ты?.. Что няня? — спрашивалъ больной.

— Ничего... живемъ! — отвѣтила ему сестра. — А ты-то что жъ расхворался. А?

— Да, Лидочка, расхворался... А ужъ я ждалъ-ждалъ тебя... Ну, теперъ садись... поговоримъ... «Бабушка» намъ самоваръ согрѣеть... Вѣдь ты съ дороги хочешь покушать...

Мы — я и лѣсничій — ушли домой, пообѣщавъ утромъ навѣстить больного. Нужно было дать имъ побесѣдовать на свободѣ, да и тяжело, невыносимо было присутствовать при этомъ предсмертномъ свиданіи брата съ сестрой. Теперъ Нагулло оставался на рукахъ родного человѣка...

«Бабушка», старуха Акинья, нанятая ухаживать за Нагулло, потомъ рассказывала намъ, что умирающій часа два очень оживленно проговорилъ съ сестрой. Но послѣ сильнаго возбужденія послѣдовалъ быстрый и уже окончательный упадокъ силъ. Къ утру страданія его сдѣлались такъ невыносимы, что пришлось позвать доктора и прибѣгнуть къ впрыскиванію морфія. Послѣ того Нагулло сдѣ-

лался спокойнѣе, задремалъ и въ 6 часовъ утра успокоился навѣки...

Всѣ эти грустныя картины промелькнули въ моей памяти, когда я сидѣлъ на кладбищенскомъ валу... Красноватые лучи заходящаго солнца озаряли кладбище. Селенья было не видно: поля, лѣса, горы и ближе всѣхъ зеленая Сосновая гора...

Когда придетъ «мой часъ», мнѣ хотѣлось бы лечь на этомъ деревенскомъ кладбищѣ, уединенномъ и безмолвномъ. Мнѣ кажется, что здѣсь, въ виду этого широкаго, открытаго горизонта, въ виду этой Сосновой горы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ меня такъ искренно любили, мой могильный сонъ былъ бы тихъ и спокоенъ, если допустить, что «могильный сонъ видѣнья посѣтять», что какія-нибудь «мечты на смертный сонъ слетятъ», какъ размышляетъ «датскій принцъ»...

Въ августѣ я опять съ женою доѣхалъ до Москвы, а здѣсь разстался съ нею: она отправилась въ Петербургъ, а я—въ Вологду и затѣмъ въ усадьбу моей тетушки-старушки.

Эта усадьба называлась Горкой, вѣроятно, потому, что находилась на высокомъ берегу рѣки Двиницы.

Горка мнѣ очень памятна, и самыя воспоминанія о ней для меня дороги и милы. Я зналъ ее съ малыхъ лѣтъ, тамъ каждый кустъ, каждая тропинка мнѣ знакомы. На старыя липы и лиственницы, на развѣсистыя березы, на пихты, на высокіе тополи, осѣнявшіе домъ, я смотрѣлъ, какъ на старыхъ, любимыхъ друзей... Я живалъ на Горкѣ и мальчикомъ, и юношей-гимназистомъ, и студентомъ, здѣсь же я провелъ первое лѣто въ деревнѣ съ молодой женой. И подъ старость сюда же, подъ тѣнь старыхъ липъ, я скрывался на лѣто для отдыха отъ суеты и тревоженій петербургской зимы.

Я любилъ этотъ тихій, уютный уголокъ, вдали отъ городовъ, затерявшійся посреди глухихъ лѣсовъ; я любилъ простыхъ, добрыхъ людей, жившихъ въ этомъ уединенномъ уголкѣ. Здѣсь въ тиши и на свободѣ написаны мною: «Степ-

ныя тайны», «По градамъ и весямъ», «Семейство Подошвиныхъ», «Пропаль челоуѣкъ», «Грѣхъ», «Изъ жизни лѣсной стороны», «Лѣсное царство», воспоминанія изъ дѣтскихъ лѣтъ и цѣлый рядъ разсказовъ для дѣтей. Здѣсь, на Горкѣ, я отдыхалъ и, набравшись силъ, здѣсь же много, усиленно работалъ.



П. В. Засодимскій.
(1886 г.).

Горки для меня уже давно не стало, а милыя старушки, такъ горячо любившія меня, уже уснули безпробуднымъ сномъ, — и въ саду, въ знакомой мнѣ съ дѣтства рябиновой аллеѣ, гдѣ я такъ любилъ бродить по лѣтнимъ вечерамъ, въ тихій часъ заката ходять уже другіе люди, посторонніе, совсѣмъ чуждые Горкѣ... Уже много лѣтъ я не вижу Горку ни во снѣ ни наяву, но и теперь каждый разъ, когда я вспомню о ней, на меня словно повѣетъ тепломъ...

Бывало, на южномъ берегу Крыма въ ясные осенніе вечера я часто сиживалъ на склонѣ горы. Передо мною на голубомъ фонѣ неба рисовались темными силуэтами стройныя кипарисы, меня окружали лавры, мирты. Далекое, синеею полосой разстилалось море. Съ другой стороны поднимались горы — Могабе, Ай-Петри... Всѣ чарующія прелести южной природы были передо мной. Я смотрѣлъ на нихъ, но въ воображеніи моемъ вставали совсѣмъ другія картины — не такія роскошныя и величественныя, но болѣе понятныя, болѣе близкія и любезныя моему сердцу.

Я видѣлъ передъ собой также осенній вечеръ, по сѣрый, тусклый, съ заоблачавшимъ небомъ, съ пожелтѣвшей листвою, — нашъ сѣверный осенній вечеръ въ деревнѣ, обвѣянный тихою мечтательною грустью. Я видѣлъ себя въ знакомой аллеѣ, осѣненной рябинами и березами, а въ концѣ аллеи сквозь синеватую мглу сумерекъ мнѣ рисовался старыи сѣрый домъ, окруженный высокими темными тополями...

Въ этомъ саду я пережилъ много прекрасныхъ лѣтнихъ дней и тихихъ, ясныхъ вечеровъ, когда вершины старыихъ лиственницъ горѣли въ пламени заката; много-много разъ я видѣлъ отсюда, какъ надъ горизонтомъ зажигалась вечерняя звѣзда, и блѣдный мѣсяцъ плылъ надъ полями...

Горкинский садъ представлялъ собою остатокъ лѣса, нѣкогда шумѣвшаго на этомъ мѣстѣ.

Передъ балкономъ разстилалась терраса съ небольшимъ цвѣтникомъ; пониже террасы — направо и налево — были два пруда, соединявшіеся канавой, черезъ канаву переброшенъ мостикъ. За мостикомъ начинался садъ, заглохшій, заросшій кустами шиповника, дикой малины и смородины. Отъ мостика черезъ весь садъ шла длинная аллея изъ рябинъ и березъ. По сторонамъ этой аллеи группами росли березы, липы, лиственницы, кедры попережку, безъ всякаго плана. Въ одномъ мѣстѣ аллея расширялась, составляя два полукруга, окруженные, какъ зеленою стѣной, густо разросшейся акаціей. Тутъ стояли столъ и деревянная скамья. Здѣсь я работалъ въ лѣтнюю пору, и только дождь загонялъ меня подъ кровлю. Иногда для отдыха я принимался ходить съ книгой по аллеѣ назадъ и впередъ, обдумывая дальнѣйшій ходъ моей работы... Аллея упиралась въ заборъ, отдѣлявшій садъ отъ берега рѣки. Тутъ была калитка. Берегъ былъ крутъ и обрывистъ, и въ немъ была выбита лѣстница, ведшая къ водѣ. Въ саду вдоль забора тянулся рядъ высокихъ, стройныхъ пихтъ, словно стоявшихъ на стражѣ. На противоположномъ берегу Двиницы была большая березовая роща, расходились луга, виднѣлись сѣновалы, далѣе сѣрыми пятнами выступали деревеньки, а вдали,

на горизонтѣ, синѣли еловые и сосновые лѣса. Тамъ, черезъ эти лѣса, проходила большая Архангельская дорога.

Я и теперъ могъ бы нарисовать красками всю эту картину или, вѣрнѣе, рядъ картинъ.

Были у меня на Горкѣ излюбленные уголки. На берегу Двиницы, высоко надъ водой, было мое самое любимое мѣстечко — подъ старой, развѣсистой елью. Здѣсь я часто сиживалъ по вечерамъ, любуясь на яркій закатъ, погружаясь въ свои думы и мечты...

Домъ горкинскій былъ небольшой — четыре комнаты внизу да двѣ въ мезонинѣ. Гостиная служила для приѣма; столовая была жилой комнатой, гдѣ мы всѣ собирались вокругъ чайнаго стола. Изъ столовой наполовину стеклянная дверь вела на балконъ, а съ балкона былъ ходъ въ садъ... Въ столовой мебель была стариннаго покроя. На одной стѣнѣ висѣлъ большой портретъ масляными красками стараго знакомаго тетушки, М. А. Брянчанинова, ея сосѣда по имѣнію. Брянчаниновъ послѣ смерти жены ушелъ въ монастырь, имѣнье свое (Преображенское) продалъ, а портретъ подарилъ моей тетушкѣ. На другой стѣнѣ висѣла прекрасная гравюра «La Vierge aux candélabres». За этой картиной всегда были заткнуты нѣсколько волоконъ льна или стебли ржи и овса. За образомъ торчала верба.

Съ тетушкой жила въ качествѣ экономки-компаньонки очень почтенная старушка, О. М. Дыбова. Уже давно она похоронила всѣхъ своихъ близкихъ и, проживъ на Горкѣ болѣе 30 лѣтъ, считала ее своимъ домомъ. Старушки тихо, въ мирѣ, доживали свою жизнь, стараясь по возможности быть полезными населенію сосѣднихъ деревень. Мой приѣздъ съ женой на лѣто вносилъ оживленіе въ ихъ однообразную жизнь. Уже съ ранней весны старушки начинали поговаривать о томъ, скоро ли мы приѣдемъ. Всѣ на Горкѣ съ нетерпѣніемъ ожидали насъ и съ какою радостью, бывало, насъ встрѣчали!.. Для насъ всегда былъ готовъ флигель въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома и такъ же, какъ домъ, освѣщенный пахучими тополями.

И нигдѣ не былъ я такъ спокоенъ душой, какъ на Горкѣ, нигдѣ такъ полно не забывалъ я горечи жизни, нигдѣ не былъ такъ крѣпокъ мой сонъ по ночамъ. Я засыпалъ и просыпался утромъ подѣ тихое щебетанье и пѣнье птичекъ, жившихъ въ кустахъ сирени и акацій подѣ окнами флигеля...

Въ 1892 г. я пріѣхалъ на Горку въ концѣ августа. Осень въ тотъ годъ въ нашихъ сторонахъ была такая теплая, что я еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ купался въ Двиницѣ и часто днемъ работалъ въ саду. Изрѣдка перепадали дожди. Въ двадцатыхъ числахъ сентября стало холоднѣе, и осень съ ненастьемъ, съ темными ночами, съ унылыми завываньями вѣтра начала вступать въ свои права. Въ непогодъ я забирался во флигель. Въ ту осень на Горкѣ я написалъ свои дѣтскія воспоминанія и статью «Дѣдушка Павелъ Михайловичъ» (которыя впослѣдствіи и были напечатаны).

Мой флигель узенькимъ коридоромъ раздѣлялся на двѣ равныя части, — въ той и въ другой по двѣ комнаты. Въ одной половинѣ, безъ печки, осенью сваливался картофель и лукъ, колышки съ грядъ гороха, лейки и проч. Въ другой половинѣ — съ большой русской печью — жилъ я. Въ большой первой комнатѣ отъ входа я устроилъ себѣ кабинетъ. Вдоль стѣнъ шли лавки, большой, грубо сколоченный столъ служилъ мнѣ письменнымъ столомъ; на полкахъ я разложилъ свои книги и бумаги. Въ слѣдующей маленькой комнатѣ съ полатами была моя спальня. Одно окно выходило во дворъ, а два — въ садъ.

Въ 8 часовъ утра, напившись кофе, я съ полчаса бродилъ по саду или ходилъ въ поле, а затѣмъ работалъ до 2 часовъ, въ 2 часа шелъ обѣдать въ «большой домъ», послѣ обѣда слѣдовалъ чай. Послѣ того я уходилъ во флигель и усаживался съ книгой у окна. Въ сумерки въ дождливую погоду ложился спать, а если дождя не было, я уходилъ въ поле и долго бродилъ тамъ. Иногда ходилъ въ садъ по рябиновой аллеѣ, ходилъ до той поры, пока въ домѣ не зажигали огня. Эти позднія прогулки по саду

и въ полѣ мнѣ особенно памятны. Осеннія сумерки для меня всегда были и остались полны какой-то грустной прелести и очарованія. Къ сожалѣнію, я затрудняюсь выразить опредѣленно, въ чемъ же эта прелесть... Она — и въ сѣрыхъ, низко нависшихъ облакахъ, и въ угасающемъ свѣтѣ дня, разлитомъ надъ землей, и въ безмолвіи опустѣлыхъ полей, и въ неподвижности деревьевъ съ пожелтѣвшей, печально поникшей листвою, и въ таинственной синеватой дымкѣ, заволакивающей дали...

Вечеръ обыкновенно я проводилъ со старушками. Тетушка по окончаніи своихъ дневныхъ работъ иногда раскладывала пасьянсъ, а ея старая подружка, вдѣвъ на носъ очки, вязала на деревянныхъ спицахъ шерстяной чулокъ. Свѣтъ отъ небольшой лампы, прикрытой зеленымъ абажуромъ, яркимъ кругомъ падалъ на столъ, а остальная комната пропадала въ полумракѣ. Живо запомнилась мнѣ эта картинка съ рембрандтовскимъ освѣщеніемъ, — на темномъ фонѣ двѣ старушки у стола... Иногда я вслухъ читалъ моимъ старушкамъ изъ сочиненій Пушкина, Лермонтова, Козлова, Полежаева, Некрасова. Вечера становились уже долги и темны... Читаю, бывало, а за окномъ по саду вѣтеръ шумитъ, дождь барабанитъ по стекламъ. Иногда, оставивъ книгу, я закуривалъ папиросу и подолгу, молча, сидѣлъ, закрывъ глаза... Я вспоминалъ о своихъ далекихъ друзьяхъ, о Петербургѣ.

Здѣсь — мракъ, безлюдье, только вѣтеръ завываетъ уныло, медлительно проходить вечеръ; здѣсь уже въ девять часовъ подумываютъ объ ужинѣ, о снѣ... А тамъ жизнь еще въ полномъ разгарѣ. Мишурнымъ блескомъ горятъ окна магазиновъ, по ярко освѣщеннымъ улицамъ безконечной вереницей мчатся экипажи, бѣгутъ и снуютъ по тротуарамъ пѣшеходы, у театровъ на площадяхъ толпятся извозчики, гдѣ-то слышна музыка...

Порою въ столовой начинался тихій разговоръ и какъ-то скоро обрывался. Тогда тиканье стѣнныхъ часовъ явственно слышалось. Старушки начинали зѣвать; одной надоѣдало

раскладывать карты, другая уставала вязать. Около девяти часовъ тетушка заводила рѣчь объ ужинѣ. Въ десять часовъ нашъ вечеръ кончался, и я уходилъ во флигель.

Въ дни полученія почты — въ воскресенье и въ среду — вечера у насъ проходили оживленнѣе, и мы долѣе не расходились: читали и перечитывали письма, рассуждали по поводу ихъ, я прочитывалъ вслухъ кое-что изъ газетъ, и о прочитанномъ опять шли толки. Я съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ писемъ отъ жены, хлопотавшей о разрѣшеніи мнѣ пріѣхать, хотя бы на время, въ Петербургъ. «Неужели, — думалъ я, — мнѣ опять придется жить зиму въ «Золотомъ Якорѣ» или на холодной дачѣ въ Любани?..» Утѣшительныхъ извѣстій не получалось изъ Петербурга.

Такъ проходила осень...

10 октября, помню, день былъ ясный, но холодный. Трава въ тѣни была покрыта инеемъ, какъ серебристымъ налетомъ. Закраины пруда покрылись тонкимъ льдомъ. Утромъ, когда я въ своемъ флигелѣ сидѣлъ за работой, гдѣ-то близко за садомъ послышалось звяканье колокольчика, — явленіе, рѣдкое въ нашей деревенской глуши. Я посмотрѣлъ въ окно. Тарантасъ тройкой быстро вѣхалъ въ ворота и подкатилъ къ крыльцу «большого дома». Ямщикъ еще не успѣлъ остановить разбѣжавшихся лошадей, какъ изъ тарантаса выпрыгнулъ какой-то полицейскій чиновникъ и вошелъ въ подвѣздъ.

«Должно - быть, становой!» подумалъ я. Становой изрѣдка наѣзжалъ къ тетушкѣ по дѣламъ — то съ окладнымъ листомъ, то за собираніемъ статистическихъ свѣдѣній: Я продолжалъ работать. Но вскорѣ пріобѣжала ко мнѣ горничная и объявила, что «тетенька зоветъ меня въ домъ».

Тетку и пріѣзжаго я нашелъ въ гостиной. Это, дѣйствительно, оказался нашъ становой, очень любезный и разговорчивый господинъ. Мы говорили объ урожаѣ, о цѣнахъ на рожь и овесъ и т. д. Воспользовавшись моимъ приходомъ, тетушка вскорѣ же встала и пошла распорядиться насчетъ чая и закуски. Лишь только старушка вышла, становой

вытащилъ изъ бокового кармана сюртука какую-то бумагу и съ таинственнымъ видомъ подалъ мнѣ ее.

— Изъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, — шепнулъ онъ мнѣ.

Я рѣшительно не понимаю, почему онъ при тетушкѣ не передалъ мнѣ этой интересной для меня бумаги и почему онъ напустилъ на себя такой таинственный видъ. Въ бумагѣ значилось, что министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ мнѣ пріѣхать на четыре мѣсяца въ Петербургъ. Съ радости я принялся самымъ усерднымъ образомъ угощать добраго вѣстника...

Была суббота. Мнѣ хотѣлось въ понедѣльникъ уже уѣхать, но тетушка рѣшила, что она проводить меня до Кадникова, только приходилось ждать до вторника: въ понедѣльникъ («тяжелый день») старушка не выѣзжала изъ дому.

— Пожалуй, — говорю, — вы и во вторникъ не поѣдете... во вторникъ вѣдь тринадцатое число...

— Нѣтъ, поѣдемъ... тринадцатое — ничего!.. — успокоила меня старушка.

Простился я съ Горкой, съ моимъ флигелемъ, гдѣ я въ теченіе многихъ лѣтъ проводилъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ тиши уединенья, и не предчувствовалъ я тогда, что то была послѣдняя осень, прожитая мною на Горкѣ. 13 октября утромъ тройка рыжихъ умчала меня съ Горки. Было, помню, холодновато, снѣжокъ кружился въ воздухѣ, туманомъ были задернуты лѣсныя дали...

19 октября я былъ въ Петербургѣ.

Въ іюлѣ того года исполнилось 25 лѣтъ моей литературной дѣятельности, и теперь, когда я возвратился въ Петербургъ, мои друзья задумали справить мой юбилей. Вечеромъ 22 ноября мои друзья и знакомые собрались въ «Медвѣдѣ», и В. Н. Ладыженскій, одинъ изъ распорядителей, пріѣхалъ за мной. Мнѣ, какъ, полагаю, всякому простому русскому человѣку, казалась чрезвычайно неловкой, даже тягостной роль юбиляра. Юбилей, какъ всякая выставка

своей особы, претилъ мнѣ... И я колебался, не рѣшался: ѣхать или нѣтъ, — и подѣ различными предлогами замедлялъ отъѣздъ. Я думалъ: не отказаться ли подѣ предлогомъ болѣзни, не написать ли письмо. Но, съ другой стороны, я



Владиміръ Николаевичъ Ладыженскій.

опасался, какъ бы своимъ отказомъ не обидѣтъ друзей и знакомыхъ. Ладыженскій торопилъ, а я бродилъ изъ комнаты въ комнату, то набивая папиросу, то отпирая и запирая ящикъ письменнаго стола. Наконецъ Ладыженскій посмотрѣлъ на часы и рѣшительно сказалъ: «Ѣдемъ!»

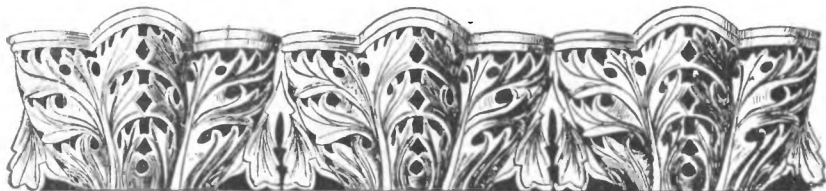
Перенесенный из деревенскаго уединенія въ большое общество, встрѣченный шумными привѣтствіями, я на первыхъ порахъ былъ совершенно ошеломленъ. Но когда неловкость первой встрѣчи прошла, мнѣ, признаться, стало очень отраднo: я словно очутился въ родной семьѣ. Я слышалъ ласковыя, задушевыя слова, видѣлъ вокругъ себя лица все людей, мнѣ дорогихъ и близкихъ...

Немного времени прошло послѣ того, а изъ тѣхъ, что были со мною въ тотъ вечеръ, уже многихъ не стало. Манассеинъ, Давыдова, Л. Туганъ-Барановская, Шелгунова, А. Ольхинъ, Михайловскій, В. Острогорскій, Соловьевъ-Несмѣловъ, М. Зубчаниновъ — уже въ могилѣ...

Повторяю, мнѣ было очень хорошо, было отраднo въ тотъ вечеръ. Но этотъ вечеръ омрачился бы для меня, если бы мнѣ было дано знать будущее. Потомъ оказалось, что этотъ скромный, маленькій юбилей, которымъ захотѣли порадовать меня друзья, возбудилъ не мало недоброжелательства ко мнѣ, нажилъ мнѣ нѣсколько лишнихъ враговъ въ томъ литературномъ кругу, въ которомъ я вращался, и явился въ послѣдствіи невольнымъ виновникомъ многихъ горькихъ минутъ, пережитыхъ мною. Такъ за каждую свѣтлую минуту въ жизни намъ приходится рано или поздно расплачиваться...

Но позабудемъ дурное, будемъ помнить о людяхъ лишь одно хорошее. Такъ лучше.





Л. П. Шелгунова.

I.



Въ началѣ апрѣля 1868 г. мнѣ пришлось поѣхать изъ Петербурга на родину, въ Вологду.

Въ то время я работалъ въ «Дѣлѣ». Г. Е. Благосвѣтловъ, узнавъ о моемъ отъѣздѣ, далъ мнѣ письмо для передачи Шелгунову, проживавшему на ту пору въ Вологдѣ, и при этомъ замѣтилъ мнѣ:

— Николай Васильевичъ что-то приунылъ... Постарайтесь-ка расшевелить его!

Ранѣе я еще никогда не встрѣчалъ Шелгунова, и мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ этимъ человѣкомъ, котораго я уже давно, заочно уважалъ и любилъ.

Вскорѣ же по приѣздѣ въ Вологду я отправился къ Шелгунову и засталъ его за довольно страннымъ занятіемъ. Онъ сидѣлъ за большимъ столомъ и оклеивалъ серебристой бумагой картонные латы и шлемы. Онъ встрѣтилъ меня радужно, весело и, смѣясь, объяснилъ мнѣ, что устраивается съ благотворительной цѣлью любительскій спектакль, и его заставили дѣлать рыцарскіе шлемы и латы. Онъ показался мнѣ такимъ бодрымъ, энергичнымъ, такимъ жизнерадостнымъ, что вовсе не представлялось необходимости «расшевелить» его... Я подалъ ему письмо, и онъ, извинившись, тутъ же разорвалъ конвертъ и сталъ быстро пробѣгать письмо.

Въ то время, когда Н. В. читалъ письмо, а я съ живѣйшимъ интересомъ смотрѣлъ на того, кто уже давно «по мысли» былъ мнѣ такъ близокъ и дорогъ, въ комнату тихо

вошла какая-то дама, держа въ рукѣ небольшую тетрадь, свернутую трубкой. Прижавъ къ груди тетрадь, она медленно шла и, какъ сомнамбула, разсѣянно смотрѣла передъ собой куда-то вдаль и что-то шептала про себя. При входѣ въ комнату она, повидимому, меня не замѣтила.

— Людичка! — крикнулъ Шелгуновъ, обращаясь къ дамѣ. — Вотъ сотрудникъ «Дѣла»... только что изъ Петербурга... привезъ письмо отъ Григорія Евлампіевича!

Сначала дама на мгновеніе остановилась, какъ вкопанная, а затѣмъ, слегка смутившись и сама смѣясь надъ своею разсѣянностью, подошла къ намъ. Н. В. познакомилъ меня съ нею. Это была Людмила Петровна Шелгунова... Она, какъ оказалось, принимала участіе въ предстоявшемъ спектаклѣ и теперь, ходя по комнатамъ, заучивала свою роль.

— И о тебѣ идетъ тутъ рѣчь!.. — сказалъ Н. В., подавая ей письмо.

Блондинка, лѣтъ 35 или 36, средняго роста, довольно полная, съ густыми бѣлокурыми волосами, съ умными, пронзательными глазами, съ милымъ, симпатичнымъ лицомъ, свободно, просто, но изящно одѣтая, — вотъ какою въ первый разъ я увидалъ Шелгунову 40 лѣтъ тому назадъ.

Прочитавъ письмо, она присѣла къ столу, и между нами завязался оживленный разговоръ. Н. В. говорилъ о вологодскомъ обществѣ и, помню, отзывался о немъ хорошо, расспрашивалъ меня о «Дѣлѣ», объ «Отеч. Запискахъ», перешедшихъ въ то время къ новой редакціи съ Некрасовымъ во главѣ, — вообще говорили о литературныхъ новостяхъ, о петербургской жизни.

Такъ началось мое знакомство съ Шелгуновыми, и хорошія отношенія между нами порвались только съ ихъ смертю.

Осенью того же года Л. П. уѣхала въ Петербургъ хлопотать о мужѣ и объ устройствѣ своихъ журнальныхъ дѣлъ. Я же оставался въ Вологдѣ до октября 1869 г.

Во второй разъ я встрѣтился съ Шелгуновой уже въ Петербургѣ, на вечерѣ у Благосвѣтлова въ декабрѣ 1869 г.

Изъ знакомыхъ мнѣ людей, кромѣ Шелгуновой, тамъ были Шеллеръ, Бажинъ, Филипповъ (авторъ извѣстныхъ юридическихъ статей въ «Современникѣ»), Омулевскій, Минаевъ,— были незнакомые мнѣ писатели, были какіе-то офицеры, дамы, нѣсколько студентовъ... Я сидѣлъ съ Шелгуновой въ залѣ у окна и бесѣдовалъ съ нею о Н. В. и о нашихъ общихъ вологодскихъ знакомыхъ. Въ это время Благосвѣтловъ своею грузною переваливающейся походкой подошелъ къ намъ и попросилъ Л. П. сыграть «Марсельезу». И она сѣла за рояль.

При первыхъ звукахъ знакомыхъ боевыхъ мотивовъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты въ залу какой-то высокій худощавый старикъ во фракѣ и всталъ у рояля, а когда Л. П. кончила, онъ наклонился и, какъ старый знакомый, дружески заговорилъ съ нею. Этотъ старикъ заинтересовалъ меня, и я спросилъ у Минаева: кто это?

— «Подводный камень»... Авдѣевъ! — прохрипѣлъ Дмитрій Дмитриевичъ.

(«Подводный камень» — романъ Авдѣева, пользовавшійся въ свое время большою извѣстностью среди читающей публики.)

Появленіе Авдѣева во фракѣ тогда, помнится, объясняли тѣмъ, что онъ къ Благосвѣтлову пріѣхалъ прямо изъ дворца великой княгини Елены Павловны.

Съ тѣхъ поръ я постоянно видался съ Л. П., когда она бывала въ Петербургѣ, и въ 1871 г., женившись, я познакомилъ съ нею и мою жену.

Въ теченіе тридцатилѣтняго знакомства я, конечно, имѣлъ возможность узнать ея характеръ, ея взгляды, отношенія ея къ общественнымъ вопросамъ и къ нашимъ литературнымъ дѣятелямъ...

Л. П. Шелгунова была женщина умная, развитая, все-сторонне образованная, дѣятельная, энергичная. До конца жизни она оставалась вѣрна тѣмъ взглядамъ и убѣжденіямъ, которыя теперь извѣстны подъ именемъ «идей 60 годовъ». Она предоставляла мужу полную свободу въ его личныхъ дѣлахъ и сама пользовалась такой же свободой.

Шелгуновъ, какъ извѣстно, почти постоянно мыкался изъ города въ городъ, и Л. П. то прїѣзжала къ нему, жила съ нимъ нѣсколько времени, то уѣзжала въ Петербургъ, хлопотала о Н. В., о переводѣ его въ другой городъ, посредничала между нимъ и редакціей и пристраивала въ редакціи свои статьи и переводы. Затѣмъ, устроивъ въ Петербургѣ свои и мужнины дѣла, она снова возвращалась къ Н. В. и жила въ добровольной ссылкѣ, дѣля съ нимъ радости и горе. Вообще, насколько мнѣ извѣстно, они всегда, живя ли вмѣстѣ или въ разлукѣ, оставались въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. (Читатель найдетъ не мало интереснаго въ книгѣ Л. Шелгуновой «Изъ далекаго прошлаго», въ которой помѣщены ею отрывки изъ ея воспоминаній и изъ переписки съ нею Н. В.)

Въ письмахъ Н. В. Шелгунова къ женѣ, даже въ дѣловыхъ письмахъ, постоянно встрѣчаются выраженія: «Другъ Людя!», «Дружокъ мой Людя!», «Прощай, мой голубчикъ. Цѣлую тебя»... «Ахъ, какъ тяжело и скверно жить на свѣтѣ! Чего бы я не далъ, чтобы быть съ тобой, мой другъ» («Изъ далекаго прошлаго», стр. 184). «Прочелъ сейчасъ еще разъ твое письмо, и такъ мнѣ хорошо стало» (стр. 120). «Твое письмо — письмо чистаго и благороднаго чело-вѣка» (стр. 161). «Тоска, и никого я не люблю. Есть только одна прочная связь — это съ тобою, такъ что я не могу представить себѣ жизни безъ тебя» (стр. 169). «Раздражаюсь теперь всякой мелочью, жду тебя, какъ ангела-успокоителя» (стр. 201).

II.

Когда въ началѣ 80 годовъ Шелгуновъ, наконецъ, добрался до Петербурга, то онъ жилъ на квартирѣ вмѣстѣ съ Л. П. (на Пушкинской ул.), гдѣ и бывали у нихъ многочисленные и очень оживленные *jours fixes*'ы. И когда Николай Васильевичъ, уже больной, прїѣхалъ въ 1890 г. въ Петербургъ, то онъ опять-таки поселился съ нею и съ дочерью.

Не мало горя испытала Шелгунова на своемъ вѣку; не мало пережила она всякихъ житейскихъ непріятностей, волнений и тревогъ — за мужа, за дѣтей, за людей, ей близкихъ...

Въ половинѣ 80 гг. Шелгунову постигло большое горе: одинъ изъ ея сыновей привлёкся къ суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Тогда Шелгунову разбилъ параличъ, и послѣ того ея здоровье уже не могло вполне оправиться. Вскорѣ же послѣ того она похоронила мужа и своего старшаго любимаго сына...

Л. П. была замѣчательно хорошая работница, добросовѣстная, точная, аккуратная. Она прекрасно знала иностранные языки и была поистинѣ неутомимой переводчицей; для дѣтей она очень умѣло составляла «компиляціи»; въ «Русскомъ Словѣ» и въ «Дѣлѣ» печатались ея оригинальные рассказы, — одинъ изъ нихъ (изъ крѣпостныхъ временъ) подъ заглавіемъ «Зеленые глазки» производилъ особенно сильное впечатлѣніе живостью и яркостью образовъ. Она работала регулярно, постоянно, много читала и интересовалась текущей жизнью. И, можно сказать, до послѣдняго момента жизни Л. П. не переставала интересоваться общественными дѣлами, политикой, литературой. Уже больная, разбитая параличомъ, не безъ труда ходя на костыляхъ, она посѣщала общественныя собранія, ходила въ редакціи къ издателямъ и къ своимъ старымъ знакомымъ, гдѣ надѣялась услышать живое слово, знакомыя рѣчи. И такую бодрю, дѣятельною, отзывчивою она оставалась до послѣднихъ дней, до послѣдней болѣзни, сведшей ее въ могилу...

Не разъ уже незадолго передъ смертью она говорила моей женѣ:

— Ахъ, А. Н., какъ я хорошо жила послѣдніе годы! Какъ мнѣ было хорошо!..

Въ этихъ словахъ ея слышалась горячая благодарность судьбѣ, даровавшей ей подъ монету ея жизни нѣсколько спокойныхъ лѣтъ, которыя она провела въ средѣ близкихъ, любившихъ ее людей.

Она жила съ дочерью и съ зятемъ посреди внучать, любившихъ ласковую бабушку. Зять ея М. А. Лукинъ (педагогъ) былъ для нея не зятемъ, а скорѣе нѣжнѣмъ, почти-тельнымъ сыномъ. Старшій сынъ ея, Михаилъ, очень талант-



Людмила Петровна Шелгунова.

ливый юноша, умеръ за нѣсколько лѣтъ до ея смерти, а другой, младшій сынъ жилъ гдѣ-то на югѣ, и М. А. Лукинъ, дѣйствительно, замѣнялъ ей сына. Да и Шелгунова не принадлежала къ тому типу тещъ, на которомъ сатира острить свое жало.

Смерть она, повидимому, не боялась. Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ умирала она изо дня въ день съ полнымъ сознаниемъ близкаго неизбѣжнаго конца, умирала, такъ сказать, съ полнымъ достоинствомъ.

— Ну, что жъ! Мнѣ ужъ подъ семьдесятъ!—спокойно говорила она. — Пора! Надо и честь знать!

Она производила впечатлѣніе челоѵка страшно уставшаго и мечтавшаго лишь объ отдыхѣ и успокоеніи.

На ряду съ достоинствами въ Шелгуновой, какъ въ каждомъ челоѵкѣ, находились и болѣе или менѣе крупные недостатки; она, какъ и всѣ мы, грѣшныя, иногда ошибалась, заблуждалась, поступала неправильно. Въ нашемъ мѣрѣ нѣтъ ангеловъ... Но, очевидно, было же въ Шелгуновой что-то такое, что ставило ее въ интеллектуальномъ отношеніи выше средняго уровня, если многіе высокодаровитые люди, известные русскому обществу своимъ умомъ и талантомъ, искали ея знакомства и находили наслажденіе въ бесѣдѣ съ нею.

Увлеченія ея нельзя приписывать лишь однѣмъ чарамъ женской красоты. Въ средѣ мужчинъ вѣдь находятся и такіе Самсоны, для которыхъ Далиль не существуетъ... Да къ тому же Шелгунова и не была выдающейся красавицей, «приковывающей къ себѣ взоры и сердце», какъ выражаются поэты. Знавшіе Л. П. молодою мнѣ говорили, что она была привлекательна, мила, но далеко, какъ говорится, не писаная красавица, да и смазливый личикомъ или «блестящими взорами» трудно было бы очаровать такихъ людей, какъ М. Михайловъ, Н. Шелгуновъ, Герценъ, Н. Огаревъ, А. Майковъ, Б. Ауэрбахъ и др. Конечно, молодое смазливое личико имъ могло бы понравиться, но оно не заставило бы ихъ сдѣлаться друзьями Л. П., если бы за красивой внѣшностью не было чего-нибудь болѣе цѣннаго, болѣе интереснаго для нихъ. Шелгунова была привлекательна для нихъ своимъ умомъ — живымъ, острымъ, пронизательнымъ, своею тонкою наблюдательностью, силою непосредственнаго чувства, своею чуткостью, отзывчивостью...

Я. Полонскій говорилъ ей: «Я былъ боговъ твоихъ пѣвецъ, когда я пѣлъ ума свободу, неискаженную природу»... А. Майковъ, видя Шелгунову въ обществѣ, сравнивалъ ее съ живой, «свѣжей розой, вплетенной въ вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ». Бенедиктовъ назвалъ ее «воплощеннымъ весельемъ», «радостью въ живомъ образѣ», сказалъ, что у нея «умъ съ мечтами заодно». М. Михайловъ, обращаясь къ Л. П., говорилъ: «Душа полна тобой, какъ святой молитвой».

У Л. П. былъ альбомъ, и, благодаря Л. Н. Лукиной (дочери покойной Шелгуновой), я могъ сдѣлать изъ этого альбома нѣсколько выписокъ.

Альбомъ открывается стихотвореніемъ «Перепутье»:

Труденъ былъ путь мой. Холодная мгла
Не разступалась кругомъ.
Съ сѣвера туча за тучею шла
Съ крупнымъ и частымъ дождемъ...
Капалъ онъ съ мокрыхъ одеждъ и волосъ,
Жутко мнѣ было итти;
Много суровыхъ я вытерпѣлъ грозъ,
Больше ихъ ждалъ впереди.
Липкую грязь отряхнуть бы мнѣ съ ногъ
И отъ ходьбы отдохнуть!..
Вдругъ мнѣ въ сторонкѣ блеснулъ огонекъ...
Дрогнула радостью грудь.
Боже, какимъ перепутьемъ меня,
Странника, ты наградишь!
Боже, какого дождался я дня!
Сколько прибавилось силъ!

Мих. Михайловъ.

Спб. 11 февраля 1856.

И далѣе есть его же стихотвореніе:

НА ПУТИ.

Май 1856.

За туманами потухъ
Свѣтъ зари вечерней...
Раздражительнѣе слухъ,
Сердце суетврнѣй.

Мнѣ грозить мой путь глухой
Злою встрѣчей, битвой.
Но душа полна тобой,
Какъ святой молитвой!

Лисино. 10 іюня 1857.

Что ждетъ меня, — вѣнецъ лавровый
Или страдальческій вѣнецъ?!

Каковъ бы ни былъ мой конецъ —

Я въ жизнь иду, на все готовый.

Каковъ бы ни былъ мой конецъ —

Благослови мою дорогу! •

Ты моему молилась богу —

Я былъ боговъ твоихъ пѣвецъ.

Я былъ боговъ твоихъ пѣвецъ,

Когда я пѣлъ ума свободу,

Неискаженную природу

И слезы избранныхъ сердець.

Я. Полонскій.

Слб. 3 марта 1856 г.

Я не умѣю писать въ альбомы. Простите меня, вмѣсто нѣсколькихъ строкъ, — легкихъ и веселыхъ, — я вписалъ вамъ пѣлую страницу, печальную и длинную изъ моей тетради «Былое и думы». Страницу эту мнѣ только что принесли изъ типографіи. Къ тому же въ ней говорится о Лондонѣ, — вспомните иной разъ, что въ этомъ туманѣ и поднесъ бродить русскій душевно уважающій васъ *Искандеръ*.

15 марта 1859 года.

Park-house. Fulham.

Воплощенное веселье,
Радость въ образѣ живомъ,
Упоительное зелье,
Жизнь въ отливѣ огневомъ,
Кипятокъ души игривой,
Искры мыслей въ морѣ грезъ,
Рѣзвый блескъ слезы шутливой
И не въ шутку смѣхъ до слезъ,
Легкой пѣсни вольный голосъ,
Умъ съ мечтами заодно,
Дума съ хмелемъ, цвѣтъ и колось,
И коронка, и зерно...

В. Бенедиктовъ.

30 апрѣля 1857 года.

Л. Мей вписалъ въ альбомъ шуточный акростихъ :

ЗАГАДКА.

(Людмилѣ Петровнѣ Шелгуновой.)

Развязные, вполне живые разговоры,
Язытельный намекъ и шуточка подчасъ,
Блестящія, какъ сталь опущенная, взоры
И мягкій голосъ вашъ смущаютъ бѣдныхъ насъ.
Но угадайте, — что, постигнѣ, у васъ
Очаровательно и сердце обольщаетъ?
Въ раздумьѣ вы?.. такъ я шепну вамъ на ушко:
Кто знаетъ вкусъ мой, тѣмъ и угадать легко.
А кто не знаетъ, пусть посмотритъ; угадаетъ...

10 дек. 1857 г.

Н. Некрасовъ написалъ въ альбомъ Шелгуновой свои
извѣстные «*Стихи*».

Стихи, стихи! свидѣтели живые
За мѣръ пролитыхъ слезъ!
Родитесь вы въ минуты роковыя
Душевныхъ грозъ
И бьетесь о сердца людскія,
Какъ волны объ утесъ.

Спб. 21 февраля 1858 г.

Это прекрасное стихотвореніе, помѣченное въ печати подъ
1862 г., какъ оказывается, было написано за четыре года
до появленія его въ печати и для печати измѣнено въ немъ
лишь начало первой строки: «Стихи мои!..»

Н. Огаревъ вписалъ въ альбомъ четыре строки изъ сво-
ихъ монологовъ :

Чего хочу?.. Чего? О, такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой — ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь...

И затѣмъ ниже, на той же страницѣ, его небольшое стихо-
твореніе подъ заглавіемъ: «*Женщина-медику*».

Однообразье балныхъ залъ
Не разъ вашъ смѣхъ одушевленный
Передо мною оживлялъ;
Среди толпы пустой и сонной
Неволью я стремился къ вамъ,
Какъ къ свѣжей розѣ, приплетенной,
Въ вѣнкѣ, къ искусственнымъ цвѣтамъ.

А. Майковъ.

6 февр. 1856.

Мих. Шелгуновъ (старшій сынъ Людм. Петр.) вписалъ въ альбомъ слѣдующее стихотвореніе:

Впередъ, друзья, скорѣй за дѣло,
Работы братской пробилъ часъ,
Въ послѣдній бой идите смѣло,
Да не слабѣетъ вѣра въ васъ.
Въ одну семью сомкнитесь дружно,
Грудь съ грудью и рука съ рукой,
Не мало силъ для дѣла нужно,
А вы раздѣлены враждой.
Не словъ, а дѣлъ настало время,
Оставьте споры, шумъ пустой,
На ниву брошенное сѣмя
Ростки пустило подъ землей...
Въ поляхъ зазеленѣли всходы,
Насъ урожай въ грядущемъ ждеть...
Впередъ на бой! Въ войнѣ свободы
Онъ жатвой пышною взойдетъ.

30 янв. 1883 г.

«До свиданья моя добрая, хорошая! Спасибо Вамъ за Вашу привѣтливость, которая такъ согрѣвала меня среди того тупоумія и бездушія, которыми я была окружена. Гдѣ бы я ни была, что бы со мной ни случилось, — одно воспоминаніе о Васъ будетъ мнѣ говорить, *какъ* надо любить всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, голодныхъ и холодныхъ. На борьбу за нихъ я отдаю всю мою жизнь, свободу, личныя радости, но если, несмотря на это, я не сумѣю ничего для нихъ сдѣлать, — не бросьте въ меня слишкомъ жесткимъ

словомъ: — желанія много, но, быть-можетъ, не хватить умѣнья».

1873 г. января 18.

Калуга 1).

А. Дементьева.

Въ альбомѣ, кромѣ того, встрѣчаются стихотворенія Ник. Гербея, А. Плещеева, Вас. Курочкина и многихъ другихъ писателей — русскихъ и иностранныхъ.

Въ альбомѣ Л. П. Шелгуновой я нашелъ еще два листочка, на одномъ изъ которыхъ было написано стихотвореніе П. Л. Лавровымъ (дата 23 мая 1862 г.), а на другомъ рукою Некрасова были набросаны отрывки изъ стихотворенія «Рыцарь на часъ». Оба эти стихотворенія, повидимому, не принадлежали къ альбому, были лишь вложены въ него. Стихотвореніе П. Лаврова не можетъ быть сообщено здѣсь. Отрывки же изъ стихотворенія «Рыцарь на часъ» привожу буквально въ томъ видѣ, какъ они записаны самимъ поэтомъ.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ „РЫЦАРЬ НА ЧАСЪ“.

...Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...
Въ эту ночь со стыдомъ сознаю
Безполезно погибшую силу мою,
И трудящійся бѣдный народъ
Преде мною съ упрекомъ идетъ,
И на лицахъ его я читаю грозу
И въ душѣ подавить я стараюсь слезу.
Да, теперь я къ тебѣ бы воззвалъ,
Бѣдный братъ, угнетенный, скорбящій!
И такую бы правдой звучалъ
Голосъ мой, изъ души исходящій,
Въ немъ такая бы сила была,
Что толпа бы за мною пошла...

1) Дементьева была арестована по дѣлу печатанія прокламацій, сколько помнится, привлекалась по дѣлу Ткачева. Она находилась въ ссылкѣ въ Калугѣ, гдѣ жилъ въ то время и Н. В. Шелгуновъ съ женою.

О мечты! о волшебная власть
Позвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Все въ душѣ угнетенной моей
Пробудилось... Но гдѣ же ты, сила?..
Завтра встану ягненка смиртнѣй ¹⁾,
Цѣлый день промаячу уныло ²⁾,
Ночью буду *пилюли* ³⁾ глотать,
И пугать меня будетъ могила,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...
Все, что въ сердцѣ кипѣло, боролось, —
Все *погаснетъ, безслѣдно замретъ* ⁴⁾,
И насмѣшливый внутренній голосъ
Злую пѣсню свою *запоетъ* ⁵⁾:
«Покорись, о ничтожное племя,
Неизбѣжной и горькой судьбѣ:
Захватило васъ трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ.
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно;
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано»...

Подъ стихотвореніемъ рукою же Некрасова написано:

«Рѣдки тѣ, къ кому нельзя примѣнить этихъ словъ, чьи порывы способны переходить въ дѣло... Честь и слава имъ — честь и слава тебѣ, братъ!»

24 мая, въ 6 час. утра.

Некрасовъ.

Эти слова, очевидно, относятся къ Михаилу Иларіоновичу Михайлову.



1) «Я проснулся ребенка слабѣй». Полное собр. стих. Н. А. Некрасова. Изд. 6-е, т. I, стр. 233.

2) «Знаю: день проваляюсь уныло».

3) «Микстуру».

4) «Все лучъ блѣднаго утра спугнуль».

5) «Затянуль».



А. И. Эртель.

I.

Въто 1875 года я проводилъ въ Тамбовской губ. Въ Усмани я познакомился съ однимъ почтеннымъ мѣстнымъ жителемъ, Ив. Вас. Федотовымъ. Человѣкъ свободнаго, образа мыслей, очень начитанный, свѣдущій въ литературѣ, Федотовъ составилъ прекрасную домашнюю библіотеку и постоянно съ толкомъ, со строгимъ выборомъ пополнялъ ее. (Впослѣдствіи его библіотека перешла къ городу.) Федотовъ любилъ книги, любилъ ихъ авторовъ. На хорошую книгу онъ смотрѣлъ съ уваженіемъ, снималъ ее съ полки бережно, хранилъ, какъ сокровище, но въ то же время онъ съ полной готовностью выдавалъ книги знакомымъ для чтенія.

У Федотова однажды я встрѣтилъ молодого человѣка, пріѣхавшаго съ хутора за книгами. Этотъ юноша — блондинъ, высокаго роста, худощавый, симпатичной наружности, съ мягкимъ ласкающимъ взглядомъ добрыхъ, вдумчивыхъ глазъ — былъ Александръ Ивановичъ Эртель. Тогда ему было не болѣе 20 лѣтъ.

Съ перваго же нашего свиданія, можно сказать, съ первыхъ же словъ — онъ внушилъ мнѣ довѣріе къ себѣ, и я близко познакомился съ нимъ. И теперь воспоминаніе о немъ составляетъ одно изъ лучшихъ, свѣтлыхъ моихъ воспоминаній. А вѣдь на жизненномъ пути у меня было не мало встрѣчъ во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ такъ на-

зваемыхъ «высокопоставленныхъ лицъ» и кончая крестьяниномъ-бѣднякомъ. Среди знакомыхъ лицъ, живо и ярко сохранившихся въ моей памяти, образъ А. И. Эртеля — на ряду съ *немногими* другими — особенно рельефно запечатлѣлся въ моихъ воспоминаніяхъ.

Это былъ человѣкъ, богато одаренный умственными силами, умѣло и широко воспользовавшійся средствами къ самообразованію, дѣятельный, энергичный, человѣкъ великодушный, всегда, при всякой возможности оказывавшій помощь ближнимъ, дѣлавшій добро — но безъ шума, безъ рекламы, человѣкъ съ душой нѣжной, чуткой, отзывчивой...

Не могъ онъ безучастно проходить мимо людского горя, только не всегда было въ его силахъ облегчить это горе. Близко, горячо къ сердцу принималъ онъ страданія рабочаго народа — особенно крестьянскаго населенія, и не потому, конечно, чтобы онъ игнорировалъ массу заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ, вовсе нѣтъ! Онъ былъ человѣкъ настолько всесторонне развитый, что рѣшительно не могъ игнорировать этихъ тружениковъ, но жизнь его съ раннихъ лѣтъ сложилась такъ, что ему пришлось быть постоянно бокъ о бокъ съ крестьянами; онъ зналъ ихъ быть, зналъ темныя и свѣтлыя его стороны и, нимало не идеализируя крестьянина, любилъ его и жалѣлъ его всего болѣе за его темноту, за невѣжество, дѣлавшее его, богатыря, беспомощнымъ и безсильнымъ существомъ, которымъ командовалъ всякій, кому было не лѣнь.

Эртель сходилъ съ крестьянами, не какъ баринъ, но какъ «свой человѣкъ»; въ средѣ народа у него были не только добрые знакомые, но и друзья, и послѣднее обстоятельство дало ему возможность не только основательно познакомиться съ внѣшнимъ бытомъ народа, но и заглянуть ему въ душу, уловить его затаенныя думы, надежды, чаянія и мечты...

Знакомство мое съ Эртелемъ продолжалось 33 года, и не мало сценъ и цѣлыхъ эпизодовъ сохранила моя память изъ времени моего знакомства съ нимъ.

II.

Въ декабрѣ 1876 г. я опять былъ въ Усмани и новый (1877 г.) встрѣчалъ на хуторѣ у Эртеля. Ъздили мы къ нему втроемъ—жена моя, Анюта Федотова (дочь Ив. Вас.) и я. Помню, мы выѣхали изъ Усмани уже въ сумерки...

Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ объ Анютѣ Федотовой. Коротка была ея жизнь и закончилась трагически...

Въ то время, когда мы съ нею ѣздили къ Эртелю на хуторъ, она была еще совсѣмъ дѣвочкой, вѣроятно, лѣтъ 10—11. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того Анюта пріѣхала въ Петербургъ, готовилась поступать на курсы, но была арестована и попала въ домъ предварительнаго заключенія. Теперь я не помню въ точности, за что она была арестована, — то ли ея адресъ оказался у кого-то серьезно замѣшанныхъ въ политическомъ дѣлѣ, то ли нашлись у нея какіе-то листки, — только помню, что за сущіе пустяки. Продержали ее нѣсколько мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи и выпустили «на волю» въ послѣднемъ градусѣ чухотки; «на волѣ» Анюта пробыла одинъ день, а затѣмъ ее отвезли въ рождественскіе бараки, гдѣ она вскорѣ же и умерла.

Такъ безжалостно, ни для кого не нужно, скосили едва распустившійся цвѣтокъ...

Едва ли Анютѣ было въ то время 20 лѣтъ. Притомъ она была очень моложава, казалась дѣвочкой... По выходѣ же изъ заточенія, она оказалась постарѣвшею на много лѣтъ, и когда она лежала уже въ покойницкой, ее можно было принять за старушку. На похороны ждали изъ Усмани ея мать. Но, пріѣхавъ въ предполагаемый день похоронъ и прямо съ вокзала придя въ рождественскіе бараки, несчастная мать, убитая горемъ, уже не нашла трупъ своей дочери. Ночью полиція похитила трупъ и неизвѣстно гдѣ похоро-

нила... Матери хотѣлось найти хоть могилку своей Анюты, но напрасно она оббивала пороги всякихъ полицейскихъ властей, такъ и не добилась толку...

III.

Итакъ, продолжаю...

Мы ѣхали на хуторъ. Синія сумерки уже перешли въ бѣлесоватую мгlistую зимнюю ночь. Снѣжныя равнины безконечной бѣлой пеленой разстилались по сторонамъ плохо проѣзженной степной дороги. Лишь изрѣдка попадались намъ деревушки и одиноко стоявшіе хутора.

Уже не очень далеко отъ хутора, который арендовалъ Эртель, насъ застигла метель. Мы прозябли и зашли было погрѣться въ какую-то избу. Изба была небольшая — сравнительно съ крестьянскими избами сѣверной Россіи, и въ ней вповалку спали 18 человѣкъ. Воздухъ въ избѣ былъ до того невыносимо удушливъ, что мы, несмотря на все наше желаніе поотгрѣться, не могли выдержать и пяти минутъ, опять вышли на морозъ и нашли за лучшее поскорѣе отправиться въ путь.

Добрались мы до хутора уже поздно. Конечно, радушный хозяинъ насъ живо обогрѣлъ. На столѣ появился весело шумящій самоваръ, груды всякаго печенья и различныя вкусныя деревенскія яства.

Поэзіей обвѣяны для меня тѣ дни, тѣ святочные вечера, которые я провелъ на этомъ степномъ хуторѣ въ обществѣ Эртеля.

Время летѣло незамѣтно. Задушевная бесѣда смѣнялась шутками, безобидными остротами, смѣхомъ, шутки и смѣхъ смѣнялись тихой, меланхоличною игрою на гитарѣ... Мнѣ было хорошо, уютно, и я съ наслажденіемъ здѣсь отдыхалъ послѣ петербургскаго «коловоращенія людей».

Помню, школьники пріѣзжали славить со своимъ учителемъ, пѣли различныя пѣсни и, между прочимъ, очень

выразительно спѣли извѣстное никитинское стихотвореніе «Ни кола, ни двора, зипунъ — весь пожитокъ». Пѣвцовъ, конечно, угощали, одарили всякими сластями. Приѣзжали еще кое-кто изъ сосѣдей, но вообще посѣтителей было немного... Чаще мы оставались одни съ хозяевами.

Помню, какъ однажды съ Эртелемъ поздно вечеромъ мы ѣздили кататься. Лошадь бѣжала спокойной, мѣрной рысью; сани неслышно скользили по мягкой дорогѣ. Бодрящимъ морознымъ воздухомъ вѣяло намъ въ лицо... Надъ головой искрилось огнями темно-синее ночное небо, по сторонамъ дороги разстилались снѣжныя равнины, серебрившіяся въ сіяніи мѣсяца, даль утопала въ таинственной мглѣ...

Послѣ того прошло слишкомъ 30 лѣтъ, но картина того далекаго святочнаго вечера и теперь словно стоитъ у меня передъ глазами.

Послѣ того я еще не разъ гостилъ у Эртеля въ деревнѣ — и на хуторѣ («на Грязнушѣ») и въ Ольховкѣ, гдѣ онъ одно время арендовалъ усадьбу.

IV.

Въ концѣ 70 годовъ А. И. Эртель переселился въ Петербургъ.

Тогда въ «Вѣстникѣ Европы» появился рядъ его прелестныхъ рассказовъ подъ общимъ заглавіемъ «Записки степняка». Эти рассказы своею образностью, живымъ описаніемъ природы, изяществомъ и мягкостью тона сильно напомнили тургеневскія знаменитыя «Записки охотника». Эртель скоро былъ замѣченъ читателями и критикой. Редакція «Вѣст. Евр.» очень дорожила имъ, какъ талантливымъ молодымъ писателемъ.

Весной 1879 г. я передалъ Эртелю завѣдываніе моей библіотекой (находившейся на Невскомъ пр., близъ Литейной.) Это дѣло вполне соответствовало его вкусамъ, въ то же время не отрывало его отъ его литературныхъ занятій и

доставляло ему при библиотекѣ даровую квартиру. А я въ ту пору поселился на Пушкинской ул.

Въ эту зиму мы часто — почти каждый день — видѣлись съ Эртелемъ. Одно время я съ женой даже столовался у него, потому что я тогда жилъ какъ-то такъ — между небомъ и землей... Послѣ обѣда, бывало, мы иногда подолгу просиживали за самоваромъ, если у Ал. Ив. и у меня не было спѣшной работы. Говорили о злобѣ дня, о текущихъ событіяхъ общественной жизни, о литературныхъ новостяхъ. Нерѣдко заходилъ Г. И. Успенскій и оживлялъ нашу бесѣду. Эртель умѣлъ вызывать Глѣба Ивановича на рассказы, а рассказы Успенскаго, когда онъ чувствовалъ себя въ «своемъ кружкѣ» обыкновенно бывали очень остроумны, дышали жизнью, а порой были проникнуты тѣмъ тонкимъ юморомъ, какой составляетъ характерную особенность произведеній Успенскаго.

Иногда Ал. Ив. прочитывалъ мнѣ въ рукописи свой рассказъ — передъ отсылкой его въ редакцію «Вѣст. Европы» — и заставлялъ меня выступать въ роли критика.

Однажды съ Эртелемъ — по какому-то случаю — мы вечеромъ остались вдвоемъ и тихо бесѣдовали, какъ говорится, «по душѣ». Говорили объ идеалѣ «настоящей жизни», о счастіи... И помню, Эртель тогда со вздохомъ замѣтилъ:

— Иногда мнѣ думается, что Пушкинъ правъ... «На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля»...

Этотъ вечеръ съ необыкновенной яркостью запомнился мнѣ, потому что бесѣда наша въ тотъ вечеръ была особенно задушевна и мы съ увлеченіемъ дѣлились своими думами и мечтами...

Завѣдывалъ Эртель библиотекой лишь одинъ годъ. Весной 1880 г. онъ опасно заболѣлъ, вслѣдствіе сильнаго переутомленія, и мы боялись за его жизнь.

Какъ-то уже въ концѣ зимы мы сидѣли у него вечеромъ. Передъ тѣмъ Ал. Ив. усиленно работалъ почти двое сутокъ, не отрываясь отъ письменнаго стола, почти не спалъ, ѣлъ

урывками, кое-какъ, и пилъ чай. Въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь, онъ кончилъ свою работу, сходилъ въ баню. Мы ушли отъ него около 11 часовъ. Эртель казался совершенно здоровымъ, только утомленнымъ.

Передъ утромъ; когда было еще темно, насъ разбудилъ сильный, торопливый звонокъ. Прибѣжала прислуга отъ Эртеля. Оказалось, что ночью Ал. Ив. заболѣлъ, у него открылось сильное кровотечение горломъ. Мы, конечно, поспѣшили къ нему.

Мы застали его сидящимъ на кровати и смертельно блѣднымъ. Онъ сидѣлъ, обложенный подушками и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Я, кажется, умру!..— слабымъ голосомъ прошепталъ онъ.

Мы всячески успокоивали его и сдѣлали все, чтобы остановить кровотечение. Былъ приглашенъ докторъ.

Днемъ посѣтилъ нашего больного проф. В. А. Манассеинъ, внимательно из-



Александръ Ивановичъ Эртель.
(1876 г.).

слѣдовалъ его, выслушалъ его легкія, сердце и настойчиво посовѣтовалъ Эртелю, когда онъ поправится, ѣхать на кумысъ и, по крайней мѣрѣ, года два-три не возвращаться въ Петербургъ. Въ тотъ же день (или на другой, точно не помню) навѣстилъ Эртеля проф. С. П. Боткинъ. Онъ явился во фракъ и со звѣздой... Такой парадный видъ профессора удивилъ меня... Дѣло въ томъ, что въ то время была больна государыня Марія Александровна; Боткинъ лѣчилъ ее и изъ Зимняго Дворца прямо проѣхалъ къ намъ, въ бібліотеку. Онъ также выслушалъ больного и

совѣтовалъ ему, при первой же возможности, поѣхать куда-то за границу.

Оба профессора отнеслись къ больному очень внимательно, оба были специалисты по внутреннимъ болѣзнямъ, но совѣты ихъ расходились. Доводы проф. Манассеина, повидимому, оказались убѣдительнѣе (да къ тому же, можетъ-быть, они болѣе соотвѣтствовали финансовому положенію больного),—Эртель избралъ кумысь.

Лишь только онъ оправился настолько, что могъ ходить по комнатѣ, мы проводили его на югъ.

Эртель строго послѣдовалъ совѣтамъ Манассеина,—пилъ кумысь, жилъ въ деревнѣ, на чистомъ воздухѣ, и вообще велъ предписанный ему режимъ. И кумысь—въ соединеніи съ благоприятными условіями жизни—замѣчательно помогъ Эртелю. Ал. Ив. окрѣпъ, пополнялъ и казался гораздо здоровѣе, чѣмъ былъ до болѣзни.



А. И. Эртель. (1882 г.).

Проф. Манассеинъ на одной изъ своихъ лекцій въ Медико-Хирургической Академіи показывалъ студентамъ двѣ карточки Эртеля—одну, снятую до болѣзни, а другую—послѣ болѣзни, и на этомъ наглядномъ, краснорѣчивомъ примѣрѣ доказывалъ еще разъ благотворное вліяніе кумыса при болѣзняхъ и при слабости легкихъ.

Въ 1882 г. Эртель опять появился среди насъ. Въ это вторичное пребываніе Эртеля въ Петербургѣ два злослуженія постигли его. Почти одновременно—умерла у него дочь, а самъ онъ—по подозрѣнію въ революціонной пропа-

гандѣ — былъ арестованъ, провелъ нѣсколько времени въ домѣ предварительнаго заключенія и, за неимѣніемъ уликъ, административнымъ порядкомъ былъ сосланъ въ Тверь. Здѣсь онъ вскорѣ познакомился съ лучшими земскими дѣятелями, и у него составился въ Твери свой кружокъ.

Вотъ еще замѣчательная черта, о которой нельзя не упомянуть, говоря объ Эртелѣ... Гдѣ бы онъ ни поселился, куда бы ни забросила его судьба, вокругъ него тотчасъ же начинали группироваться лучшіе мѣстные дѣятели. Личность его обладала какою-то обаятельной силой, способностью привлекать къ себѣ всѣ лучшіе живые элементы въ окружавшей его средѣ.

Эртель былъ очень друженъ съ Г. И. Успенскимъ и съ тѣмъ литературнымъ кругомъ, въ которомъ вращался Г. Успенскій. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ бывшимъ эмигрантомъ Вл. Гр. Чертковымъ, съ кн. П. А. Кропоткинымъ и съ другими видными общественными дѣятелями. Въ послѣдніе годы, живя въ Москвѣ, онъ также вращался въ прогрессивныхъ кружкахъ московскаго общества.

V.

Послѣ «Записокъ степняка» появилось еще нѣсколько повѣстей и романовъ Эртеля («Гарденины», «Смѣна» и др.) Его «Гарденины» въ свое время произвели сенсацію въ средѣ читателей.

Уже лѣтъ десять, какъ Эртель оставилъ литературную дѣятельность, замолкъ. Я не однажды выговаривалъ ему за то, что онъ не пишетъ. Онъ утверждалъ, что у него не было и нѣтъ настоящаго призванія къ писательству, что онъ былъ диллетантомъ. По моему мнѣнію, онъ ошибался, былъ онъ слишкомъ скромнень и не дооцѣнивалъ свои силы, какъ художника-бытописателя. Тѣ же «Гарденины» и теперь еще представляютъ для добросовѣстной критики богатый матеріалъ. (Я пишу не критическую статью, и поэтому умалчи-

ваю о несомнѣнныхъ для меня достоинствахъ литературныхъ произведеній А. И. Эртеля.)

Къ сожалѣнію, я не могу найти того письма Эртеля, гдѣ онъ подробно говоритъ о причинахъ, по которымъ онъ покинулъ литературную дѣятельность. За то сохранилось у меня его большое, доброе письмо изъ Твери (отъ 16 апр. 1889 г.).

Въ февралѣ и мартѣ 1889 г. я перенесъ очень тяжелую болѣзнь (крупозное воспаленіе легкихъ) и наводилъ у знакомыхъ справки о кумысѣ, о томъ, куда бы мнѣ лучше поѣхать для поправки, когда буду въ состояніи отправиться въ путь. Въ это-то время, когда я находился, такъ сказать, на распутіи, я и получилъ отъ Эртеля очень подробное письмо, съ весьма полезными указаніями и съ предложеніемъ услугъ...

«Дорогой П. В.,—писалъ онъ.—Вчера я получилъ письмо отъ М. Н. Чистякова ¹⁾, въ которомъ онъ меня извѣщаетъ, что вы очень больны и что справляетесь, какъ бы устроить кумысъ въ Самарѣ. Позвольте мнѣ дружески поговорить съ вами по поводу лѣтнихъ вашихъ проектовъ. Дѣло въ томъ, что въ Самарск. губ. очень трудно устроить кумысъ такъ, чтобы это было и не дорого и хорошо. Живи тамъ Матвѣй Николаевичъ ²⁾ или хотя бы Сумкины, — другое дѣло, но теперь приходится выбирать только между такъ называемыми кумысо-лѣчебными заведеніями. Лучшее изъ нихъ, несомнѣнно, Богдановка, въ 50 верст. отъ Самары по Оренбургск. и затѣмъ по Уфимск. ж. д. (ст. Тургеневка). Но что представляетъ изъ себя это «лучшее»? (слѣдуютъ подробности о кумысѣ и дороговизнѣ жизни въ Богдановкѣ.) Но это не главное, — главное страшнѣйшая тоска обыкновенно царствующая тамъ; въ саду — сыро, въ полѣ — пу-

¹⁾ Близкій, старый знакомый Эртеля, который до конца оставался съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

²⁾ Чистяковъ.

стыня, выжженная солнцемъ — и вѣчный видъ чахлахъ раздраженныхъ, но все же щеголяющихъ напропалую больныхъ. Не изберете ли вы другое?

«Ступайте въ Кисловодскъ. Кумысь тамъ прекрасный, но лучше всего живительный горный воздухъ, чистый и прозрачный, какъ хрусталь. Жизнь отнюдь не дороже, чѣмъ на сравнительно дешевомъ кумысномъ курортѣ — Богдановкѣ. Я знаю людей — мужа и жену, — которые ухитряются проживать вдвоемъ 70 р. въ мѣс., то-есть, въ Кисловодскѣ. Правда, у нихъ была своя керосиновая кухня, а припасы на базарѣ очень дешевы. Но какое же сравненіе съ унылой Самарой! Можно вволю бродить по веселымъ, зеленымъ горамъ; утомительныхъ жаровъ никогда не бываетъ, а въ случаѣ покажется жарко — прелестный тѣнистый паркъ, съ вѣчнымъ журчаніемъ горной рѣчки. Однимъ словомъ внѣ всякаго сравненія съ пыльной и знойной Самарой.

«Перейду теперь къ Ахилессовой пятѣ этого проекта. Раньше 1 іюня въ Кисловодскѣ дѣлать нечего: сезонъ открывается съ 1, да въ маѣ бываетъ еще и сыро, иногда идутъ дожди. Вамъ же, разумѣется, чѣмъ скорѣе выбратъся изъ Питера, тѣмъ лучше. Сдѣлайте такъ: выбирайтесь хоть сейчасъ же, доѣзжайте до ст. Графской (одна станція за Усманью) и живите у насъ на Грязнушѣ до 1 іюня. Помѣщеніе не ахти какое, пожалуй, даже убогое помѣщеніе — но все-таки не простудитесь въ немъ, а затѣмъ — весна, которая такъ хороша въ нашихъ мѣстахъ. Молока вволю, открытыя и просторныя поля. Мы выберемъ изъ Твери, вѣроятно, въ половинѣ мая; впрочемъ, можетъ-быть, М. В. пріѣдетъ раньше на хуторъ, — но во всякомъ случаѣ вы будете у матери моей, тамъ живущей, такимъ же желаннымъ гостемъ, какъ и у насъ. Если же вамъ почему-нибудь не по душѣ мое предложеніе, то дальше, по той же жел. дорогѣ, въ 200 верст. отъ Графской, живутъ люди тоже дружески расположенные къ вамъ — Чертковы. Во всякомъ случаѣ можно переждать гдѣ-нибудь на пути до начала іюня.

« Приступаю къ самому труднѣйшему... (Слѣдуетъ подробное исчисленіе расходовъ по поѣздкѣ и по житію въ Кисловодскѣ.) Въ концѣ іюля и въ концѣ августа я могу располагать (съ апрѣльской кн. «Русск. Мысли» печатается мой романъ) возможностью ссудить васъ въ два срока 150 руб., то-есть высылать вамъ въ Кисловодскъ по 75 р. въ мѣсяць — іюль и августъ ¹⁾. Я былъ бы очень счастливъ, если вы согласитесь взять эту ссуду — и еще больше счастливъ — если вы сочтете возможнымъ при этихъ условіяхъ поѣхать въ Кисловодскъ. Всего вѣрнѣе, что вы, проживя мѣсяць въ Кисловодскѣ, такъ оправитесь, что сможете написать хотя бы для «Русск. Вѣдом.» нѣсколько фельетоновъ. Это вамъ обезпечитъ полученіе на сентябрь. Да непременно поправитесь! Въ Кисловодскѣ нельзя не поправиться!

« Жду отъ васъ возможно быстрѣйшаго отвѣта. Если согласитесь на все, что я пишу вамъ, то-есть въ томъ числѣ и на Грязнушку и вмѣстѣ съ тѣмъ не захотите заѣхать въ Тверь, — то извѣстите меня, чтобы я могъ встрѣтить васъ на станціи и передать вамъ письмо къ матери. О томъ, чтобы на станцію Графскую выслали за вами лошадей, я немедленно напишу, какъ только получу утвердительный отвѣтъ отъ васъ вотъ на это письмо.

« Само собою разумѣется, если вы и не захотите ѣхать въ Кисловодскъ, я буду очень радъ ссудить васъ деньгами ²⁾, о которыхъ шла рѣчь, хотя опять-таки только въ концѣ іюля и въ концѣ августа. Объ этомъ тоже напишите.

« Вѣрьте самымъ искреннимъ и дружескимъ чувствамъ моимъ къ вамъ.

Ал. Эртель.

Гор. Тверь, Милліонная, д. Федорова.

¹⁾ Ал. Ив. зналъ о моемъ безденежьи.

²⁾ Конечно, я былъ очень благодаренъ Ал. Ив. за его милое письмо, за его указанія и за предложеніе ссуды; но ссудой я не воспользовался, и — какъ уже я ранѣе рассказывалъ — вмѣсто Грязнуши и Кисловодска, я попалъ на кумысь въ Уфимск. губ. (въ Кидашъ).

Въ этомъ письмѣ, какъ въ зеркалѣ, отразился А. И. Эртель — съ его искреннимъ доброжелательствомъ, съ его готовностью пойти на помощь людямъ совѣтомъ, утѣше-ніемъ и дѣлиться съ ними послѣднимъ грошомъ. Я именно для того и привелъ цѣликомъ письмо Эртеля, чтобы не быть голословнымъ и показать наглядно, сколько у этого человѣка было гуманности, доброжелательства, искренняго участія къ положенію ближняго...

Въ послѣднее время Эртель работалъ надъ организаціей крупнаго общественнаго предпріятія. Смерть застигла его въ разгарѣ дѣятельности.

7 февраля 1908 г. мои московскіе друзья извѣстили меня о кончинѣ А. И. Эртеля.

Было горько, было обидно и больно сознавать, что однимъ даровитымъ, полезнымъ, хорошимъ человѣкомъ стало меньше на свѣтѣ. Не на зло людямъ тяготилъ Эртель землю, онъ жилъ недаромъ и оставилъ по себѣ добрую память.

Искренно и глубоко мнѣ жаль его, жаль близкихъ ему людей, но изъ нихъ всего болѣе мнѣ жаль его старушку-мать... Вѣдь матерямъ вовѣки не забыть своихъ дѣтей, «какъ не поднять плачущей ивѣ своихъ поникнувшихъ вѣтвей»...



ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Раннее дѣтство	3
Дѣдушка Павелъ Михайловичъ	46
Въ родномъ уголкѣ	65
Зима.	87
Въ гимназiи	99
Прощай, деревня.	151
Въ университетѣ	178
Вакаціи 1864 года	181
На охотѣ.	187
Мои первые шаги на литературномъ поприщѣ.	193
Встрѣча съ П. Л. Лавровымъ	201
Памятный годъ	209
О томъ, какъ я сталъ дѣтскимъ писателемъ	226
Учительству въ сельской школѣ	232
Ал. Ив. Левитовъ	270
Василій Курочкинъ	299
Мое знакомство съ М. Е. Салтыковымъ	310
Похороны Н. А. Некрасова	316
26 марта 1888 года	324
А. Н. Плещеевъ	332
27 марта 1902 года	344
Мои скитальчества.	349
I. Смерть и похороны Н. В. Шелгунова	—
II. Кидашь	370
III. Въ голодавшихъ мѣстностяхъ	380
IV. Странствованія	390
V. Въ Вдлогдѣ и въ Любани	397
VI. Послѣдняя осень въ деревнѣ.	407
Л. П. Шелгунова	425
А. И. Эртель	438

УЧЕБНИКИ держаные и НОВЫЕ
ПОКУПКА и ПРОДАЖА
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
Е. И. ВАХРУШЕВА
Харбинь-Пристань Диагональная 20.



Цѣна 1 р. 50 к.